

ФГАОУ ВО «МОСКОВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Тамразова Илона Геннадьевна

**ЭРИСТИКА КАК КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ДЕВИАНТНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ РИТОРИКИ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор А.В. Алферов

МОСКВА 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ЭРИСТИКА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ	27
1.1. Диалектика – Софистика – Эристика как категории античной риторики: аналитический диалогизм и этический прагматизм	30
1.1.1. Диалектика, Софистика, Эристика как модусы Риторике	36
1.1.2. Эристика как покушение на античную демократию.	43
1.1.3. Дискурсивно-риторические основы диалогической эристики в античности	49
1.2. Философия и культурология эристики: от Шопенгауэра до постмодерна	60
1.2.1. «Эристическая диалектика» А. Шопенгауэра: философия и «логика» эристики	60
1.2.2. Следствия и флуктуации «Эристической диалектики»: Ницше и Постструктурализм	76
1.2.3. Эристика как дискурсивная и речезыковая трансгрессия	84
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	89
ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН ЭРИСТИКИ	95
2.1. Спор и его концептуализация. Функционально-структурная эристика	95
2.1.1. Эристика как «теория и практика спора». Типология спора. Эристическая компетенция.	95
2.1.2. Интер-лингвокультурный жанровый диапазон эристики	100
2.1.3. Концептуализация спора в когнитивно-дискурсивном аспекте.	106
2.2. <i>Контроверсия и конфликт</i> : дискуссия, дебаты, полемика – агональность или агрессия?	114
2.2.1. Агональность: агрессия как предел эристики	116
2.2.2. Трансжанровый статус и концептуальное поле эристики	124
2.3. Людическая эристика	130
2.3.1. Игра и Остроумие как эристическая трансгрессия	132
2.3.2. Насмешка, ирония, сарказм как эристические механизмы	147
2.3.3. Когнитивно-эристические механизмы иронии	151
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	158
ГЛАВА III. ЭРИСТИКА КАК КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСИВНОЙ РИТОРИКИ	162
3.1. Дискурсивная риторика: когнитивная и интеракциональная перспективы.	162
3.2. Лингво-интеракциональные аспекты эристической дискурсивной риторики	173
3.2.1. Эристическая дискурсивная тональность.	184
3.2.2. Эристика в риторической структуре текста	202
3.3. Эристема как единица трансгрессивной тональности	208
3.3.1. Когнитивно-семиотические аспекты эристеми.	209

3.3.2. Когнитивно-интеракциональные аспекты эристеми.....	217
3.3.3. Когнитивно-прагматическая структура эристеми. Интеракциональная, текстуальная и фразоидная эристема.	226
3.4. Этос, логос и пафос интеракциональной эристики	238
3.4.1. Этос: деонтология vs эристика.....	240
3.4.2. Эристика Логоса: логико-персуазивные эристеми: <i>ad hominem</i> , <i>ad personam</i> и др.	245
3.4.3. Пафос эристики: не-вежливость. Эристика как речевая трансгрессия.....	254
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	262
ГЛАВА IV. ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ ЭРИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА	268
4.1. Эристический этос в политическом дискурсе: французская риторическая персонология.....	269
4.1.1. Делокутивный имидж	272
4.1.2. Адгерентный делокутивный имидж: эристическая интерпретанта	276
4.1.3. Персональный политический <i>ad-hoc</i> концепт: эристическая ономиэпонимическая номинация (номинативная мезо-эристема)	279
4.1.4. Малапропизмы французских политиков как жанр политической персонологии (делокутивная фразоидная эристема).....	282
4.2. Полимодальная эристика политического персонажа (жестовая квантоэристема).....	300
4.3. Эристический логос политических дебатов.....	317
4.3.1. Пропозициональная косвенная эристема – <i>ad hominem circumstantiae</i>	319
4.3.2. Интерперсональная эристема <i>ad personam</i>	321
4.3.3. Иллокутивные и аргументативные эристеми	322
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV.....	332
ГЛАВА V. ФИКЦИАЛЬНАЯ ЭРИСТИКА: ЭРИСТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ПЕРЕВОДЕ	334
5.1. Эристическая языковая личность в фикциальном телевизионном нарративе	335
5.1.1. Макроэристеми телевизионного нарратива «House, MD»	339
5.1.2. Мезоэристеми «House, MD»: ирония Хауса	352
5.1.3. Фразоидная эристема: хаусизмы	361
5.2. Остранение как эристический семиозис. Литературная эристика и эристика перевода	364
5.3. Проблема вариативности и лакунарности эристических манифестаций в переводе	381
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ V	405
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	408
БИБЛИОГРАФИЯ	416

ВВЕДЕНИЕ

Исследование выполнено в русле дискурсивной риторики в сопоставлении универсальных и идиоэтнических особенностей реализации речевой агональности и языковой трансгрессии.

Со времен античности риторика конфликтного общения числилась за эристикой, которая, наряду с диалектикой и софистикой, составляла модус речевого взаимодействия. В настоящее время эристика «изучается в разных аспектах: историко-риторическом (приёмы ведения спора, полемики), философско-культурологическом (особенности активно-критического восприятия действительности в определённых общественно-значимых коммуникативных практиках), дискурсивно-прагматическом (различные виды речевого воздействия, характеризующиеся конфронтацией)» [Копнина 2014].

Эта триединая перспектива репрезентации эристики и «эристического в речи» может быть дополнена предлагаемым в работе когнитивно-семиотическим подходом, выявляющим взаимосвязь мышления и интенциональности с эристическим семиозисом – процессом порождения речезыкового знака, обусловленного эристической интерпретантой.

В семиотическом плане мы рассматриваем речезыковую эристику как неконвенциональное отношение адресанта (говорящего) ко всем составляющим коммуникативного акта – референту (трансгрессивное содержание), адресату (провокация, патернализм, скепсис, вызов), форме контакта (невежливость, эпатаж, насмешка, ирония), речезыковой форме сообщения (остранение, аномальность кода) и *неконвенциональной интерпретации* рецептируемого речезыкового знака (ср. [Якобсон 1972]).

Общая методологическая перспектива исследования воплощается в предлагаемой *концепции дискурсивной риторики*, коррелирующей с «дискурсивной стилистикой» (Г.Г. Хазагеров), использующей эристику античной риторики в современных реалиях, дисциплиной, «занятие которой

стало бы не только лингвистическим исследованием, но и филологической деятельностью» [Хазагеров 2014: 127]. Мы рассматриваем эристику как функциональный кластер риторики, 1) освещающий все формы риторической агональности и речезыковой трансгрессии (ср. [Foster 2018; Gouldner 1965]); 2) объединяющий систему средств выражения противоречия: разногласия и нарушения нормы (аномалий) (ср. «Contest System» [Gouldner 1965]).

Эристические виды речи – дискуссии, бытовые конфликтные диалоги (ссоры), споры, возражения в обыденной и институциональной интеракции, эристические нарративы в литературно-художественных формах – вовсе не так «девиантны» и «маргинальны», как это может показаться с позиций конвенциональности нормы [Аристотель 1987а,б; Арутюнова 1987; Брюшинкин 2008; Еемеерен 2002], основаной на логическом мышлении, коллективной кооперативности и эмпатии (Г.П. Грайс, Дж. Лич) в силу их социальной и эволюционной необходимости [Tomasello 2003; Zlatev 2014].

Как правило, эристика, порицаемая Аристотелем как агональная составляющая софистической риторики («О софистических опровержениях» [Аристотель 1978б]), представленная А. Шопенгауэром как особый способ мышления и рассуждения (*эристическая диалектика*), рассматривается как «техника победы в споре порицаемыми средствами» [Базылев 2015; Павлова 1991; Рузавин 1997], как проявление некорректного, неэтичного речевого поведения, агрессивного диалога, коммуникативного прессинга [Зайцев 2016а,б]. В других исследованиях эристика представляется как способность и умение заявить о своем несогласии (или *диссенсусе* в противоположность *консенсусу* [Карелин 2015; Habermas 1987]) с собеседником или с доминирующей нормой (*doxa*) общения, которая стремится к «безопасному джентльменскому соглашению» [Rinzler 2013].

Такая узко негативная интерпретация эристики ограничивает её эвристический потенциал как особой антропологической – философской,

психологической и интеракциональной – **категории** [Кондаков 1998; 2002; 2017], как проявление особого **когнитивного стиля** [Асмолов 1996; Холодная 2004; Шкуратова 1994; Шюц 2004], **речевой тональности** [Карасик 2007; Матвеева 2011; Тупикова 2017] и особой **речевой компетенции** [Сковородников 2014; Hymes 1972].

Речевой диапазон эристики в значительной степени выходит за рамки речевого конфликта и спора как речевого жанра [Charaudeau 2017: 81].

Внутреннее противоречие в языке проявляется как семиотическое противоречие формы и содержания – полифония, многозначность, метафоричность, имплицитность и т.д.; в речи проявляется другая сторона противоречия – внешняя, экзогенная, интеракциональная, обозначенная в самой внутренней форме термина «противоречие» – «речь против» [Ганеев 2005; François 2013].

Сама риторика, сложившаяся как искусство убеждать, изначально построенная на речезыковых девиациях – тропах и фигурах, – призвана была служить одной философской идее: энтропия мышления, языка и речи – путь к застою и гибели культуры и самого общества [Барт 2000; Лосев 2000; Perelman 1983].

Настоящее исследование посвящено описанию феномена эристической агональности и речезыковой трансгрессии на материале разных языков и культур, рассмотрению эристики как речезыковой и культурологической универсалии в её этнолингвистических реализациях.

Антропологический поворот в языкознании ставит в центр внимания проявления конфликтной социальной интеракции и девиантной, неконвенциональной коммуникации. Социо-психологическая агональность как детерминанта критического мышления и самовыражения ориентируют исследование на выявление трансгрессивной, ненормативной составляющей социальной коммуникации как трансжанровой коммуникативной категории.

Настоящее исследование посвящено описанию феномена эристической агональности и речезыковой трансгрессии (нарушению речезыковых норм) на материале нескольких языков и культур, рассмотрению эристики как речезыковой и культурологической универсалии в её этнолингвистических реализациях.

Разнообразие конфликтов в социуме приводит к расширению когнитивно-семиотической парадигмы языкознания и включению интеракциональных противоречий в поле исследования динамических пространств коммуникации. Исследование посвящено рассмотрению речезыковых агональных механизмов социально-коммуникативной системы человека и этноса, что и определяет онтологическую, эпистемическую и лингвокультурную актуальность работы.

Современная лингвистика выдвигает в качестве приоритета задачу рассмотреть по-новому системно-структурные и функционально-коммуникативные особенности системы «языка-речи», включающей в себя знаки – продукты взаимодействия перцептивных, когнитивных и аффективных аспектов психической жизни индивида, погруженного в социально-культурную сферу своего существования [Болдырев 2019]. Этот подход заключается в индивидуализации рассмотрения речевых феноменов, в обращении лингвистики к прагматике неконвенциональных форм общения, к речезыковым явлениям девиантной природы (**трансгрессивная прагматика**). Презумпцией исследования становится положение о недостаточном проникновении в феномен эристического в языке и речевом поведении, что выводит эристику за рамки узкого понимания как «искусства ведения спора», с одной стороны, и дифференцирует общее представление о речевой агональности и речевой агрессии, с другой стороны. По нашему мнению, термин *эристика* обладает понятийно-инвариантным потенциалом в речезыковом пространстве **диссонансного речевого взаимодействия**

(когнитивный/ речевой конфликт, речевая аномалия, речевая трансгрессия, речевой эпатаж и проч.) (ср.[François 2013]).

Актуальность исследования определяется значимостью для теории языка развития когнитивно-семиотического подхода в дискурсивно-риторической парадигме, необходимостью обобщения данных полипарадигмальных исследований речевой агональности (трансгрессивная лингвопрагматика) и диссонансного речевого взаимодействия в перспективе дискурсивной риторики как науки, отражающей закономерности речевого взаимодействия и воздействия в естественной полижанровой коммуникации; анализом феномена эристической агональности и речезыковой трансгрессии, внедрением в аргументативный анализ прагма-риторических девиаций в их аспектуально-функциональном диапазоне, разработкой модели структурного проектирования дискурсивной тональности и созданием модели прагмасемантической записи эристической тональности текста-дискурса.

Мы рассматриваем «Эристику» как раздел **дискурсивной риторики**, освещающий все формы риторической агональности и речевого противодействия (ср. [Хазагеров 2013; Черенков 2011; Foster 2018; Gouldner 1965]).

Гипотезой исследования становится положение об *универсальности* и *градуальности* эристических манифестаций в пространстве речевого взаимодействия на концептуально-когнитивном, риторико-стилистическом, дискурсивно-прагматическом, синтактико-дискурсивном и номинативно-лексическом уровнях, реализующихся в социокультурных вариациях речевого поведения.

Эристическое в речи – это совокупность разноуровневых средств языка (просодико-фонетических, синтактико-грамматических, лексико- и фразеосемантических) и коммуникативно-прагматических манифестаций (стратегий) речевого поведения, выражающих определенное

интенциональное состояние коммуникантов – субъектов речевого взаимодействия.

Эристическая интенциональность реализуется как особый модус (тональность) в **пропозициональном** (в виде парадокса – *in paradoxum*), **интерперсональном** (межличностно-конфликтном – *ad hominem*) и **дискурсивном** (формально-трансгрессивном – *in abnormal*) аспектах речевого взаимодействия [Nehamas 1999]. Понимая любые реализации языка-речи как процесс и результат речевого взаимодействия (интеракции), мы представляем рассматриваемые коммуникативные противоречия и девиации как *речезыковой диссонанс* в субъект-субъектной системе «адресант – адресат». Когнитивно-коммуникативные механизмы речезыковой трансгрессии (нарушение норм) облекаются в типологически определенную дискурсивную форму, представляемую в исследовании как **эристический дискурс** – особый речевой *диапазон* агонального дискурса, *тональность и тип* неконвенционального речевого взаимодействия с характерными хронотопом и интенциональностью.

Предлагаемая нами концептуализация и категоризация эристики как теоретического конструкта, позволяет, с одной стороны, обобщить речезыковые явления, рассматриваемые в отрыве друг от друга, а с другой, – дифференцировать лингвистические механизмы, рассматриваемые в рамках онтологически общих и полипарадигмальных категорий (*агрессия, языковая аномалия, конфликт, агональность, (не)вежливость* и др.).

Степень разработанности темы. Предметных, методологически современных, системных исследований эристики как культурологического и речезыкового феномена (интеракционального и дискурсивного) до сих пор не предпринималось. В рамках исследования функциональной риторики, исследований общения, теории дискурса существует достаточно много работ, в которых рассматривается прескриптивная нормативность эристического спора [Блажевич 2002; 2005; Винокур 2005; Горбачева 2006; Поварнин

1996], упоминаются в классическом (античном) представлении термины «эристический диалог», «эристический аргумент» и т.п. [Базылев 2015; Белоус 2008; Зайцев 2016; Фролова 2009; Pirie 2006], но без рассмотрения сущностных и функциональных особенностей эристического компонента речи, как например, в [Gauthier 2012]. Тем не менее некоторые сущностные аспекты эристики и агональности так или иначе затрагивались в исследованиях речевой агрессии, речевых аномалий, теории аргументации, теории (не)вежливости, иронии, сарказма и т.д. [Апресян В.Ю. 2003; Апресян Ю.Д. 1995; Арутюнова 1987; Булыгина 1997; Волкова 2014; Воронцова 2006; 2018; Голев 2001; Горностаева 2015; Ершов 2007; Желтухина 2004; Жельвис 2012; 2014; Каштанова 2016; Козинцев 2007а,б; Ларина 2009; 2015; Лохэр, Ларина 2019; Маякова, Раннева 2016; Маяцкий 2020; Паремузашвили 2013; Радбиль 2012; Разинов 2002; Седов 2005; Сейранян 2016; Уолтон 2002; Хазагеров 2002; Шаронов 2004; Шаховский 2008; Шейгал 2009; Щербинина 2006; Alba-Juez 2014; Amossy 2003; 2013; Angenot 2008; Charaudeau 2017; Culpeper 2011; 2017; Eemeren 2009; Sperber 2013; Walton 2016; Watts 2003; Wilson 2009].

Анализ исследований эристики в полипарадигмальных межпредметных ракурсах позволил нам в свое время выявить [Тамразова 2009] три концептуальные ипостаси этого речезыкового феномена:

1) историко-риторическая **эристика-1** – «спор ради победы» (Платон, Аристотель); «искусство интеллектуального фехтования», «диалектическое противоречие» (А. Шопенгауэр И.К. Смирнов); приемы ведения спора, полемики, «эристическая компетенция» (С.И. Поварнин, А.П. Сковородников, Н.В. Блажевич, Ф.А. Селиванов и др.).

2) дискурсивно-прагматическая **эристика-2** – определенный инвариант асимметричного речевого взаимодействия, характеризующийся:

а) градуальностью проявлений речевой конфронтации и людической манипуляции (насмешка, вызов, ирония, сарказм, инвектива и др.), которые

регламентируются институциональными нормами речевых практик [Берн 1996; Дементьев 2010; Степанов 2003; Хейзинга 1997];

б) этномаркированной вариативностью речеповеденческих реализаций в лингвокультурных системах [Демьянков 2001; Тамразова 2009].

3) лингвокультурологическая **эристика-3** – эвристический метод и экспрессивно-коммуникативный стиль [Шкуратова 1994] полифонического, неоднозначного, парадоксального и критического восприятия и отражения действительности посредством определенных трансгрессивных коммуникативных практик (инакомыслие, протест, эстетическая и политическая маргинальность; в литературе – сатира, юмор, раблезианство и "плутовство", "заумь" и т.п.) [Бахтин 1990; Гишинский 2015; Гусейнов 2012; Деррида 1998; Карасик 2011; Киклевич 2014; Козинцев 2010; Кондаков 2002; Кронгауз 2013; Маяцкий 2020; Нефедова 2002; Ницше 1993; Новикова 2010; Радбиль 2007; Рансьер 2013; Слотердаик 2001; Фрейд 1997; Фромм 1994; Хазагеров 2013; Ostrannenie: 2010].

В работах по риторике и техникам речевого воздействия, а также в специальных словарях, как правило, приводится классическое определение *Эристики-1* [Зарецкая 1999; Рекош 2013; Рождественский 1997; Воробьева 2002; Robrieux 1993; Perelman 1983 и др.], за исключением словарной статьи Г.А. Копниной (*Эристика-1,2,3*) [Копнина 2014; Сковородников 2014], со ссылкой на нашу работу [Тамразова 2009]. *Эристика-3* упоминается в словарных и др. статьях И.В. Кондакова [Кондаков 1998а,б; 2002; 2017], а также в отдельных статьях и диссертациях [Красильникова 2008; Рекош 2013] и нек. др.

Объектом исследования становится эристическое речевое взаимодействие как воплощение категориальной ситуации коммуникативного диссонанса (интерсубъективной асимметрии), нонконформистского, ненормативного речевого поведения, проявляющегося в двух стратегических манифестациях:

– *агональной (полемической) речезыковой интеракции*, направленной на соперничество с партнером по коммуникации, граничащей и спорадически пересекающейся с речевой агрессией, и

– *аномальной*, направленной на нарушение конвенциональности языкового и речеповеденческого *нормотипа* (нормы и/или стереотипа), характеризуемой как речезыковая трансгрессия (ср. [Батай – эл. рес.; Зенкин 2019; Каштанова 2016; Разинов 2002; Фуко 1994]).

Обе эти стороны коммуникативного диссонанса взаимосвязаны и представлены в работе в двух объектных средах (дискурсивных формациях):

1) в условно-институциональной и институциональной коммуникации (обыденная и институциональная политическая коммуникация) и

2) в аспекте художественного текста, отражающего определенные типические эристические проявления языковой личности – субъекта художественного нарратива, воплощенного в ипостасях автора, персонажа и переводчика.

Предметом исследования выступают базовые механизмы *дискурсивной реализации эристической тональности* как совокупности речевых актов и разноуровневых средств их оязыковлениия.

Цель исследования – определение интеракционно-коммуникативного и речезыкового статуса эристики как модели речевого поведения и дискурсивной тональности в рамках когнитивно-семиотической модели дискурсивной риторики, основанной на принципе риторического релятивизма (риторической структуры) и речезыкового реализма (узуальной модели дискурса).

Цель настоящей работы предполагает следующие **задачи**:

1) обосновать перспективы развития дискурсивной эристической риторики – риторики речезыковой трансгрессии и речевого противоречия;

2) представить системное описание эристической тональности дискурса и выявить дискурсивные средства, используемые для реализации

эристической интенции коммуникантов в рече-когнитивном взаимодействии, опосредованном его интерпретативной перцепцией и концептуализацией;

3) выявить и описать структурную, лингвопрагматическую, социолингвистическую и этнолингвистическую специфику и типологию *эристических интеракциональных асимметрий-диссонансов*, возникающих в коммуникативной ситуации;

4) представить эристический потенциал (значимость) эристического способа мышления и выражения в свете теории речевого взаимодействия, для чего рассмотреть *эристику* в следующих ипостасях:

- а) когнитивно-эристический феномен;
- б) intersubjectивный тип речевого поведения;
- в) коммуникативная (дискурсивная) модальность (тональность);
- г) прототипический текстообразующий механизм;
- д) генотип дискурсивного жанрового родства (речевой практики) .

5) определить интеракционально-коммуникативный и речезыковой статус эристики как речевой категории – речевой стратегии и дискурсивной тональности в институциональной и неконвенциональной межличностной интеракции.

Эристика как многоаспектное явление требует раскрытия и обоснования в **следующих положениях, выносимых на защиту:**

1. Эристика – функциональный диапазон речевого взаимодействия, отражающий противоречие как когнитивную и социопсихологическую категорию коммуникации. Эристическое речевое поведение является по своей природе когнитивно-прагматической категорией, реализуемой механизмами когнитивного и поведенческого (социо-психологического) аспектов в порождении и интерпретации высказывания в рамках речевой интеракции.

2. В онтологии своей эристика опирается на определенный когнитивно-эмоциональный стиль мышления и поведения и имеет семиотическую

реализацию в дискурсе, определяющую её план содержания и план выражения. Категория «эристическое в речи» обобщает и структурирует неконвенциональные механизмы формирования субъект-субъектного пространства речевой интеракции, вступая в оппозитивные отношения с лингвистическими интеракционными категориями – релевантности, когерентности, вежливости, политкорректности и т.д., отражая онтологические категории противоречия, несогласия, конфликта, противодействия, трансгрессии, вызова, провокации и т.д.

3. Эристичность речевого поведения градуальна и регламентируется институциональными нормами речевого взаимодействия. Эристичность может рассматриваться как один из параметров когнитивного стиля (языковой) личности.

4. Эристическая интенциональность характеризует как процесс порождения, так и процесс восприятия (интерпретации) речевого произведения. С этой точки зрения можно говорить об эристике продуцента и эристике реципиента, или о *порождающей* и *интерпретирующей* эристике. Интерпретирующая эристика может быть диссонансной по отношению к порождающей высказывание интенции, что рождает коммуникативную асимметрию и диссонанс.

5. Эристика в категориальном осмыслении не тождественна речевой агрессии. Понятийный диапазон эристики не совпадает с объемом традиционно выделяемых речевых категорий агональности, конфликта, провокации, агрессии, находясь с ними в отношениях логического пересечения. Эристика градуальна и стремится к речевой агрессии как к своему пределу, выступая лишь частично как риторико-семиотический коррелят лингвopsихологической категории речевой агрессии.

6. Эристика как экспрессивный агональный способ воздействия на адресата (*пафос*), нарушает нормы логического рассуждения (логос), языка и речевого поведения (этос). Имманентной чертой речевой эристики является

речезыковая трансгрессия (нарушение речеповеденческих норм). К эристическим проявлениям относятся целенаправленные реализации риторико-стилистических средств таких, как юмор, ирония, сарказм, метафора, метонимия, силлепсис и др.

7. Системность описания речевой категории «эристического в речи» обеспечивается концептуальным и структурным представлением эристики как когнитивно-семиотической модели агональной дискурсивной риторики, т.е. помещением функционального диапазона эристического в контекст разработки принципов дискурсивной риторики, включающей эристику как область исследования ненормативных (девиантных) форм коммуникации, основанных на принципах узуальной модели языка (Usage based model). В риторической структуре текста/дискурса эристика выступает как особое риторическое отношение ВЫЗОВ, фундирующее эристическую тональность дискурса.

8. Эристическая тональность – категория, основанная на риторическом отношении ВЫЗОВ и формирующаяся из гетерогенных средств, создающих эмоционально-аксиологическую структуру устного или письменного высказывания (текста-дискурса), отражающую прямые и косвенные проявления девиантного речевого поведения. Эристическая тональность реализуется в пропозициональном, иллокутивном, аргументативном, интерперсональном и дискурсивном аспектах речевого взаимодействия.

9. Единицей анализа и базовым структурным элементом эристической речи является *эристема* – квант интенционально-когнитивного акта, отраженного в языке мысленного содержания (ментальная репрезентация), оформленный как семиотическая поликодовая дискурсивная единица (знак-тип и знак-употребление) совокупностью разноуровневых речезыковых средств в процессе порождения и восприятия (интерпретации) интеракционального дискурса. В контексте агонального речевого взаимодействия эристема, помимо локутивного, иллокутивного и

перлокутивного речеактового воплощения, имеет элокутивное, интенционально-риторическое измерение, включающее *эмос*, *логос* и *пафос* окружающего макроконтекста дискурса-события [Dijk 2008, 2009], и интеракциональное измерение дискурсивной реализации, включающее, в частности, оппозицию инициальной и реактивной векторности (ср. [Белоус 2008; Борисова 2007]), полимодальности (поликодовости), иерархической стратификации (макро-, мезо-, микро- и кванто-эристема) на уровне дискурсного ко- и контекста (ситуации) и др.

10. На основе перечисленных манифестаций «эристического в речи» мы приходим к следующему определению эристики:

Эристика – функционально-прагматическая категория дискурсивной риторики, отражающая агонально-девиантный тип речевого воздействия и взаимодействия, характеризующийся нарушением норм коммуникативного поведения и речезыкового выражения. Проявления эристики обусловлены определенным когнитивным стилем и интенциональностью коммуникантов, реализующимися в особой эристической тональности дискурса в различных речезанровых имплементациях.

Теоретическая база исследования включает работы, внесшие значимый вклад в разработку и степень освещенности поставленной проблемы. «Когнитивный поворот» в дискурсивных исследованиях позволяет представить механизмы образования ментальных и интенциональных схем (моделей) диссонансного речевого взаимодействия. Методологической основой анализа эристического дискурса являются дискурсивно-коммуникативный и дискурсивно-когнитивный подходы к изучению системы «языка-речи», выработанные в отечественной и мировой науке о языке. Прежде всего это программные работы когнитивной концепции дискурса Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, О.К. Ирисхановой, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, М.А. Стерниной, Т. Ван Дейка, Д. Спербера и др.; исследования структурно-

функциональной дискурсивной парадигмы В.Г. Борботько, М.Л. Макарова, Е.И. Шейгал и др.

Учитывая риторическую специфику воздействующего дискурса, коим является эристический дискурс, генетическую принадлежность термина «эристика» к классической риторической парадигме, исследование опиралось прежде всего на труды, представляющие методологию современной (*нео*)риторики, возрождение которой в середине XX века берет начало в работах Х. Перельмана и продолжается исследованиями льежской Группы неориторики («Группа μ ») [Дюбуа 1986], работами отечественных ученых – теоретиков риторики В.И. Аннушкина, Ю.Н. Варзониной, А.А. Волкова, Е.Н. Зарецкой, Г.А. Копниной, А.К. Михальской, Ю.В. Рождественского, А.П. Сквородникова, Г.Г. Хазагерова и др.

Исторически риторика предвосхитила лингвопрагматические и интеракционалистские подходы к речевому взаимодействию [Goffman 1987; Gordon, Lakoff 1973; Kerbrat-Orecchioni 1990], поэтому и сегодня лингвистика, продвинувшаяся далеко вперед в изучении общения и речемыслительных механизмов коммуникации, продолжает, по образному выражению С. Кьеркегора, «искать обновления в вечной юности греческой философии» [Кьеркегор 1993].

Связанная с неориторической парадигмой *теория аргументации* рассматривает механизмы эффективного речевого воздействия, основанные на прагма-диалектическом подходе к ведению дискуссии, дебатов, диспутов и т.д. [Баранов 1990; Брюшинкин 2008; Еемерен, Гроотендорст 1994; Ощепкова 2004; Уолтон 2000; Eemeren 2004; Gauthier 2012; Walton 2004], типологическом рассмотрении логических и дискурсивных ошибок и манипулятивных уловок [Eemeren, Garssen, Meuffels 2009; Lachance 2018; Tindale 2007; Walton 1995].

Эристика, несущая в себе противоречие, нарушения принятой нормы (*трансгрессия* и *девиация*) в языковом, речевом и интерперсональном

аспектах речевого поведения, должна рассматриваться как речезыковая *аномалия*, что обращает нас к работам, посвященным языковым аномалиям [Апресян 1990; Булыгина 1997; Кобозева 1990; Радбиль 2012; 2012; François, Larrivée 2013 и др.].

Являясь проявлением определенного типа речевого поведения, типа *языковой личности* (ЯЛ), эристика входит в область интересов исследования лингвосубъективных и этно-социальных особенностей ЯЛ, эмоционального интеллекта [Батурин 2009; Робертс 2004; Matthews 2002] и коммуникативного поведения, которые стали предметом рассмотрения в работах Ю.Н. Караулова, К.Ф. Седова, И.А. Стернина и др. Коммуникативное поведение является феноменом, производным от этнической и лингвокультурной среды, основам исследования которой посвящены работы А. Вежбицкой, Т.В. Лариной и др. С проблематикой речевого поведения тесно связано исследование проблем эмоционально-аксиологической и антропо-эмотивной лингвистики, ориентированной на проявление социальной и личностной языковой интенциональности (В.И. Карасик, И.А. Стернин, В.И. Шаховский и др.).

Перспективу рассмотрения эристического речевого поведения определяет обращение к дискурсивным исследованиям социокогнитивной направленности (Н.Н. Болдырев, С.Г. Григорьева, Т. ван Дейк, О.К. Ирисханова, А.А. Кибрик и др.).

Прагматическая и интеракциональная социолингвистика уделяет пристальное внимание оживлению противоречий в обществе и постулирует «нормальность» полемического, эристического модуса существования публичной коммуникации в различных дискурсивных формациях (трансдискурсивность) [Maingueneau 2014] и жанрах [Дементьев 2010]. В фокус внимания как отечественной, так и зарубежной лингвистики попадают проблемы речевой агрессии [Воронцова 2006; Седов 2005; 2007 и др.], речевого конфликта [Романов, Романова 2014; Черенков 2011], невежливости

в различных её проявлениях [Леонтьев 20115; Ларина 2015], оформляющиеся в отдельные научные направления (лингвоэкология и юрислингвистика, теория (не)вежливости и др.) [Белютина1988; Гишинский 2015; Голев 2001; Жельвис 2000; 2002; 2012; 2014; Culpeper 2011].

Многообразная лингвистическая тематика, касающаяся проблем когнитивно-речевого конфликта, свидетельствует о многочисленности точек приложения исследований, контаминирующих между собой по принципу дополнительности. В связи с этим возникает, с одной стороны, перспектива обобщения данной тематики с целью выявления глубинных, прототипических, ядерных механизмов речевого противодействия с учетом их реализаций в разных языках и лингвокультурах. С другой стороны, существует опасность эклектики – механистического объединения уже полученных результатов. Избежать повторения позволяет интегральный подход, систематизирующий отдельные проявления речевого конфликта в синергетически спаянном интеракционном когнитивно-дискурсивном методе [Болдырев 2019; Болдырев, Григорьева 2018; Ирисханова 2014б,в; Кубрякова 2004; Langacker 2013; Zima, Brône 2015], в создании *теории эристической речи* в разрабатываемой нами исследовательской перспективе.

В основу **методологии исследования** ложится **метод дискурсивной интеракционной когнитивной семиотики**, который базируется на идее выявления в дискурсе семиотических единиц, гносеологически более ёмких, чем обычные уровневые единицы языка, так как к их семантике, синтактике и прагматике добавляется интеракционно-дискурсивная составляющая. При этом дискурс и его единица – высказывание и речевой акт – также представляются как семиотические сущности *per se*. В эристическом дискурсе такой единицей становится *эристема* в ее интеракционном и текстуальном воплощении.

Общей методологической перспективой выбирается обоснование универсальности речезыковой эристики, имеющей транскультурные и

этнокультурные проявления, которые реализуются в этноязыковых имплементациях категории эристического в речи.

Научная новизна исследования обусловлена прежде всего обоснованием лингвистического и культурологического статуса феномена эристики. Исследование эристики при этом рассматривается как возможность проникновения в семиотико-структурные и когнитивно-поведенческие механизмы порождения дискурса в речевой интеракции (коммуникации).

Впервые эристика тематизируется не только как модальность риторического воздействия, но и как лингвокультурная категория, определяющая рече-когнитивную идентичность человека – носителя определенного языка и культуры. Впервые онтологическая объективность категории эристического дискурса рассматривается как речезыковая универсалия в её этнокультурной вариативности на материале различных лингвокультур.

Новизна исследования определяется самой постановкой проблемы: впервые в риторике и дискурсивной лингвистике эристика рассматривается как речезыковое противоречие, нарушение релевантности и когерентности речевой интеракции. Будучи универсальной коммуникативно-прагматической категорией, эристическое в речи структурируется в системе особых разноуровневых языковых и речевых форм в дискурсах различных лингвокультур. В работе представлена структурно-функциональная модель эристической дискурсивной тональности, базирующаяся на когнитивно-риторическом отношении «вызов», проявляющемся как особый интенционально-интерпретативный тип в риторической структуре дискурса и текста. Впервые в русле когнитивно-риторического подхода разработана структурно-функциональная модель эристической дискурсивной тональности, базирующейся на когнитивно-риторическом отношении «вызов», проявляющемся как особый интенционально-интерпретативный тип

в риторической структуре дискурса и текста. Впервые в лингвистической теории происходит обращение к системному исследованию эристической речи как функциональному кластеру дискурсивной риторики и эристического отношения как составляющей риторической структуры дискурса. В работе закладываются перспективы разработки дискурсивной риторики на основе принципа и методологии речезыкового реализма (Usage based model).

Научная новизна диссертации определяется следующими полученными автором практическими и теоретическими результатами:

1) выведена модульная модель эристики как составляющей интеракциональной дискурсивной риторики;

2) установлена градуальная корреляция речезыковых манифестаций эристики и вербальной агрессии;

3) представлено – с позиций основных когнитивных и семиотических механизмов дискурсивных практик – формирование эристической ментальности и эристического речевого поведения;

4) установлен функциональный статус эристического отношения «вызов» в риторической структуре дискурса и текста;

5) разработаны принципы прагмасемантической записи для фиксации и обработки (анализа) эристической дискурсивной тональности в разножанровых текстах;

6) на материале русского, французского и английского языков смоделирован способ экспликации социокультурных эристических контекстов в виде иерархически структурированной модели эристической тональности, описана его специфика;

7) разработан и описан метод анализа эристической дискурсивной тональности в риторической структуре разножанрового дискурса и текста;

8) представлена структура эристической дискурсивной тональности с разработанной типологией эристических разноуровневых и поликодовых (в т.ч. жестовых) единиц (эристе́м).

В работе внедрены и обоснованы новые методолого-теоретические категории, понятия и термины, такие как *агональная дискурсивная риторика*, *эристический дискурс*; *эристическая тональность*; *эристе́ма – единица эристического дискурса*, *делокутивная эристе́ма*, *риторическое отношение «вызов»* и др.

Цель и Задачи исследования потребовали определенного **методологического инструментария (технологии)**. В исследовании были применены: технология выявления типичных контекстов на материале речезыковых корпусов; методика лингвопрагматического сопоставления языковых и речевых средств в ситуации эристического речезыкового поведения; методика комплексного полиаспектного анализа, которая включила ряд частных лингвистических методик и технологий анализа (дистрибутивной и оппозитивной, интерпретативно-имплицативной, типолого-квантитативной и др.).

Теоретическая значимость исследования состоит в выдвижении концепции дискурсивной риторики, в частности, риторики речеповеденческих и речезыковых девиаций. В работе на основе когнитивно-семиотического подхода представлена системная модель эристической коммуникации и риторическая структура эристического дискурса, интенциональной и экспрессивной доминантой которого выступает эристическая тональность, представленная в работе. В методологию анализа институционального и художественного дискурсов внедрена когнитивная перспектива дискурсивно-риторического метода: получила развитие теория дискурсивной тональности, теория когнитивно-риторических структур и модель узуального речезыкового реализма; осуществлено иерархическое структурное проектирование эристической дискурсивной тональности;

внедрен в конструирование аргументативных схем динамический анализ прагма-риторических девиаций, их аспектуально-функциональный анализ, а также создана модель прагмасемантической записи структуры и динамики эристической тональности полижанрового текста-дискурса.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материал и результаты анализа можно использовать в дальнейшем исследовании когнитивно-семиотических агональных форм в разных языках, в типологических и характерологических исследованиях речевого агонального (эристического) общения в конфронтационном и людическом диапазоне с выявлением коррелятивных средств выражения, а также при разработке курсов риторики и стилистики, сопоставительной типологии английского, французского и русского языков, коммуникативной грамматики. Дидактическая значимость исследования состоит в возможности применения результатов исследования в развитии навыков и техник критического мышления и эристической компетенции – развитию ораторского искусства и методологии убеждающего воздействия.

Материалом исследования послужил созданный автором в период с 2007 по 2021 год корпус объёмом более 10000 релевантных (эристических) контекстов, зафиксированных в трех медийных форматах:

– вербальные (скрипты) и полимодальные транскрипции видеозаписей политических интеракций, в частности, встреч французских политиков с избирателями в период президентских кампаний во Франции (1974 –2018гг.), включающих скрипты 7 предвыборных теледебатов (Giscard d'Estaing – François Mitterrand, 1974; 1981; François Mitterrand – Jacques Chirac, 1988; Jacques Chirac – Lionel Jospin, 1995; Ségolène Royal – Nicolas Sarkozy, 2007; François Hollande – Nicolas Sarkozy, 2012 ; Marine Le Pen – Emanuel Macron, 2017) в объеме 860 минут (более 14 часов) видеозаписи и скриптов в объеме более 600 страниц (А4, кегль 14 ТNR), содержащих около 1500 эристических реплик и речевых обменов (контекстов);

– транскрипции и видеоряд американского телесериала «Доктор Хаус» («House, MD»), включающий 177 серий: в объеме 7608 минут (126,8 часов) видео и скрипты в объеме 5310 страниц (А4, кегль 12 TNR), содержащие около 120 000 реплик, из которых выделено около 5000 эристических реплик и речевых обменов. Этому объему соответствует параллельный корпус устного сертифицированного профессионального перевода (телекомпания «Lost Film») и письменного непрофессионального перевода – скрипты и переводы интернет-пользователей (более 140 тематических фан-сайтов);

– параллельный корпус по произведениям французской и русской художественной литературы в их коррелятивных переводах (около 3500 эристических контекстов).

Апробация положений и выводов исследования осуществлялась в форме докладов на Международной научной конференции «Актуальные достижения европейской науки» (Прага, 2012), Международной конференции «Новейшие научные достижения-2012» (Прага, 2012), Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Санкт-Петербург, 2015), II Международной научной конференции «Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики» (Белгород, 2016), Международной научной конференции «Актуальные проблемы истории, философии и языкознания» (Москва, 2017), X Международной научной конференции «Индустрия перевода» (Пермь, 2018), XII Международной конференции «Профессиональное лингвообразование» (Нижний Новгород, 2018), Международной научной конференции «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018), Международной научной конференции «Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы» (Казань, 2018), Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода» (Воронеж, 2018; 2020), XVI и XVII Международном

лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк, 2018; 2019; 2020), XXII Международной научной конференции «Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение» (Москва, 2019), XVI Березинских чтениях «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, 2019), XIX Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 2019), Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 2019), Международной конференции «Гуманитарное знание и ответы на вызовы XXI века: когнитивно-дискурсивные стратегии» Международного форума «Гуманитарные чтения РГГУ-2019» (Москва, 2019), Международной научной конференции «Образ/имидж как категория теории коммуникации, антропологии культуры и семиотики текста» (Ольштын, Польша, 2019), Всероссийской научной конференции «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы»: ИЯ РАН-РАЛК-ТГУ (Тамбов, 2020), IV Международной научно-практической конференции «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура» (Москва, РУДН, 2020), Международной научно-практической конференции «Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы» (Москва, МГЛУ, 2020), Международная научная конференция по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Москва – Н. Новгород, 2021).

По теме проводимого исследования опубликовано 64 работы общим объемом 80,3 п.л., в том числе, помимо тезисов докладов (4,9 п.л.), 2 монографии (45 п.л.), 19 статей в изданиях, рекомендованных ВАК (18,2 п.л.), 20 статей в научных журналах и сборниках научных трудов (общим объемом 12,2 п.л.).

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, 5 глав и Заключения. В Первой главе раскрывается риторическая сущность эристики

и её концептуализация в античной философии, рассматривается философское воплощение эристической эвристики в работах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и философии постструктурализма. Вторая глава посвящена функциональному полю эристики: от ядерного концептуального пространства спора до размытой трансжанровой периферии, объединяемой онтологической и психолингвистической категорией агональности, которая дифференцируется в динамическом соотношении категорий эристики и речевой агрессии. В Третьей главе постулируется структурно-функциональная концепция дискурсивной риторики и её раздела – агональной (эристической) риторики, фундируемой категорией эристической дискурсивной тональности и структурной иерархией элементов её базовой интеракциональной и текстуальной единицы – эристеми. Четвертая глава посвящена практическому исследованию политической эристики в плане сопоставления её проявлений в разных лингвокультурах. Пятая глава представляет анализ функционирования эристики в художественном тексте и переводе. Рассматривается лакунарность проявлений речевой эристики на материале русского и французского языков.

В Заключении подводятся итоги и намечаются возможные пути дальнейшего исследования речевой эристики.

ГЛАВА I. ЭРИСТИКА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

Эристика трактуется как составляющая (один из трех аргументативно-методологических кластеров) античной риторики, которая, наряду с *диалектикой* и *софистикой* должна была учить умению убеждать аудиторию в правильности высказываемых взглядов и умению склонять адресат к нужному и целесообразному поведению [Античные риторики 1978; Зарецкая 1999; Рождественский 1997 и др.]. Существует мнение, что зарождение **эристики** как метода *познания истины в споре* предшествует делению риторики на **диалектику** и **софистику** [Блажевич, Селиванов 1999]. Первоначально эристика, очевидно, олицетворяла в своем значении эвристический потенциал «развивающего противоречия», тот конструктивный спор, в котором рождалась истина, то «отрицание отрицания», которое впоследствии было отдано диалектике (Ф. Гегель и др.).

С тех пор термин *эристика* – *eristeké (tēchne)*, – означает *искусство спорить, вести дискуссию* [Философский словарь 2001: 544].

Но до наших дней дошло лишь то положение, что в античной риторике *эристика* противопоставлялась *диалектике* и сопутствовала *софистике*, выступая особым способом убеждения, основанном не столько на аргументации и рассуждениях, сколько на агональных, конфронтационных приёмах «одержания победы» над оппонентом [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1983].

Зарождение древнегреческой науки во многом опиралось на прототипичность категоризации [Демьянков 1994; Rosch 1978], что способствовало размытости (fuzziness) понятийного ядра термина, который мог функционировать на основе узуальности, по сути, оставаясь концептом, который «не только мыслится, но и переживается» (Ю.С. Степанов), а точнее – не столько мыслится, сколько переживается. Это рассуждение в полной

мере относится к термину-концепту ЭРИСТИКА в период его генезиса и на протяжении всей истории его употребления.

По своему индоевропейскому корню и фоносемантическому этимону греческое *eristeké* восходит к таким архетипам, как *er-*: *or-* : *r-* [Михалев 2018: 444], которые приводятся в **Индоевропейском этимологическом словаре** в следующих лексико-семантических реализациях, распределенных по языкам:

1. English meaning: to move *stir, **animate, fight, struggle, rise; to spring up, be born**; Deutsche Übersetzung: ‘sich in Bewegung setzen, erregen (also seelisch, ärgern, stir, tease, irritate);

2. Basic forms *er-*, *ere-* (including paradigmatic with it combined *i-* and *u-* forms): O.Ind. redupl. present *íy-ar-ti* “**sets in motion**“, Med. *īrtē* (**i-er-*); gthAv. *īratū* “**he should rise**“; O.Ind. intensive present *álarti*; from *ereu-* (see under S. 331) *ṛṣṛti ṛṣṛvati* “**rises, moves, animates**“ (Gk. *ὄρνυμι* “**urge on, incite, make to arise, call forth, move, stir oneself, awaken, arouse from sleep**”); O. Pers. *hamarana-* n. “**hostile encounter, fight, struggle**“, Av. *hamara-* m. (and with *th-* formants *hamərəθa-* m.) “**adversary, rival, enemy**”; O.Ind. *írya-* “**vigorous, strong, energetic**“; “*yordorem* “**encourage, arouse, irritate**“; **arm** “root” (: *ὄρμενος*); (**ordhijo*);

3. O.Gk. *ὄρνυμι* “**urge on, incite, make to arise, call forth, move, stir oneself, awaken, arouse from sleep**” (O.Ind. *ṛṣṛti*; compare Schwyzer Gk. I 696β; das *o* after *ὀρέομαι*?), Aor. *ὄρσα, ὄρορον, ὄρσω*, Med. *ὄρνυμαι, ὄρτο* “**aroused, animated, uplifted**“, Fut. *ὀροῦμαι*, thematic Aor. *ὄρπετο*, participle *ὄρμενος*, perf. *ὄρωρα* “**have been excited**“; with *or-* as iterative vocalism *ὀρέομαι, -οντο* ‘burst forth, rushed forth’, with *er-* still *ἔρετο ὠρμήθη ἐρεθίζω* “**agitate, perturb, irritate**“ (*ὀροθύνω* “**enrage, encourage, cheer, irritate**“); Phryg. *ειροι* “**children**“ (Jokl Eberts Reallex. 10, 151a); Alb. *jerm* “**frenzied, phrenetic, wild**“ (**er-mo-*);

4. O.Bulg. **ратъ**, Russ. **ратъ**, Ser.-Cr. **ràt** “**fight**” (**or(ə)ti-*), O.Bulg. **retъ ds.** “**an assiduous striving to equal or excel another in anything, emulation,**

jealousy, envy, malevolence “, Russ. *retь* “**quarrel, strife** “, O.Bulg. *retiti* “**to strain, stretch, exert; of missiles, to shoot, cast; intransit., to strive, strain, exert oneself, hasten; of statement, to assert with confidence, maintain.** In relation to another: *transit., to compare, contrast; intransit., to compete*”;

5. O.Russ. *retovatъsa* “**be angry**“, *retivъj* “**keen, eager, stormy, hot tempered, violent, fiery**” (goes back to thematic (e)re- or *er-ti-, has been supported by Russ. dial. *jeretitъsa* “**be angry, quarrel, squabble**”) [Etymological Dictionary: 924, 925, 927, 929; 932].

Очевидно, в эту парадигму входят русские: *ересь, еретик, ристалище* и др. Характерно, что для русского языка этимологический словарь приводит более конкретные значения корня *er-*: «усердное стремление равняться или превосходить другого в чем-либо, соперничество, ревность, зависть, злоба, ссора» [Idem: 927].

Данное этимологическое и фоносемантическое поле подчеркивает прототипическую семантику терминологической номинации на уровне внутренней формы и коннотативные инференции, суггестивно приводящие к понятийной аксиологии.

Таким образом, заложенные во внутренней форме термина **эристика** амбивалентные прототипические семы сводятся в следующие категории:

1. **начало движения, рождение, нарушение покоя**: «будить / будоражить / двигать», «поднимать / возбуждать», «напрягать / растягивать»; «подбадривать» / «дразнить»;

2. **интенсивность движения, преодоление**: «прорасть» / «бросать», «стрелять», «стремиться» / «напрягаться», «вырваться вперед» / «превзойти» «пошевеливаться» / «рваться (вперед)», «поддержать» / «подбадривать»;

3. **противостояние, борьба, вызов**: «возмущать / раздражать», «соперничать» / «ревновать», «завидовать», «злиться» / «ссориться», «сражаться» / «биться», «раздражать» / «враждовать»;

4. **победа**: «утверждать (с уверенностью)» / «превосходить» и др.

Такие прототипические значения раскрывают внутреннюю форму, трактовку и употребление термина, а также влияют на его когнитивный и суггестивно-эвристический потенциал. Достаточно представить весь богатый понятийный и культурологический диапазон концептов «Ёрничество», «Ересь», «Ехидство» и т.п. (см., напр. [Будылин 2008; Витель 2010; Малкова 2012; Павлова 2006; Суслов 2011; Чигирова 2007]).

Само слово «эристика» не имеет распространения в речевом обиходе и является риторическим термином в русской (НКРЯ) и французской (TLFi)¹ лингвокультурах. Однако в английском языке нашлись примеры в он-лайн источниках (*Examples of Eristic in a sentence*), в основном как характеристика человека (adj.), любящего спорить: «My Dad is a very *eristic* person, always turning any conversation we have into a full blown debate for no reason»; «Someone *who is eristic* is more likely to turn a conversation into an argument, even if it had no reason to be one»; «I am considered *an eristic person* because I like to argue, but I only prefer debate because I think everyone should be able to prove what they believe»; «If you know someone who is especially argumentative, feel free to call them *eristic individual* the next time you see them»; «My brother doesn't consider himself *to be eristic*, but our whole family knows that he loves to argue about anything and everything» [<https://sentence.yourdictionary.com/eristic>].

1.1. Диалектика – Софистика – Эристика как категории античной риторики: аналитический диалогизм и этический прагматизм.

Основателями эристического метода стали софисты, среди которых главное место занимает *Протагор* из Абдер (ок. 492 - ок. 422 вв. д.н.э.). Протагор первым ввел термин «эристика» и стал первым деонтологическим логиком, описав знаменитую тяжбу со своим учеником Эвлатлом [Gauthier

¹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка, TLFi – Trésor de la Langue Française informatisé

2012]. В основе эристики лежал скепсис (сомнение) в отношении как к истине (релятивизм), так и к собеседнику и аудитории (скепсис).

Протагор и *Горгий* (род. ок. 485) становятся основателями своих школ риторики (ученики – *Менон, Аристип, Исократ* и др.), в которых методом риторического публичного дискурса становится *софистика*, а ее агональной («спарринговой») формой – эристика (от *eris* – борьба, бой до победы) – речевое ристалище. Поэтому «упражнения в любомудрии» приобретали характер диалогической *эристики* – метода *критического* диалога, служившего как диалектике в её «поиске истины», так и софистике в её интеллектуальном манипулировании [Алымова 2013; Robrieux 1993].

Такие словесные баталии – судебные земельные (Сицилия и Корсика) и прочие тяжбы, как и сама делиберативная модель демократии Древней Греции, – требовали отстаивания прав и точек зрения, рождали «потребность учиться искусству спора и «словесному искусству» (ἡ περὶ τοῦ λόγου τέχνη, или τέχνη τῶν λόγων)» [Мочалова 2008: 7].

В концепциях античной Троицы (Сократ, Платон, Аристотель) *эристика* представлялась *манерой убеждения*, основанной не столько на доказательной аргументации (*диалектика*) или пространных рассуждениях (*софистика*), сколько на точно направленных конфронтационных (агональных) приёмах (уловках) «одержания победы» над оппонентом [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1983]. Если Диалектика, как пишет М. Фуко, «подменила постановку под вопрос бытия/существа (l'être) и его предела игрой противоречия и тотальности», то эристическая трансгрессия совершает обратный ход – это «такая форма мысли, где вопрошание о пределе приходит на смену поискам тотальности и жест трансгрессии заменяет собой процесс противоречий» [Фуко 1994: 118-119 – выделено нами – И.Т.].

Это значит, что релятивизм, лежащий и в основе диалектического рассуждения, в эристике приобретает форму абсолюта: противоречие

снимается **отрицанием** («вопрошание о пределе») *здесь и сейчас* – в конкретном обсуждении (делиберации), в конкретном споре или диалоге.

Эристические (*конфронтационные*) приемы речевой агональности были присущи и платоновскому Сократу в его **иронической майевтике** (поиск истины в вопросно-ответном диалоге), агностике («Я знаю, что ничего не знаю») и квази-апофатической и явно эристической теологии («С богами не знаком») [Кессиди 2001; Lachance 2018].

Иронический вопрос *провоцировал* собеседников-учеников древнегреческого мудреца, бросал вызов их интеллектуальному *эго*, причем ответ на вопрос был не известен, по его словам, и самому учителю [Gauthier 2012]. Такая дидактическая эристика не только не исчезла в наши дни, но и считается одним из самых эффективных, наряду с дебатами – интеллектуальной игрой, активным методом обучения (*pedagogy of empowerment*), – способом развития эвристического потенциала мышления [Conti 2013].

Гипертрофированное отрицание воплотилось в философии скептицизма и нигилизма. Однако, по мнению Ф. Ницше и М. Хайдеггера, Платон как основатель метафизики сам был *первым нигилистом*, поскольку «... *метафизика как метафизика и есть подлинный нигилизм*. Сущность нигилизма исторически есть именно как метафизика: метафизика Платона не менее нигилистична, чем метафизика Ницше, с той лишь разницей, что в первой эта сущность остается сокрытой, тогда как во второй она полностью проявляется» [Хайдеггер 2007б: 321]. Эристический скепсис Платона проявился и в его тяге к парадоксам [Светлов, Шевцов 2019]. По мнению антиковеда М. Ли, Платон, Аристотель и Демокрит вольно или невольно сами создали предпосылки для скептических аргументов [Lee 2010]. По мнению Ж. Лашанс, Исократ находил эристические элементы в учении Платона и видел в самореферентности парадокса лжеца Сократа («Все критяне лжецы») эристический вызов диалектическому методу [Lachance

2018]. Парадоксы считались едва ли не главным методическим оружием эристического интеллектуального вызова софистики и диалектики.

Наконец, сам Аристотель также апеллировал к «уловкам» в диалектических техниках доказательства и спора, если они не противоречили условной цели нравственного поиска истины [Аристотель 1978б; 1983; Boyarin 2007; Dufour 2014; Lachance 2018].

Сегодня в теории аргументации ([Aberdein 2014; Amossy 2010; 2013; Walton 1995]) так называемые «логические ошибки» (*fallacies*), они же «уловки», или «софизмы», рассматриваются как тактические шаги, как особые типы ложных (порочных) аргументов, «порочность» которых определяется, с одной стороны, субъективным фактором «добродетельной аргументации» (*Virtue argumentation theory*): истинность и благородство цели vs ложь и обман оппонента [Каримов 2018; Aberdein 2010; 2014; Gascón 2017]. С другой стороны, речь идет об искусстве формулирования такого аргумента – насколько он искусен (*skillful*) [Aberdein 2014]. Ложный аргумент может быть искусен, но порочен, или не искусен и порочен. Именно последние – неискусные и порочные (например, софизмы «Рога», «Отец», «Куча» и др.), – как правило, приводятся в сочинениях Платона и Аристотеля и их толкователей для демонстрации логической девиантности софистики [Лисанюк 2014].

Кроме того, в аргументации нельзя снимать ответственность с оппонента, который по условиям дискуссии обязан находить и опровергать подобные логические ошибки и девиации. Для этого создается «Теория логических ошибок» (*Theory of Fallacy*) [Еемерен 1992; Еемерен 2009; Tindale 2007; Walton 1995]), широко используемая сегодня в дидактической практике – формирования навыков ведения аргументативного спора, дискуссии, дебатов [Conti 2013].

Благодаря актуальности темы «ошибок», приемов воздействия и субъективности в аргументации и риторике, софистика, как и эристика,

несмотря на свою «ненормативность», никогда не исключалась из Риторики как агональная составляющая, своего рода раздел риторики [Foster 2018; Gouldner 1965], что говорит о имманентности *эристического* и *софистического* в самой сущности Риторики, которая также противопоставляется логике и диалектике [Toulmin 2001; 2007]. Эта традиция сохранилась до наших дней (см. [Зарецкая 1999; Рождественский 1997; Nehamas 1999; Robrieux 1993] и др.).

Однако, по мнению А.А. Ивина, в античном тривиум «эристика не является отдельной наукой или разделом какой-либо науки. Она представляет собой разновидность «практического искусства», подобного обучению ходьбе или музыке» [Ивин 2002: 321].

Такие словесные баталии – судебные земельные (Сицилия и Корсика) и прочие тяжбы, как и сама делиберативная модель демократии Древней Греции, – требовали отстаивания прав и точек зрения, рождали «потребность учиться искусству спора и «словесному искусству» (ἡ περὶ τοῦ λόγου τέχνη, или τέχνη τῶν λόγων)» [Мочалова 2008: 7]: «В качестве хорошо оплачиваемых учителей-профессионалов выступили софисты. Софист, обладая знаниями и умениями, должен был не только публично демонстрировать свое искусство, но и знать, как научить ему других. Словесное искусство получает название «риторика» (ἡ ῥητορικὴ τέχνη), от гл. εἶρω – говорить) как искусство говорить; «эристика» (ἡ ἐριστικὴ, от сущ. ἔρις – схватка, спор) как искусство спорить; собственно «диалектика» (ἡ διαλεκτικὴ τέχνη), от гл. διαλέγομαι – разговаривать, беседовать, рассуждать) как искусство вести беседу» [Там же].

По мнению И.Н. Мочаловой, «каждое из искусств требовало специальной техники, разработки правил и упражнений. Однако, несмотря на наметившуюся дифференциацию, можно в целом говорить о софистике как искусстве диалога с целью убеждения (в этом смысле софистика – это, прежде всего, эристика) и о единой технике аргументации, основы которой

были разработаны Протагором в сочинениях “Искусство спора” (‘Τεχνῆ ἐριστικόν’) и “Противосуждения” (“Антилогии” – ‘Antilogion’)» [Мочалова 2008: 8 – выделено нами – И.Т.].

Спор как объект (не)формальной логики и риторики рассматривался как феномен, требующий внимания и изучения, однако был ограничен рамками диалектического, «правильного спора», направленного на достижение истины («спор об описаниях»), в то время как достижение победы в споре («спор об оценках») считалось понятием не логическим, но психологическим [Ивин 2002: 232]. Этой концепции придерживаются многие современные исследования спора. В любом учебнике по логике можно найти главу о типологии спора, о правильных и неправильных способах его ведения и доказательства, о софистических паралогизмах и логических ошибках (fallacies) и об «уловках» – «стратагемах» (А. Шопенгауэр), – приемах, направленных на манипулирование оппонентом [Блажевич 2005; Ивин 2002; Павлова 1991; Пири 2013; Поварнин 1996]

Однако в работах антиков критерии такого деления абстрактны и декларативны, расхождения в способах (техниках) аргументации, убеждения и воздействия между диалектикой, софистикой и эристикой противоречивы [Аристотель 1978а; Рождественский 1997], объемы и содержание этих категорий пересекаются и частично совпадают [Ивин 1997].

Главным вопросом античной риторики становится *этический прагматизм*, т.е. своего рода деонтологический кодекс, который ложится в основу классификации риторических видов речи – *Диалектики – Софистики – Эристики*.

Этот кодекс по-разному формирует *риторический этос* – отношение говорящего с аудиторией. Как отмечает Ю.В. Рождественский,

«У Горгия аудитория навязывает оратору практическую этику, которую он воплощает в речи: аудитория → практическая этика → оратор → речь в пределах практической этики. У Платона: духовная этика → оратор → речь в пределах духовной этики → изменение духовного состояния

аудитории. Возникает противопоставление двух видов речи по этическому основанию: а) ораторика (Горгий) – практическая мораль; б) диалектика (Платон устами Сократа) – духовная мораль» [Рождественский 1997: 18-19].

Этика как предмет философии и как «теория добродетели» была важна для Сократа и Платона, выдвинувших главные добродетели – мужество, воздержание, мудрость и благоразумие, а Протагор – справедливость. Этот список был впоследствии включен в христианскую традицию в откровениях святых Амвросия, Августина Гиппонского и Фомы Аквинского [Breton 2003]. Однако главным теоретиком добродетели в западной философии является Аристотель. Оба его главных этических сочинения защищают представление о правильной жизни как деятельности, соответствующей высшим добродетелям. Он перечисляет множество различных этических добродетелей. Его ранняя Евдемианская этика называет *кротость; мужество; скромность; воздержание; праведное негодование; праведность; щедрость; искренность; дружелюбие; достоинство; твердость; величие духа; великолепие; и мудрость*. Аналогичный список можно найти и в более поздней Никомаховой этике [Аристотель 1983].

1.1.1. Диалектика, Софистика, Эристика как модусы Риторики

Пожалуй, ни одна из категорий античной риторики не вызывала более жарких споров, дошедших до наших времен, как софистика. В современных исследованиях простота некоторых суждений противостоит диалектическим представлениям о сложной *софистической эпистемологии*.

Так, с одной стороны, как пишет А.П. Краснопольская,

«Софизм – это интеллектуальное мошенничество, мистификация, рассуждение, обосновывающее заведомую нелепость. Вся риторика софистов расценивается скорее как игра вхолостую, пустая болтовня. Софистика оказывается обратной стороной философии, логики, диалектики и постоянно вытесняется за границы философского дискурса» [Краснопольская 2005: 4].

С другой стороны, по мнению И.Н. Рассохи:

«Создание софистики – это предельная вершина, которой достигло духовное развитие античной цивилизации» [Рассоха 2007].

Аристотель в заключительной главе «Топики» – «О софистических опровержениях» – определяет софистку как «мнимую мудрость». Для софистов, по мнению, Аристотеля, важно казаться «исполняющим дело мудрого, чем действительно исполнять его». Он называет пять целей софистов в спорах:

«Больше всего они намерены создать видимость того, что они опровергают; второе – показать, что собеседник говорит неправду; третье – привести его к тому, что не согласуется с общепринятым; четвёртое – заставить его делать погрешности в речи, то есть своими доводами заставить отвечающего говорить неправильно, подобно чужестранцу; наконец, заставить его говорить часто одно и то же» [Аристотель 1978б: 541].

В «Топике» Аристотель называл только *диалектику* «подлинным искусством спора» и рассматривал её как прикладную логику: «*Диалектика есть искусство ставить наводящие вопросы, есть искусство испытания путём умозаключений*» [Аристотель 1978а: 233]. В то же время он не устал критиковать Сократа за то, что тот только «*ставил вопросы, но не давал ответов*» [Там же]. *Эристика* же в гносеологии Аристотеля противопоставлялась диалектике как доказательной аргументации и, как правило, сопутствовала софистике, которая в свою очередь рассматривалась как искусство интеллектуальной эквилибристики, манипуляции, направленной не на поиск истины (диалектика), а на извлечение собственной выгоды, умения доказать недоказуемое («слабый тезис сделать сильным») [Аристотель 1978б: 535; ср. Платон 1990: 643].

Аристотель осудил эристику, охарактеризовав её как борьбу *нечестными средствами* «ради победы во что бы то ни стало», а софистику назвал мнимой, а не действительной мудростью:

«Ибо так же, как в состязании борцов нечестность приобретает определенный вид и есть борьба нечестными средствами, так и эристика в

споре есть борьба нечестными средствами. Ибо как там, намереваясь победить во что бы то ни стало, хватаются за любые средства, так и здесь поступают те, кто склонен к препирательствам. Поэтому те, кто так поступает [только] ради победы, считаются людьми, склонными к препирательствам и любящими спорить, а те, кто так поступает ради славы в погоне за наживой, – софисты. Ибо софистика, как мы уже сказали, есть искусство наживы с помощью мнимой мудрости, а потому софисты стремятся к мнимым доказательствам. *И любящие спорить, и софисты применяют одни и те же доводы, но не с одной и той же целью. И один и тот же довод будет софистическим и эристическим, но не для одного и того же: эристический – ради мнимой победы, софистический – ради мнимой мудрости»* [Аристотель 1978б: 535 – выделено нами – И.Т.].

И.В. Кондаков, комментируя этот отрывок, отмечает:

«Гнев Аристотеля понятен: античный философ отвергал извращение одной из важнейших норм – агонального начала. Вместо честного соперничества, творческой состязательности в различных сферах жизни – спортивной, общественно-политической, художественной, философской и т.п. (включая свободу мнения, критики, полемики), регулируемых авторитетными судьями (ценителями) и справедливыми правилами, – на первый план жизни выходила «борьба без правил» ради победы, или «правила победы» в борьбе любой ценой» [Кондаков 1998б: 145].

В этой ремарке ключевыми являются два концепта – «авторитетные судьи» (носители истины) и «справедливые правила», которые определяют нормы и социальные устои. Однако устои и нормы, как правило, (и особенно в античном Полисе) мало сочетаются со «свободой мнения, критикой и полемикой». Здесь мы сталкиваемся с социальной оценкой эристики, о которой будет упомянуто ниже.

Тем не менее, многие из античных, да и современных обвинений в адрес софистики и эристики нам представляются необоснованными и излишне декларативными. И вот почему.

Действительно, выведенные в дихотомиях античности противопоставления, как то: объективная (правильная) и субъективная (ложная) ипостаси истины, прескриптивно-нормативная риторика и полемика-трансгрессивная ораторика; рациональное в аргументации и

эмоционально-суггестивное в манипуляции и т.д., нашли продолжение и в философских, и в риторических штудиях последующих поколений ученых и в Древнем Риме, и в схоластике средневековых логиков, да и во всей дискурсивной (особенно политической) риторике нового времени [Крысин 2005; Braet 1992; Charaudeau 2005; 2017; Herman 2010].

Однако отсутствие формальных критериев в изначальном (античном) разделении *диалектики* и *риторики*, *софистики* и *диалектики*, *софистики* и *эристики* создает в философском и риторическом подходах ситуацию «диалога глухих», когда каждый исследователь по-своему трактует содержание, а главное – дифференциальные признаки этих – скорее номинативных, чем понятийных – категорий.

Повод для этого дает сам Аристотель, проводя достаточно эфемерную грань между этими видами словопрений:

«*Диалектик и софист* имеют в своем распоряжении одни и те же доказательства, однако намерения их различны» [Аристотель 1978б: 534 – выделено нами – И.Т.].

Это утверждение верно. Оно созвучно появившимся впоследствии критериям дифференциальной контекстуальности и интенциональности в теориях эмпатии и кооперативности в общении [Grice 2001; Tomasello 2003; Zlatev 2014], в теории аргументативных ошибок («Theory of fallacy») [Walton 1995], в теориях (не)вежливости [Ларина 2012а,б; 2015; Леонтьев 2015; 2016; Culpeper 2011; Parvaresh 2019], теории релевантности [Sperber, Wilson 1995].

Однако для Платона и Аристотеля быть цивилизованным означает жить, насколько это возможно, *диалектически*, то есть в постоянном стремлении превратить каждый случай несогласия в согласие, основанное на доводах и доказательствах ИСТИНЫ. Некоторая степень насилия неизбежна в человеческой жизни, но быть цивилизованным – значит сокращать эту степень, а стать более цивилизованным – значит сокращать еще больше [Платон 1990, Т.2: 32]. Платон называет *диалектической* дискуссией, в

которой спорящие стремятся к *согласию*, в противоположность дискуссии, «озлобленной или воинственной в их стремлении к победе» [Там же: 61-65].

В «Федре», «Софисте» и «Республике-VII» Платон употребляет термин диалектика (διαλεκτική, διαλεκτή πραγματεία, διαλεκτικός ανήρ) в качестве синонима термину рассуждение, т.е. использование разума и расширение знания (компетенции) [Schopenhauer 1999].

В этом смысле, с точки зрения платоников, сама *риторика* противопоставляется диалектике (см., напр., [Boyarin 2007: 317; Eggs 1999]) и отождествляется с софистикой (диалоги «Горгий», «Республика») как переход от чистой онтологичности познания *de re* (логика предмета познания) к обстоятельствам речи (этосу и логосу) *de dicto*, связанным с эффективностью убеждения: учет аудитории, её интересов, мотивов, иерархии аргументов (топосов) и т.д. [Платон 1990; Perelman, Olbrechts-Tyteca 1983].

Однако А. Шопенгауэр в своей «Эристической диалектике» указывает на различие в значениях глаголов λογίζεσθαι «размышлять», «рассматривать», «рассчитывать» и διαλέγεσθαι «беседовать», представляющих совершенно разные концепты [Schopenhauer 1999]. Поэтому Диалектика в античной философии – это прежде всего *диалогика* – искусство, предполагающее совместный поиск *участниками диалога* объективной истины, метод приобретения знания путем вопросов и ответов [Рассел 2001: 135].

И.Н. Мочалова отмечает:

«Сходное понимание диалектики обнаруживается и в других, функционирующих в это время философских школах, получивших название сократических. Проблемы диалектики прежде всего вызывают интерес в Мегарской школе, учеников которой за увлечение спорами называли эристиками, и в близкой к ней школе диалектиков (Диодор Крон, Филон-диалектик). Задачу диалектики в обеих школах видят в разработке софизмов и логических парадоксов (“диалектических задач”), использование которых позволяет опровергать собеседника, демонстрируя собственное превосходство в искусстве спора. Новый

подход к диалектике, отчасти восстанавливающий ее связь с риторикой и софистикой, наиболее полно выражен Аристотелем в “Топике” (вероятно, первоначально название – “Диалектика”), ставшей теоретической кодификацией практики диалектических споров. Согласно Аристотелю, диалектическое искусство “полезно для троякого рода вещей: для упражнения, для общения, для философского познания”» (Аристотель «Топика») [Мочалова 2008: 14].

При этом, как мы видим, и Диалектика как поиск «истинной мудрости», и Софистика как «мудрость мнимая» – опирались на майевтическую (сократическую) диалогическую форму, что в некоторых исследованиях ([Рансьер 2013] и др. – см. ниже) противопоставлялось эристике.

Эристика в большей мере ориентировалась на экспрессивную – **монологически (иерархически) направленную на оппонента как на объект** воздействующую и противодействующую (эристическую) силу речи, на ее, говоря современным языком, эпатажную фасцинативность и суггестию, не сильно обремененную заботой о логике и качестве доказательств [Любутин 2004]. По словам В.Ф. Асмуса, «иррациональность и алогичность эристики сродни мысли Платона о «заразительном внушающем действии искусства» [Асмус 1984: 43].

Таким образом, диалогичность и агональность античной культуры пропитывала **всю риторику** как искусство (*tēchne*), включающее техники и способы убеждения, формы воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта в виде «формирования новых либо модификации изначальных стереотипов восприятия и поведения» [Авеличев 1986:10; Perelman 1983: 23].

Некоторые ученые рассматривают древнегреческий *Agôn* как институциональную систему (“The Greek Contest System”), что делает возможным существование «**Агональной риторики**», или исследований агональных форм как раздела риторики (*a contest-system of rhetoric*) [Foster 2018; Gouldner 1965].

По мнению И.Н. Рассохи, оратор (ритор) и шире – любой социальный коммуникатор – должен был загипнотизировать слушателей и, нет ничего фантастического, нелепого, что не нашло бы себе приверженцев. Тем не менее, софисты не были простыми риториками. Не в этом лежит своеобразие софистики. «Она стоит на грани между риторикой (т.е. искусством словесного гипноза) и логикой и потому является и не является той и другой» [Рассоха 2007].

Очевидно, что именно поэтому платоникам видится в риторике влияние софистов с их релятивизмом и субъективным антропоцентризмом («Человек – мера всех вещей»). Именно принцип антропоцентризма объединяет софистику и эристику, придавая «поиску истины» интересубъективный характер. При этом Эристику отличает абсолютизация этого принципа, **отождествление опровергаемого суждения с этосом** (чертами характера, способностями, мотивами и т.д.) **его продуцента** и с негативным (скептическим) отношением к оппоненту [Schopenhauer 1999].

Подведем итог. Редуцированная нормативность современных аргументативно-риторических исследований предлагает рассматривать *эристику* в качестве «порицаемой» речевой практики, что, по сути, является данью античной традиции, ориентированной на «нравственную» нормативность речи и предпочитающей осудить и тем самым вывести из поля объективной дескрипции феномен и категорию эристики, на самом деле охватывающую и фундирующую речевое взаимодействие [Кондаков 1998б; Копнина 2014; Хоменко 2016; Gauthier 2012].

Эристика, как и Софистика, в трактовке Античной Троицы – самоцель, ничем не регламентируемая; искусство спора в этой трактовке становилось своего рода «искусством для искусства», «спором ради спора» [Хоменко 2011]. При этом некоторые ученые проводят этическую границу и между *софистикой* и *эристикой*. По мнению Марка Анжено, софистика несет в себе, вместе с скептицизмом, определенную умозрительную «этическую

озабоченность», враждебную *эристическому антагонизму*: с позиций софистики не нужно любой ценой доказывать свои убеждения, полагая, что правда исключительно на «нашей стороне» (эристика). Для софистики нет ни абсолютного стандарта, ни критерия для правильного суждения. Для софистики не важен результат, важен процесс [Angenot 2008; Benjamin 1983].

Радикальная редукция вышесказанного отражается в следующей конструкции (Схема 1) [Рождественский 1997]:

Схема 1. Диалектика–Софистика–Эристика: цель, способ, средства

1.1.2. Эристика как покушение на античную демократию.

В субъективно-прескриптивном делении *диалектики – софистики – эристики* был заложен и политический резон, и смысл – некий «риторический фашизм» античной философии [Есо 1995].

Ф. Гегель, подчеркивая внутренний противоречивый диалогизм мышления и самовыражения софистики, писал о том, что благодаря ворвавшейся рефлексии человек уже не довольствуется подчинением законам как авторитету и внешней необходимости, а хочет доставить удовлетворение самому себе, убедиться посредством собственной рефлексии, что для него обязательно то именно, что есть цель, и что он должен делать для достижения этой цели. Таким образом, влечения и склонности человека становятся властвующей над ним силой, и лишь удовлетворяя их, он получает удовлетворение. Софисты учили, каким образом привести в

движение эти силы в эмпирическом человеке, так как нравственное благо перестало быть решающим фактором [Гегель 2006: 5, 9-10].

Заложив основы современной теории права, софисты столкнулись с основным, фундаментальным противоречием такой теории: в основе любой правовой системы **лежит насилие**, организуемое в интересах политически господствующей группы населения данного государства [Рассоха 2007; Fairclough 1996].

По мнению французского философа Ж. Рансьера, *несогласие*, а точнее, *разногласие* и *взаимное непонимание* («La mésentente») [Рансьер 2013] – имманентное для политического взаимодействия, в котором *согласие* (консенсус) есть не что иное, как подчинение одного мнения другому, – приобрели в античном полисе лишь условно-агональные черты. На самом деле в основе античного консенсуса лежит уступка политическому превосходству при принципиальном *разногласии*, лежащем в основе *демократии* в понимании Платона и Аристотеля, когда «народ – всего-навсего видимость, порожденная ощущениями удовольствия и страдания, которыми пользуются риторы и софисты, чтобы приласкать или припугнуть огромного зверя, неотчетливую массу ничтожных людей, составляющих собрание» [Там же: 32].

Идея Платона и Аристотеля об эристическом нарушении норм общественной морали ставила Эристику вне поля риторических и даже правовых норм, подчеркивая внутренне присущий ей дух *трансгрессии*, то есть – в самом общем смысле – пересечения границ и выхода за пределы установленной нормы – это «стратегия преодоления социальных запретов, попрание культурных традиций, моральных регулятивов, не означающее отмены последних» [Фуко 1994: 121].

По мнению Л. Уилкинсон (Lisa Wilkinson), *Агон* по самой своей **природе элитарен**, действует как веер, отделяющий лучшего человека от худшего, благородного от низменного. Этот «соревновательный этос»

специфически и существенно аристократичен и противостоит сократовскому дару открытия «пространства между гражданами, указывающего на ценность их отношений»'. [Wilkinson 2013: 154-159; 117 – цит. по Foster 2018: 3 – перевод и выделение наши – И.Т.].

Однако, как считают многие сегодняшние исследователи, провозглашение в античной «политической теории» равенства в знании и поиск согласия между правителями и *демосом* – это идеалистическая иллюзия, которая скрывает истинное положение вещей: «...либо равенство не оказывает в социальном строе никакого воздействия, либо оказывает воздействие в специфической форме неправоты. Пустая «свобода», превращающая афинских бедняков в политический субъект *демос*, – не что иное, как столкновение этих двух логик. Она – не что иное, как неправота, устанавливающая сообщество как *сообщество спора*» [Рансьер 2013: 62 – выделено нами – И.Т.].

Таким образом, эристика (софистика) как способ интеллектуального существования породила «инструментарий сомнения» в устоявшейся политической философии древнего полиса.

Как отмечает Б. Рассел, «ненависть, которую вызывали к себе софисты не только у широкой публики, но и у Платона, и последующих философов, была обязана своим существованием их интеллектуальной честности. Преследование истины, когда оно ведется искренне, должно игнорировать моральные соображения. Мы не можем знать заранее, чем окажется истина по отношению к тому, что в данном обществе мыслится поучительным. Софисты были готовы следовать за доказательством, куда бы оно их ни вело. Часто это приводило их к скептицизму. Горгий, утверждал, что ничего не существует, а если что-либо и существует, то оно непознаваемо, и даже если существует и познаваемо для кого-либо одного, то он не может передать свое знание другим. Мы не знаем, каковы были доводы Горгия, но я могу хорошо себе представить, что они имели логическую силу, которая заставляла

противников Горгия искать убежище в наставлениях» [Рассел 2001:119] (ср. [Вольф 2016]).

Абсолютный негативизм (эристика) Горгия отталкивал, как пишет Рассел, не только философов, но и «широкую публику». Публике было привычно и понятно авторитарное демонстративное рассуждение, основанное на «закрытой рациональности», в которой ничто не может быть поставлено под сомнение: ни предпосылки рассуждения, ни правила вывода, ни вывод – что характерно для иерархической, властной коммуникации [Пантелеева 2013; Fairclough 1998].

Эристическая модель агонального диалога противопоставляется Платоном диалектической модели «дружеского диалога». По его мнению, Сократический диалог — это «борьба, дружеская, но реальная. Когда в диалоге есть только борьба, человек остается запутанным в эристических играх и хитростях, в софистических «сражений словами». Но без всякой борьбы, без трения критических вызовов и контраргументов, без фактической попытки опровергнуть другого ради чего-то большего, чем оба участника, – большего даже, чем согласие между ними, – диалог рискует стать застойным, неискренним, всякими уступками и компромиссами, игрой в поверхностное согласие или идеологическую лесть. Таким образом, «неагонистический диалог простого “обмена” может быть столь же интеллектуально удушающим и непродуктивным, как и антагонистические эристические дебаты» [Luginbühl 2007 – перевод наш – И.Т.].

В нападках на эристику как модель спора всегда подчеркивалась та ее сторона, которая, на самом деле, была лишь *особой модальностью эристического поединка*. Позднее, в древнем Риме, это «особое искусство» получило название *рабулистика* (от лат. *rabula* – ловля на удочку; *rabulanus* – грязный; очерняющий; восх. к др. греч. *ραβδος* – удочка; ср. *ραβδιον* – шип, *ραβδεομαι* – ловить на удочку, *ραβδο-νομω* – спорить, разрешать спор) [Липатов 2013: 72].

Эта была именно та *часть эристики*, которая позволяла спорящим манипулировать собеседником, выставить предмет обсуждения в нужном свете, – причем не всегда соответствующем действительности. Однако это была лишь часть эристического метода: «Рабулистику тяжело назвать самостоятельной дисциплиной, скорее — это набор приемов “черной риторики”...» [Там же].

С другой стороны, зародившаяся в Античности *философская эристика* как доведенное до кризиса и конфликта софистическое противоречие – несет в себе и глубокий гуманитарный заряд творческого неподчинения догме или норме (*doxa*) [Ганеев 2005; Кондаков 1998; 2002].

В западной средневековой риторике сохраняется античная *эристико-софистическая* система формирования критического мышления: «Без этой базы, – отмечает М.Н. Вольф, – вся интеллектуальная деятельность Средних веков, построенная на *культуре ведения диспутов*, не состоялась бы. <...> изначально развитие софистики пошло своим собственным, отличным от философии путем – можно сказать, путем развития гуманитарного знания, вместе с тем не исключая философской составляющей хотя бы в том объеме, в каком ее содержит *философия как критическая дискуссия*: как метод, способный инструментально обеспечить техничность дискурса и ясность описания действительности» [Вольф 2016: 270 – выделено нами – И.Т.].

Более поздний антропологизм философии и искусства эпохи Ренессанса поставит на пьедестал эристические игровые начала культуры, построенной на принципах внесистемного постижения действительности – «в эристическом преломлении» [Красильникова 2008:16].

Сравнивая эпоху Ренессанса и Серебряный век как эпохи переходные и «трансгрессивные», М.Ю. Красильникова отмечает, что «эристическое начало – ситуация смыслового плюрализма вплоть до смещения ценностных полюсов, само эристическое начало может доминировать в разных культурах или на разных этапах развития одной культуры как в деструктивной (ломка

прежней картины мира), так и в конструктивной форме (преодоление разрушительных условий культуры)» [Там же: 18-19].

Культурологическую значимость эристики в новое время исчерпывающе определил в своих работах И.В. Кондаков [1998; 2002; 2017].

Говоря об эристике как отрицательном, «деструктивном» регуляторе культурно-идеологических процессов, он пишет: «Смысл этого регулятивного механизма заключается в отказе от выбора существующих альтернативных стратегий, в стремлении оказаться «по ту сторону» любых бинарных оппозиций. Вмешиваясь в спор между медиацией и инверсией, эристика моделирует социокультурную пассивность и ситуационное безразличие. В кризисные, «смутные» эпохи, на «сломе» эпох именно эристика, создавая «зону ценностно-смысловой неопределенности» и апеллируя к модусу открытости, размывает критерии оценки и границы между различными сферами, способствуя радикальной переоценке ценностей, пересмотру готовых стереотипов и клише, помогая преодолеть конфликт интерпретаций. В этом состоит не только деструктивное, но и позитивное содержание этой разновидности социокультурной напряженности, выполняющей функцию перекодирования культурной семантики со «старого» символического языка на «новый», т. е. выступает как имплицитный механизм перехода от одной культурно-исторической парадигмы к другой» [Кондаков 2017: 223]. Софизмы и эристы вызываются «художественными» приемами философии как «остроумная попытка подменить рациональную мысль, направленную к познанию мира, «умственной гимнастикой», приемом, стремящимся выразить некую абсолютно новую, оригинальную, иррациональную идею вне зависимости от ее гносеологической и практической состоятельности» [Воробьева 2002]. То есть софизм и эристы представляются как интеллектуальная игра в шокирующее красноречие (особенно в художественных произведениях, когда его использование «бескорыстно» выражает возможную авторскую

позицию, что, в частности, и было у Рабле, Сада, Ницше и др.) – эксплицитно или имплицитно содержат в себе эпатаж.

1.1.3. Дискурсивно-риторические основы диалогической эристики в античности

В культуре Афин интеллектуальные ристалища софистов выполняли функции сегодняшних политических ток-шоу [Krieg-Planque 2019]. Однако, в отличие от последних, в их основе, как правило, лежала приверженность к *Софии* – мудрости, а высшей добродетелью считался интеллект, способность не только мыслить, но и превращать мысль в деятельность. Споры, тяжбы, дебаты, софистические пропедевтики составляли прикладной аспект мудрости, казавшейся неременным условием принадлежности к афинской элите [Лукаевич 2012].

На этом театрализованном интеллектуальном ринге преобладал «план выражения» (*элокуция*), носивший агональный, соревновательный характер. Изысканность в рассуждениях требовала эффектного и эффективного способа выражения. Поэтому риторика как способ создания диалогического и диалектического (аргументативного) устного обмена мнениями (суждениями) содержала элементы того, что впоследствии Р. Барт назовет *Письмом* – наукой о языковых наслаждениях, «камасутрой языка» [Барт 1996: 464; Barthes 2015]. Эти элементы сводились к языковым и речевым играм (*âgon*), семантическим и риторическим сдвигам, аномалиям (тропам, фигурам), оживляющим канонические формы рассуждения посредством диалектического агонального диалога.

Диалогизм античной риторики становится не только выразительным (экспрессивно-риторическим), но и эпистемическим методом, **КОГНИТИВНЫМ СТИЛЕМ** Сократа и Платона, предполагающим синтез плана выражения (художественного слова) и плана содержания (философского логоса).

Осуждение софистического диалога как удаляющегося от поиска истины не предполагало отрицания самой диалогической (и диалектической)

механики использования аргументированной речи (ведь само понятие аргумента «pro» и «contra» введено софистами) [Джохадзе 2012; Boyarin 2007].

Внешние факторы (рамки, «фреймы») конфликтности (эристичности) диалога, такие как разногласия, споры и судебные тяжбы, ставили достижение цели (выигрыша) и эвристические возможности диалогического речевого взаимодействия в зависимость от умения пользоваться как эксплицитным воздействием слов, так и их гибкостью, способностью к имплицитному и косвенному воздействию, направленному на *доказательство* своей правоты. Ибо перлокутивным эффектом любого принятия решения является отрицание мнения оппонента и в конечном итоге **убеждение** как победа в споре (эристическое начало) (ср. [Eemeren 2009]).

Показательно, что именно Протагор был первым, кто ввел прагматические разграничения *речевых намерений* в связи с разновидностями речевых взаимодействий (диалогов) [Declercq 2003].

Опираясь на анализ античных диалогов [Платон 1990; Aristotle 1991; Angenot 2008; Arnett 2008; Nehamas 1999; Foster 2018; Gouldner 1965; Lachance 2018; Walton 1992; 1993; Wilkinson 2013; Yankelovich 1999], можно выделить некие инвариантные черты когнитивного стиля **софистико-эристической диалогии**:

- философская рефлексия (обращение к собственной идентичности);
- эвристическая спонтанность (конструирование новых смыслов);
- свобода (выражение скептицизма по отношению к принятым нормам);
- относительность знания (понимание как интерпретация);
- «диалогический монологизм» [Kerbrat-Orecchioni 2008] (стремление к доминированию в рассуждении и аргументации);
- агональность (сопоставительность),

- лингвопрагматический релятивизм (игра слов, имплицитность/косвенность);
- «эпистемическая бдительность» [Sperber 2012; 2013] (скепсис по отношению к оппоненту и аудитории);
- образность и эстетическая формальная эманация (проявление высшего смысла в яркой форме, эпатаж, фасцинация);
- игровой и психотерапевтический эффект остроумия, смешного (Г.Г. Гадамер, Ж. Лакан, З. Фрейд, Й. Хейзинга);
- аргументативно-дидактическая ценность персуазивной «*эристической компетенции*» [Сковородников 2014; Conti 2013] (дебаты как средство обучения риторике), воспитание творческой активности, «утверждения автономного мнения и передачи эстетического опыта» [Краснопольская 2005: 9].

Таким образом, СПОР (*эристика*) – не как жанр (или «концепт», напр., в [Горбачева 2006]), а как онтологическое *противоречие* (*контроверсия*) и интеракциональное противодействие – и *диалектическое*, и *эристическое* (в широком смысле *агональности*) [Ершов 2007; François 2013], – лежит в основе любого критического диалога (дискуссии, дебатов, полемики) и аргументации, направленной на разрешение противоречия через убеждение оппонента [Ивин 1997; Robrieux 1993].

Эристическая доминанта в дискуссии – **абсолютное (глубокое) противоречие** [Каримов 2018; Лисанюк 2019] и акцентированное соревнование, где традиционные представления об истине в терминах логических правил, нравственных принципов, по Платону и Аристотелю, заменялись критериями убедительности, внушаемости, – для Аристотеля они сродни фокусам иллюзиониста: «Это и есть то, что называется черное делать белым. Вследствие этого люди по справедливости порицали профессию Протагора: она представляет собой ложь и не истинно правдоподобное, а

кажущееся таковым, которое [нельзя найти] ни в одном искусстве, кроме риторики и софистики» [Аристотель 1978а: 122].

Идеал Аристотеля – рациональная «диалектическая» (аргументативная) дискуссия, стремящаяся к установлению истины на основе формальных логических правил (дедукция, индукция, силлогистика), непременно предполагающая разрешение противоречия согласием сторон. Концепция, которая доминирует во всех последующих штудиях, посвященных спору как «поиску истины» – предмету логики и/или теории аргументации (ср. [Брюшинкин 2008; Eemeren 2004]).

Интересно, что только в 1980-х годах возникает концепция «*глубоких разногласий*», зародившаяся в работах классика неформальной логики Р. Фоглина (Fogelin) и развивающаяся активно в наши дни [Hamby 2014].

Анализируя эту проблематику, Е.Н. Лисанюк и М.Р. Мазурова приводят его положение о том, что: «существуют разногласия, подчас по важным вопросам, которые не подлежат разрешению рациональным способом», это глубокие разногласия. Из признания глубоких разногласий вытекает необходимость развивать неформальную логику как совокупность методов убеждения (*conviction*), трактуемого не только в смысле «допущения о том, что искреннее ясное мышление способно разрешить фундаментальные вопросы», но и в смысле уговаривания (*persuasion*) принять какое-либо мнение, когда убеждение в первом смысле заходит в тупик» [Лисанюк 2019: 84].

В середине 1950 годов в своей Новой, или Нео-Риторике бельгийские ученые Х. Перельман (Ch. Perelman) и Л. Ольбрехт-Тытека (L. Olbrechts-Tyteca) противопоставляют два вида воздействующей (убеждающей) речи, выраженных французскими глаголами *convaincre* и *persuader* [Perelman

1983] (в англ. варианте – дихотомия *conviction / persuasion*)² (ср. [Eemeren 2004]).

Первый член оппозиции – *conviction* (англ. синоним – *earnestness* – серьезность, основательность [Word Reference]) – связан напрямую с Логосом – рациональным убеждением (аргументацией), тогда как понятие *persuasion* (англ. синоним – *to urge* – *побуждать, призывать, принуждать, побудить, подталкивать, понуждать* [Idem]) – связано с Пафосом – эмоциональным, прямым и непрямым (суггестивным) воздействием и Этосом – *доречевым* и *речевым* образом («имиджем») коммуниканта [Eggs 1999].

Для эффективной коммуникации важна не столько рациональная и рефлексивная, сколько *интуитивная убедительность* – персуазивность [Perelman 1983] как условие ее успешности. Поэтому прямое и/или косвенное когнитивно-эмоциональное воздействие осуществляется как фасцинативно-суггестивное воздействие и часто в форме прямого **вызова** или косвенного **эпатажа** [Гуцал 2009; François 2013]. Такое интеллектуальное и эмоциональное позиционирование (оппозиция, эпатаж) затрагивает **когнитивные и эвристические модели**, социальные интересы пропонента и оппонента (в предметно-деятельностном, межличностном и дискурсивном аспектах) [Angenot 2008].

В реальной коммуникации персуазивность – прямое и косвенное суггестивно-эмоциональное воздействие – сопровождается аналогичным речевым противодействием – отвержением и негативной эмоциональной оценкой высказанного или существующего мнения средствами, выходящими

² Добиться однозначности в терминологическом калькировании в русском научном обиходе никак не удастся в силу межъязыковой асимметрии: обоим глаголам соответствует русское «убеждать» [Ощепкова 2004]. Поэтому, следуя одной из сложившихся практик, мы будем рассматривать рациональность убеждения как *аргументативность*, а эмоциональность и суггестивность воздействия (процесса убеждения) – как *персуазивность* убеждения (ср. [Котельникова, Рузавин 2001: 25-26]). С первым – в преломлении к качеству речи (этосу, логосу и пафосу) – должно ассоциироваться понятие «убежденность», со вторым – «убедительность».

за рамки аргументативных правил критической дискуссии. Эристичность персуазивности проявляется в эмоциональной суггестивности воздействия на основе прямого или косвенного вызова и эпатажа, адресного или опосредованного текстом, прямого и/или косвенного (имплицитного) речевого воздействия на реципиента.

Понимание диалектической полифонии знания предполагает неизбежность логического, диалектического и эристического противоречия (ср. [Ивин 2005; Смирнов 2012]). Трансцендентальность противоречия делает это понятие актуальным для многих отраслей знания, в частности, для науки о языке. Язык и речь пронизаны противоречиями на всех уровнях их структуры и функционирования [Ганеев 2005; François 2013].

Являются ли противоречия в языке логическими и диалектическими? Несомненно. Это прежде всего системные оппозиции, асимметрия формы и содержания – полисемия, омонимия, синтаксис устной и письменной речи, эллипсис и т.д.

Эристические противоречия в языке возникают *по воле* говорящего сознательно и интенционально – девиации и аномалии, игра слов (логомахия), сознательные ошибки (эрративы), нарушения речезыковых запретов (табу) и т.д. [Амири 2013; Арутюнова 1987а,б; Ганеев 2005; Гусейнов 2008; 2012; Радбиль 2012; Санников 2002].

Таким образом, эристическая составляющая обыденного и институционального дискурса, обусловленная требованиями ситуации (адекватного, или «политичного» поведения (*politic behavior*) – в трактовке Р. Уотса [Watts 2003] имеет следующий функционал:

- 1) является неотъемлемой частью интеллектуальной и поведенческой интеракции;
- 2) свойственна критическому и оппозиционному мышлению;
- 3) необходимо участвует в политическом и общественном делиберативном диалоге.

Отсюда следует наша гипотеза о том, что нельзя сводить мульти- и транспарадигмальную категорию эристики, отражающую речеповеденческие реалии и являющуюся статистически преобладающей **коммуникативной практикой** (конфликт и противоречие в контексте принятия решения в обыденном, политическом профессиональном дискурсах и т.д.), к оценочному ярлыку «спора ради спора» [Фромм 1994: 30 Amossy 2013; Angenot 2008; Fairclough 1996].

Особую редуционистскую позицию занимает в вопросе о разделении трех модусных кластеров риторики – *диалектики* – *софистики* – *эристики* – ставшая популярной концепция «прагма-диалектического подхода» голландской школы аргументации (далее – ГША) (Франс ван Еемеерен, Роб Гроотендорст, Питер Хоотлоссер и др.). Главным предметом исследования ГША является «разрешение разногласий» [Еемеерен 2006].

Оставаясь на позициях неформальной диалектической логики и включая в свой метод лингвопрагматическую теорию речевых актов и стремясь к диалектико-логическому подходу к аргументации [Брюшинкин 2008; Ивин 1997; 2009; Toulmin 2007], ГША рассматривает риторику как «неизбежное зло» на пути к консенсусу. Потому что «все риторические приемы направлены исключительно на манипуляцию аудиторией, тем более, специально к этому предназначенные» [Еемеерен 2009: 22]. Поэтому ГША следует историческому (античному – см. выше) делению диалога-дискурса на «диалектический» и «риторический», исключая при этом *эристику* и *софистику* из риторики вообще:

«В данном случае ярлык «риторический» не означает ту риторику, которая подразумевает, безо всяких оговорок, «победу», «победу любой ценой» (или близкую этому цель). Но это все-таки означает, что риторика, невзирая на предостерегающие от этого оговорки, является, на наш взгляд, в конечном счете всегда и безо всяких сомнений способом достижения согласия аудитории с вашей точкой зрения» [Еемеерен 2006: 8].

Приводя аргументы в обоснование этой точки зрения ученый отмечает, что после того как во времена Средневековья изучение двух частей риторического канона³ – *inventio* и *dispositio* – было включено в диалектику и изъято из риторики, – последняя оказалась сведена к ораторике – учению об *elocutio* и *actio*. В учении Пьера де ля Раме – Рамуса (Ramus) – произошло строгое разделение между риторикой и диалектикой: риторика была сведена к учению о стиле, а диалектика включена в логику [Idem: 10]. Позже это разделение оформилось в две отдельные, самостоятельные парадигмы – логическую и риторическую, – которые считались несовместимыми. Влиятельный теоретик аргументации С. Тульмин (Stephen Toulmin) в своей программной работе (1958 г.) утверждал, что, с точки зрения многих логиков, риторика есть не более, чем «набор мелких уловок» [Toulmin 2001].

Альтернатива в лице риторической перспективы теории аргументации намечалась с появлением в том же 1958 году фундаментальной работы Х. Перельмана и Ольбрехт-Тытеки «*Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique*» («Теория аргументации или новая риторика») [Perelman 1983], в которой была показана телеологическая (прагматическая) общность аргументации и риторики – воздействие на собеседника с целью изменения его картины убеждений (полагания, веры и т.д.).

Такая прагматическая мотивационная перспектива частично была положена в основу прагма-диалектического подхода Голландской школы аргументации:

«Риторика в прагма-диалектике рассматривается как теоретическое исследование различных видов практических техник убеждения. Нет причин полагать, что риторические нормы искусного убеждения противоречат идеалу разумности, который лежит в основании прагма-диалектики. Почему считается, что аргументативный дискурс не может соответствовать критическим требованиям в том случае, когда участники

³ Inventio, dispositio, elocutio, actio, memoria.

заинтересованы обратить дискуссию в свою пользу? Фактически приемы в аргументации, имеющие риторическую силу, с точки зрения критической аудитории почти всегда соответствуют диалектическими нормам, которые применяются к каждому определенному этапу дискуссии. Намеченная перспектива дает разумное основание для преодоления традиционного разделения между диалектикой и риторикой посредством интеграции риторического измерения в прагма-диалектический метод анализа» [Еемерен 2006: 11].

Как видим, во главу угла ГША ставит по-прежнему диалектическую *норму* – этот аристотелевский идеал достижения истины при соблюдении этической корректности⁴ [Еемерен 2004]. При этом, однако, упускается из виду главный мотив Неориторики Перельмана – вписать аргументацию в реальные речезыковые условия порождения высказывания. Возвращаясь к диалогическому принципу Платона, Х. Перельман, предвосхищая принцип речезыкового реализма (“Usage based model”), на примерах из литературных диалогов показывает, как переплетаются языковые и аргументативно-персуазивные механизмы речевого общения, какие речезыковые средства влияют на аргументативную силу высказывания. И не только на уровне теории речевых актов – главного инструмента ГША, – но и в других – эмоциональных, психологических, межличностных, социальных – аспектах, отражающихся в общении [Дюбуа 1986: 34]. Язык (риторика) представляется здесь не как «инструмент» логики или средство материализации логических схем и силлогистики, а как естественная среда, условие человеческого

⁴ Противопоставляя эристическому спору «диалектическую критическую дискуссию» и отвергая эристику как стремление одержать победу над противником в споре, Ф.Х. ван Еемерен, тем не менее, признает, что на «заключительной стадии» дискуссии возникает следующая перлокуция: «а) спор решается *в пользу* протагониста; б) спор решается *в пользу* антагониста; в) спор не решен, но дискуссия окончена» [Еемерен 2004: 103 – выделено нами – И.Т.]. Отличие (а) и/или (б) от «победы/поражения в споре» представляется – без специального рассмотрения – терминологически условным (см. ниже).

мышления и аргументации как языковой функции (см. ниже, а тж. [Ducrot 1983; Robrieux 1993])

Проблема заключается в целях теории – абстрактной проективной *нормализации* («up down») или же аналитической *описании* («bottom up») процесса естественной (речевой) аргументации. Постановка цели исследования должна включать следующие вопросы: какие феномены изучает теория аргументации: правила мышления или дискурс? Функционирование языка в аргументации или правила хорошего рассуждения? Механизмы убеждающего воздействия или оценку аргументов? Спор как реальное речевое взаимодействие или как структуру или конструкт? Каковы описательные задачи теории аргументации? и т.д.

Ставя во главу угла логические нормы и правила построения силлогизма, борясь с противоречием, строя четкую стадиальную схему спора или дискуссии как программируемого жанра или речевого события, *как это предлагает ГША* [Eemeren 2004], – мы практически исключаем из рассмотрения имманентные спонтанные дискурсивные механизмы функционирования естественного общения, будь-то обыденное или институциональное речевое взаимодействие, игнорируем особенности нерегламентированного общения, реалии агональной политической коммуникации, и интуитивного, спонтанно-эмоционального мышления и убеждения.

Отличие «праведной», «добродетельной» Диалектики от Софистики–Эристики заключается, таким образом, исключительно в этической праксиологии:

«И один и тот же довод будет софистическим и эристическим, но не для одного и того же: эристический – ради мнимой победы, софистический – ради мнимой мудрости» [Аристотель 1978б: 535].

При этом критерии «мнимости» и той и другой остаются загадкой. Стоит задуматься (софистически): «мнимая» победа – это победа или непобеда?, – а если победа, то для кого она мнимая? Мудрость может быть

мнимой для тех, для кого она не является мудростью. И т.д. и т.п.? (ср. [Маяцкий 2000]). Такие противоречия говорят о софистичности самого аристотелевского определения.

Однако если Платон называет дискуссию эристической, когда «каждая сторона пытается доказать неправоту оппонента», то есть диалогически (*dialogos* – через речь) [Платон 1990: 132-133], то сегодня непременно подчеркивается та его мысль, что в политике эристический процесс может протекать и без обсуждения, стремясь к победе, а участвующие в нем стороны вполне могут использовать силу или попытки применения силы с тем, чтобы сокрушить остальных, и это лучше всего делать не обсуждением, а насилием, то есть победой практически вне диалогического поля [Зайцев 2016; Шейгал 2000].

Подводя итог первому разделу, подчеркнем, что в древнегреческой риторике софистика и эристика исключительно *декларативно* противопоставлялись этическим требованиям (диа)логической диалектики:

«Правила диалектики противоположены правилам эристики. Они состоят в том, что участники диалога совместно ищут объективную истину» [Рождественский 1997: 18-19].

Однако, словами Е.Н. Зарецкой, «смысл софистики как этики речи состоит в видимом следовании диалектике, но с эристической целью – добиться выигрыша спора» [Зарецкая 1999: 65].

Прежде чем перейти от риторической к дискурсивной диалектике противоречия в преломлении к речевому общению, нельзя не обратиться к истокам *эристического* начала в философии и культуре, возникшего параллельно с *логикой, диалектикой и риторикой* как «искусствами» (*tēchne*) убеждения.

Идея такой **эристической диалектики** возникла и развивалась в учении А. Шопенгауэра и его последователей.

1.2. Философия и культурология эристики: от Шопенгауэра до постмодерна

1.2.1. «Эристическая диалектика» А. Шопенгауэра: философия и «логика» эристики

Трактат Шопенгауэра «Эристическая диалектика» (далее – «ЭД»), предметом которого выступает «учение о свойственной человеку от природы страсти к спору», разграничивает прежде всего понятия «логика» и «диалектика»: логика предстает как наука о мышлении, т.е. применении «чистого разума», диалектика – как искусство беседы, в процессе которой сообщаются факты, высказываются мнения.

По мнению И.К. Смирнова, в воззрениях Троицы ПРОТИВОРЕЧИЕ «представлялось логической ошибкой. Аристотель называл невеждами тех, кто утверждал обратное» [Смирнов 2012: 30]. По ироничному замечанию ученого, «в число этих невежд зачислялись Гераклит, Плутарх, Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит. Именно Гераклит «по невежеству» предложил первую значительную концепцию противоречия как единства противоположностей. Борьбу противоположностей Гераклит утверждал как общий закон для всего сущего. Понимаемое таким образом противоречие, названное диалектическим, получило дальнейшее развитие в учении Н. Кузанского, Дж. Бруно и особенно в классической немецкой философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель)» [Смирнов 2012: 30].

Таким образом, античная эристика досократиков как процесс диалогического «противо-речия» стала предтечей диалектического противоречия, которое, по Смирнову, «представляется как 1) динамичное отношение взаимополагающих и взаимоисключающих противоположностей; 2) представление в одном и том же процессе взаимоисключающих тенденций, свойств; 3) стороны противоречия обязательно представляют различные тенденции, направления изменения и развития; любая

противоположность становится таковой лишь в сложном отношении с другой «своей стороной»» [Смирнов 2012: 30].

Позднее софисты поставили в центр внимания динамику этого противоречия – не как априорного или перлокутивного «статус-кво», а как иллокутивного и интенционального (противо)действия (*высказывания, диалога, аргументации*). Доказывая (не)правоту одного и того же поступка в судебных прениях обвинители и адвокаты пытаются найти доводы как в защиту обвиняемого, так и против него. На первый план выдвигалась Софистика как искусство. По мнению одних, это было искусство манипуляции, по мнению других, – внутренне присущая знаковому мышлению способность к интерпретации (в современном семиотическом и лингвистическом понимании [Болдырев 2011; Демьянков 1989; Пирс 2000; Эко 2007]). Именно софистические «двойкие речи»⁵ положили начало теории аргументации (доказательства и опровержения) [Рассоха – эл.рес.; Boyarin 2007; Declercq 2003; Nehamas 1999].

Формальная логика и силлогистика Аристотеля, основанная на рациональном позитивизме, категорически противилась любого рода отклонениям от дедуктивных законов силлогизма и энтимемы, представляющихся ему иррациональными девиациями [Lachance 2018]. Агонистика Аристотеля (доказательства и опровержения выдвинутого для обсуждения тезиса) не допускала ни софизмов (намеренных логических ошибок в чью-то пользу), ни пренебрежения логикой ради воздействия на оппонента (эристические паралогизмы) [Аристотель 1978б]. Рациональность являлась высшим благом для диалектики (ср. [Toulmin 2001]).

Первая и самая главная посылка, ограничивающая методологический диапазон эристики, заключается в ограничении проявлений «эристического в речи» рамками спора как вида деятельности и речевого жанра. В критике

⁵ «Двойкие речи» (Δισσοί λόγοι) — сочинение неизвестного греческого софиста (ок. 400 до н.э.).

софистов Аристотеля, как в капле воды, проявляются те же «претензии», предъявляемые впоследствии постструктуралистам, как в философии, так и в искусстве и даже в науке о языке [Киклевич 2018].

Поэтому совсем не случайно автором первой работы об Эристике становится идеолог *иррациональной философии* Артур Шопенгауэр [Schopenhauer 1999], написавший в 1830-1831 книгу *Dialektik*, переведенную на английский язык как *The Art of Controversy* [Schopenhauer 2010] и *Eristic Dialectics* «Эристическая Диалектика» («ЭД») [Stoneman 2019].

«ЭД», с точки зрения глубокой философии, практически не вносит существенных положений относительно диалектики как метода (И. Кант, Г.Ф. Гегель и др.). Это совершенно особая книга, не только рассуждающая об Эристике как искусстве спора, но и представляющая собой воплощение *мета-эристики* – сам план выражения «ЭД» представляет собой *философскую эристику*, иронично-релятивистскую, которая будет подхвачена и развита в работах постструктуралистов. По мнению английского переводчика «ЭД» (Т. Bailey Saunders), это глубоко ироничное произведение, которое может быть представлено так:

«... трактат может быть прочитан одновременно на двух уровнях: поверхностном – экзотерическом <профанном>, циничном, согласно которому Шопенгауэр дает наставление людям которые собираются спорить, и предоставляет им инструменты для победы над оппонентами, и более глубоко, – эзотерическом уровне, который функционирует не цинично, а, говоря языком Питера Слотердейка⁶, *кинично*, как сатирическое разоблачение циничных импульсов, *оживляющих изучение и практику аргументации, особенно в том виде, в каком они проявляются в риторико-гуманистической традиции*. Такая интерпретация показывает, что хотя «Эристическая Диалектика» и является второстепенной работой,

⁶ См. [Слотердаjk 2001]. Как отмечает С.С. Федулов, «кинники предпочитали логическому дискурсу живое общение, коммуникацию: «Постмодернистский человек – это «говорящий человек», ориентированный на коммуникацию» <...>. П. Слотердаjk также является сторонником диалога, но подчеркивает его недостатки: «...Сохранить в силе целительную иллюзию свободного диалога – вот конечная задача философии»» [Федулов 2016: 19; Sloterdijk 1988: 45].

она предлагает сложную философскую критику “искусства убеждения”» [Stoneman 2019: 133 – перевод и выделение наши – И.Т.].

Поэтому Эристику – уже как философское, культурологическое и дискурсивное явление (Эристика-3) в том или ином воплощении – подхватят Ф. Ницше (который считал своим учителем Шопенгауэра), М. Хайдеггер (который считал себя учеником Ницше), а затем и Ж. Деррида (который считал своими учителями Ницше и Хайдеггера), а также М. Фуко, Ю. Кристева и другие «столпы» постструктурализма [Ильин 1996; Косиков 2000; Французская семиотика 2000]. Главная черта философской эристики нового времени – ее глубокий антропологизм, унаследованный от античной эристики-софистики («Человек – мера всех вещей»). Главным аргументом эристической диалектики раз и навсегда становится принцип *ad hominem* в его методологической амбивалентности (ср. [Маяцкий 2020; Уолтон 2002]).

Характерно, что Шопенгауэр, как впоследствии и отец неориторики Хаим Перельман, четко разделяет два часто не дифференцируемых аргумента – дискуссионный *ad hominem* и интерперсональный *ad personam* [Perelman 1983]. Если первый тип аргумента касается эристической критики рассуждений оппонента, его высказываний, суждений, то второй – проявление чистой *рабулистики* – относится к личности оппонента как индивидуума, его приватности, дискредитации его как человека. Многие современные исследования включают *ad personam* в понятие аргументации *ad hominem* и сводят, таким образом, многоплановость и сложность феномена эристического противоречия к «черному пиару» (ср. [Зайцев 2016; Walton 1995]).

Проектируя «логику» «ЭД» на рассматриваемую нами триаду *диалектика – софистика – эристика*, нужно отметить, что Шопенгауэр пытается позиционировать её как то, что он называет «всею техникой разума», включающей все три категории. Логика, диалектика и риторика как составляющие «техники разума» могут применяться *дифференцированно* и применяться *вместе* в зависимости от желания или ситуации:

«Logic, dialectic, and rhetoric belong together, since they make up the whole of a technique of reason. Under this title they should also be taught together, logic as the technique of our own thinking, dialectic as that of disputing with others, and rhetoric as that of speaking to many (*concionatio*); thus, corresponding to the singular, dual, and plural, also to the monologue, dialogue, and panegyric» [Schopenhauer 2010: 102] – 'Логика, диалектика и риторика принадлежат друг другу, так как они составляют всю *технику разума*. Под этим названием им также вместе следует обучать: логике как технике нашего собственного мышления, диалектике как технике спора с другими и риторике как технике разговора со многими (*concionatio*); таким образом, это соответствует единственному, двойственному и множественному числу, а также монологу, диалогу и панегирику' (перевод наш – И.Т.).

Основные мысли А. Шопенгауэра (далее – А.Ш.) мы рассмотрим на тексте своего рода конспекта «ЭД» – вышедшей в свет в 1864 году книге «Эристика, или Искусство побеждать в спорах» (русское издание 1900г.) [Шопенгауэр – эл. пер.] в её французском варианте – "L'Art d'avoir toujours raison: La dialectique éristique" [Schopenhauer 1999] – "Искусство всегда быть правым, или Диалектическая эристика" (пионерская в этом жанре «риторических пособий» работа, которую, тем не менее, страстно критиковал признанный в отечественной риторике основатель «теории спора» – С.И. Поварнин [Поварнин 1918/1996; см. тж. Хоменко 2011]).

Как указывает термин “эристическая диалектика”, Шопенгауэр относит эристическое к науке о диалектике, понимаемой Аристотелем «как искусство беседы, *направленное на общее исследование истины*», особенно философской истины. Однако Шопенгауэр добавляет, что диалектика не остается надолго просто диалектикой, но неизбежно переходит, в некоторой степени, в **область разногласия**. Как только это происходит, диалектика, утверждает А.Ш., мутирует в технику диспута, то есть в «область эристическую». По этой причине он утверждает, что диалектику можно и нужно рассматривать как «искусство спора» (эристику).

Следуя А.Ш., предметность логики определяется материей, или содержанием знания, предметность диалектики – «формами предложений».

При таком подходе логика конструируется *a priori*, без эмпирических составляющих. Диалектика как квинтэссенция общения, напротив, конструируется *a posteriori* – через обмен идеями. Здесь А.Ш. рассматривает Эристику не столько как «ошибочную диалектику или незаконную аргументацию», сколько как доминирующую тенденцию риторики и убеждения. В частности, философская критика Шопенгауэра нацелена против той ветви риторической традиции, которая рассматривает убедительную речь как средство обсуждения разногласий *для достижения консенсуса (единомыслия)*. Для А.Ш. риторика по существу функционирует как средство **сублимации** принуждения и циничного манипулирования. Это явно отвергает аристотелевскую «диалектику как поиск истины», переводя противоречие в *диалогическую константу* как непереносимое условие (*sine qua non*) интеллектуального диалога, а не фактор, который «нужно преодолеть».

По мнению Шопенгауэра, «эристическая диалектика – это искусство спорить, причем спорить таким образом, чтобы оставаться правым». В его понимании любой человек, «от природной испорченности человеческого рода», – существо тщеславное, обидчивое, особенно в вопросе о силе рассудка. Поэтому «сильное оппонирование», по мнению Шопенгауэра, предполагает отклонение от предмета полемики «посредством смещения акцента на недостатки самого оппонента» (*ad personam*) [Воробьева 2002]. Причинами, лежащими в основе некорректного поведения, по Шопенгауэру, являются: а) нечестность; б) тщеславие; в) необдуманность высказывания; г) упрямство, нежелание признать свою ошибку. А. Шопенгауэр находил истоки эристического поведения в психоэмоциональной природе человека спорящего:

«Откуда это? – От посредственности человеческой природы. <...> Врожденное тщеславие, особенная раздражительность, когда речь идет о собственных интеллектуальных способностях, не позволяют говорящему признать ложность своего суждения и обоснованность суждения противника...» [Schopenhauer 1999: 4 – перевод наш – И.Т.].

Скепсис по отношению не только к этическим мотивам собеседника, но и в целом – допустимость его возможного несоответствия ожиданиям и требованиям партнера по коммуникации («*Everyone is at liberty to be a fool*») – в сегодняшней когнитивной лингвистике выразился в принципе «эпистемической бдительности» (*epistemic vigilance*) Д. Спербера [Sperber 2010; 2013], о чем пойдет речь в дальнейшем изложении.

В область логики, следуя А.Ш., входят общие законы мышления, которым подчиняется всякий ум в тот момент, когда он предоставлен самому себе, когда ничто ему не мешает, следовательно, в период уединенного мышления (рефлексии) разумного существа, которого ничто не вводит в заблуждение. Наоборот, диалектика, по Шопенгауэру, рассматривает одновременную деятельность двух разумных существ, которые думают в одно и то же время, откуда, – возникает противоречие и спор, то есть духовная борьба.

По Шопенгауэру, только в споре как диалектическом (диалогическом) механизме может зародиться истина.

Однако субъективные причины, кроющиеся в человеческой природе, не только мешают, но и, по мнению А.Ш., делают практически невозможным достижение истины в споре (ср. «Из двух спорящих – один дурак, другой подлец»). Поэтому любой спор в перспективе интеллектуального взаимодействия – это, так или иначе, объективный интеллектуальный выигрыш, достижение превосходства над соперником. Тем более, что «истина всегда где-то рядом», т.е. объективность истины определяется, как правило, не «здесь и сейчас», а на основе предыдущего опыта и в результате последующего зрелого размышления: «Объективная истина совершенно не должна рассматриваться в диалектике, или рассматриваться как нечто исключительное; задача этой науки состоит в том, чтобы учить, как следует защищать собственные суждения и как опровергать суждения противника.

Часто спорящий сам не знает, прав он или нет...» – перевод наш – И.Т.) [Schopenhauer 1999: 52].

Поэтому А. Шопенгауэр определяет эристическую диалектику как «искусство интеллектуального фехтования», в котором **побеждают или проигрывают вне зависимости от сущности и справедливости защищаемого тезиса** (ср., противоположный по сути лозунг с коннотативно *позитивной эристикой*: «**Наше дело правое, враг будет разбит! Победа будет за нами!**»).

Механика спора (диалога) представляется А. Шопенгауэру как модель взаимодействия двух противоборствующих субъектов: один выдвигает тезис, другой пытается его опровергнуть. С точки зрения диалектики, для опровержения исходного тезиса существуют две модальности (modes) и два способа (moyens):

– модальности:

1) *ad rem* (от вещи) – соответствует ли тезис объективно существующему положению дел: небо голубое, вода мокрая и т.п.;

2) *ad hominem* (от человека) – поиск непоследовательности в суждениях противника или несоответствия его слов его поведению;

– способы:

1) прямое опровержение («тезис не верен»);

2) косвенное опровержение («тезис не может быть верным»).

Прямое опровержение может быть направлено либо на основания тезиса и доказательство их ложности, либо, принимая истинность основания, опровержение может касаться ложности или противоречивости вывода.

Косвенное опровержение осуществляется в виде «отвлечения» (*diversion*) или в виде «инстанции» (*instance*). Первое заключается в принятии истинности тезиса противника и замене его другим, похожим тезисом, но ведущим к ложному выводу, либо противоречащим исходному тезису противника. Второй вид косвенного опровержения тезиса противника

заключается в приведении примеров, на первый взгляд иллюстрирующих опровергаемый тезис, осуждение которых приводит к дискредитации самого тезиса.

К этой общей механике (макροстратегии) опровержения А. Шопенгауэр прилагает 38 «стратагем», называемых также «уловками» (Аристотель, Г.Д. Давыдов, С.И. Поварнин, см. тж. [Фролова 2009] и др.), позволяющими обеспечить «технологический инструментарий» ведения диспута и одержания победы над противником. Во всем опираясь на аристотелевские «Софистические опровержения», А.Ш. впервые меняет «минус» на «плюс»: то, в чем Аристотель обвинял софистов, становится руководством по словесному «рукопашному бою». «ЭД» – это свод стратегических и тактических приемов («стратагем»), написанный именно как «руководство» по искусству «интеллектуального фехтования»⁷. Эристические стратагемы (далее – ЭСТ) направлены на манипуляцию противником, попытку дестабилизировать его аргументацию и дискредитировать противника в глазах слушателей [Хоменко 2011].

Приведем некоторые ключевые ЭСТ во французском переводе:

– *Utiliser des arguments absurdes* – Используйте абсурдные аргументы:

"Si nous avons avancé une proposition paradoxale et que nous avons du mal à la prouver, nous pouvons proposer à notre adversaire une proposition qui paraît correcte mais dont la vérité n'est pas tout à fait palpable à première vue, comme si nous désirions nous servir de cette proposition comme preuve. Si l'adversaire rejette cette proposition par méfiance, nous proclamerons triomphalement l'avoir mené ad absurdum. Si en revanche il accepte la proposition, cela montre que nous étions raisonnablement dans le vrai et pouvons continuer dans cette voie" = 'Если мы высказали парадоксальное суждение и не можем его доказать, мы можем представить это как метод "доказательства" *ad absurdum* как "пробный шар" и, если он "пробьет" оборону противника, продолжать в том же духе'.

⁷ Определенная эристическая ирония «ЭД» не может укрыться от внимательного читателя. Это та же ирония литературной философии, которая была подхвачена Ницше и выразилась в словесной и интеллектуальной игре Хайдеггера, Дерриды и Фуко [Ильин 1996]. Очевидно, та же философская эристика вдохновляла Дидро и Вольтера.

– "**Retourner un argument contre l'adversaire**" – **обратить выдвигаемый противником аргумент против него же:**

«Un coup brillant est le *retorsio argumenti* par lequel on retourne l'argument d'un adversaire contre lui. Si par exemple, celui-ci dit: «Ce n'est qu'un enfant, il faut être indulgent.» le *retorsio* serait: «C'est justement parce que c'est un enfant qu'il faut le punir, où il gardera de mauvaises habitudes.» = Т.е, например: "Это всего лишь ребенок, будьте снисходительны". – Ответ: "Как раз потому, что это ребенок, нужно наказанием дать ему урок"».

– **Faire diversion** – Совершить «диверсию» (отвлечение противника):

«Lorsque l'on se rend compte que l'on va être battu, on peut faire une diversion, c.-à-d. commencer à parler de quelque chose de complètement différent, comme si ça avait un rapport avec le débat et consistait un argument contre votre adversaire. Cela peut être fait innocemment si cette diversion avait un lien avec le *thema quaestionis*, mais dans le cas où il n'y a pas, c'est une stratégie effrontée pour attaquer votre adversaire. La diversion est un stratagème particulièrement effronté lorsqu'il consiste à complètement abandonner le *quaestionis* pour soulever une objection du type: «Oui, et comme vous le souteniez jusqu'ici, etc. » car le débat devient alors personnel, ce qui sera le dernier stratagème dont nous parlerons. Autrement dit, on se trouve à mi-chemin entre l'*argumentum ad personam* dont nous discutons ici et l'*argumentum*. – Т.е. резкая смена темы, подмена тезиса, разговор о другом, якобы связанном с темой, возражение типа: " До сих пор Вы утверждали..." и т.п. Затем от аргумента *ad hominem* переход на личность оппонента (*argumentum ad personam*), т.е. нападки, речевая агрессия и т.п.

– **Accentuer la pression** – Усиливать давление:

Lorsque vous soulevez un point ou posez une question à laquelle l'adversaire ne donne pas de réponse directe, mais l'évite par une autre question, une réponse indirecte ou quelque chose qui n'a rien à voir, et de façon générale cherche à détourner le sujet, c'est un signe certain que vous avez touché un point faible, parfois sans même le savoir, et que vous l'avez en somme réduit au silence. Vous devez donc appuyer davantage sur ce point et ne pas laisser votre adversaire l'éviter, même si vous ne savez pas où réside exactement la faille. = Т.е., если противник избегает прямого ответа на вопрос, отвечает вопросом на вопрос и т.п., значит, вы нашли слабую точку в его обороне – усиливайте давление именно на этом вопросе. И т.д.

Таким образом, представленные выше приемы речевого противодействия можно разделить на три макростратегических типа:

1) пропозициональный (*ad rem*): отрицательное представление референта (отрицание пропозиционального содержания) в споре;

2) дискуссионный (*ad hominem*): поиск противоречий в рассуждениях и поведении оппонента;

3) интерперсональный (*ad personam*): дискредитация личности оппонента.

Первый направлен на искаженное представления о предмете обсуждения (его оценки) со стороны оппонента; второй выявляет непоследовательность в рассуждениях оппонента, подчеркивает и использует его логические ошибки и третий – "последний аргумент в споре" – направлен на личность оппонента, содержит речевую агрессию, оскорбления, инсинуации и т.д.

Анализируя «ЭД», посвященную Эристике-1, т.е. технике речевого соперничества, интеллектуального противоборства, мы можем выделить *три степени градуальности (модуса) агональной эристики – отрицающий* (нигилистический), *противоречащий* (дискуссионный), *и агрессивный* (деструктивно-атакующий).

Следуя типолого-контрастивному методу **кросскультурной и интеркультурной интерпретации**, мы сопоставили два текста – французский перевод «ЭД» и его переложение («трансфер») на русский язык известным логиком начала 20 века – Г.Д. Давыдовым [Давыдов 1997].

В тексте Г.Д. Давыдова «Искусство спорить и острить» (1927), являющимся фактически пересказом работ А. Шопенгауэра и З. Фрейда, рассматривается природа и техника остроумия и спора. Давыдов сопоставляет две работы Фрейда и Шопенгауэра, полагая, что их объединяет один интеллектуальный механизм. Этот тезис мы поддерживаем и развиваем

в своем исследовании в виде дихотомии *людической* (игровой) и *агональной эристики*.

Сопоставляя оба текста, мы обнаруживаем, что при передаче текста немецкого ученого (А.Ш.) Г.Д. Давыдов «теряет» некоторые стратагемы первоисточника. Наблюдаются определенные количественные и качественные лакуны, связанные как со стилистическим упрощением (отсутствие названий отдельных стратагем, упрощение формулировок, опущение греческих и латинских терминов, переход от личной формы к безличной), так и с сокращением числа стратагем, что свидетельствует об адаптации концепции немецкого философа к нуждам (русской) практической ораторики.

Приведем некоторые параллельные фрагменты:

STRATAGEMES

(d'après A. Schopenhauer)

Stratagème I. L'extension.

Il s'agit de reprendre la thèse adverse en l'élargissant hors de ses limites, en lui donnant un sens aussi général et large que possible tout en maintenant les limites de ses propres positions aussi restreintes que possibles. *Car plus une thèse est globale et plus il est facile de lui porter des attaques.*

Exemple: Je dis : « Les Anglais sont la première nation en ce qui concerne la dramaturgie » Mon adversaire tenta alors de donner une *instance* du contraire et répondit : « Il est bien connu que les Anglais ne sont pas doué en musique, et donc en opéra. » Je réfutai l'attaque en lui rafraîchissant la mémoire: « La musique ne fait pas partie de la dramaturgie qui ne comprend que tragédie et comédie. »

УЛОВКИ В СПОРЕ

(по Г.Д. Давыдову)

Уловка 1. Расширение.

Выводят утверждения противника за их естественные пределы, берут их в возможно более широком смысле; свои же собственные утверждения, напротив, в возможно более узком смысле, включив их в тесные границы: *ибо чем более общее положение, тем большему числу нападений оно подвергается.*

Пример: А. утверждает, что англичане превосходят все другие национальности в драматическом искусстве. Б. прибегает к инстанции и возражает, что в музыке, а следовательно и в опере, их достижения незначительны. А. отражает эту уловку напоминанием, что музыка не входит в понятие драматического: оно обозначает

Mon adversaire le savait probablement mais avait tenté de généraliser mon propos afin d'y inclure toutes les représentations théâtrales, et donc l'opéra, et donc la musique, afin de me prendre en erreur sur ma thèse.

Stratagème IV. Cacher son jeu. Lorsque l'on désire tirer une conclusion, il ne faut pas que l'adversaire voie où l'on veut en venir, mais quand même lui faire admettre les prémisses un par un, l'air de rien, sans quoi l'adversaire tentera de s'y opposer par toutes sortes de chicanes. S'il est douteux que l'adversaire admette les prémisses, il faut établir des prémisses à ces prémisses, faire des pré-syllogismes et s'arranger pour les faire admettre, peu importe l'ordre. Vous cachez ainsi votre jeu jusqu'à ce que votre adversaire ait approuvé tout ce dont vous aviez besoin pour l'attaquer. Ces règles sont données dans Aristote, Topica, VIII.

Stratagème V. Faux arguments. On peut, pour prouver une assertion dans le cas où l'adversaire refuse d'approuver de vrais arguments, soit parce qu'il n'en perçoit pas la véracité, soit parce qu'il devine où l'on veut en venir, utiliser des arguments que l'on sait être faux.. Une conclusion vraie peut en effet découler de fausses prémisses, mais pas l'inverse. Il faut utiliser son mode de pensée contre lui. Ainsi, s'il est membre d'une secte à laquelle nous n'appartenons pas, nous pouvons utiliser la doctrine de secte contre lui.

лишь трагедию или комедию. Б. и сам отлично это знает и лишь пытался так обобщить положение противника, чтобы оно обнимало все театральные представления

Уловка 4. Не соглашаются даже с правильными посылками, если сознают, что вывод из этих посылок был бы полезен противнику. Спорить с человеком, прибегающим к такой уловке, трудно и не особенно приятно. В подобных случаях лучше всего вести дело издалека, чтобы противник не догадался, к чему клонятся наши доводы. Надо незаметным образом заставить его согласиться с нашими попытками, рассеянными по одиночке; вообще не надо раскрывать своих карт до тех пор, пока противник не согласится с тем, что нам нужно.

Уловка 5. Ложные положения противника можно опровергать другими ложными положениями, которые он, однако, считает правильными. (Истина может вытекать и из посылок правильных.) Если, например, противник принадлежит к какой-нибудь секте, то мы можем пользоваться доводами, основанными на учении этой секты, хотя бы мы и не считали их правильными [Давыдов 1997: 275-276].

Aristote, Topica, VIII, 9.
[Schopenhauer 1999: 45-46].

Заметим, что текст А.Ш. в доступном нам французском переводе – это повествование от первого лица, обращающегося к собеседнику с советом, как себя вести в той или иной ситуации спора, как парировать выпады нападающего, как сделать более эффективными уколы, вызовы, контраргументы. В русском варианте – это скорее «взгляд со стороны», своего рода дидактическое наставление. Симптоматично, что в варианте Давыдова отсутствуют все ссылки Шопенгауэра на Аристотеля. Это объясняется тем, что работа Давыдова сама по себе посвящена не столько софистическим уловкам в споре, которые волновали Аристотеля, сколько **остроумию** как свойству эмоционального интеллекта, – в первой части своей работы Давыдов переводит отрывки из книги З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) [Фрейд 1997] (см. тж. ниже).

Для логики нашего исследования важно, что Г.Д. Давыдов связывает воедино «*искусство спорить*» и «*искусство острить*», объединяет **остроумие** как *когнитивно-эвристическую* и психофизиологическую *категорию* с манифестацией внутреннего эристического (под)сознания и внешнего эристического воздействия, а не просто с онтологией юмора и гелотогенными механизмами языковой игры (ср. [Козинцев 2007 а,б: 2008; Пропп 1997; Сальмон 2008; Слотердаjk 2001]).

Характерно, что В.И. Жельвис поддерживает эту связь эристики и остроумия, обращаясь к древнему ритуальному (игровому) виду публичной агональности в средневековой Англии – «вербальной дуэли», или в английском варианте – *flyting*, – имевшей целью вывести оппонента из себя и спровоцировать его на активные действия. Описывая современный вариант такой «пикировки в английском стиле» в романе Ремарка, В.И. Жельвис пишет:

«... перед нами типичный агон – соревнование не столько *скверно*-сколькo *острословов*, задача которого – продемонстрировать свои

вербальные возможности. Если вначале один из соревнующихся еще “кипел от бешенства”, то в конце оба собеседника “расстались, преисполненные взаимного уважения”» [Жельвис 2002: 202 – выделение и пояснение наши – И.Т.].

Есть еще один элемент, характеризующий работу Шопенгауэра как прообраз современного дискурсивного анализа спора. А.Ш. подчеркивает «идеальность» концепции Аристотеля о «правильной» диалектике. По его мнению, как уже отмечалось, вступающие во взаимодействия индивидуумы не являются носителями единого «чистого разума» («когитального сознания»), подстраиваемого «под вещь» (объективную действительность). Не совпадение «отражений» и не априорный консенсус «общего видения вещи» движут диалектикой, а движет ею индивидуальность картины мира каждого из участников диалогического обмена. «Разница в зарядах рождает ток». Этот интеракционный когнитивизм «ЭД» предвосхищает современные когнитивные исследования (аргументативного) дискурса (ср. [Баранов 1990; Кибрик 2003]). С.В. Воробьева отмечает: «Тематизируя спор в эпоху когитальной философии, тотального поиска условий абсолютной истины и всего лишь первых попыток утверждения трансцендентных *cogito* некогнитивных составляющих познания, Шопенгауэр вводит в эристический дискурс такие формы интенциональности как намерение, желание, страх и др. В структуру спора, наряду с тезисом спора и способами и путями его опровержения ("ad rem" и "ad hominem", прямое и косвенное), он включает контекст спора ("что собственно происходит при споре")» [Воробьева 2002].

Реальное межличностное общение гораздо чаще свидетельствует о несогласии, чем наоборот. Проявления эристики в речевом взаимодействии могут быть далеко не так абстрактны и маргинальны с точки зрения частотности и функциональной значимости, и, как отмечала А.К. Соловьева, «интеллектуальное и эмоциональное несогласие – такой же важный

компонент диалога, как интеллектуальное и эмоциональное согласие» [Соловьева 1965: 104]

Эристика пронизывает человеческий диалог. По мнению М. Анжено, *эристика* в большей мере свойственна живому, естественному диалогу: «Протагор <отец эристики> формулировал *теорию диалога*, разворачивающегося на уровне людей» [Angenot 2008: 57 – перевод и выделение наши – И.Т].

По мнению С.В. Воробьевой, «методологическим базисом эристики Шопенгауэра выступает его нравственная философия, основанная на нигилизме и тотальном пессимизме, особенно по отношению к окружающим, который объясняется особенностями характера самого Шопенгауэра (высокая самооценка, непринятие компромиссов, противопоставление себя другим людям, не умеющим по достоинству оценить его возможности)» [Воробьева 2002]. Это в большой степени гипотетическое замечание совпадает с нашей гипотезой об *эристической личности* (см. ниже).

Тем не менее, изложение Шопенгауэром в «ЭД» оснований эристической интенциональности, прагматических ситуативных сценариев – фреймов, – а именно так формулируются «стратагемы», «применяемые в спорах с коммуникантами-оппонентами, – можно рассматривать как прообраз современной ситуационной семантики с ее базисными понятиями ситуации, события и установки, а также праксеологии и теории принятия решений с их основными матрицами следствий, полезности и вероятности» [Там же]. Поэтому положения А.Ш. следует осознать как «пессимистический реализм», переводящий идеалистическую нормативность риторики в русло реального, психологически и контекстуально обусловленного речевого взаимодействия.

1.2.2. Следствия и флуктуации «Эристической диалектики»: Ницше и Постструктурализм

По мнению И.В. Кондакова, в истории мировой культуры яркие примеры эристичности являют собой эллинистически-римская культура, культура позднего средневековья и раннего западноевропейского Возрождения, культура барокко, культура западноевропейского романтизма, во многом инспирированная переоценкой ценностей в эпоху Великой французской революции, культура модерна рубежа 19-20 вв., культура постмодерна последней трети 20 в.» [Кондаков 1998б].

Ситуации в истории культуры, когда эристическое в общественных коммуникациях выступает на первый план, повторяются время от времени, – господствующие в обществе представления о научности, художественности, идеологичности, смещаются и перепутываются пласты культурной семантики, обновляется язык культуры, причем одновременное сосуществование «старого» и «нового» языков (например, [Гусейнов 2012; Кронгауз 2013] и др.) влечет за собой все более частое взаимонепонимание субъектов эристического культурного диалога; усиливаются разночтения в интерпретациях и осмыслениях внешне одних и тех же феноменов. В такие переломные культурно-исторические эпохи усиление культурного плюрализма, многозначности культурных явлений, поливариантности и факультативности социально-политического и социокультурного развития приводит к массовому ощущению нарастающего хаоса – принципиально непознаваемого, неподвластного человеку, катастрофичного для культуры и цивилизации.

Итак, «Эристика-1» – как искусство диалектического (диалогического) речевого взаимо-противо-действия и «Эристика-3» – как философско-культурный феномен – со времен античности воплощаются в таких мировоззренческих доктринах и концептах, как цинизм (кинизм), нигилизм,

профанация (атеизм), трансгрессия [Батай – эл. рес.; Зенкин 2019; Каштанова 2016; Разинов 2002; Фуко 1994].

Противопоставление «рациональное – иррациональное», «сознательное – подсознательное» превалирует в западном культурологическом представлении «эристической» философии [Ницше 1993; 2007; Фрейд 1997; Хайдеггер 2006; Деррида 1998 и др.].

Эристическое зерно диалектики Артура Шопенгауэра проросло в работах его последователей – Фридриха Ницше и Мартина Хайдеггера.

Все творчество Ницше – это эристическая полемика с современниками – представителями классической немецкой философии (Кант, Гегель и др.) [Батай 2010; Хайдеггер 2006]. Семиотика Ницше лишена понятия смысла – *ноэмы* (предметной сущности имени, по Э. Гуссерлю), которую полемизирующий с Ницше А.Ф. Лосев назвал предметной *энергемой* [Лосев 2009]. Для Ницше как будто нет «глубинной энергии смысла», в словах нет константы значения, – есть только *интерпретация*. Истина есть совокупность актов интерпретации, большинство из которых может быть ошибочно. С точки зрения *элокуции*, за откровенной эристичностью известных афоризмов Ницше – «*Падающего толкни*», «*Бог умер*», «*Когда идешь к женщине – бери с собой плетку*» – стоит философская ирония, эристический гипертрофированный парадокс, эпатирующий и шокирующий, ломающий стереотипы, побуждающий к размышлению [Хайдеггер 2007а: 22]. Тем не менее, Ницше и Шопенгауэра объединяет «имплицитная духовность» [Китаев 2010], скрывающая за эксплицитным эристическим вызовом имманентный антропологизм: их общей программой становится апология свободы воли, ответственности и творчества в непрерывном процессе становления человека⁸:

«Понятие воли фигурирует у Ницше как один из центрообразующих силовых факторов в формировании нового мировоззрения человека –

⁸ Ср. анализируемый в корпусе психологический портрет эристической личности доктора Грегори Хауса и др. эристов, рассматриваемых в исследовательской части работы.

мировоззрения, обращенного к сверхчеловеку. Воля у Ницше – это импульс изнутри наружу. Сюда же относится и «*независимость – удел немногих*», *независимость обладать мнением, отличным от мнения остальных, выносить самостоятельные суждения*. Такой «независимый» человек «не может более вернуться к состраданию людей» («По ту сторону добра и зла»)» [Там же: 61 – выделено нами – И.Т.]

Мартин Хайдеггер, назвавший Ницше своим учителем, определил философию Ницше как *нигилизм*:

«Метафизика Ницше и одновременно сущностная основа «классического нигилизма» не могут быть отныне определены яснее, чем метафизика абсолютной субъективности Воли к власти» [Хайдеггер 2007б: 325].

Эристическая философия унаследовала от античной софистики яркость элокуции – парадоксальность суждений философов основана на языковых манипуляциях – окказионализмах, терминологическом словотворчестве, оксюморонах, шокирующих (эристических) метафорах, аллюзиях, афористичности [Ильин 1996]. Эристичность плана выражения выносится буквально на поверхность – в названия статей и книг философов-эристик, построенных на противоречии, вызове. Например, у Ницше: «Сумерки идолов, или как философствуют молотом», «Мораль как противоестественность», «Антихристиянин (Антихрист)», «По ту сторону добра и зла»; «Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов» и др.

В «Человеческом...» Ницше в своем афористичном стиле выводит эристические фреймы и «стратагемы», характерные для речевого взаимодействия:

«– Благожелательная симуляция. Часто в общении с людьми необходимо из благожелательности *симулировать*, будто нам неясны мотивы их действий.

– Копии. Нередко встречаешь копии выдающихся людей; и здесь, как и в отношении картин, большинству *копии нравятся больше*, чем оригиналы.

– Оратор. Можно говорить весьма уместные речи и все же так, что все будут кричать о своем несогласии; это бывает именно тогда, когда речь обращена не ко всем.

– Советчики больного. Кто дает советы больному, приобретает чувство превосходства над ним, все равно, были ли советы приняты или отвергнуты. Поэтому раздражительные и гордые больные ненавидят советчиков еще больше, чем свою болезнь.

– Причина противоречия. Мы часто противоречим какому-нибудь мнению, хотя нам, собственно, лишь несимпатичен тон, каким оно излагается.

– Уловка. Кто хочет требовать от кого-либо другого чего-либо трудного, тот вообще не должен представлять дело в виде проблемы, а должен просто изложить свой план, *как будто последний есть единственная возможность*. И когда во взоре другого лица начинает разгораться возражение, противоречие, он должен суметь быстро *оборвать его и не дать ему опомниться*.

– Когда уместны парадоксы. *Иногда, чтобы убедить в чем-либо одаренных людей, нужно только изложить утверждение в виде чудовищного парадокса*» [Ницше 2007 – выделено нами – И.Т.].

Приведенная цитата рождает кажущиеся антиномическими параллели с постулатами этнометодологии (Дж. Гамперц и Д. Хаймс, И. Гоффман), принципа кооперации (Г.П. Грайс и Р. Лакофф), теорий (не)вежливости (П. Браун и С. Левинсон. Дж. Лич) и интеракциональной лингвистики (К. Кербрат-Ореккиони). Некоторые из заметок философа найдут развитие в нашем дальнейшем изложении.

Ясно, что Ницше повторяет эристику Шопенгауэра. Ясно и то, что это повторение в не меньшей степени *иронично* и мета-эристично, как и все творчество Ницше.

Доводя до крайности свои «принципы не-кооперации», Ницше как бы берет своего адресата «на слабо». В его обращении к читателю всегда звучит **вызов** – эта главная *тональность эристики*: провокация как проверка интеллектуальной адекватности, абсурд как абсолютная логика (Зазеркалья).

Ирония Ницше проявляется в его литературности философствования. Слово Ницше литературно. Оно не отправляется адресату, оно спускается сверху вниз как откровение или директива. И всегда эксплицитно или имплицитно это слово направлено против. Против (*para*) тривиальности нормы (*doxa*).

Мы намеренно игнорируем здесь философские, идеологические и, тем более, политические интерпретации и последствия творчества Фридриха Вильгельма Ницше (а также Хайдеггера и всего постмодернизма – ср. [Балашов 2013; Глухов 2018; Томэ 2018]). Нас интересует семиотико-филологический предмет – совокупная эристическая форма «плана содержания» и «плана выражения» этих идей: *агональность, вызов, провокация, скепсис и снисходительная ирония*. Философ и поэт-«модернист» Андрей Белый именно так прочитывал Ф.В.Ницше:

«Ницше не боролся с догматами в академическом споре: на войне, как на войне – он их обламывал. Только на завоёванной позиции поднимал забрало воина: тут он не доказывает; он говорит нам без слов, улыбается...» [Белый – эл. рес.]

Как и работы Шопенгауэра, Ницше и Хайдеггера, вся парадигма *постструктурализма* – это выражение философского релятивизма и скептицизма, «эпистемологического сомнения», «являющегося по своей сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания» [Ильин 1996: 4]. По мнению И.П. Ильина, эта философия, сопряженная с философией литературы, строится на «методологическом сомнении» по отношению «ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям, существовавшим и существующим в западном обществе» для его «легитимизации». Тоталитаризму постиндустриального общества противопоставляется философский релятивизм и скептицизм, утверждается «эпистемологическое сомнение» в пику позитивистским представлениям о природе человеческого знания [Там же: 15]. Сама идея *деконструкции* – разрушения традиционной

центростремительной структуры – представляется как попытка «свести с ума» (Ж. Делёз) предшествующий «тоталитарный» структурализм [Косиков 2000], что делает главными интеллектуальными эристическими концептами постмодернизма *агностицизм, децентризм, вопрошание и смех* (иронию, сарказм) [Козинцев 2013; тж. Лучинская 2002].

В работах Н.С. Автономовой (1977; 1996), И.П. Ильина (1996), Г.К. Косикова (2000) рассматриваются характерные черты постструктурализма как идейного течения в культуре Запада второй половины XX века. Нас интересует их анализ *эристического* в деконструктивизме, выражающегося в его риторике, в его «плане выражения» и проявляющего глубинные мотивы эристического мышления («план содержания»).

Прежде всего наследием софистической мысли в постструктурализме можно считать «поэтичность мышления» (М. Хайдеггер), слияния философской глубины и литературной художественности изложения (нарушение канонов, языковая трансгрессия), взаимопроникновение теорий философии, литературоведения, семиотики, лингвистики и культурологии у большинства представителей постмодернизма (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ю. Кристева, Р. Барт и др.).

Вовлечение в процесс философствования «игры словами» и даже фонемами (ср. оппозицию понятий, вводимых Ж. Дерридой, выраженной в одной графеме – *difference-différance*), словотворчеством в пику «позитивистской логицистичности» (И.П. Ильин), стирание различий между означающим и означаемым, нарочитая релятивизация смысла (как у Ницше), приводит Дерриду, по мнению Г.К. Косикова, к тому, что «идея оппозитивного различия (*différence*) должна уступить место идее различения (*différance*), инаковости, сосуществованию множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных смысловых инстанций. Оставляя друг на друге „следы“, друг друга порождая и друг в друге отражаясь, эти

инстанции уничтожают само понятие о „центре“, об абсолютном смысле» [Косиков 2000: 37].

Эристичность противоречия, отражающаяся в рассматриваемой дихотомии Ж. Дерриды, не «снимает», но утверждает самоё противоречие, превращая когнитивный консенсус (согласие) *de jure*, а на самом деле – победу одного из антагонистов *de facto*, – в когнитивное «различение», констатацию эристического статус-кво (признание альтернативности и противоречивости вариантов возможного решения) [Попова 2019].

Эристический диалог (спор) при этом не перетекает в «диалектическую критическую дискуссию» [Еемерен 1994; 2006] с целью «открытия истины» или «консенсуса», а продолжается «как есть» (“*tel quel*”), сохраняя эристичность, но превращаясь в форму (со)существования в естественной жизни (антиномии, антагонизмы) и/или в бытовой или институциональной дискурсивной деятельности: ссора, дружеская пикировка, спор, разногласия, а также политическая риторика, обличительные заявления и опровержения, выступления оппозиции, парламентские дебаты, предвыборная борьба, политическая полемика и т.д. Везде, где истина – «где-то рядом», а консенсус не является целью критического диалога. Здесь с очевидностью проявляется *монологизм эристического диалога* (дискурса): более важным становится *воздействие*, чем *взаимодействие*. При этом, с другой стороны, в силу конвенционализации противоречия снижается накал антагонизма, и бытовая речевая «разборка», и политическая коммуникативная агональность, конвенциализируясь, «выпускает пар» и, разряжая конфликт, не перерастает, как правило, в действительную «агрессию» (ср. [Ершов 2007; Шейгал 2000; Зайцев 2016] – см. тж. ниже).

Этому способствует и «театральность» эристического диалога – адресатом воздействия является не столько оппонент, сколько целевая аудитория, оценивающая не столько «вещь»-референт (смысл *de re*), сколько её интерпретацию и другие достоинства речевого поединка – его этоса и

пафоса (самопрезентация, ловкость, убедительность, решительность и т.д. – см. ниже). Внешний диалогизм дебатов направлен на внутреннее монологичное суггестивное воздействие. Такой скрытый за внешним диалогом монологизм («монологичный диалог») французские интеракционисты рассматривают как «риторический троп» [Kerbrat-Orecchioni 2008]: например, в теледебатах убеждающее воздействие оказывается не столько на оппонента, сколько на аудиторию телезрителей – потенциальных избирателей.

Следуя постулатам Ницше («Когда уместны парадоксы»), Деррида лидирует в эффектных языковых девиациях – мультилингвистических, как отмечает И.П. Ильин, «каламбурах, шуточных этимологиях, аллюзиях на что угодно, фонических и типографических трюках» [Ильин 1996]. В словаре его философских текстов – «немецкие, греческие, латинские, иногда древнееврейские слова, выражения и философские термины из самых разных областей знания» = [Там же]. Аллюзии и эквивокативность (двусмысленность) слов, используемых как термины: «гимен» как мембрана и проницаемость этой мембраны, «фармакон» – как отравы и лекарство, глагол *s'entendre (à parler)* как «слышать себя как постороннего» и т.д. (ср. [Ильин 1996]). Это придает игровой характер аргументации Дерриды, ломает каноны силлогистического позитивизма Аристотеля, заменяет рациональность аргумента фасцинативностью процесса (и формы) персуазивной анти-аргументации. Как отмечает И.П. Ильин, «Деррида фактически всегда един в трех лицах как философ, лингвист и литературовед. Это философ письменного текста, размышляющий о заблуждениях и абберациях человеческого разума» [Там же]

Эристический план выражения философии постмодернизма в виде языковых девиаций («означающее») пронизывает эристичность формы плана содержания («означаемое» в виде парадоксов). Постмодернизм (как и

русский модернизм и авангардизм) – это вызов всему – логике, рационализму, наконец, самому языку [Киклевич 2018; Кондаков 1998].

Французский постструктурализм решает эти вопросы, также, как и русский авангардизм, на уровне означающего, – но не слова или лексической метафоры, – а текста, нарратива, «рассказа» (*récit*). Поль Рикёр показывает, как возникает параллелизм между метафорой и рассказом [Рикер 1998]: смысловые эффекты, создаваемые и метафорой, и рассказом, связаны с одним и тем же основным феноменом – семантической инновацией. В обоих случаях эта инновация возникает исключительно на уровне дискурса, то есть на уровне речевых актов, равных фразе или превосходящих ее в текстах [Рикер 2013].

Этот вызов в полной мере отражает идеология второго по влиянию на мировую философию «постструктуралиста», философа и «дискурсолога», «историка безумия, сексуальности и власти» (И.П. Ильин) – Мишеля Фуко.

В философии Фуко, в его анализе «Запрета и Трансгрессии» Ж. Батая можно выделить три основных бинарных эристических содержания, развитие которых в значительной степени формирует суть ЭРИСТИЧЕСКОГО:

- 1) «Безумство и Инаковость»;
- 2) «Власть и Сексуальность»;
- 3) «Трансгрессия как форма бытия» [Автономова 1996; Фуко 1994].

1.2.3. Эристика как дискурсивная и речезыковая трансгрессия

В плане содержания трансгрессия, выраженная в приведенных выше дихотомиях Фуко, как правило, сводится к одной глобальной дилемме.

Следуя Батаю, *смерть и сексуальность* – вот два когнитивно-экзистенциальных содержательных пространства, «прорастающих» трансгрессией – нарушением норм и запретов. Как отмечает С. Зенкин,

«С тем, что запретно, нельзя соприкоснуться – даже в прямом физическом смысле, например, в плане контакта с мертвым телом, – и в нормальном общественном быту от него полагается воздерживаться: так,

сексуальность, бурная растрата физиологической энергии, подавляется и ограничивается обществом ради регулярного расходования этой энергии в труде» [Зенкин 2019: 53].

Как правило, с трансгрессией связывается преступление, сакральное грехопадение и рефлексивный стыд – производное трансгрессивного (ауто)дискурса:

«То, что сейчас является культурным достоянием, изначально представляло собой вопиющую трансгрессию границ понятного мира. Он предстает перед человеком в результате открытия запретной сферы, вся запретность которой проявляется в ее таинственности, сокрытости от публичных взоров. В эротику посвящают, и таким образом каждый становится участником тайного общества, поскольку говорить об эротике оказывается неуместным и, в некоторой степени, мало возможным, так как слов языка оказывается недостаточно, чтобы описать этот опыт, не обращаясь к словам, имеющим непристойный, эксцессивный смысл, что только усугубляет интерес к запретной сфере» [Каштанова 2016].

Для Фуко трансгрессия – это прежде всего «*excès*» – «эксцесс», «неумеренность», выход за границы рациональности и целесообразности, способ преодоления внутренних (а не столько социальных – по Батаю) границ. Философская трансгрессия Фуко монологична, она противоположна диалектической трансгрессии Ж. Батая, которая «*снимает запрет, не уничтожая его*» [Батай – эл. рес].

Трансгрессия, по Фуко, – это отказ от противоречия (диалектико-диалогического), это *монологический акт преодоления границ*, освобождение *от диалогической «зависимости» противоречия в пользу утверждения как такового – ни положительного, ни отрицательного*. Это возвышение над противоречием, утверждение “о-определённого” существа в самом его акте выхода за собственные пределы, в “беспредельность”» [Зенкин 2019: 54].

Безумство и Инаковость, Власть и Сексуальность для Фуко – это перманентная трансгрессия «вокруг предела», но и к тому же подлинный и

перманентный модус человеческого существования, в котором наше «существо» действительно обретает себя.

Если трансгрессия Батая нарушает запрет (социально-нравственный), направлена против него [Батай – эл. рес.], то трансгрессия Фуко не направлена, это трансценденция – возвышение над противоречием путем самого перманентного процесса противоречия и трансгрессии [Фаритов 2015]. В преломлении к дискурсивному воплощению трансгрессии – это преодоление разногласия путем самого разногласия (т.е. эристики), это «глубокое разногласие равных» [Лисанюк 2019], которое лежит вне рамок обычной убеждающей и рациональной аргументации (см. тж. [Будылин 2008]). Такое противоречие трансцендентально и перманентно. Это спор, который никогда не прекращается (ср. выше о «прагма-диалектической концепции» [Емерен 2004]). Следуя этой мысли, *эристический акт* (процесс) речевого *противоречия* – это выход на поверхность постоянного имманентного внутреннего разногласия, спроецированного на партнера по коммуникации.

В отличие от идеала диалектической дискуссии – поиска консенсуса, **эристика трансгрессивна** [Angenot 2008]. Она совершает обратный ход – это «такая форма мысли, где вопрошание о пределе приходит на смену поискам тотальности и жест трансгрессии заменяет собой процесс противоречий» [Батай 2007]. Тотальность истины (позитивизм) или согласия (консенсуса) как цель диалектического спора ограничивает возможность дальнейшего поиска, признавая приоритет временной несовершенности и удовлетворительной «посредственности». Эристика оставляет противоречие открытым. Это и есть «эристическая диалектика», или в наших терминах – *эвристическая эристика* – перманентное соревнование (*agôn*), в котором принципиально важно разногласие как условие суверенности знания и мнения. Вслед за Эвристической Эристикой, Интеракциональная Эристика

предстает как процесс⁹ диалогического противоречия, как трансцендентное «искусство интеллектуального фехтования» (А. Шопенгауэр), «зрелищный спектакль», а не поножовщина на «уничтожение противника» (А.В. Зайцев).

Анализируя Батая, Фуко называет его тексты «афористичными», как бы подчеркивая связь между ним и его кумиром – Ф. Ницше.

Батай, посвятивший Ницше немало строк, по словам А. Рясова, «попытался превратиться в автора «Веселой науки»: «Никто не может достоверно прочитать Ницше, не “став” Ницше» (Ж. Батай «О Ницше» – цит. по [Рясов 2011]). Афористичность Ницше и Батая не похожа на привычное понимание афоризма как сентенциальной формы [Дядык 2011; Карлик 2013]. В текстах Батая (как и самого Фуко) афористичность акцентируется не поучительной причинностью аналогии, и не ясностью механизма внутреннего сходства, а сложностью «когнитивного блендинга» [Fausonnier, Turner 2003] метафоричности, следовательно, интеллектуальным «вызовом» – необходимостью усложненной интерпретации (ср [Гуцал 2009]).

Рассматривая анализ афористики Ницше в известной работе В.А. Подороги¹⁰, Н.Г. Дядык отмечает:

«“Танцующее письмо” Ницше, как отмечает Подорога, возникает благодаря использованию афоризмов в качестве способа философствования, создающих тот самый экстерриториальный ландшафт мысли, препятствующий линейному чтению и пониманию. Ницше, как верно указывает Подорога, не видит качественного различия между метафорой и понятием: ведь понятие – это мысль, абстрактно выраженное содержание метафорического отношения к реальности, причем замещающее ее саму» [Дядык 2011: 6].

Афористичность Фуко эвоцирует «волну памяти» («*une vague de peu de mémoire*»), заставляющую сделать усилие для понимания далеко не простого

⁹ В прагма-диалектической концепции датско-голландских аргументалистов это только начальная (первая) стадия аргументативной дискуссии [Еемерен 2006].

¹⁰ Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Серен Кьеркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. – М.: «Ad Marginem», 1995. – 427 с.

афористического смысла, оплодотворенного универалистским свойством интертекстуальности. Такое нарушение «нулевой степени письма» (Р. Барт) есть трансгрессия формы плана выражения. Афористичность сама по себе эристична (см. ниже), так как афористичность в интенциональной основе своей несёт «претенциозность» мудрости, интеллектуального возвышения над «примитивным смыслом» – достоянием «примитивной аудитории» (ср. ниже «универсальная аудитория» Перельмана [Perelman 1983: 56]).

Элитарность адресата в философии постструктурализма выступает прагматической пресуппозицией творчества. Только «посвященные» могут понять двойной смысл нигилизма и духовные изыски постмодернизма. Такое интеллектуальное высокомерие часто вызывает (эристическое) раздражение даже у самых маститых интеллектуалов (ср. [Балашов 2013; Киклевич 2018; 2019]).

Девиации и трансформации плана выражения свойственны риторике постмодерна. Эристическая эклектика и интертекст – вот основной прием «танцующего письма» интеллектуальной трансгрессии.

По словам А. Рясова,

«Батай впервые почувствовал в себе силы нарушить все жанровые законы, смешав атеизм с мистицизмом, поэзию – с наукой, религию – с порнографией, а философию – с дневниковыми заметками. Но, кажется, главным, что поразило Батая в работах Ницше, были не идеи о сверхчеловеке и не выход за пределы добра и зла, а сама способность философа сорвать ореол серьезности и засмеяться во весь голос (а ведь это качество и до сих пор не является бесспорным атрибутом философии). Недаром излюбленной цитатой из Батая для Жака Деррида стала фраза: “Я очень дорожу этим, но стал бы я так дорожить, если бы я не был так же уверен, что могу над всем этим посмеяться?”» [Рясов 2011].

Таким образом, трансгрессия и вместе с ней эристика непременно связаны с интеллектуальной независимостью, суверенностью, остроумием, как и иронией, нежеланием следовать заданным нормам мыследеятельности, в том числе и нормам «пресной» и «удушающей» языковой эмпатии (вежливости, услужливости, лести и т.д.), законам, ограничивающим игру и

удовольствие, получаемое от интеллектуальной суверенности. Такое интеллектуально-эристическое поведение рождает особый – эристический – «когнитивный стиль» [Шюц 2004]. С точки зрения социальных норм, интеллектуальная трансгрессия маргинальна. Однако, следуя определению, вся риторика как искусство красноречия и изящной словесности – маргинальна, и предмет её – речевые «девиации» – фигуры и тропы.

Афористичность, риторичность формы плана выражения неотъемлема от формы плана содержания – остроумия и экспрессивно-фасцинативного способа его выражения.

Остроумие и смех как эристический вызов канонам и нормам письма и жанра, как трансцендентная трансгрессия [Фаритов 2015], возвышающаяся над противоречием, – непременно обрамление высокого интеллектуального стиля. Как в философии, так и в дружеской беседе.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Эристика как модальность риторического воздействия и модус античной риторики требует осмысления с позиций современной философии, логики, лингвистики и теории речевого воздействия. В таком ракурсе открывается следующая последовательность положений-выводов:

1. Обращение к категориям риторики как исторически сложившейся парадигме исследования речевой интеракции на современном витке лингвистического антропоцентризма позволяет по-новому осознать и приложить к лингвистическому поиску идеи, до сих пор не нашедшие адекватной оценки их эвристической релевантности и должного анализа и развития.

2. В работах античных философов корреляции между диалектикой, софистикой и эристикой как модусами речевого воздействия строятся на логоцентризме речевой интеракции: логико-силлогистическая модель речевой интеракции противопоставлялась софистике как искусству логико-

психологической манипуляции и эристике как «риторическому насилию» и борьбе за победу над оппонентом «нечестными» средствами.

3. Анализ произведений античных классиков (Античной Троицы), а также современных критических исследований их наследия позволяет выявить противоречия в понятийном и методологическом аппарате как древних философов, так и современных исследователей, которые принимают положения антиков как данность, делая их принципами своих исследований. Тем не менее, противоречия существуют и сводятся к ряду следующих положений:

а. Античные представления о софистическом и эристическом модусах речевой интеракции являются в большей степени декларативными, они не подтверждены анализом реального «площадного» дискурса и зиждутся на законах нормативной (прескриптивной) формальной логики (силлогистики) как основы «диалектического» речевого взаимодействия.

б. С точки зрения платоников, сама *риторика* противопоставляется диалектике и отождествляется с софистикой как переход от чистой онтологичности познания *de re* (логика предмета познания) к обстоятельствам речи (этосу и логосу) *de dicto*, связанным с эффективностью убеждения: учет аудитории, её интересов, мотивов, иерархии аргументов (топосов) и т.д.

в. Эристика в представлении Платона и Аристотеля выступает не столько четким научным понятием или категорией, сколько концептом с неясными концептуальными признаками и средствами выражения. Нет четкой и однозначной дифференциации диалектических, софистических и эристических способов ведения публичных дискуссий.

г. Нормативность античной риторики как искусства красноречия и убеждения являлась не столько риторико-лингвистической, сколько логической и идеологической прескрипцией, ориентированной на теоретико-дидактические постулаты логических правил и нравственных добродетелей.

4. Диалектика, софистика и эристика имеют **общее** сущностное основание – **противоречие** – как эвристический и риторический феномен, выраженный в агональности (сопоставительности), и представляются рядоположенными категориями речевого взаимодействия, находящимися между собой в категориально-логическом отношении пересечения: они имеют дифференциальные тактические и общие стратегические механизмы в риторико-аргументативной речевой интеракции. На самом деле Диалектика в понимании античных ученых становится Диалогикой, по сути, зонтичным термином, категорией не противоречащей, а включающей софистические и эвристические техники убеждающей речи.

5. В основу дифференциации указанных категорий положен принцип прагматической деонтологии, закрепляющий идеологические основы эллинистической демократии, Провозглашаемые софистами скептицизм и антропоцентрический реализм противоречили социальным устоям эллинистического полиса.

6. Опирающиеся на античную традицию нормативной прескрипции многие **современные** аргументативно-риторические исследования представляют *эристику* в качестве «порицаемой» речевой практики, предпочитают осудить и тем самым вывести из поля объективной дескрипции феномен и категорию эристики, на самом деле охватывающую и фундирующую речевое взаимодействие.

7. Эвристическое начало, заложенное в природе «диалектической» (то есть диалогической) социально-речевой интеракции, имеет глубокие антропоцентрические – не только антагонистические, но и конструктивные – характеристики, вытекающие из природы социальных отношений, как то: философская рефлексия (обращение к собственной идентичности); эвристическая спонтанность (конструирование новых смыслов); интеллектуальная свобода (выражение скептицизма по отношению к принятым нормам); относительность знания (понимание как интерпретация);

стремление к доминированию в рассуждении и аргументации; лингвопрагматический релятивизм (игра слов, имплицитность/ косвенность); эпистемическая бдительность; образность и эстетическая фасцинация и др.

8. Философско-культурологическая эристика, «способствуя радикальной переоценке ценностей, пересмотру готовых стереотипов и клише, помогая преодолеть конфликт интерпретаций, несет не только деструктивное, но и позитивное содержание этой разновидности социокультурной напряженности, выполняющей функцию перекодирования культурной семантики со “старого” символического языка на “новый”» (И.В. Кондаков).

9. Рассматриваемая в античной риторике триада *диалектика – софистика – эристика* представляется как всеобщая «техника разума», включающая три категории: логику, диалектику и риторику, которые могут применяться *дифференцированно* или *вместе* в зависимости от желания или ситуации (А. Шопенгауэр).

10. Исходя из реалий речевого взаимодействия, диалектика неизбежно переходит в область разногласия, в технику диспута, в «область эристическую». Диалектику можно и нужно рассматривать как «искусство спора» (эристику). Отсюда любой спор в перспективе интеллектуального взаимодействия – это, так или иначе, объективный интеллектуальный выигрыш, достижение превосходства над соперником (А. Шопенгауэр).

11. Эристическая диалектика есть «искусство интеллектуального фехтования», в котором побеждают или проигрывают вне зависимости от сущности и справедливости защищаемого тезиса. Побеждает тот, кто без колебаний стремится к победе любой ценой (“*per fas et nefas*”). Для достижения этой победы возможно применение уловок – приемов, стратагем, не ограничиваемых правилами формальной логики или нормами морали (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше). Главным орудием эристической диалектики выступает парадоксальное суждение, эпатаж, вызов. В анализ спора

Шопенгауэр вводит такие формы эристического дискурса как интенциональность (намерение, желание, страх) и контекст.

12. Эристические когнитивные механизмы спора – агональность и агрессивность, семантический сдвиг (метафора, метонимия) и парадокс – находятся в корреляции с механизмами смешного (шутка, насмешка, ирония, сарказм), составляющими эристическую угрозу психологическому и социальному равновесию партнера по речевому взаимодействию (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, Г.Д. Давыдов).

13. Идеи и принципы философской эристики получили развитие в работах философов и филологов нового времени, объединенных интеллектуальным стремлением к отрицанию существующей рациональности, установленных норм и правил мышления, рассуждения и самовыражения. Эристический философский дискурс нового времени отличается следующими характеристиками:

а) приоритет иррационального над рациональным, подсознательного над сознательным, «смешного» над «серьезным», мистификации над демонстративным рассуждением (Ницше, Фрейд, Хайдеггер, Деррида);

б) в словах нет константы значения, – есть только *интерпретация*. Истина есть совокупность актов интерпретации, большинство из которых может быть ошибочно. С точки зрения *элокуции*, за откровенной эристичностью известных афоризмов Ницше – «*Падающего толкни*», «*Бог умер*», «*Когда идешь к женщине – бери с собой плетку*» – стоит философская ирония, эристический гипертрофированный парадокс, эпатирующий, ломающий стереотипы, побуждающий к рефлексии. В нарочитом принципе не-кооперации Ницше отражается нигилистическая ирония и провокация, нонсенс и абсурд, **вызов** как главная *тональность эристического дискурса*.

14. Эристическая форма «плана содержания» и «плана выражения» наследника софистической мысли – постструктурализма – отличается «поэтичностью мышления» (М. Хайдеггер), нарушением канонов

литературной художественности, языковой трансгрессией, взаимопроникновением философии, семиотики, лингвистики и культурологии (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ю. Кристева, Р. Барт и др.).

15. Эристика постмодерна театрально трансгрессивна и афористична. Афористичность эристики отличается не поучительной причинностью аналогии и неясностью механизма внутреннего сходства, а сложностью «когнитивного блендинга», следовательно, интеллектуальным «вызовом» – необходимостью усложненной эвокативной (персонально-образной) интерпретации.

16. Остроумие и смех как эристический вызов канонам и нормам письма и жанра, как трансцендентная трансгрессия, возвышающаяся над противоречием, – неременное обрамление высокого интеллектуального стиля не только в философии и литературе, но и в обыденной речевой интеракции.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН ЭРИСТИКИ

Исконной функцией эристики как «искусства интеллектуального фехтования», её первичной функциональной средой является СПОР (контroversия) и смежные с ним, а точнее – производные от него жанры речевого взаимодействия (дебаты, дискуссия, полемика и проч.).

Кросс-культурное измерение анализа эристики необходимо начать с обзора отечественных концепций спора как лингво-дискурсивного феномена.

2.1. Спор и его концептуализация. Функционально-структурная эристика

Уже в классическом определении эристики как *eristike tēchne* (искусство спора) выявляются прототипические черты философско-эстетического и логико-аргументативного потенциала эристической речи, поэтому Эристика не всегда имела и имеет репутацию зловредной «черной магии» или руководства по «уничтожению противника».

2.1.1. Эристика как «теория и практика спора». Типология спора. Эристическая компетенция.

В истории российской гуманитарной науки (философии, логики, риторики и т.д.) Эристика часто предстает как искусство, технология или даже теория спора (см., напр., «Основы научной эристики» [Блажевич 2002]).

Исследования спора в России имеют скорее логико-функциональный и технологический, прикладной (дидактический) характер с элементами теоретических обоснований. К чисто практическим разработкам, как у нас, так и за рубежом, относятся многочисленные публикации о тактике, стратегии и победе в споре и о последующем за ними успехе в жизни и в профессии (см., напр. [Панкратов 1996; Стешов 1991] и мн. др. см. Библиография).

Приоритет среди «наук о споре» в России изначально принадлежал логикам: «Спор представляет собой столкновение мнений или позиций, в

ходе которого стороны приводят аргументы в поддержку своих убеждений и критикуют несовместимые с последними представления другой стороны» [Ивин 2002: гл. 14 – эл. рес.].

Рассмотрение спора как «частного случая аргументации» [Там же], построенной на формальной логике и силлогистике, сразу ставит вопрос о нормативности и ненормативности спора. Этой мыслью пронизаны практически все отечественные работы по логике и риторике.

В их представлении СПОР – это и концепт и «макро-жанр», синонимом которого для нас является ПРОТИВО-РЕЧИЕ, разногласие – то, что в западной риторике обозначается, как *controverse* (фр.) / *controversy* (англ.) – **контроверза (контроверсия)** – существующее в русском языке слово – устаревший гипероним к значениям: 1) *разногласие, расхождение во мнении, суждении*; 2) *полемика, дискуссия по спорному вопросу* [МАС – эл. рес.].

Среди работ более или менее теоретических, относящихся к спору, выделим несколько наиболее продуктивных для нашей цели и рассмотрим их по трем связанным векторам, прототипически присутствующим во всех исследованиях:

- 1) оценочная мотивация (цель) спора;
- 2) типология спора и
- 3) технология спора (стратегии и тактики).

Общим и краеугольным положением всех этих исследований является то, что спор рассматривается как речевой жанр и даже как речевое событие (фрейм), состоящее из более или менее типологизированных речевых действий, представленных как «стратагемы» (планируемые стратегии и тактики). Напомним, что в нашем понимании спор – это прежде всего противоречие и «противо-речие» – **контроверзия**, имеющая трансцендентальный, полижанровый и трансжанровый характер.

Наряду с рассмотренной выше работой Г.Д. Давыдова каноническим считается исследование «главного отечественного специалиста по спору» –

С.И. Поварнина (далее – С.И.П.) «Искусство спора» (1918), который, во-первых, следом за Аристотелем, практически не делает различия между эристикой и софистикой, категорически осуждая эристику и позицию А. Шопенгауэра о возможности эристического спора: («На слова Шопенгауэра позволительно ответить так: ”где можно, там лучше не пачкаться в грязи”»). Посвящая главную часть работы правилам силлогистики (качеству довода, правилам дедукции и индукции и т.д.), С.И.П. выделяет пять основных типов спора: *Спор для проверки истины. Споры для убеждения. Спор из-за победы. Спор-спорт. Спор-игра.*

В споре ради истины приводятся только рациональные доводы в пользу противоположных точек зрения («этот тип спора встречается редко, только между очень интеллигентными и спокойными людьми» [Поварнин 1996: 17]), формулировка компромиссного решения возможна при оценке силы (релевантности) про- и *контр*- аргументации.

В споре ради убеждения существуют два варианта: «а) спорящий может убеждать противника в чем-либо, в чем сам глубоко убежден», б) «потому, что “так нужно”, “так полезно” для какой-нибудь цели» [Поварнин 1996: 18]. Чтобы побудить оппонента к определенным действиям, используются эмоциональные доводы (через обращение к потребностям оппонента), риторические уловки.

В споре ради победы каждый из участников пытается произвести благоприятное впечатление о себе и принизить оппонента в глазах аудитории:

«<одних> прельщает слава “непобедимого диалектика”. Другие ищут побед потому, что им надо победить в споре. На то они и призваны, чтобы побеждать. *Например, миссионер в собеседованиях с сектантом должен победить. Или представитель партии в митинговом состязании.* Он должен, если не убедить, то победить. Дешевые лавры или не дешевые, кухонные или какие угодно, – но должны увенчать их головы: провал недопустим. Само собою разумеется, что в подобных спорах часто приемами не стесняются. *A la guerre comme à la guerre.* “Победителей не судят”. Лишь

бы победа была поэффективнее. Кстати, только в подобных спорах часто необходим и такой жалкий прием, как “оставить за собой последнее слово”» [Там же: 19 – выделено нами И.Т.].

Спор-спорт – это «искусство для искусства»:

«Такой «спортсмен» не разбирает часто, из-за чего можно спорить, из-за чего не стоит. Готов спорить за все и со всяким, и чем парадоксальнее, чем труднее для отстаивания мысль, тем она для него иногда привлекательнее. Для иных вообще не существует парадокса, который они взялись бы защищать, если вы скажете: «нет». При этом они становятся часто в самые рискованные положения в споре, — так сказать, висят в воздухе, «опираясь только большим пальцем левой ноги на шпиг колокольни», и, чтобы как-нибудь сохранить равновесие и извернуться, громоздят парадокс на парадокс, прибегают к самым различным софизмам и уловкам» [Там же: 20– выделено нами И.Т.].

Спор-игра – упражнение в риторике и освоение навыков спора («практически не встречается»):

«У древних греков один из собеседников только предлагал вопросы, другой только давал ответы. Отвечающий мог говорить исключительно «да» или «нет», разве иногда с небольшим разъяснением; спрашивающий, со своей стороны, должен был предлагать только такие вопросы, которые допускают лишь простой ответ: «да», «нет». Цель спрашивающего – вынудить у собеседника согласие с утверждением, противоречащим тезису, который тот взялся защищать, т. е. привести его к противоречию с самим собою» [Там же: 21].

Очень важно, что, несмотря на декларативное отвержение софистики-эристики, С.И. Поварнин явно прослеживает градуальную нисходящую последовательность от «высокого стиля» спора к «более низким», что доказывает отсутствие непроницаемых границ внутри классической триады «диалектика – софистика – эристика», когда речь идет о реальном (а не нормативно-идеалистическом) речевом взаимодействии – споре с учетом мотивированности и интенциональности говорящих. Об этом свойстве дифференциации категории агональности – синкретичности и градуальности манифестаций (диффузном взаимопроникновении) типологических признаков спора, – говорят практически все ученые, в частности, Д. Уолтон

[Уолтон 2002; Walton 1993]. Создав свою типологию диалогов, в которую входит и эристический диалог, Уолтон вынужден был вводить все новые и новые подтипы и под-подтипы диалогов, которые постоянно возникают внутри речевого взаимодействия. Он достаточно часто в своих работах эристический диалог рассматривает и как софистический, и как диалектический [Walton 1993], определяя его как такой вид диалога, который обуславливает высокий уровень состязательности и конкурентоспособности, где каждый участник пытается создать впечатление наиболее умного и умелого спорщика. Крайним видом эристического диалога, по Уолтону, является *ссора* [Walton 1995].

Дидактические аспекты эристики (командная игра «Дебаты», эристические и аргументативные «тренинги», «спарринги» и т.п.) сегодня становятся все более популярными и актуальными во всех областях обучающей институциональной интеракции, в дидактической теории и практике «критического мышления» (*critical thinking*) [Ennis 1996; Facione 2000; Hamby 2013] особенно, в учебных заведениях США и Европы [Hatcher 2009], и постепенно (как «инновационные методы обучения») проникают в отечественную педагогику [Хазагеров 2013; 2014].

А.П. Сковородников включает *эристическую компетенцию* в базовые культурно-речевые компетенции [Сковородников 2014: 8, 226], и рассматривает её как составляющую широкой коммуникативно-речевой компетенции: «Эристическая субкомпетенция (от др. греч. ἐριστική – ‘искусство спора’) включает знание основ теории спора <...>, умения и навыки его конструктивного ведения. Кроме того, эта субкомпетенция предполагает знание типичных *Барьеров общения* (см.) конфликтогенных ситуаций и умение их предупреждать, а в случае возникновения – оптимальным образом преодолевать (см. *Лингвоконфликтология*); знание приёмов речевой манипуляции сознанием и поведением людей (для обеспечения личной и коллективной информационной безопасности); умение

противостоять манипулятивному воздействию в бытовой и идеологической сферах общения (см. *Речевое манипулирование*)» [Там же: 226].

Эристическая компетенция как навык «эпистемической бдительности» и критического отношения к информации и её источнику – это условие *sine qua non* современной жизни. Её отсутствие граничит с наивностью, излишней доверчивостью, наконец, с глупостью.

Очень важно, что Е.Н. Зарецкая в своих работах вносит интенционально-эмоциональный фактор в анализ софистико-эристического спора. Вторя Шопенгауэру, она подразделяет психологические барьеры между антагонистами на **смысловые** (*ad rem*) и **коммуникативно-психологические** (*ad hominem*): «Смысловые возникают из-за нарушения законов логики. Коммуникативные – из-за непонимания природы и психологии общения людей, сущности процессов их восприятия и взаимодействия и, наконец, из-за неприятия действительности» [Зарецкая 2006].

2.1.2. Интер-лингвокультурный жанровый диапазон эристики

Созвучный с нашим подходом кросскультурный аспект исследования концептуализации СПОРА, мы находим в диссертации Е.Н. Горбачевой [2006], который приводит автора к характеристикам функциональной асимметрии в концептуализации и дискурсивных реализациях в русской и английской лингвокультурах.

Как отмечает Е.Н. Горбачёва, «концепт СПОР в русской лингвокультуре ассоциируется с многими ситуациями: спор-пререкание (обмен разными мнениями), судебное разбирательство, спор-пари, спор-битва, спор-соперничество, спор-сопротивление абстрактным сущностям (болезням, смерти, судьбе). Среди них выделяются три речевых жанра: спор-пререкание (обмен разными мнениями), судебное разбирательство и спор-пари» [Горбачева 2006: 12].

«В обыденном речевом взаимодействии виды, формы и способы обозначения данного вида спора многообразны: «препирательство», «пререкание», «перепалка», «перекоры», «нелад», «баталия», «словесная дуэль», «грызня», «контроверза», «словесный пинг-понг», «стычка», «столкновение» (в переносном значении), «схватка», «сшибка», «трения» (в переносном значении). Все они объективируют ситуацию эмоционального спора. Различие в данном ряду наблюдается по признаку «враждебный/невраждебный». Судебное разбирательство репрезентируется лексемами «тяжба» и «заклад», спор-пари — идиоматическими выражениями «биться об заклад», «держат/заключат пари» [Там же: 15].

По мнению Е.Н. Горбачёвой, «основными в английской лингвокультуре выделяются три ситуации спора, обозначенные лексемой «arguing»: *arguing-reasoning in the process of discussion* (спор-доказывание/убеждение), *arguing contending* (спор-состяжание), *arguing-quarrelling* (спор-ссора). Для обозначения первого вида спора – «arguing-reasoning» – используются также лексемы «discuss», «debate», «dispute» [Там же: 14].

Кроме того, английское «фолк-терминологическое» лексико-семантическое поле (ЛСП) «бытовой спор» делится на две части по признаку «серьезность/несерьезность». Е.Н. Горбачёва отмечает: «Ситуация спора «arguing-contending» может обозначаться посредством лексем «contention», «contest», «controversy», «polemic», «polemics», «struggle», «logomachy» с общим признаком «наличие серьезного разногласия по какому-либо вопросу». Ситуация спора-ссоры – «arguing-quarrelling» – репрезентируется посредством синонимов лексемы «quarrel», таких как «altercation», «strife», «tow», «wrangle», «feud», «fracas», объединенных общим признаком «эмоционально насыщенный серьезный спор». Кроме того, в английском языке выделяется ряд слов для обозначения ситуации эмоциональных, но

несерьезных споров: «quibble», «spat», «bickering», «tiff», «squabbling», «argybargy»» [Там же].

Во французской лингвокультуре гиперонимом, соответствующим понятию СПОР в смысле ПРОТИВОРЕЧИЕ ('DISSENSUS') выступает лексема и концепт CONTROVERSE, включающий в себя три ядерных слота (по возрастающей степени агональности): *discussion, débat, polémique*. Имеющий в русском и английском языке семантику академичности «диспут» – *dispute* – во французском имеет значение «ссоры», «перебранки». Многочисленные исследования рассматривают различные аспекты обозначаемых этими лексемами жанров речевого взаимодействия [Amossy 2013; Angenot 2008; Charaudeau 2017].

Проведя анализ словарей, включая синонимические и ассоциативные [MAC 1999; Cassell's 1977; Cellard, Rey1991; The Concise Oxford Dictionary 1984], мы получили словник из 99 регулярных лексических коррелятов (с межъязыковыми повторами и дублетами), часть которого приводим в следующей Таблице 1:

Таблица 1.

Англо-русско-французские лексемно-корреляты конфронтационной эристики (фрагмент ЛСП)

Английский язык	Русский язык	Французский язык
Inequality	Неравенство	Inégalité
Discord	Диссонанс	Dissonance
Rift	Разлад	Faille
Ruckus	Ажиотаж	Bruit
Disagreement	Разногласие	Désaccord
Tiff	Размолвка	Querelle
Wrangle	Спор	Différend
Expostulate	Спорить, убеждать	Argumenter
Confrontation	Конфронтация	Confrontation
Distinction	Различие	Différence
Spat	Размолвка	Querelle
Tension	Напряжение	Tension

Controversial	Спор, спорный	Controverse
Antithetical	Противоположность	Tourmente
Kerfuffle	Нестыковка, разлад	Incohérence
Discrepancy	Несоответствие	Discordance
Internal Conflict	Внутренний конфликт	Conflit interne
Quarrel	Ссора	Querelle, Dispute
Fracas <...>	Скандал <...>	Scandale <...>

Однако границы представленных в этом лексико-семантическом поле понятий (выраженных в национальных ЛЕ – «фолк-терминах» [Taylor 2015]) достаточно размыты, и в каждом исследовании эти категории получают *специальные* определения и трактования *ad hoc*, имеющие, тем не менее, некоторое инвариантное понятийно-интуитивное «ядро» (см. [Culpeper 2009]), которое мы и называем «эристическое в речи» [Тамразова 2009].

Типологии эристических речезыковых имплементаций конфликта, так же как и осмеяния, требуют более формальной и конвенциональной терминологии. Важной целью теории является попытка преодолеть фолк-терминологический произвол, то есть установление условного, общеразделяемого критерия определения разных понятий в соответствии с используемыми терминами. Подобное упорядочение предусматривает со стороны теоретика выделение основного критерия для дифференцирования форм и механизмов их действия. Этот критерий обнаруживается в тесной связи между явлением, его функциональным определением и применяемым к нему термином, то есть в тройном соотношении эристической коммуникации. Первым шагом на этом пути является выявление онтологии эристического (речевого) поведения, его функционального диапазона и выведения инвариантной речезыковой единицы анализа – *эристымы* (см. ниже).

Национальная концептуализация того или иного явления, связанного с эристическим диалогом или смехом, требует развернутого обобщения, в котором межъязыковые корреляции «фолк-терминов» нашли бы

фундаментальное обоснование, утверждаемое лингвоэтническими исключениями, такими как *глумиться* и *ехидничать* в русском языке (В.И. Карасик) или, например, слово *хохма*, заимствованное из иврита («мудрость») через идиш (с таким же значением, но с преимущественно иронической коннотацией [Сальмон 2008: 107]).

С другой стороны, такая развитая, а иногда и противоречивая, лексико-семантическая дифференциация речеповеденческого пространства спора, насмешки, иронии, ёрничества – всего интеракционального противоречия и смеха, – дает основание считать, что сведение этой палитры к омнибусной «речевой агрессии» упрощает объяснение, но не делает его универсально обоснованным *a priori* (ср. [Карасик 2011]).

Многие эристические речевые события косвенно-имплицитны и не имеют *перформативной* речеактовой формы (* *Я тебе угрожаю!*; * *Я тебя обижаю!*; * *Я тебя унижаю!*, но: *Я тебя презираю!*; *Шучу!*; *Шутка, без обид!* и т.д.). Многие выходят за рамки прямой агрессии и квалифицируются как проявления *невежливости* [Culpeper 2011 и др.] (напр.: *Вы неважно выглядите*; *Ты старый и больной, куда тебе* и т.п.). Можно ли рассматривать, например, *нарочитый отказ* как речевую агрессию (– *Можно выйти? – Не-ет*)? На основе проведенного нами словарного и корпусного анализа изучения теоретических исследований (см. Введение) мы можем представить трехчастную иерархическую модель функционального поля эристики с открытыми таксономическими слотами (см. ниже Таблица 2)

Таблица 2.

Трехуровневая иерархия функционально-семантического поля эристики (русско-французские корреляты)

Уровни анализа	Таксономические слоты и единицы
Коррелирующие категории	<i>речевое противоречие / противодействие; когнитивный диссонанс / речевой конфликт / речевая трансгрессия, ироническая эмпатия, контраргументация, юмор / агональность /</i>

	<i>речевая агрессия, ложь <...></i>
Catégories corrélatives	<i>contradiction verbale / opposition; dissonance cognitive / conflit verbale / transgression verbale, empathie ironique, contre-argument, humour (ironie) / agon / aggression verbale, mensonge <...></i>
Речевые жанры	<i>спор, диспут, дискуссия, трикстерный нарратив, дебаты, ссора, полемика, пикировка, острота, анекдот, шутка, интервью, ток-шоу, web-эристика – флейм, флуд, троллинг <...></i>
Genres discursifs	<i>dispute, discussion, trickster narratif, débat, querelle, polémique, quippy banter, swordplay, anecdote, blague, pickup, interview, talk show, web-eristic - flash, flude, trolling <...></i>
Речевые акты и стратегии	<i>отрицание, несогласие, упрек, возражение, возмущение, укор, протест, опровержение, неодобрение, сомнение, отрицательная оценка, шутка, острота, ирония, сарказм, угроза, вызов, оскорбление, колкость, обман <...></i>
Actes de parole et stratégies	<i>déni, dissidence, récrimination, objection, indignation, reproche, protestation, rétractation, désapprobation, doute, évaluation négative, blague, punctione, ironie, sarcasme, menace, défi, insulte, acrimonie, tromperie <...></i>

Поэтому, с точки зрения эпистемологического и дидактического статуса, эристика может рассматриваться как составляющая (часть) риторики в качестве раздела об объединенных на принципах *интенционального интеракционализма* речезыковых и речеповеденческих «негативизмов» – нарушений речевой деонтологии, языковой и коммуникативной нормы, риторических и аргументативных уловок, но также и языковой игры, юмора как нарушения логических связей, парадокса и т.д. Такой раздел риторики мог бы называться «Риторическая девиантология», «Риторика девиаций» или

просто «Эристика» (ср. [Волкова 2014; Гусейнов 2008; Нефедова 2000; Сквородников 2011; Хазагеров 2013]).

Уходя от семантико-прагматических нюансов их дифференциальных признаков, мы рассмотрим те внутренние характеристики речевой онтологии, которые выступают главными интегральными признаками всех перечисленных *терминов-понятий* и *концептов*.

Поэтому **эристическое в речи** является в первую очередь **прагма-риторической универсалией**, имеющей вариативную имплементацию, номинативные и другие разноуровневые манифестации, свойственные той или иной лингвокультуре.

2.1.3. Концептуализация спора в когнитивно-дискурсивном аспекте.

Развивает психо-интенциональную линию исследования спора А.А. Панкратова [2005; 2011], рассматривая особенности ведения спора *в зависимости от мотивации участников* диалога [Панкратова 2011]. Одной из составляющих её концепции является связь коммуникативного поведения в споре с эмоциональным интеллектом как способностью «вызывать и сохранять положительные (радость) и отрицательные (гнев, страх, печаль) эмоции; способность переводить положительные эмоции в отрицательные (и наоборот) по поводу некоторого события у себя или у другого человека – с целью добиться соответствующего поведения» [Панкратова 2010].

Когнитивно-концептуальную характерологию и дискурсивно-структурную типологию спора представляет в своей диссертации Е.Н. Горбачева [Горбачева 2006]. Её стройная и лапидарная модель спора основывается на трех параметрах: противоречии (возражении), убеждении и аргументации. Убеждение рассматривается как цель спора, его «перлокутивный эффект» (ср. тж. [Еемерен 1994]).

Автор указывает средства, облегчающие достижение «перлокутивного эффекта в споре (убеждения), являются «позволительные и

непозволительные» уловки, которые автор делит на организационно-процедурные, психологические и логические [Горбачева 2006: 12]. Кроме того, «направить аргументационный процесс в то или иное русло позволяют также *полемические приемы* – ирония, юмор, сарказм» [Там же: 13].

А.В. Зайцев, следуя за Д. Уолтоном [Walton 1992], предлагает кластерную классификацию общественных диалогов, выделяя два полюсных типа диалога: на одном полюсе ('плюс') – **диалог-унисон** (*кооперация, общение, симметрия*), на другом ('минус') – **эристический диалог** (*борьба, противоборство, манипуляция, критика, дискредитация, компромат*), между которыми располагаются информационный, исследовательский, делиберативный, переговорный и персуазивный диалоги [Зайцев 2016а].

Такая жанровая классификация, с одной стороны, условно определяющая диапазон и типологию диалогик, и характеризующая диалогии по телеологическому принципу, повторяет прагма-этическую классификацию античной Троицы: к диалектике относится информационно-исследовательский тип (постижение истины), к софистике – делиберативный и переговорный (процесс убеждения, интеллектуальной соревновательности и «ловкости») и к эриктике присоединяется персуазивный диалогический тип, который, по словам ученого, имеет «целью переубеждение или внушение партеру по дискурсу каких-либо взглядов или идей» и «несет в себе достаточно высокую степень конфликтности»:

*«Персуазивному кластеру диалога, как и эристическому, также присуща состязательность и конкуренция между различными точками зрения. Но цель персуазивных диалогов (публичных дебатов, полемики, дискуссий, диспутов и даже споров) состоит в убеждении (а не уничтожении) оппонента и публики (электората). **Персуазия** это более «мягкое» воздействие на общественное мнение и общественное сознание, чем эриктика»* [Зайцев 2016а: 261 – выделено нами – И.Т.].

Отождествление агональной эриктики с агрессией, как правило, следует известной концептуальной метафоре РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР – ЭТО ВОЙНА (*RATIONAL ARGUMENT IS WAR*) [Лакофф, Джонсон 2008].

Её авторы полагают, что:

«Мы все время спорим в попытке получить желаемое, и иногда споры «вырождаются» в физическое насилие: Такие вербальные битвы осмысляются в значительной мере в тех же терминах, что и физические. Взять, например, семейные ссоры. Каждый считает, что ему есть, что выиграть и что проиграть, что захватить и что защитить. В споре без правил (*no-holds-barred argument*) вы атакуете, защищаете, контратакуете и т.д., используя все имеющиеся в распоряжении вербальные средства – *запугивание, угрозу, ссылку на авторитет, уничижение, отрицание авторитета, уклонение от обсуждения спорных проблем, торг, лесть и даже попытку дать “разумные основания”*» [Лакофф, Джонсон 2008: 98 – выделено нами И.Т.].

Псевдорациональные доводы встречаются значительно чаще и происходят автоматически, сродни ритуалу: «...потому что я сильнее тебя (*запугивание*); ...потому что если ты не..., то я... (*угроза*); ...потому что я хозяин (*ссылка на авторитет*); ...потому что ты тупой (*оскорбление*); ...потому что ты обычно делаешь это неправильно (*уничижение*); ...потому что у меня не меньше прав, чем у тебя (*отрицание авторитета*); ...потому что я люблю тебя (*уклонение от обсуждения спорной проблемы*); ...поскольку если ты..., то я... (*торг*); ...поскольку ты намного лучше в этом разбираешься (*лесть*)...» [Там же – выделено нами И.Т.]

Отметим, что указанные «вербальные средства» действительно далеки от требований классической рациональной диалектической дискуссии, построенной на индукции, дедукции и силлогистике [Аристотель 1978б; Ивин 2005; Aristotle 1991]. Скорее их нужно отнести к персуазивным средствам воздействия, порицаемым логико-диалектическими аргументалистами [Будылин 2008; Емерен 2006; Eemeren 2009; Toulmin 2001; Walton 1995].

Но даже академический РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР, по мнению Лакоффа и Джонсона, «осмыляется и ведется в терминах ВОЙНЫ» [Лакофф, Джонсон 2008: 99]. Эта концептуальная метафора, отражающая образ мысли не только «простых смертных», но и лингвистов, немало

способствует тематизации спора как «речевой агрессии». Как отмечают авторы «Метафор, которыми мы живем», хотя, данная концептуальная конструкция и подчеркивает родство Эристики с Диалектикой (см. выше), но не является основанием для научно обоснованного приравнивания спора к агрессии. К тому же, как справедливо замечается в одной из работ в адрес авторов теории концептуальной метафоры, «стремление свести множество лингвистических фактов к небольшому числу инвариантов приводит к чрезмерному абстрагированию и фактически отрыву от языковой действительности» [Киклевич 2014: 172].

Тем не менее, и в академических спорах Лакофф и Джонсон находят элементы эристического воздействия (цитируем):

«← запугивание: *It is plausible to assume that...* – 'Разумно предположить, что...';

– угроза: *It would be unscientific to fail to...* – 'Было бы антинаучным не суметь...'; *To say that would be to commit the Fallacy of...* – 'Сказать это означало бы впасть в известное заблуждение, согласно которому...';

– ссылка на авторитет: *As Descartes showed...* – 'Как показал Декарт,...';

– оскорбление: *The work lacks the necessary rigor for...* – 'Работе недостает необходимой строгости для...';

– уничтожение: *The work will not lead to a formalized theory...* – 'Работа не приведет к построению формальной теории.'; *Few people today seriously hold that view.* – 'Мало кто сегодня всерьез поддерживает это мнение.';

– торг: *Your position is right as far as it goes, ...* – 'Вы правы постольку, поскольку...'; *If one takes a realist point of view, one can accept the claim, that...* 'Если принять реалистическую точку зрения, то можно согласиться с утверждением, что...';

– лесть: *In his stimulating paper...* – 'В его вдохновляющей статье...'; *His paper raises some interesting issues.*» [Лакофф, Джонсон 2008: 99-100].

Таким образом, мы видим, что:

а) нельзя приравнивать эристические приемы к агрессии;

б) эристика трансцендентна для всех видов контroversий (спор, дебаты, дискуссия, полемика и т.д.) в бытовых и институциональных диалогах [Walton 1992; 1993];

в) эристика градуальна и не связана напрямую ни с выражением ненависти, грубостью, бранью [Зайцев 2016], ни с вежливостью во всех значениях этого понятия:

«Хотя приемы запугивания, угрозы, ссылки на авторитет и т.д. формулируются, может быть, в более изысканных выражениях, они точно так же присутствуют в рациональной аргументации, как и в повседневном споре и войне» [Лакофф, Джонсон 2008: 100].

Есть множество речевых действий, «угрожающих позитивному/негативному лицу» коммуникантов [Brown, Levinson 1978; Goffman 1987], приемов, стратегий (стратагем), которые, как это показано, например, в «теории (не)вежливости» [Ларина 2012а,б; 2015б; Леонтьев 2016; Culpeper 2011; Kerbrat-Orecchioni 2010], не только не переходят грань, которую интуитивно ощущает каждый носитель той или иной языковой культуры, но и необходимы в обеспечении оптимального – «политического» (*politic behaviour*) [Watts 2003: 19], или, в терминах Т.В. Лариной, «социально приемлемого» (*socially appropriate*) [Ларина 2009: 167], то есть адекватного ситуативному контексту, *релевантного речевого поведения* «здесь и сейчас».

В речевой интеракции главной характеристикой *эристической интенциональности* является не столько агрессия («уничтожить противника») [Агрессия...2004], сколько повышенная «эпистемическая бдительность» ([Sperber 2013]), то есть недоверие к получаемой от собеседника информации, сомнение и скепсис по поводу того, что *говорится*, и того, *кем говорится*, а также осторожное (отстраненное) отношение к адресату и аудитории (ср. [Perelman 1983; Schopenhauer 1999]). То есть в целом эристика передает определенные – эмоционально-интеллектуальные на входе и интенционально-интерпретативные на выходе – состояния коммуникантов.

При общении мы обмениваемся информацией, которая может быть истинной, ложной, неполной, двусмысленной, обманчивой или лингвистически неправильной. Следуя модульной модели когниции [Fodor

1986], когнитивные механизмы, которые контролируют компетентность и правдивость ораторов, а также достоверность информации, Д. Спербер, О. Макаро и др. утверждают, что такие механизмы составляют когнитивный (метальный) модуль, который они называют *эпистемической бдительностью* [Sperber 2010]. Этот модуль отвечает за один из перлокутивных эффектов коммуникации, а именно за то, верим ли мы в конечном итоге нашим собеседникам и той информации, которую они нам предоставляют. Данный ментальный модуль имеет очень специфическую область действия и работает невероятно быстро, подсознательно. Он вносит свой вклад в перлокутивный эффект («доверие») и, следовательно, играет решающую роль в коммуникации, связан с модулем понимания и влияет на его задачи [Sperber 2013]:

«We distinguished vigilance towards the source of information – who to believe? – and vigilance towards the content communicated – what to believe? Vigilance towards the content attends to the coherence of information communicated with background information, and to its internal coherence <...>

This vigilance towards the content is equally relevant to the detection of deception as it is to the detection of incompetence. As any liar knows, the coherence that normally goes with speaking truly takes some effort to achieve and maintain in deception» [Idem: 63-64].

Д. Спербер сравнивает эпистемическую бдительность как функцию распознавания некачественной *информации* (ложной, нерелевантной и иррелевантной) и неадекватного речевого поведения с тем, как человек движется по заполненной людьми улице: как правило, мы доверяем тем, кто движется нам навстречу, но при этом постоянно контролируем адекватность своей траектории движения по отношению к встречным пешеходам. Отличие *эристики* от *речевой агрессии* и состоит в том, чтобы, не сталкиваясь лбами, как можно быстрее идти к цели, обгоняя идущих рядом, в потоке идущих навстречу [Sperber 2010].

Сомнение в источнике является интенциональной доминантой, которая отрицательно коррелирует с многими правилами эмпатии (тематической

табуированности, презумпции рациональности, принципам вежливости, кооперативного общения и т.д.). Однако оправдывается «здоровым скепсисом», который воплощается в принципе «эпистемической бдительности». Например, *хвастовство* не является агрессией в прямом смысле, но нарушает принцип кооперативности, затрагивает «позитивное лицо» адресата и, как правило, подлежит осуждению как речевая трансгрессия.

Отличие эристической тональности от речевой агрессии состоит в превалировании *эмоционального интеллекта*, сдерживающего деструктивные проявления интер- и интра- когнитивного диссонанса. Эристика является проявлением *эпистемической бдительности*: сомнение в качестве (правдивости, релевантности и т.д.) информации, её источника и / или аудитории, рождает реакцию – внешнюю или внутреннюю, – которая объективируется в определенных речезыковых манифестациях. Эти эристические знаки полимодальны (жесты, мимика, громкость, тембр, ударение, взгляд и т.д. – см. ниже) и проявляются в различной степени эксплицитности (остенсии). Все они суть проявления эристической интенциональности (порождающей и интерпретативной).

Отношение эристики к эмпатии достаточно просто объясняется эпистемической и архетипической бдительностью, как это выражено в одном из примеров из нашего **корпуса** (скрипты сериала «House, MD»):

« **KUTNER**: [Laughs.] *Niceness is a defect?*

HOUSE: *Three cavemen, see a stranger running towards them with a spear. One fights, one flees, one smiles and invites him over for fondue. That last guy didn't last long enough to procreate*» [House, MD – 4.13, URL].

Агональная эристика может быть обращена не к собеседнику, а к внутренним переживаниям самого говорящего – в виде негативной эмоциональной оценки / реакции (ср. *оскорбления vs ругательства* / фр. *insultes vs jurons* / англ. *insultes vs profanity* – инвективы vs эксплетивы) [Джонсон 2002; Лисенкова 2010].

Итак, подводя итог основных аспектов концептуализации спора как жанра в его отдельных реализациях (событиях), как концептуального и деятельностного фрейма и как структурированного речевого действия в отечественной межпарадигмальной «эристике» как теории и нормативно-процессуальной практики, сопоставляя подход диалектико-риторический и подход структурно-функциональный, можно сделать следующие выводы и перспективы.

Мы определили, что проявления *эристического* стиля мышления и самовыражения свойственны и философии, и литературе. Диапазон эристического, противопоставляемого норме, несомненно, выходит за рамки спора как речевого жанра и не ограничивается агональным дискурсивным полем политики. Эристика изначально принадлежит Диалектике как риторическая стратегия, как способ преодоления противоречия методом *ad absurdum*, т.е. методом углубления самого противоречия. Кроме того, степень проявления эристичности различна, градуальна. Даже в так называемых «кооперативных (партнерских) типах диалога» (А.В. Зайцев) присутствуют эристические, даже абсурдистские элементы, выражаемые в виде иронии, шутки, сомнения, колкостей, провоцирования, несогласия и отрицания. Некоторые формы употребляемых номинаций и конструкций входят в конфликт с нормами речевой культуры, вежливости и употребляются интенционально эристически [Крысин 2005]. Рассуждение, как и норма, «это всегда принуждение» [Ивин 2009: 10]. Эристика же восстаёт против любого «правила», догмы в интеллектуальном, культурном и социальном бытии человека. В этом эристика доводит диалектическое противоречие до абсолюта. Априори эристика – это отрицание и возражение, воплощающее разногласие между акторами диалога; она агональна, но, тем не менее, не обязательно «вплоть до уничтожения противника» (как часто трактуется, и сама агональность – см. [Шейгал 2009]).

2.2. *Контroversия и конфликт*: дискуссия, дебаты, полемика – агональность или агрессия?

А.П. Сковородников связывает **эристическую компетенцию** с такими понятиями, как *Спор; Дебаты; Дискуссия; Диспут; Демагогия; Диверсия; Коммуникативные барьеры; Poleмика; Речевое манипулирование; Речевые уловки; Слухи; Софизм; Языковое / Речевое манипулирование; Конфликт* [Сковородников 2014: 821-822].

Очевидно, что в этом ассоциативном словарном указателе прослеживается связь чрезвычайно разнопорядковых проявлений речезыковой эристики. Однако есть инвариантное ядро, объединяющее все эти понятия. Это понятие **контroversии** (*контroversии*) – речезыкового противоречия, проявляющегося в различных агональных¹¹ (асимметричных) коммуникативных контактах с различной степенью интенсивности нарушения (трансгрессии) нормы, несогласия, отрицательной оценки, неприятия (не)речевых действий адресата, который либо подвержен эпатажу (насмешка, ирония, обман, языковая игра), либо приобретает статус оппонента, который, как правило, дискредитирует критикуемую пропозицию, и сам *дискредитируется* («противником») как источник и цель коммуникативного обмена.

На самом деле в отечественной и западной лингвистике жанровый диапазон категории агональности в преломлении к речевому взаимодействию достаточно широк и многоаспектен (см., напр., [Ершов 2007; Шейгал 2000]).

¹¹ Идея *а-гональности* как асимметричности логического противоречия, как *диагональности* (от *διά* «через; отдельно» и *-γωνος* – «угольный»; *γωνία* «угол») – отношения контрадикторности в логическом квадрате противоречий – развивается в работе [Ершов 2007], где автор трактует агональное отношение как «принцип социально-гуманитарного познания». Оригинальная философская концепция вызывает интерес и достаточно продуктивна в перспективе *эристической семиотики* (см. ниже), хотя и построена на морфологической подмене этимона термина *агональность* (– от *ἀγων* «борьба», «состязание»).

Еще более разнообразным является спектр анализа различных функциональных проявлений «речевой агрессии» (см., напр., библиографию в [Воронцова 2006; Седов 2005; 2007; Сейранян 2016; Щербинина 2006]).

В работах отмечаются такие формы психического деструктивного воздействия на личность, как конфликтность, принуждение, давление, уничижение, языковое насилие, осуществляемые в речевых действиях (речевых актах), например, спора, ссоры, негативной оценки, угрозы, поддразнивания, ругательств и т.п. (см.: [Воронцова 2006; Голев 2001; Жельвис 2000; 2007; 2012; 2014; Романов 2014; Седов 2005; 2007] и др.).

В лингвистической литературе речевая агональность часто трактуется как синоним *речевой агрессии*. По определению одного из активных исследователей этой признанной в социо и психолингвистике проблемы А.А. Романова, основным признаком речевой агрессии «выступает *языковая* (речевая, вербальная) *инвективность* (инвектива). Инвективность как языковая категория отражает и воплощает естественную функцию языка как реализацию его общей экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями» [Романов 2014].

Как отмечает В.И. Жельвис, «инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова. Исполнение этой функции для носителя языка так же естественно, как и выполнение коммуникативной и прочих функций» [Жельвис 2007: 317 - 322].

Кроме того, например, А.А. Романов отмечает, что понятие речевой агрессии в его содержательном объеме соотносится с понятием «языкового манипулирования, языковой демагогии, языкового давления, языковой директивности, языкового принуждения» [Романов 2014], включая саму речевую агрессию в «функционально-семантическое поле вербального / дискурсивного насилия». Такие формы речевого (дискурсивного) поведения

«всегда направлены на минимизацию (принижение) и даже деструкцию языковой личности собеседника, на его подавление, подчинение и манипулирование им в интересах автора агрессивных дискурсивных практик (высказываний)» [Там же].

Вместе с тем А.А. Романов указывает на недопустимость считать отрицательную оценку триггером любой речевой агрессии, и наоборот, – весь спектр отрицательной оценки и речевого конфликта сводить к речевой агрессии [Романов 2014].

Соглашаясь с этим тезисом, мы считаем необходимым проследить как происходит пересечение, взаимодействие двух коррелирующих, в нашем представлении, понятий – *речевой агрессии* и *эристики*, а иногда и наложение объема и содержания категорий *речевой агональности* и *речевой* (вербальной) *агрессии*. Рассмотрим эту проблему более детально, в связи с представлением об эристике как агрессивном («эристическом») споре и диалоге (речевом взаимодействии) [Зайцев 2016; Walton 2004].

2.2.1. Агональность: агрессия как предел эристики

Как показывает анализ лингвистической литературы, почти любое нарушение эмпатии в общении и многообразие проявлений речевого противодействия (конфликта) в отечественной, да и в зарубежной лингвистике чаще всего обозначаются как «речевая / вербальная агрессия» [Воронцова 2006; Седов 2005; 2007].

Однако очевидно, что проявления «речевой агрессии» разнообразны, и по экспрессивности, и по направленности / ненаправленности на прямого / косвенного адресата и т.д. Причем широта определяемого в существующих работах функционального диапазона агрессии такова, что включает формы пограничные и даже выходящие за рамки её базового определения.

В ядерной семантике термина (речевая) *агрессия* выделяется, как правило, идея «вреда» – ущерба, наносимого адресату [Агрессия 2004].

Как отмечает Е.Ю. Сидорова, термин (речевая) агрессия становится *зонтичным термином* для многих разнородных и разнопорядковых понятий из области психологии, социологии, философии, культурологии и лингвистики [Сидорова 2009]. По её словам,

«Наиболее общее и часто употребляемое определение агрессии для всех наук, занимающихся этой проблемой, определено следующим образом: *агрессия – это любое действие, имеющее целью причинение вреда объекту*. Нередко под вербальной агрессией понимают схожие вербальные реакции, которые *агрессией не являются*» [Там же: 29 – выделено нами – И.Т.].

Ключевыми в этом положении являются слова «любое» и «вред». «Вред» – это оценочное (хотя и юридическое¹²) понятие, во-первых, не всегда связанное с чьим-то намерением («злым умыслом»), и, во-вторых, объективно-субъективное: факт и степень нанесенного ущерба (вреда) устанавливается как самим потерпевшим, так и выносится на суд компетентных арбитров. Лишь в случае общественного признания «любое действие» можно считать приносящим вред. При этом в преломлении к речевой интеракции:

«Речевая агрессия – целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» [Седов 2005: 88].

К.Ф. Седов [2005; 2007] предлагает полиаспектную типологию речевой агрессии:

- «1). Вербальная / невербальная (*жесты, мимика*);
- 2). Прямая / косвенная (*непрямая – колкость, ирония, насмешка*);
- 3). Инструментальная / неинструментальная (*эксплетива/инвектива*¹³);
- 4). Инициативная / реактивная;

¹² По М.М. Агаркову и следуя статье 1064 ГК РФ, вред – «всякое умаление того или иного личного или имущественного блага» [Агарков 1944: 255; URL: <https://vuzru.ru/ponyatie-vreda-v-grazhdanskom-prave>].

¹³ В трактовке данной дихотомии К.Ф. Седова (по критерию направленности на собеседника) мы используем оппозицию двух терминов: *эксплетива* – ненаправленное восклицание – ругательство, *инвектива* – направленное на адресата *оскорбление* (см. [Кустова 2010; Лисенкова 2010]).

- 5). Активная / пассивная;
- 6). Непосредственная/опосредованная;
- 7). Спонтанная / подготовленная;
- 8). Эмоциональная / рациональная;
- 9). Враждебная / невраждебная» [Седов 2005: 88-95].

Очевидно, что большинство этих параметров (кроме последнего) относятся не столько к дифференциальным признакам речевой *агрессии*, сколько к интеракциональным характеристикам любого типа речевого воздействия. Например, они могут быть приложены к противоположным агрессии различным проявлениям *эмпатии* (комплимент, проявления симпатии, выражение любви, уважения и т.д.). Кроме последней оппозиции.

Последняя оппозиция – «враждебная / невраждебная» агрессия – наполовину тавтология, наполовину оксюморон – отражает градуальность феномена агональности, но ставят под сомнение целостность и однозначность понятийного содержания термина «агрессия» в этом употреблении. Расширить функционально-понятийный диапазон такой «многоликой агрессии» [Шаронов 2004] до энантиосемии, возможно, оправдано диалектически (отрицание отрицания), но не избавляет от необходимости понятийно-терминологической дифференциации и структурирования всех проявлений речевой агональности¹⁴.

Процессуальная характеристика речевой агональности представлена в работе Е.И. Шейгал и В.В. Дешевой [Шейгал 2009]. Авторы выводят в *структуре коммуникативной категории агональности* такие параметры, как (1) процессуальность (*причина конфликта – завязка – нарастание – кульминация – развязка*), (2) противоборствующие стороны («конфликтанты»), (3) взаимная активность (борьба), (4) характеристики участников и их отношений («противостояние, противоположность по какому-то признаку, разногласие, вражда, нетерпимость, амбициозность, стремление к победе») и (5) «цель – достижение превосходства», реализацией

¹⁴ Об «амбивалентности» речевой агрессии см. [Черкасова 2011].

(результатом) которой является (6) победа, а способом (7) – применяемые стратегии и тактики [Там же].

Очевидно, что агональность в этой трактовке практически совпадает со структурой спора (см. выше [Горбачева 2006], а тж. ср. [Еемерен 2006]) и, стало быть, эти же параметры характеризуют *эристику* как «теорию и практику спора» (см. выше). Но при этом ограничивается пространство агональности: она уже не рассматривается как категория *онтологической асимметричности* интеракции – противоречия, конкурентности, позитивной «соревновательности», а сводится исключительно к «борьбе» и «победе» в диапазоне конфликтного (эристического) диалога.

В отличие от приведенного выше определения *речевой агрессии*, в содержании терминов – *спор*, *речевое противодействие*, *коммуникативный конфликт* – интенциональный и перлокутивный «вред» отходит в сторону, а на поверхность выходят (актуализируются) *противоречия*, *разногласия* и (оказионально) *нарушения* речезыковой и речеповеденческой конвенции (нормы).

Такие неявные формы «символического насилия» часто называют *провокативной* [Степанов 2003] или *манипулятивной* стратегией (речевого) воздействия [Седов 2005; 2011].

К.Ф. Седов рассматривает *речевую манипуляцию* как альтернативное агрессии речевое поведение, также приносящее «вред» объекту речевого воздействия: «Под речевой манипуляцией следует понимать осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие на человека, которое имеет целью изменение его эмоционально-психологического состояния» [Седов 2005: 97].

Номенклатура интеракционных типов манипуляции в основном повторяет типологию речевой агрессии с акцентом на непрямые формы, косвенные речевые акты («*Речевая манипуляция – это **скрытое** воздействие на собеседника*»). При этом потенциальная и осуществляемая классификация

типов и вариантов, стремящаяся к таксономической определенности и категоричности, *создают только иллюзию исчерпывающего описания (определения) категории*. Всегда за строгой таксономией остаются многочисленные комбинации, промежуточные вариации, вторичные функции и т.д.

Тем не менее, таксономия остается традиционным методом дескриптивной лингвистики. Для описания речевой агрессии чаще всего оперируют категорией речевых действий (актов) и их последовательностей (стратегий), черпая из тезауруса того или иного языка их номинации, подбирая и интуитивно объединяя по неким признакам слова естественного языка – наименования «агрессивных» речевых актов и «стратегий» («форм вербальной агрессии»).

Так, Е.Ю. Сидорова выделяет следующие «речевые акты агрессии» (всего 12) в прямом и косвенном выражении: *«оскорбление, враждебное замечание, угроза, грубое требование, грубый отказ, порицание (упрек), обвинение, ирония (и др.)* [Сидорова 2009]. И этот список можно считать открытым.

Заметим, что и в этом, и предыдущем списке помимо иллокутивной цели (противодействие), учитывается главное качество иллокутивной силы агрессии – *грубость*. Возможно, эта категория теории (не)вежливости могла бы решить проблему *квалитативной и градуальной* характеристики речевой агрессии (см. ниже).

Однако ясно, что использование слов естественного языка¹⁵ в качестве способа концептуализации не является исчерпывающим. Размытость границ семантики приведенных терминов сводит любую таксономию «речевых актов агрессии» к «дурной бесконечности» и неопределенности. Глядя на этот список, можно констатировать несовершенство слов естественного

¹⁵ Как известно, Дж. Серль критиковал Дж. Остина за номенклатурный подход к Теории речевых актов, сводивший ее лишь к классификации глаголов естественного языка [Серль 1986].

языка в качестве понятийных детерминаций: почему *оскорбление* не нуждается в помете «грубое», а *требование* или *отказ* нуждается; чем *враждебное замечание* отличается от *порицания* и т.д. Разве оскорбление всегда предполагает грубость или намеренность? Например, в контексте метафоры (примеры из НКРЯ¹⁶):

(1) «Он **оскорбил** Рим, уравнив варваров с римлянами» (Алексей Иванов) [НКРЯ]

или

(2) « – Он **оскорбил** конференцию!

– Я оскорбил? Где оскорбил?

– *Господин Махов, мы не огород!*»¹⁷ (Сергей Носов) [НКРЯ].

Все представленные в списке речевые акты вербальной агрессии (и даже *грубые*) в концепции Е.Ю. Сидоровой имеют *косвенное выражение*, кроме иронии, которая признается «косвенной» *par excellence* – «речевой акт иронии¹⁸ всегда является имплицитным» [Сидорова 2009] (ср. [Щербинина 2006]).

Такое представление как о концепте «вербальной агрессии», так и его манифестациях объясняется, с одной стороны, широтой и размытостью (*fuzziness*) самого понятия «вербальная (речевая) агрессия», а с другой, – диффузностью терминов – размытой семантикой слов естественного языка, обозначающих ее проявления. С третьей – методологической – стороны, это связано с недифференцированным антропологизмом – диффузностью подходов (психологии, социологии, психолингвистики, лингвопрагматики, юрислингвистики и т.д.) к анализу агрессии вообще – этого антропологически-биологического феномена, частью которого выступает коммуникативная (речевая) агрессия [Бэрон 2000].

¹⁶ Национальный корпус русского языка. URL: <https://processing.ruscorpora.ru/>

¹⁷ Последняя реплика, цитирующая слова «обидчика» – «*мы не огород*», показывает еще одну функцию *эристической эхоической делокутивности*, помимо иронии, – функцию *делокутивного упрека* (см. ниже).

¹⁸ О когнитивных механизмах и сомнительности причисления иронии к речевой агрессии – см. ниже.

Дифференциация речевой агональности необходима в силу отмеченной сложившейся редукции категории речевого противодействия (противоречия, разногласия) к психолингвистическому рассмотрению конфликта в речевом взаимодействии в терминах вербальной агрессии.

Отмеченное наличие косвенной формы «речевой агрессии» размывает само понятие **агрессии**, как вербальной, так и паравербальной (мимика, жесты и т.п. – см. ниже), и тогда в этом представлении смешивается психоэмоциональная интенциональность (действия или отношения) и прагматическая интенциональность речевого акта с эмоционально-психологическим перлокутивным эффектом. Сюда же включается *интенсивность* формы выражения: *мягкость / грубость* (в просодии, лексике, фразеологии и т.д.) (см., напр., [Кулабухов 2018]).

В некоторых исследованиях появляются понятия и термины-«тяги-толкаи» – «невраждебная агрессия» [Седов 2011], «квазиагрессия» [Воронцова 2018] и даже «неаутентичная речевая агрессия» [Габдрафикова 2018], «“положительная” завуалированная агрессивность» [Ратмайр 2003], наряду с более «прозрачными» – «игровая агрессия», «ритуальная», «имплицитная речевая агрессия» [Апресян 2003]. На другом полюсе выделяется «сверхсильная речевая агрессия», направленная на «уничтожение объекта негативации» [Сковородников 2019: 16]. Примечательно, что к средствам «речевой агрессии» в интернет-коммуникации причисляются, наряду с традиционными – инвективной лексикой, фраземами и «лексами агрессии», – и так называемые «людемы» – «специальные игровые приемы и единицы языковой игры, основанные на лингвокреативном потенциале языковой личности, в частности, «переделанные» фразеологизмы: *«кричать благим спамом»*, *«боты дислайкают»*¹⁹ и др. [Смирнов 2017: 37], а также, вслед за Г.Г. Гусейновым, «эрративы» – «умышленное нарушение норм литературного языка: 1) графические и грамматические эрративы, которые

¹⁹ См. тж. Стеклова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. - 2013. - №3 (45). - С. 77-81.

легко выявить в тексте – нарушение норм правописания: «*аффтар*» вместо «автор», «*превед*» вместо «привет» и т.п.; 2) семантические эрративы, которые труднее распознаются в тексте и предполагают определенную осведомленность адресата («*фтопку*», «*газенваген*»)» [Там же; Гусейнов 2008].

Психологизм понятия «речевая агрессия», представленный в большинстве работ, не эквивалентен семиоцентрическому представлению о речезыковом конфликте, имеющем – соответствующее психологическому – знаковое измерение актов речевого противодействия с уровневой структурой, семиотическими элементами и связями (ср. [Шейгал 2000]) (об *эристическом семиозисе* и *эристеме* – см. ниже).

Каков же лингвистический семасиологический коррелят речевой агрессии в целом, и что объединяет и/или разъединяет отдельные (не)эмоционально-конфронтационные (агрессивные?) речевые акты, например, угрозы («Я тебя накажу»), порицания («Как тебе не стыдно»), возражения («Как бы не так»), отказа («Да, щас!») и т.д. с их значительно более агрессивными вариантами?

Можно ли считать действительно агрессивными требование учителя к провинившемуся ученику «*Выйди вон!*» («не-вежливость» – ‘non-politeness’, по К. Кербрат-Ореккиони [Kerbrat-Orecchioni 2013]; ср. [Брагина 2019]) или инвективу в «*Дурачок, люблю я тебя*»?

Эксплетивные – десемантизированные и прагматизированные – изначально бранные и неконвенциональные формы в просторечии (русские постпозитивные «артикли»), типа «-на», «-б/мля» и т.п. или в роли местоимения («*какой-то хрен пришёл*» и т.д.), в английском речевом узусе – эксплетивные (междометные) «*fuck*» и « *fucking*», во французском – «*putin*», «*merde*» «*merdique*», «*con*», «*connerie*» – становятся полифункциональными интеракционными маркерами (персуазивный элемент, маркер

интерперсональной и / или социальной идентичности и т.д.) и т.д. [Джонсон 2002; Лисенкова 2010].

Их *эристичность* не всегда «агрессивна» интенционально (с точки зрения говорящего) и состоит в нарушении речевой нормы, этикета и т.п. Однако она может восприниматься как агрессивно-эристическая реципиентом, если вызывает у него/неё чувство неловкости, брезгливого отношения, оскорбленности, провоцирует возмущение и протест. Даже сленговые формы и просторечие могут восприниматься как «вызов», провокация. С другой стороны, неприятие могут вызываться и чрезмерно вежливые, льстивые, высокопарные, «заумные» слова и выражения.

Инвективная лексика подвержена *прагма-семантической конверсии* [Алферов, Кустова 2014], когда в определенном контексте (ситуации) меняется оценочный смысл речезыковой формы («Мы не *огород*» в примере (2) или, например, ирония – см. ниже), а инвектива/эксплетива приобретает меметический (фиксируемый в памяти в форме мема) смысл («...в сортире замочим» – В. Путин, «...aux *fainéants, aux cyniques et aux extrémistes...*» – Э. Макрон, «Гад ты, Костя Федотов» – к/ф «Республика ШКИД», «Люблю тебя, подлеца» – русское разговорное клише и др.).

Теория вежливости также, отходя от догматической структуры «ликоущемляющего акта» (face-threatening act – FTA), «позитивной» и «негативной» вежливости П. Браун и С. Левинсона, Дж. Лича и др. [Brown, Levinson 1978; Leech 1983], приходит к **контекстуальному критерию** определения (не)вежливости и социально приемлемому («политическому», по Уотсу) поведению [Kerbrat-Orecchioni 2014: 299-300; Watts 2003] (см. ниже).

2.2.2. Трансжанровый статус и концептуальное поле эристики

Необходимость дифференциации феномена речевой агональности требует введения в научный аппарат лингвистики понятий и терминов, отражающих специфику и разнообразие конфликтной коммуникации. Тем более, что в рамках лингвистической экспертизы часто возникает

текстологическая и терминологическая проблема восстановления границы между агрессивным и квази-агрессивным высказыванием, текстом и контекстом (см. [Баранов 2007; Голев 2001]). Концепт «речевая агрессия» предстает как ad hoc концепт [Blakemore 2010; Casasanto 2015], меняющий свое содержание в контексте рассмотрения речевого материала.

Предлагаемый нами вариант решения данной проблемы сводится к следующим положениям.

1. О правомерности термина «эристика» в дискурсивной риторике.

Семиоцентрическая парадигма (в самом широком ее понимании – «язык в центре») зарождалась в античной риторике. Здесь находятся начала функциональной лингвистической семиотики – лингвистической прагматики, логической семантики и синтаксической дискурсологии (диалогии). При этом многие понятия, обозначенные в античных штудиях, такие как *эмос*, *элокуция*, *персуазивность* (речи) и т.д., до сих пор остаются объектом осмысления и развития их семиоцентрического потенциала, помимо логического редукционизма и нормативизма античной риторики [Волков 2009; Леммерман 2002; Хазагеров 2008].

Как было отмечено, существует сильная тенденция негативной интерпретации термина «эристика» и представление её как победы над оппонентом (дискредитации, разоблачения, уничтожения имиджа, подрыва доверия и репутации и т.д.) **любой ценой** («per fas et nefas» [Schopenhauer 1999]).

Было сказано также, что порицание эристики основано на понимании в эллинической культуре нравственного риторического поведения (Платон, Аристотель): диалектика связывалась с аргументированностью убеждения; софистика и эристика – с персуазивностью как квази-аргументированностью (софизмы, паралогизмы) и личностной воздействующей конфронтацией (аргументация ad hominem) [Benjamin 1983; Tamrazova 2016].

В реальной коммуникации персуазивность – как *свойство* прямого и косвенного воздействия – сопровождает любое речевое взаимодействие.

Отвержение и негативная оценка высказанного или существующего мнения средствами, выходящими за рамки аргументативных правил диалектической критической дискуссии [Eemeren 2009] могут вызвать недовольство, обиду и другие отрицательные эмоции. Эристичность и софистичность («антилогичность») персуазивности проявляется в экспрессивности, эмоциональности и суггестивности воздействия на основе прямого или косвенного вызова, *давления и эпатажа*, устного или опосредованного текстом, прямого и/или косвенного (имплицитного) речевого воздействия на реципиента. Тем не менее, ни эмоциональность, ни фасцинативность сами по себе не подразумевают агрессию.

Гиперонимическими концептами для эристики и агрессии может быть названы *онтологическое/эпистемическое* ПРОТИВОРЕЧИЕ (разногласие) и *социо-интеракциональная* АГОНАЛЬНОСТЬ, рождающие *контраверсные* (содержащие противоречие) интеллектуальные и *речевые взаимодействия*. Соответственно, *эквипонимами*, то есть категориями, находящимися с эристикой в отношении логического пересечения, являются, с одной стороны, категория *эмпатии*, и контрарная ей категория *агрессии*.

2. Об интеракциональности категориально-функционального и категориально-логического представления эристического в речи.

Интенциональность общения представляется не как бинарная оппозиция – кооперативность vs конфронтация (агрессия), – а как скалярное категориальное пространство взаимодействия *Гармонии* и *Агональности*. Эмпатийная гармония нарушается внешним или внутренним противоречием (политические интересы – когнитивный диссонанс), ведущим к речевому противодействию. В целом, обобщенную модель интерперсонального континуума речевой интеракции можно представить следующей схемой (Схема 2):

Схема 2. Категориально-функциональное поле Эристики

На рисунке в зоне пересечения Эмпатии и Эристики находится *людическая эристика* (см. выше) – дружеская пикировка, ирония, «стёб» и т.д. Эти речевые стратегии, угрожая «позитивному лицу» адресата, сохраняют запас «эмпатической прочности», обусловленной общими знаниями и ассонансом «внутренних релевантностей» собеседников [Шюц 2004].

Людическая эристика (пародия, ирония, шутка, шарж) далека от грубых нападков, прямого оскорбления и речевого насилия (см. выше). Обычно такая эристика интенционально полимодальна, то есть сопровождается специальной интонацией, тембром голоса, искаженной дикцией, мимикой, жестом, показывающими, что сказанное – шутка (см. ниже).

С другой стороны поля – в агональной его части – эристика пересекается с (речевой) агрессией. Если речевая агрессия по определению (напр., [Сковородников 2019]), как правило, интенционально деструктивна, – эристика, в нашей трактовке, может быть конструктивна по своей телеологии [Lachance 2018].

Можно выделить несколько черт эристической когнио-речевой стратегии, состоящей из интенциональной и речеактовой составляющих:

- 1) эгоцентризм и пренебрежение интересами партнера (ср. «центрированный тип личности» – [Седов 2008]);
- 2) «экспатия» – девалоризация и дискредитация партнера;

- 3) патернализм, властность;
- 4) априорное отрицание (предубеждение);
- 5) эмоциональная и экспрессивная фасцинативность;
- 6) вызов (угроза «позитивному лицу» адресата);
- 7) юмор и речезыковая трансгрессия – нарушение норм аргументативных (рациональных), этических (растабуированность) и речезыковых (косвенность, тропеичность, языковая игра и т.д.);
- 8) негативный речезыковой диапазон (паравербалика, лексические и грамматические коннотации, эристические метафоры, коллокации, сниженные или ненормативные номинации и т.п.);
- 9) дискурсивная контр-акция – совокупность речевых действий (тактик), составляющих речевое противодействие;
- 10) повышенный интеллектуальный уровень интеракционного фрейма (имплицитность, метафоричность, интертекстуальность);
- 11) театральность («коммуникативный троп» – см. [Kerbrat-Orecchioni 2008]) и др.

Коммуникативно-деятельностный фрейм эристики – это речевое противостояние, интеллектуальный вызов, как правило, публичный, эстетически обоснованная речезыковая трансгрессия (ирония, сарказм, языковая игра и т.п.).

Таким образом, будучи агональной (контрадикторной [Ершов 2007] и даже антагонистической), – эристика стремится к агрессии (в прямом смысле этого термина) и к речевой эмпатии (мимезису²⁰) как к своим полюсам – противоположным пределам. Направленная на адресата агрессия есть крайнее, эксцессивное проявление эристики. Людическая (притворная) эристика есть уход от агрессии, миметическая (эмпатийная) и паллиативная (мейотическая) речевая стратегия.

²⁰ О противопоставлении агональной и миметической стратегий см., нар. [André-Larochebouv 1984].

Функциональный диапазон эристики занимает ту промежуточную нишу между двумя полями, выделяемыми в Теории (не)вежливости, которую Уотс называет «политичной вежливостью» (уместным речевым поведением). Вырабатывается некий *габитус*, в терминах П. Бурдьё, – то есть оптимальный когнитивный *скрипт* мышления бдительного и «готового парировать» интеллекта. Мы имеем дело с категориями, представленными П. Бурдьё в понятиях символической власти (“symbolic power”) и символического насилия (“symbolic violence”) (см., напр., [Bourdieu 1992]).

В рамках «политичного поведения» (*politic behaviour*) [Watts 2003: 19] «невежливость» становится частью поведенческой нормы, «нормативной» невежливостью (см. ниже).

«Политичное поведение», таким образом, – это лавирование между эмпатией и агональностью, речевая манипуляция как оптимальное «политически» продуманное поведение. «Политичное поведение» – это динамика адаптации речевого поведения к постоянно меняющимся обстоятельствам текущего речевого взаимодействия. Речевое поведение определяется менталитетом (сознанием) – когнитивными установками (стереотипами) – и ситуативными когнитивными моделями [Ларина 2009: Солсо 2002]. Эристика – это критическая составляющая социально приемлемого («политичного») поведения (ср. [Ларина 2009: 122; Watts 2003]).

Несомненно, степень эристичности (агональности < агрессивности) может меняться соответственно обстоятельствам. *Агональность эристики градуальна, она стремится к речевой агрессии как к своему пределу.*

Таким образом, Эристика – категория, включающая в себя элементы окружающих ее категорий, обеспечивая тем самым динамику и непрерывность речевого взаимодействия.

В координатах аристотелевского «логического квадрата» такое отношение выглядит так (Схема 3):

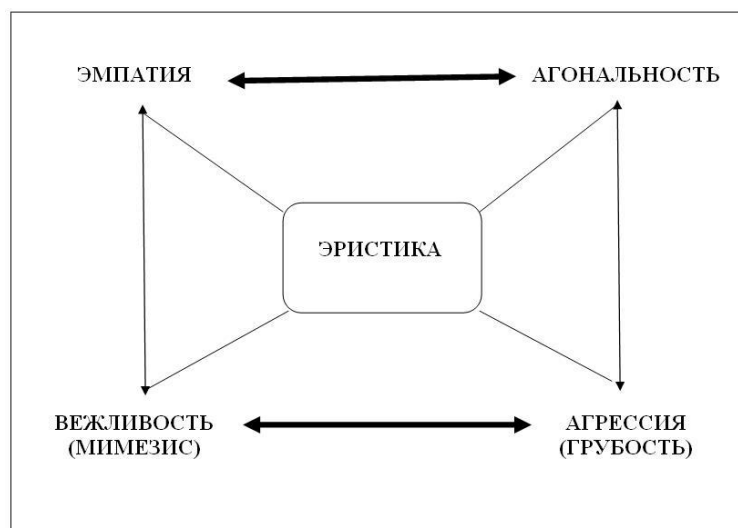

Схема 3. Категориально-логическое поле Эристики

2.3. Людическая эристика

Смех и карнавал – как манифестация конвенциональной трансгрессии – блестяще и исчерпывающе описаны М.М. Бахтиным при анализе раблезианства [Бахтин 1990]. М.М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» выдвинул теорию амбивалентности смеха. Смех снижает и материализует, это «снижение роет телесную могилу для нового рождения. Поэтому оно имеет не только уничтожающее, отрицающее значение, но и положительное, возрождающее: оно амбивалентно, оно отрицает и утверждает одновременно» [Бахтин 1990: 27-28].

Как отмечает С.С. Аверинцев, Бахтин рассматривает смех как универсалию человеческой природы, которая по-разному окрашена в различных культурах, и самое слово «смех» приобретает в несхожих языках то одни, то другие коннотации [Аверинцев 1993].

В унисон с Й. Хейзингой М.М. Бахтин говорит об амбивалентности, противоречивой, эристической значимости смеховой культуры и игры в истории культуры. Однако Хейзинга полагал, что «серьезная» игра имеет биологические корни, тогда как у «несерьезной» игры, в частности, связан-

ной со смехом таких корней нет. Ее он, судя по всему, вообще не считал игрой, во всяком случае, она его не интересовала [Хейзинга 1997].

«По Бахтину праздничное анти-поведение взрослых в значительной мере гомологично псевдоагрессивной игре животных и детей. Бахтин приписывал *физической псевдоагрессии* ключевую роль в карнавале. Но имеется еще и «врожденный метакоммуникативный сигнал негативистской игры (смех)» [Аверинцев 1993: 228].

Социальный протест средневековой эристической смеховой культуры против «серьезности власти» выражался, по мнению Бахтина, «... в обрядах праздника дураков, которые являются гротескными снижениями различных церковных обрядов и символов путем перевода их в материально-телесный план: обжорство и пьянство прямо на алтаре, неприличные телодвижения, обнажение тел и т.п. Серьезность в классовой культуре официальна, авторитарна, сочетается с насилием, запретами, ограничениями. В такой серьезности всегда есть элемент страха и устрашения. В средневековой серьезности этот элемент резко доминировал. Смех, напротив, предполагал преодоление страха. Не существует запретов и ограничений, созданных смехом [Бахтин 1990: 106].

Причем Бахтин подчеркивал историзм этой народной «антикультуры», ее глубоко нравственные, психологические корни:

«Культура смеха и **смехового цинизма** менее всего может быть названа наивной, и она вовсе не нуждается в нашей снисходительности. Она требует от нас пристального изучения и понимания» [Там же: 168-169 – выделено нами – И.Т.].

Язык эристической культуры требует внимательного анализа. Бахтин имеет в виду прежде всего некоторые явления фамильярной речи – ругательства, божбу и клятвы, проклятия, – а затем речевые жанры площади — «крики Парижа», рекламы ярмарочных шарлатанов и продавцов снадобий и т. п. (ср. [Рекош 2013]).

«Все эти явления не отделены китайской стеной от народно-праздничных литературных и зрелищных жанров: они входят в их состав и

часто играют в них ведущую стилистическую роль; мы постоянно встречаем их в *dits* (сказы) и *débats* (прения)» [Бахтин 1990: 169].

Работа М.М. Бахтина о Рабле открыла новую концепцию культурологической значимости *эристического смешного*, соединив феномен *Эристики-1* (насмешка *ad hominem*), через *Эристику-2* (диалектическое, диалогическое и полифоническое восприятие действительности) с феноменом эристического в культуре (*Эристика-3*) и его многообразию в этнических и исторических проявлениях. Замечательно, что Умберто Эко назвал Ф. Рабле первым постмодернистом [Эко 2002], что еще раз подчеркивает корреляцию между амбивалентным эристическим смехом и философской эристикой постструктурализма.

2.3.1. Игра и Остроумие как эристическая трансгрессия

В культурологической традиции XX в. (Фрейд, Шпенглер, Ортега-и-Гассет, Хейзинга, Гессе и др.), вышедшей из «Веселой науки» Ф. Ницше, проросшей в языковых эвристиках Хайдеггера и Дерриды, господствует Игра. Прототипичность игры тесно связана с культурой антиков, с театральностью состязания: игры на смекалку и ловкость, с применением ума или силы – это постановки, представления. Сама риторическая Эристика с её уловками и направленностью на победу (а не «уничтожение противника», как представляют некоторые) несет в себе конвенционально-игровой сдвиг. Даже дуэль, социально атавистичная, трансгрессивная к заповеди «не убий», обростала «игровыми» условностями – ритуалами (дуэльный кодекс), как бы отличавшими ее от простого убийства.

«Игра есть добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно *добровольно взятым на себя, но безусловно обязательным правилам*, с целью, заключающейся в нем самом; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением «инобытия» в сравнении с “обыденной жизнью”» [Хейзинга 1997: 23 – выделено нами – И.Т.].

В трансгрессии игры господствует ἀγων (агон). Для Хейзинги «игровая функция <...> может быть сразу же сведена в основном к двум аспектам, в которых она себя проявляет. Игра – это борьба за что-то или показ этого что-то. Обе эти функции могут и объединяться, так что игра "показывает" борьбу за что-то или же превращается в состязание в том, кто именно сможет показать что-то лучше других» [Там же – выделено нами – И.Т.].

Таким образом, агональные и людические формы состязательности не только не исключают друг друга, но и тесно взаимосвязаны.

Трансгрессивную природу смеха Фрейд связывал с феноменом остроумия, в котором в равной мере проявляется и эристический интеллектуальный вызов, и сублимация агрессии. И достигается все это особыми риторическими «уловками» – тропами, фигурами, семантическим сдвигом, аллюзией (эвокативным намеком²¹) и проч. [Фрейд 1997].

Б.Т. Ганеев отмечает, что риторика со времен античности не может обходиться без остроумия, которое с трудом укладывается в серьезность формального рассуждения Аристотеля («критическая дискуссия»). При этом риторические функции смеха отражены уже в древнеримской ораторике:

«В применении юмора в ораторском искусстве Квинтилиан находит три случая: «В первом случае мы осуждаем, опровергаем, умаляем, возражаем и высмеиваем других. Во втором случае мы шутим о вещах, которые касаются нас и, как говорил Цицерон, говорим о несколько абсурдных вещах (*dicimus aliqua subabsurda*). Ибо одни и те же высказывания, если они произносятся произвольно, считаются глупыми, и они же могут быть изящными, если мы говорим иронически (*Namque eadem quae si imprudentibus excidant stulta sunt, si simulamus venusta creduntur*). Третий вид заключается в том, как говорит тот же Цицерон, в обманутом ожидании, в восприятии слова в другом, нежели предполагалось, смысле (*Tertium est genus, ut idem dicit, in decipiendis expectationibus, dictis aliter accipiendis*), и в других вещах, которые не касаются ни одной стороны в прениях, поэтому я и назвал их средними». Отмечены и такие особенности:

²¹ См., напр., [Баранов 2006]. О категории эвокативности см. подробнее [Беданоква 2018; Dominicy 1990; 2007].

а) «шутка смешнее, если она произносится с серьезным видом (*sua gratia...maior cum captare risum non videntur*) (Quintilianus, XXVI);

б) шуткой можно открыто уличить во лжи человека, согласившись с ним, как это сделал Цицерон, когда Фабия, жена Долабеллы, утверждала, что ей тридцать лет. Он подтвердил это, сказав: «Это верно, потому что я уже двадцать лет об этом слышу» ("*verum est*", *inquit*, "*nam hoc illam iam viginti annis audio*") (Quintilianus, LXXIII);

в) самые изящные – это шутки, основанные на эффекте обманутого ожидания;

г) или на понимании высказывания в обратном смысле (*superest genus decipiendi opinionem aut dicta a intellegendi, quae sunt in omni hac materia vel venustissima* (Quintilianus LXXXIV))» [Ганеев 2005: 154]

Теоретики смешного выделяют два стратегических (интенциональных) модуса юмора в риторике:

1) «вертикальное» отношение адресанта к цели – адресату и/или предмету осмеяния и

2) «горизонтальное» отношение между адресатом и целью (адресатом и/или содержанием) (ср. ниже – Схемы 5 и 6).

Данная дихотомия позволяет поделить тексты на «вертикальные» или «горизонтальные» комические жанры. В первом случае имеет место сатира и насмешка, во втором – юмор, ирония и сарказм [Сальмон 2008]:

«Пародия и сатира предусматривают четкую вертикальность: высмеивающий адресант чувствует себя выше того, что/кого осмеивает. Но этим самым он признает, что этот же объект является «серьезным» и «высоким» для другой (противоположной) категории людей (оппонентов). Пародия и сатира поддерживают бинарную репрезентацию мира: мы/вы. Анекдоты (и длинные анекдотические тексты) тоже используют хорошо формализуемые приемы вертикального осмеяния» [Там же: 54].

По мнению Лауры Сальмон, горизонтальный тип юмора является «скептическим, парадоксальным и упраздняет риторическую логику». Назвав этот тип юмора «юморизмом», она подчеркивает, что в логике традиционной риторики преобладает вертикальная эристика. В таких традиционных жанрах, как анекдот, пародия, сатира – присутствует превосходство

адресанта над адресатом и/или объектом юмора. В «юморизме» происходит отказ от вертикальной «иллюзии превосходства», в смешном видно серьезное, не только удовольствие от понимания и узнавания своих стереотипов, но смешанное чувство удовольствия, удивления и «сострадания» [Там же: 59]. Это ирония, адресованная не «адресату», а третичному судье, «байстендеру» – реальному или виртуальному наблюдателю, наделенному компетенцией понимания и оценивания. Этот концепт «юморизма» в какой-то степени коррелирует с понятием «риторического тропа» в концепции Катрин Кербрат-Ореккиони: реальным адресатом становится не тот, к кому обращаешься, а, например, третий участник, зритель или читатель, аудитория [Kerbrat-Orecchioni 1990; 1992].

Иногда в иронии и особенно в саркастической эристике проявляется «улыбка Авгура», «разоблаченная» Ю.А. Разиновым [2002]:

«Она двусмысленна, ибо, с одной стороны, высмеивает наивного простака, а с другой – адресована «своему» – соратнику по цеху, посвященному. Авгуры во время своих псевдотаинств улыбались друг другу, но их улыбающиеся глаза должны были встречаться столь мимолетно и неуловимо, чтобы непосвященный не успевал прочесть в них присутствие насмешки. Следовательно, улыбаясь друг другу, авгуры улыбались чему-то в себе – некой высшей инстанции. Скажем так: улыбка авгура – это жест извинения перед этой высшей-инстанцией-в-себе за позор разыгрываемого перед другими светопредставления. В указанном смысле она является жестом трансгрессии – «жестом, обращенным на предел», – так как ее действительным адресатом является нечто такое, что опознано как такая инстанция, которая все время ускользает от объективирующего представления к какому-то пределу» [Разинов 2002: 22].

Интеллектуально-креативный аспект остроты в речевом контакте предполагает когнитивный «вызов», состоящий в нарушении логического, в смысловом смещении, лежащем в основе юмористического стимула. Весь механизм смешного построен на нарушении логического следствия («эффект обманутого ожидания»), на смещении семантических планов интерпретации.

Как отмечает Т.Б. Радбиль,

«сама природа комического предполагает фиксацию или порождение некой аномальности – либо в плане несоответствия модуса интенциональности и модуса реальности, либо в плане обнаружения по крайней мере двух несовпадающих точек зрения на мир. Модус комического всегда представляет собой острающую, «овнешнюю» реакцию на стереотип, на норму, на статус кво окружающего мира» [Радбиль 2007: 686].

В основе феномена понимания «нормального ненормального» лежат два механизма: когнитивный сдвиг (*shifting*) и когнитивное перефокусирование [Ирисханова 2014а; Киосе 2013]. В терминах логических сдвигов (*fallacies*) этот феномен часто трактуется как логическая девиация *non sequitur* (алогичность).

Как реализуется такой когнитивный «вызов», или диссонанс (интеллектуальная эристика) объясняется с точки зрения теории релевантности [Sperber, Wilson 1986/1995] как девиация, нарушающая «принцип оптимальной релевантности» (*когнитивное усилие при интерпретации не должно превосходить когнитивный эффект – понимание смысла высказывания*) [Попова 2019].

Необходимость привлечения дополнительных инференциальных усилий для преодоления когнитивного диссонанса приводит к усилению когнитивного эффекта в виде *катарсиса* – удовольствия от решения «задачи» декодирования. Речевой акт шутки или остроты производит перевод (*shifting*) нейтральной, обыденной тональности («нулевой степени» письма/диалога) в особый режим интерпретации – *инференции* и *эвокации* (см. [Dominicy 1990; 2007]), включающий когнитивный модуль «эпистемической бдительности» (*epistemic vigilance*), который участвует в интерпретации сообщения [Sperber 2010; 2012].

Следуя Д. Сперберу, нарушение принципа релевантности переводит *когнитивный модуль понимания* [Fodor 1986] из режима «наивного оптимизма» (презумпция соблюдения «принципа кооперативности» [Грайс 1985; Grice 2001]) на режим «осторожного оптимизма» («наши собеседники, очевидно, не очень компетентные пользователи языка» – совершают

логические и речевые ошибки), либо на режим «сложного понимания» (*допущение смыслового смещения на явном, либо на неявном – имплицитном, косвенном – уровне коммуникации*) [Sperber 2012].

Как следует из этого рассуждения, процессы переключения регистров интерпретации могут быть осознаны («отрефлексированы») и не осознаны (интуитивны). Граница между этими процессами прозрачна, ведь скорость рефлексии может быть мгновенной, а значит приближаться к интуитивному рефлексу-автоматизму («рефлекторному», в отличие от «рефлексивного») [Попова 2019]. Поэтому рефлексия градуальна по степени осознанности – «от нуля до единицы». В когнитивном механизме интерпретации всегда присутствуют, наряду с первичными ментальными репрезентациями, отражающими действительность, *метарепрезентации* – проявления, наивысшей степени осознанности. Иногда метарепрезентации выражены эксплицитно в высказывании [Ведрева 2003; Клепикова 2008] и отражают сам процесс отражения [Ведрева 2003; Wilson 2009]. Метарепрезентации направлены и на «представление о представлении» собеседника – это формирование образа адресата, попытка смоделировать (проектировать) *его представление* (репрезентации) того или иного положения дел. Такой процесс метарепрезентации называется «проектированием реципиента» (*recipient design*) [Mölders 2014].

Таким образом, при интенционально-когнитивном (и семантическом) сдвиге (юмор, пародия, ирония, каламбур, насмешка и т.д.) имеются как минимум две такие метарепрезентации (рефлексии) при восприятии семантического смещения:

1) наши собеседники, нарушая первую максиму Грайса, либо намеренно пытаются обмануть нас (*манипуляция*), предлагая информацию, которой нельзя верить (*недоверие*), то есть ведут себя неблагоприятно; либо

2) *играют с нами*, побуждая нас прийти к интерпретации, которая отвергает прямое значение высказывания (юмор, ирония, каламбур, языковая игра) [Sperber 2000: 120].

Другими словами, такая «эпистемическая бдительность» включается в ответ на «девиантное» речевое поведение (выразительные «ошибки», «аномалии», семантические сдвиги), которое либо намеренно вводит нас в заблуждение (манипуляция), либо относится к остроумию (юмор, ирония, сарказм и т.д.) [Хазагеров 2013; Sperber 2010; 2013].

Реципиенты юмора сталкиваются с когнитивным диссонансом [Yus 2016; Attardo 2000], который проявляется в увеличении усилий по обработке сообщения. Когнитивный диссонанс может рассматриваться как главная типологическая особенность юмора. Она может быть названа по-разному: *несоответствие*, *дисгармония* или *контраст* – противоречие между идеями или элементами смысла в самом широком понимании этого слова [Alba-Juez 2014; Yus 2016]. В любом случае, он составляет угрозу в виде дополнительных усилий по восприятию (принятию) и решению смыслового юмористического парадокса.

Среди «непропозициональных» (неинформативных) особенностей юмора (F. Yus Ramos) можно выделить:

1) способность «юмориста» планировать механизм интерпретации и перлокутивный эффект своей остроты на реципиента и аудиторию (*mindreading*);

2) понимание опирается на подсознательные способности ранжировать интерпретации в зависимости от их правдоподобности и вероятности и выбирать только одну из этих интерпретаций;

3) инференциальный механизм решения смыслового противоречия между тем, что лингвистически кодируется и подразумевается, и тем, что аудитория декодирует и фактически интерпретирует, может создавать

смысловое «слепое пятно» – неполное понимание/полное непонимание имплицитного смысла [Wilson 2009; Yus 2016].

Таким образом, юмор эристичен по своим когнитивным механизмам, ибо создает угрозу «положительному лицу» адресата, который может и не справиться с когнитивным «вызовом» остроумия. Кроме того, релевантность (уместность) такого вызова определяется ситуацией общения. Юмор приглашает переключиться с позиции «взрослого» на позицию «ребенка» (по Э. Берну – см. ниже). Шутка может быть ситуативно неуместной в силу иерархичности социальных статусов собеседников, нарушать максимы кооперативности (Г.П. Грайс) и вежливости (П. Браун, С. Левинсон и др.) и т.д.

Отсутствие чувства юмора также воспринимается эристично, и это не требует доказательств. Достаточно вспомнить такие формулы *упрека*, как: «Ты что, совсем чувство юмора потерял?», «Доходит до тебя, как до жирафа» и т.д. Последняя формула передает явно эристическую тональность – уничижительное сравнение *ad hominem*.

Однако прежде всего необходимо подчеркнуть явный интеллектуальный «аристократизм» остроумия – смеховой эристики, в которую со временем прокралась идея «врожденной агрессивности» ([Козинцев 2007б]). В теории мышления, кроме фазового характера мышления, подчеркивалась как главная особенность неожиданность момента нахождения решения – озарение, «инсайт» [Воронин 2006]. С точки зрения З. Фрейда, острота имеет эмерджентный характер, это «внезапный разряд интеллектуального напряжения» [Фрейд 1997: 170].

Творческое мышление представляет собой высший уровень развития мышления. «Психологическое содержание творческого процесса <...> заключается в развитии внутреннего плана действий, в сложном взаимодействии неосознаваемых компонентов (интуитивных решений) и осознаваемых (процессов вербализации и формализации)» [Воронин 2006:

39]. К этому можно добавить и «способность к удивлению», к принятию таких «озарений», толерантность к таким проявлениям со стороны собеседника. Тогда происходит адекватное восприятие такой *эвристической эристики*, воспринимаемой как проявление творческой креативности (см. ниже о приёме *остранения*).

Таким образом, краеугольным положением нашей гипотезы становится *включение смеха и остроумия в эристические проявления*, в понятие *людического эристического поведения*. Здесь мы следуем описанному выше подходу к эристике русского ученого Г.Д. Давыдова, анализирующего фрейдовскую теорию остроумия [Давыдов 1997] (см. выше).

Сам Фрейд считал остроуту глубоко эристичной. Пафос Фрейда уходит корнями в глубины бессознательного. Именно в остроте «находит себе освобождение *инфантильная вражда* ко всякому закону, установлению, государству, браку, на которые переносится бессознательное отношение, к отцу и отцовскому авторитету (Эдипов комплекс), и, наконец, враждебность ко всякому другому человеку (инфантильное самодавление)» [Бахтин 2000: 114].

Такая психологическая «позиция ребенка» реализуется, по Э. Берну, в речезыковом поведении участников социальной и коммуникативной интеракции (см. ниже, а тж. [Берн 1996]).

Игры остроумия со смыслами, как и языковая игра, отражается многими риторическими фигурами и тропами, но самыми частотными речезыковыми трансформациями *когнитивного рефокусирования* (М.И. Киосе) остаются каламбур и ирония (ср. [Козинцев 2008]).

Если каламбур, как правило, есть механизм языковой креативности и остроумия без ярко выраженной интерперсональной направленности, то ирония имеет более определенную ориентированность на собеседника (аудиторию). И эта направленность по определению эристична [Козинцев 2010; 2013].

Трансгрессивность и «агрессивность» повседневного (разговорного, интеракционного) юмора подчеркивается во многих исследованиях [Гусейнов 2008; 2012; Norick 2009; Thielemann 2020; Yus 2016]. В одном из них юмор рассматривается как «один из единственно приемлемых способов свободно предаваться преступным удовольствиям, связанным с морально неприемлемыми темами и языком» [Palmer 1994: 22]. По словам Дж. Палмера, комики – это те, кто «прокладывает нам путь к погружению в область отрицательных эмоций и тревог. В контексте юмора напряженность, которая возникает при обсуждении сексуальных, расовых и других запретных тем, разряжается в виде смеха [Palmer 1994::40].

Юмор, как известно, имеет этнокультурные особенности и даже национальную атрибуцию («английский», «еврейский» и т.д.).

Исследования «английского юмора» утверждают, что главной темой его является секс, главным приемом – каламбур (омонимы, омофоны и т.д.) [Knauer 2001].

Джеппи Палмер [Palmer 1994] в книге «Taking Humour Seriously» – “Принимая юмор всерьез” предположил, что часто источником английского юмора является жестокость. Эта характеристика встречается в этнических шутках, в черном, «висельном» юморе. Д. Кнауэр [Knauer 2001] рассматривает жестокость в юморе как аспект самозащиты. Он указывает, что во всем мире принято смеяться над опасностью, тогда «она не будет вас так сильно беспокоить» [Idem: 13]. Кроме того, им выделяется подгруппа «защитного» юмора, который он называет «висельным» юмором (*gallows humour*).

Однако англичане предпочитают смеяться над несчастьем, которое уже случилось с кем-то другим. Обычно британцы воспринимаются как очень справедливые люди [Стернин 2003], но в этом контексте они сначала смеются над вами, а потом помогают. Но главной типично британской чертой юмора является ирония и сарказм. Ироническая литота, по мнению

Кнауэра [Knauer 2001], выступает главным тропом британского юмора. Если американка скорее крикнет: «*Who the hell has sent this sh** f***ing weather? I'm wet from head to toe!*» – ‘Кто, черт возьми, послал эту чертову погоду? Я мокрая с головы до ног!’, то англичанин, разговаривая со своим соседом, скажет: «*Not a very nice weather, is it?*» – ‘Не очень хорошая погода, не правда ли?’ [Armijo 2011]. Из этого сопоставления можно заключить, что американцы более эмоциональны и эристичны. Однако для таких выводов существуют специальные корпусные исследования (см. тж [Knauer 2001; Thielemann 2020]). В этом ключе эристические аспекты юмора (иронии, сарказма) рассмотрены нами в практической части работы.

Этнические стереотипы юмора выражены в так называемых этнических анекдотах (см., напр., [Шмелева, Шмелев 2002]). Особое место отводится еврейскому юмору, которому приписывается мягкость и интеллектуальность иронии, в отличие от смеховой агрессивности [Schiffrin 1984]. Таким образом, эристичность становится отличительной чертой *этнолектов* (не говоря о социолектах – арго, феня и проч.), например, некоторые северные говоры [Шляхова 2005], знаменитое *одесское городское койне*, этномаркированные варианты иронии и юмора [Горностаева 2013]. Например, как отмечает П. Слотердаик, «в еврейской шутке живет что-то от *изначально-кинического*, сложно и туго закрученного угнетенно-суверенного сознания – внезапная рефлексивная вспышка, озаряющая тьму меланхолического знания, вспышка, которая хитро, рождая *чувство собственного превосходства, настраивает против властей и всяких проявлений высокомерия*» [Слотердаик 2001: 155 – выделено нами – И.Т.].

По мнению Д. Кнауэра, еврейский юмор «...отмечен самоуверенностью, превосходством над своими (бывшими) угнетателями, хитростью и ловкостью в вопросах торговли и денег» [Knauer 2001]. Вот как это выглядит «со стороны» – сквозь призму французского анекдота:

Deux Juifs polonais se rencontrent sur le Два польских еврея встречаются на

quai d'une gare :	вокзале:
– Où vas-tu ?	– Ты куда?
– A Cracovie.	– В Краков.
– Je ne peux pas te croire ! Si tu me dis que tu vas à Cracovie, tu veux me faire croire que tu vas à Lublin. Et si tu veux me faire croire que tu vas à Lublin, c'est que tu vas à Cracovie. Alors, pourquoi mens-tu ? [Negre 1973: 58].	– Не верю. Ты говоришь «в Краков», чтобы я подумал, что ты едешь в Люблин. А если ты хочешь, чтобы я подумал, что ты едешь в Люблин, значит, ты едешь в Краков. Почему ты все время врешь?

По мнению Д. Кнауэра, у английского и еврейского юмора есть одна общая черта – и тот и другой способны посмеяться над собой [Кнауер 2001: 77]. Но в большей степени эристичность юмора проявляется в этноксеностереотипах, трактующих другой этнос, как правило, с иронической насмешкой:

« – Vous, les Français, déclare un lord britannique, vous ne savez pas ce que c'est que le tact. Par exemple, quand vous entrez par mégarde dans une salle de bains où se trouve une dame nue, vous refermez la porte en disant: <i>Pardon, madame!</i>	– Вы, французы, не знаете, что такое такт», – говорит английский лорд. Например, когда вы случайно входите в ванную и видите голую женщину, вы закрываете дверь со словами «Пардон, мадам!»
– Ah? Et qu'est-ce qu'il faut faire?	– Ну да, а как же иначе?
– Refermer la porte, bien sûr, mais dire : <i>Pardon, monsieur!</i> » [Negre 1973 : 34].	– Закрывать дверь – да, но со словами «Пардон, месье!» (перевод наш – И.Т.).

В отношении английского юмора Д. Кнауэр приходит к выводу, что в Англии юмор рассматривается как способ жить в обществе. Потому что:

«В Британии ценят только тех, кто обладает чувством юмора, независимо от обстоятельств, и цитируют А. Зива <...>, который говорит: “Британия – единственная страна в мире, которая чрезмерно гордится своим чувством юмора... В других странах, если они сочтут вас неадекватным или возненавидят, они назовут вас глупым, невоспитанным, конокрадом или гиеной. В Англии скажут, что у вас нет чувства юмора. Это окончательное осуждение, полное отвержение”» (Цит. по [Armijo 2011: 65] – перевод наш И.Т.).

Трансгрессия в сексуальность – кросскультурная универсалия юмора.

Д. Кнауэр приводит цитату из работы Г. Майкса²² (G. Mikes):

«... в Америке ежедневно в клубах, барах и на телевидении рассказывается в десять раз больше оскорбительных шуток, чем в самых агрессивных британских» [Knauer 2001:14 –перевод наш – И.Т.].

Кнауэр видит только одно принципиальное различие между двумя нациями: хотя англичане тоже любят сексуальные шутки, американцы «делают это гораздо чаще. В США, как и в Англии, популярны каламбуры, но здесь они гораздо чаще связаны с сексом. Кнауэр утверждает, что «любимым словом для каламбура является личное местоимение “it” ‘оно’» (Цит. по [Armijo 2011: 56]).

Таким образом, основными особенностями английского юмора, по мнению Кнауэра, являются каламбур, ироническая недосказанность (ирония, литота) и акцентирование на теме секса. Если в плане выражения каламбур для англичанина – дело повседневное, то недосказанность (ирония) – часть его отношения к окружающему миру. Кнауэр объясняет, что из-за «приличных манер англичан», они могут улыбнуться, когда делаются намеки на сексуальные коннотации» [Knauer 2001].

Напротив, американцы вообще могут смеяться над чем угодно. Тем не менее, есть темы, которые их несколько не забавляют, например, террористические акты. Кроме того, в отличие от англичан, американцы склонны к чрезмерным реакциям, и именно поэтому американский юмор более экспрессивен («эксцессивен», по Кнауэру).

В основном идиосинкрязийные контексты английского юмора построены на эристической трансгрессии, как, например, следующая шутка Бернарда Шоу:

«If there is anybody a young English girl hates even more than her mother, it is her elder sister» (G.B.Shaw) – ‘Если есть кто-то, кого английская девочка

²² Mikes G. English Humour for Beginners. London: André Deutsch, 1980.

ненавидит больше своей матери, так это её старшая сестра' (Цит. по [Fonagy 1982: 31]).

Шутка эристична по своему «трансгрессивному» содержанию, ибо строится на парадоксе (эристическом вызове общепринятым положениям – “доксе”: ‘мать и сестру, как правило, любят’) и антитезе-гиперболе [Idem]. Однако, можно ли ее назвать эту шутку «агрессивной»? Мы полагаем, что нет, так как эта саркастическая ирония не направлена ни в чей персональный адрес (*ad personam*), конечно, за исключением всех английских барышень.

Французы также не уступают в самоироничном сарказме их «заклятым друзьям» (“*ennemis héréditaires*”) – англичанам – и просто «переходят все границы» самокритичности в одной только загадке-шутке:

«Pourquoi le coq est le symbol de la France? – Parce que c’est le seul oiseau qui chante sur un tas de fumier» – ‘Почему символом Франции стал петух? – Потому что это единственная птица, поющая над кучей дерьма (навоза)’ [Актуальные аспекты 2013].

Тем не менее, как показывают многочисленные исследования (напр., [Батай 2007; Бахтин 2009; Давыдов 1997; Дмитриев, Сычев 2005; Козинцев 2006; 2007; 20013; Сальмон 2008; Фрейд 1997; Шмелева, Шмелев 2002; Dynel 2014a,b; Fonagy 1982]), в юморе и анекдотах, как и в других людических проявлениях, – гораздо больше универсального, чем особенного. Многие анекдоты просто имеют более или менее дословные варианты в разных лингвокультурах [Арустамян 2011].

Говорить, что «черный юмор» или цинизм в юморе есть прерогатива англичан или американцев, не позволяют многочисленные примеры, например, русского «детского» черного юмора (1), «Вредные советы» Г. Остера (2):

(1) *«Звездочки, звездочки, бантики в ряд –*

Трамвай переехал отряд октябрят» («детский» фольклор);

(2)

*«Никогда не мойте руки,
Шею, уши и лицо.*

*Так зачем же тратить силы,
Время попусту терять?»*

*Это глупое занятие
Не приводит ни к чему.
Вновь испачкаются руки,
Шея, уши и лицо -*

*Стричься тоже бесполезно,
Никакого смысла нет:
К старости сама собою
Облысеет голова» [Остер 2020: 22].*

Юмор часто вызывает импульсы агрессии, тревоги, опасения [Дмитриев, Сычев 2005]. Они могут быть очень слабыми, а могут «поражать в самое сердце». Эристичность юмора ситуативна и зависит от интеллектуального уровня и остроумия говорящего и «чувства юмора» реципиента. Агональная эристика смеющегося проявляется в отсутствии симпатии и снисхождения к жертве шутки или остроты, а в организме реципиента повышенная эристическая идиосинкразия приводит к различным изменениям: повышается давление, учащается сердцебиение, напрягаются мускулы [Кнауер 2001].

При этом даже если понимать агрессивность широко – как эмоцию, проявление внутренней интенции раздражения / возражения / антипатии и т.п., или как свойство «конфликтной личности» (ср. [Седов 2005; 2007; Сейранян 2014; 2016]), приведенные шутки, да и шутка по определению (ср. клише: «Это шутка, – без обид») не в полном смысле «агрессивна», так как построена на механизме юмористической метафоры, парадокса, иронии. Таким образом, людическая Эристика – это «агрессия» в пределах разумного, а юмор – это «доброкачественная» агрессия [Дмитриев, Сычев 2005: 35].

Разделяя понятия «остроумие», «комизм», «юмор», Фрейд, тем не менее, находит больше сходства в их интерпретации. В частности, основным критерием служит принцип затраты и освобождения энергии. По мнению Фрейда, *удовольствие от остроты* вытекает для нас из экономии затраты энергии на упразднение задержки, *удовольствие от комизма* – из экономии затраты энергии на работу представления, а *удовольствие от юмора* – из экономии аффективной затраты энергии [Фрейд 1997].

Таким образом, можно говорить о двух функциях *эристики смешного*, или **людической эристики**, в речевом взаимодействии – (псевдо)атакующей,

(псевдо)агрессивной (насмешка, ирония) и сублимирующей, снимающей напряжение в противоборстве оппонированных сторон.

Тем не менее, Эристика нарушает симметрию отношений. Это вызов («на дуэль»), борьба с нормами, обстоятельствами и/или идеологической пропозицией (содержанием), либо с адресатом – носителем такой пропозиции, либо с аудиторией. Эристика является антонимом эмпатии и мимезиса во всех их проявлениях, за исключением тех случаев (вторичных функций), когда эристика либо нейтрализуется в оппозиции, либо выполняет функцию своего противочлена, превращая противоречие и конфликт в игровые формы (*людическая эристика*). Ж.-П. Сартр писал, что «сам человек строит себя как конфликт».²³

2.3.2. Насмешка, ирония, сарказм как эристические механизмы

Осмеяние глупости – одна из самых важных причин остроумия и смеха, по А. Шопенгауэру [Schopenhauer 2010]. Главным проявлением глупости автор «Эристической диалектики» считает педантизм и косность [Idem]. Смешное А.Ш. подразделяет на шутку (преднамеренно смешное), иронию (шутка, скрытая за серьезностью). Если серьезное скрыто в шутке, проявляет себя юмор. В юморе перевешивает субъективность, в иронии — объективность [Дмитриев, Сычев 2005: 162-163].

Эристичность юмора занимает ученых от античности Аристотеля и Платона до наших дней. Несмотря на скудность экспериментальных данных, уже сегодня существуют психологические исследования, доказывающие каузальную связь между улыбкой-смехом и эмоциональным состоянием агрессии. Эта связь лежит в основании ряда современных теорий смеха [Козинцев 2006; Дмитриев, Сычев 2005]. Отмечается, что юмор является всегда *игрой*, предусматривающей победителя и побежденного: в игре юмора смех обозначает «победу» и чувство превосходства.

²³ Сартр Ж.-П. Один новый мистик // Танатография эроса. СПб., 1994. С. 22.

Трансгрессивность и «агрессивность» повседневного (разговорного) юмора подчеркивается во многих исследованиях [Гусейнов 2008; 2012; Norick 2009; Thielemann 2020; Yus 2016]. В одном из них юмор рассматривается как «один из единственно приемлемых способов свободно предаваться преступным удовольствиям, связанным с морально неприемлемыми темами и языком» [Palmer 1994: 22– здесь и далее переводнаш – И.Т.].

Можно выделить как минимум пять интерперсональных функций юмора, связанных с динамикой межличностного плана речевой интеракции и взаимодействием стратегий (не)вежливости между собеседниками:

- построение позитивной идентичности;
- защита собственного позитивного лица;
- проявление конвергенции (мимезис) с собеседником;
- негативная вежливость;
- демонстрация дивергенции [Norick 2009].

Главным свойством эристического юмора является угроза «позитивному лицу» [Goffman 1987], направленная как на собеседника, так и на самого говорящего (самоирония).

Возможно, исходя из этого, в различных исследованиях многие проявления такой сублимированной «агрессии», имеющие смеховые (людические) манифестации, сводятся исключительно к агональным формам. Так, И.А. Шаронов рассматривает *насмешку* и *иронию* как «приемы речевой агрессии»:

«Стратегии диалогической иронии входят в один ряд с рассмотренными выше стратегиями насмешки при актах возражения и отказа, выполняя функцию отражения агрессивного воздействия. Диалогическая ирония проявляется в качестве мнимого согласия и использует для этого соответствующие средства языка. Иронизирующий субъект в ответ на речевое воздействие объявляет, что он убежден и поддерживает собеседника, однако способ произнесения, жестово-мимическое сопровождение высказывания излишне экспрессивны, а

дальнейшая речь, обосновывающая мнение ироника (автора иронического высказывания), переворачивает все «с ног на голову». На самом деле говорящий имеет противоположное мнение о предмете речи, а ироническая стратегия используется им пусть для мимолетного, но все же *обмана, введения собеседника в заблуждение* с целью дать ему возможность как бы вознестись в торжестве своей уверенности и с этой высоты «упасть на землю» [Шаронов 2004: 48 – выделено нами – И.Т.].

Подписываясь по каждому словом уважаемого автора, отнесем все описанное в цитате, все таки, не к агрессии, а к эристике.

Существуют многочисленные утверждения, что ирония неизбежно подразумевает негативное, критическое отношение к своему объекту [Grice 1989: 53-54,120; 2001; Kerbrat-Orecchioni, 1976, 1980; Sperber, Wilson 1986]. Сарказм, по сравнению с иронией, часто считается «более агрессивным» [McDonald 2000; Taylor 2015]. Однако сарказм, как правило, связан с контекстом, в котором продуцент сарказма имеет веские причины для его применения. Например, обиду, негативные эмоции: гнев, раздражение, неприязнь [McDonald 2000].

Лингвист и переводчик Л. Сальмон, отделяя иронию от сарказма, пишет:

«Если же к чувству превосходства и снисхождения добавляется досада, гнев или ярость, получается сарказм: тематические и лексические краски сгущаются, снисходительная ироническая улыбка становится едкой усмешкой, отношения между субъектом и объектом драматизируются. Не случайно по греческой этимологии сарказм значит «рву мясо, кусаю», то есть безусловно выражает агрессивность. Например: Жена, говоря о муже-алкоголике: «налейте, налейте ему, он по пьяни у нас просто гигантом становится». В данном примере сгущение инверсии происходит благодаря ассоциативной связи между причиной (алкоголизм) и следствием (импотенция). Тема обостряется тем, что речь не просто идет о пороке мужа (объекта сарказма), но и об отношениях мужа (объекта) с женой (субъектом): агрессивность жены непосредственно разоблачает ее личное страдание от порока мужа. Она осуждает его, но разоблачает свое горе. в сарказме адресант «нападает» на объект осмеяния так, что можно наблюдать очень интересный, на первый взгляд парадоксальный факт: хотя дистанция между

коммуникантами обостряется (субъект больше принижает объект), но этим самым он проявляет собственную слабость (чувство своего унижения): субъект, а не объект выглядит главной «жертвой». Иными словами: сарказм не только вызывает реакцию, но и является ответом на/за что-то (агрессивность жены явно показывает, что она воспринимает алкоголизм мужа как явление, направленное лично против нее)» [Сальмон 2008: 59].

Основой иронии Г.П. Грайс считает сознательное нарушение первой максимы Принципа кооперативности – максимы качества (искренности, правдивости) [Грайс 1985]. Так называемое переносное (фигуральное) значение (*figurative meaning*) [Grice 2001; Sperber 1979; 2007] иронии, метафоры, гиперболы, литоты (мейозиса) имеет один когнитивный механизм – семантический сдвиг («*shift*» [Walton 1992]) и/или совмещение двух семантических областей («*blending*» [Fauconnier, Turner 2003; Grady 1997]). Семантический сдвиг – это также свойство *эвокативности* [Dominicy 2007; Sperber 2007] – способности вызывать те или иные ассоциативные интерпретации вводного текста (высказывания) на основе типичных сценариев (моделей), провоцируемых определенными речезыковыми механизмами: юмор, ирония, омонимия и т.д.

В лингвистике не так много исследований, посвященных сарказму и определению признаков, дифференцирующих сарказм и иронию [Taylor 2015]. Однако большинство из них характеризует оба явления как «скрытую агрессию» [Дмитриев, Сычев 2005; Шаронов 2004]

Ирония и сарказм стали приоритетными в исследованиях теории (не)вежливости [Alba-Juez 2014; Culpeper 2017a,b]. К явным корреляциям теоретических исследований (не)вежливости с эристикой мы обратимся в последующих частях нашей работы.

Определяющим вектором нашей главной гипотезы является вопрос: можно ли считать *эристичность* иронии в полной мере «речевой агрессией».

Трудность этой проблемы заключается в сложности и диффузности полимодального и полипарадигмального феномена иронии, ставшего

предметом многочисленных исследований разной направленности [Горностаева 2013; Заврумов 2017; Козинцев 2007а; Шаронов 2004; Шилихина 2014; Alba-Juez 2014; Armijo 2011; Attardo 2000; Norick 2009; Palmer 1994; Wilson 2009].

Мы остановимся на наиболее релевантных для наших целей концепциях иронии.

2.3.3. Когнитивно-эристические механизмы иронии

Опираясь на свою Теорию релевантности [Sperber, Wilson 1986/1995] Д. Спербер и Д. Уилсон в своих работах исследуют когнитивные механизмы иронии, (см. тж. [Попова 2019]). Они выделяют два типа иронии: обычная, или «притворная» ирония (*pretence irony*) и «эхо-ирония», заключающаяся в интертекстуальной кореференции к пропозициям – высказываниям или мыслям, – либо только что выраженным собеседником, либо высказанным (существующим) ранее («прецедентные феномены») или «возможным» в соответствии с текущей ситуацией [Sperber, Wilson 2002; Wilson 2009]. Такой подход созвучен предложенному нами «делокутивному» (*de locus* – от речи)²⁴ подходу к анализу интерпретации (см. ниже).

Однако авторы признают, что множество случаев, причисляемых к иронии, не являются четкими и, следовательно, трудны для анализа. Тем не менее, они предлагают считать ироническими только те речевые акты (тексты), которые связаны с «эхо-эффектом»:

«We argued that irony consists in echoing a thought (e.g., a belief, an intention, a norm-based expectation) attributed to an individual, a group, or to people in general, and expressing a *mocking, sceptical or critical attitude to this thought*. On this approach, an ironical utterance typically implies that the speaker

²⁴ Феномен *делокутивности* впервые был отмечен Э. Бенвенистом [Benveniste 1970]. С тех пор идея делокутивности (функции *цитации*, по А. Вежицкой [1982], и прецедентности текста, по Ю.Н. Караулову [2007]) присутствует в анализе многих прагматических аспектов языка-речи (напр., [Алферов 2001; Кустова 2010; Anscombe 1980;1985]).

believes the opposite of what was said, but this is neither the meaning nor the point of the utterance» [Wilson 2013: 128 – выделено нами –И.Т.].

Таким образом, Эхо-эффект состоит в делокутивной (реминисцентной, эвокативной) соотнесенности иронического высказывания с прецедентными пропозициями, каждая из которых имеет свой источник (коррелативную «пропозицию») либо в реальных высказываниях, либо в виртуальных пропозициях – мыслях или мнениях; некоторые ментальные коррелативы имеют реальный источник, другие – воображаемый; возможно даже создать высказывание, которое «реферирует» к собственным надеждам и ожиданиям (самоирония) и т.д. [Wilson 2009].

В любом случае, главное положение концепции состоит в том, что все случаи иронии связаны с «упоминанием» («эхом») прецедентной / виртуальной пропозиции. Причем, подчеркивая эристичность иронии, авторы считают непременным условием речевого акта (стратегии) иронии наличие «жертвы» (цели) [Dyrel 2014a]. В отличие от метафоры и других «фигуральных» тропов, ирония направлена на цель (собеседника, самого говорящего, критику некоей пропозиции – идеи, мнения, положения и т.д.).

Такой «целью» может быть любой прецедентный «текст»: мнение, «общее место» (топос), привычное положение дел, правило, «общие знания» и пресуппозиции – (известные) чувства и желания собеседника или третьих лиц [Perelman 1983]. Например, в некоторых исследованиях иронии появился термин «сюрреалистская» ирония (*surrealist/surrealistic irony* [Dyrel 2014a]) – ирония, эристически трактующая и критикующая чаяния собеседника (высказанные или невысказанные): например, в ответ на высказывание «*I will pass this time*» следует реплика (отрицание/осуждение) «*And I will be elected president of the whole world*» [Idem].

Следуя Д. Уилсон и Д. Сперберу, ирония эристична, так как в ее основе лежит интенциональное нарушение нормы (*normative bias*), а не просто «притворство» (*pretence*) [Recanati 2007], «переносный смысл» (*figurative meaning*) [Recanati 2004] или нарушение принципа правдивости Грайса:

«The most common use of irony is to point out that situations, events or performances do not live up to some norm-based expectation. Its main use is to *criticize or to complain*. Only in special circumstances is irony used to praise, or to point out that some proposition lacking in normative content is false»[Wilson 2012: 130].

«Эхо» состоит в том, что прецедентной «пропозицией» здесь является разделяемое участниками речевой интеракции «общее когнитивное пространство» [Sperber, Wilson 2002] – общее **знание** (*shared knowledge*) о «нормальном» положении вещей (нормах этикета, умеренного питания и т.д.). С этим исходным знанием связана последующая *инференция* – вывод о действительном смысле ироничного высказывания. Такие топосы (общие знания – *common knowledge*) и пресуппозиции заменяют эксплицитную аргументацию и многие «угрожающие лицу» прямые речевые акты (упрек, запрет, совет и т.д.) (ср. теорию *аргументативной силы топосов* Х. Перельмана [Perelman 1983]).

Функция такой иронии, по мнению Д. Уилсон состоит в следующем:

«According to the echoic account, the speaker of an ironical utterance <...> is not saying the opposite of what she means, but echoing a thought (e.g. a belief, an intention, a norm-based expectation) she attributes to an individual, a group, or to people in general, and expressing a mocking, scornful or contemptuous attitude to this thought» [Wilson 2013: 41] – 'Следуя эхо-концепции, сказанное говорящим не только противоречит прямому смыслу того, что сказано, оно, как эхо, созвучно с мыслью (а тж. мнением верованием, полаганием, намерением, общепринятой нормой) отдельного индивида, группы или всех людей в целом, и выражает насмешливое, снисходительное и *презрительное отношение к этой мысли*' (переводу наш – И.Т.).

К модели иронии Спербера-Уилсон примыкает подход Ф. Юса [Yus 2016] и Сашу Кумон-Накамура [Kumon-Nakamura 2007], которые полагают, что «намек» (корреферентная отсылка) на «предыдущее содержание» (пресуппозицию) или ментальная проекция на желание, надежду, стремление является обязательным условием для иронии [Kumon-Nakamura 2007: 15] (ср. [Баранов 2006]). Так же, как и в предыдущей модели, ирония отсылает к

несоответствию между пропозицией и/или пресуппозицией иронического высказывания и описываемым в ироничном высказывании «положением дел» – тем, что есть, и/или тем, что ожидается.

Наконец, главный пункт концепции С. Кумон-Накамура – нарушение условий искренности в ироническом речевом акте (ИРА). Имеется в виду и условия успешности речевого акта, по Остину-Серлю, и постулат качества Г.П. Грайса («Будь искренним») [Грайс 1985].

Как известно, к условиям успешности РА относятся следующий набор условий:

- (а) пропозициональное содержание высказывания,
- б) статус как говорящего, так и слушающего высказывание,
- (в) искренность психологического состояния, выраженного или подразумеваемого высказыванием,
- (г) восприятие слушающим искренности говорящего [Серль 1986; Austin 1970: 54].

Если какое-либо из этих условий сознательно нарушается говорящим, то можно говорить о прагматической неискренности ИРА.

В качестве точек конвергенции «теории неискренности» и эхо-теории Накамура указывает на следующие утверждения:

1. Иронические высказывания предназначены для того, чтобы служить аллюзией (подразумеванием, намёком), поскольку они нарушают условия искренности. Иронические замечания, которые являются эхоическими, выполняют этот вид аллюзии, явно или неявно повторяя какое-то предшествующее высказывание или какую-то предполагаемую мысль, хотя это не единственное проявление аллюзии.

2. Прагматическая неискренность является типологической чертой иронических высказываний [Kumon-Nakamura 2007].

Мы полагаем, что такой подход в значительной степени освещает интеракционно-интерперсональные отношения в функционировании

иронии. Идея нарушения или отрицания «разделенных знаний» и топосов, заменяющих логическую аргументацию, будет развита нами в дальнейшем изложении (например, эристымы в сериале «House,MD»).

Если имплицативная (когнитивно-семиотическая) природа иронии и др. эристических проявлений приводит нас к «эхо-модели», то внешняя функциональность иронии выражается в следующей типологии.

Наиболее распространенными в западных источниках [Attardo 2000] являются 4 типа иронии:

1. Сократическая ирония;
2. Драматическая (литературная) ирония;
3. Ирония судьбы («референциальная» ирония);
4. Вербальная (риторическая) ирония [Attardo 2000].

Сократическая ирония – это притворное незнание заданной темы в определенных («педагогических») целях. Такая ирония эристична, потому что задающий вопрос, зная ответ, находится выше (интеллектуально и/или институционально) адресата. Хотя Сократ утверждал, что действительно не знает ответа при его ироничном «бытовом» агностицизме («Я знаю, что ничего не знаю») [Платон 1990: 320].

Литературная, или *драматическая ирония* позволяет автору обеспечить второй план общения с читателем, когда все, о чем говорится, имеет людический и часто эристический подтекст (ОБЕРИУ, «Театр абсурда», постмодернизм, иронический детектив, С. Довлатов, В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин и др.). Такая ирония эристична, потому что проверяет читателя на «знание» (понимание) тех эвокаций, аллюзий и реминисценций, которые создают эффект смыслового смещения. Эта амбивалентная эристика оборачивается глубинной «заговорческой» эмпатией, отделяющей понимающих «своих» от непонимающих «чужих».

Ирония судьбы – это ситуативная или «референциальная ирония», например, когда пригретая на груди змея жалит своего спасителя. Ирония

судьбы эристична по определению, так как протагонист «анекдотичной» ситуации всегда оказывается в роли жертвы. Эта ситуация в русском речевом обиходе отражается в эристических формулах: «За что боролсь, на то и напоролсь» или «Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда (В.С. Черномырдин – см. ниже).

Бенефициантом такой иронии могут стать слушающие гелотогенного (вызывающего смех) нарратива о неудачном исходе событий.

Под *вербальной иронией* обычно понимается предмет исследования речезыковых и лингвокогнитивных механизмов определенного коммуникативного события (речевого акта), меняющего смысловой фон речевого взаимодействия и интерперсональный аспект коммуникации (вежливость и т.п.).

Учитывая тот факт, что ироническая референтная (деятельностная) ситуация и «педагогическая» провокативность (майевтика), а тем более заговорческая («постановочная», «драматическая») ирония между «посвященными, понимающими» собеседниками, так или иначе, находят отражение в реальном общении, – все четыре типа иронии могут проявляться в фатической и институциональной коммуникации.

Функции иронии в речевой интеракции разнообразны. Наиболее отмечаемыми в исследованиях являются *косвенное отрицание* [Curcó 2000] и *косвенная аргументация* (непрямое убеждение) [Dyrel 2014 a, b; Wilson 2009; 2013], а также интерперсональная эристика – насмешливая, пренебрежительная или презрительная (*mocking, scornful or contemptuous*) [Wilson 2013].

Дж. Лич (Leech) в своей работе вывел «Принцип подтрунивания» (*'Banter Principle'*): «Для того, чтобы выразить симпатию или солидарность по отношению к адресату, нужно выполнить два «условия успешности» речевого акта подтрунивания («стёба»):

- 1) выражай очевидный и подчеркиваемый нонсенс (неправду);

2) выражай очевидную эристичность – атакуй адресата» [Leech 1983: 149], например: Here comes trouble! – вошедшему близкому другу: Ну вот, начинаются неприятности – ср. Только этого не хватало и т.п.; фр. Bonjour les dégats! – ср. [Alba-Juez 2014].

Таким образом, в интерперсональном плане ирония пересекается со «стёбом» (*banter*) ироничным вызовом, провокацией, издёвкой и передразниванием (*teasing*).

Особое место занимают различные речезыковые средства выражения иронии, например *литота* или *гипербола* [Perelman 1983: 390] (см. примеры ниже).

Таким образом, в обобщенную категорию «иронии» часто включают эристические манифестации, граничащие с иронией, но таковой не являющиеся – насмешка, поддразнивание, абсурд, пародия, хвастовство, шуточный нарочитый обман – демонстративная, «явная» ложь («сюрреалистическая ирония» – см. выше), а также юмористическая оценочная метафора и метонимия: «*Plus fort que moi, tu meurs*» – досл. '(Попробуешь быть) сильнее меня – тебе конец' (= «Круче только горы» / «Выше только звезды» и т.п.); ср.: «*Ай да Пушкин, ай да сукин сын!*» или:

*«Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкрашен!
Я повсесердно утвержден!»* (И. Северянин. «Эпилог»).

Выстраиваемые схемы иронии и сарказма абстрактны, а реальные проявления юмора «здесь и сейчас» многолики и глубоко контекстуальны (ситуативны). Поэтому к исследованию дедуктивному (*top-down*) необходимо прилагать индуктивный анализ речезыковых фактов (*bottom-up*).

Однако дескриптивный подход к явлениям интеракциональной прагматики также имеет свои трудности, учитывая, что любая модель (схема), рассматриваемая в функциональной реальности, теряет свою

стройность и «безупречность», в связи с синкретизмом речезыковых манифестаций. Примеры электронного корпуса лишены, как правило, прагматических и интеракционных – контекстуально-ситуативных и полимодальных (интонация, жесты, мимика) *смысловых триггеров*. Большую важность в связи с этим имеют исследования, построенные на полимодальном подходе тематические (предметные) корпуса (см., напр., [Бьяджин 2007; Ирисханова 2016; Кибрик 2018a]), а также предлагаемый нами интеракционный полимодальный анализ речевого взаимодействия (см. ниже).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Анализ концепций и теоретических дескрипций проявлений эристического в речи приводит к положению о том, что функционально-семантический диапазон манифестаций **эристического в речи (эристики)** представляется как когнитивно-интенциональная и речеповеденческая структура, характеризующаяся уровневой организацией и определенной таксономией слотов и единиц. Эристическая речь отличается следующими структурными и функциональными характеристиками:

1. Верхний уровень структуры эристики представлен коррелирующими между собой **категориями речевого противоречия, когнитивного диссонанса / конфликта, речевой трансгрессии** и т.д. Эти категории находят отражение в совокупности **дискурсивных жанров**, таких как *спор, диспут, дискуссия, дебаты, ссора, полемика, трикстерный нарратив* и т.д. Характерными для эристической речи являются многочисленные **речевые акты и стратегии**: *укор, протест, опровержение, неодобрение, сомнение, отрицательная оценка, шутка, острота, ирония, сарказм, угроза, вызов, оскорбление, колкость* и т.д.

2. Концептуализация эристического речевого взаимодействия (спора и проч.) возможна на следующих выявленных основаниях:

а) **телеологическом** (целеполагание), дающем речеактовую (стратегическую) структуру: противоречие (возражение), убеждение и аргументация (Е.Н. Горбачева);

б) **когнитивно-метафорическом**, находящем в «метафорах, которыми мы живем» ментальную репрезентацию концепта СПОР (*RATIONAL ARGUMENT IS WAR*), который, независимо от степени рациональности и академичности, получал корреляцию с антагонизмом «военных действий» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), что лежит в основе представления эристики как речевой агрессии;

в) **когнитивно-модульном**, рассматривающем эристические когнитивно-интенциональные манифестации как когнитивный модуль интеллекта, ответственный за *эпистемическую бдительность* – функцию рационального ограничения эмпатии и доверия как к собеседнику и критическому отношению к сообщаемой им информации (Д. Спербер и др.);

г) **когнитивно-эмоциональном**, представляющем проявления эристического как функцию эмоционального интеллекта субъектов речевого взаимодействия, проявляющаяся в ментальном критическом релятивизме и стремлении заострять решение проблемы по методу *reductio ad absurdum* (Майерс-Бриггс).

3. **Эристика не может отождествляться с речевой (вербальной) агрессией** – положение, выносимое на защиту, и доказываемое многочисленными аргументами и примерами, имеет следствием модель категориально-функционального поля Эристики, располагающейся по градуальной шкале между речеповеденческой эмпатией и вербальной агрессией, к которой эристика стремится как к своему пределу. Два полюса Эристики – людическая (игровая) эристика и персональные атаки *ad hominem*, граничащие с агрессией, – заключают между собой пространство «политического» – социально приемлемого, ситуативно варьируемого вежливо-невежливого (речевого) поведения, характеризующегося

определенным речеповеденческим регистром – нарушением «нулевой степени» речезыковых норм (языковая игра, юмор, эпатаж, вызов, речевая пикировка и т.д.) (Р. Уоттс, Т.В. Ларина).

4. В диапазоне речевой Эристики можно выделить несколько черт эристической когнио-речевой стратегии, состоящей из интенциональной и речеактовой перспектив: эгоцентризм и пренебрежение интересами партнера; «экспатия» – девалоризация и дискредитация партнера; патернализм, властность; априорное отрицание (предубеждение); эмоциональное и экспрессивное активное неприятие; вызов (угроза «позитивному лицу» адресата), ёрничанье, с одной стороны, и дружеский подтрунивание («стёб»), пикировка, юмор и речезыковая трансгрессия и др., – с другой.

6. **Людическая эристика** проявляется в таких речекогнитивных феноменах, как языковая игра (в широком смысле тропеистики), остроумии, юморе (юморизме), иронии и сарказме. Наиболее ярким и рассматриваемом в лингвистике проявлением эристики является ирония (сарказм).

7. Характерными признаками эристичности иронии являются *эхо-эффект* (делокутивность), наличие «жертвы», нарушение условий искренности в ироническом речевом акте, «принцип подтрунивания» и др.

8. Когнитивный диссонанс (несоответствие, дисгармония и контраст) рассматривается как главная типологическая особенность юмора, определяющая его эристичность. Среди эристических свойств юмора выделяются также:

– семантические: гиперболизация абсурда (черный юмор); трансгрессия в сексуальность; ксеностереотипность (этноцентрическая насмешка);

– интеракционально-психологические: эристика смеющегося (игра, катарсис); негативная вежливость (защита личностной территории, дистанцирование) и др.

9. Эристической разновидностью юмора являются насмешка, адресная и само- ирония, основанная на следующих речекогнитивных механизмах:

а) двусмысленность (семантический сдвиг);

б) литота и эхо-ирония (аутореферентная насмешка и интертекстовая реминисценция) (Д. Уилсон);

в) подтрунивание («стёб» – нарочитые нападки, скрывающие эмпатию).

10. Разнообразные манифестации людической эристики требуют полипарадигмального и разностороннего подхода, учитывающего многообразие эристических манифестаций, отражаемое в многочисленных теориях и концепциях.

ГЛАВА III. ЭРИСТИКА КАК КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСИВНОЙ РИТОРИКИ

3.1. Дискурсивная риторика: когнитивная и интеракциональная перспективы

Речь как предмет риторики во времена античности была отражением общественной мысли и практики, а с другой, представлялась как свод эвристических методов познания и наикратчайший путь к постижению истины при условии соблюдения риторических канонов и техник их исполнения. Такая двойственная и отчасти противоречивая – скорее прескриптивная, чем дескриптивная – природа риторики определила двойное, как минимум, прочтение термина «риторика» – как *эвристического метода* и как *совокупности приемов*, обеспечивающих эффективность этого метода [Perelman 1983: 312].

«Риторика – это наука о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта. Воздействие может осуществляться как в устной, так и в письменной форме с помощью аргументов, доказательств, демонстрации вероятностей и др. приемов с целью порождения при помощи используемых языковых и неязыковых средств определенных эмоций и ощущений, способных в свою очередь привести к направляемому формированию новых либо модификации изначальных стереотипов восприятия и поведения» [Авеличев 1986: 10].

С возрождением (нео)риторики и расширением её границ в свете теории аргументации и речевого воздействия [Гавришина 2018; Дзялошинский 2012] возрастает значимость дискурсивного подхода как для теории аргументации / убеждения, так и в исследовании речевой интеракции. Прескриптивность риторики сменяется дескриптивной аналитикой и использованием широкого и полижанрового корпуса исследовательского материала [Волков 2009; 2015; Хазагеров 2014; 2018].

Когнитивные аспекты речевого взаимодействия (интеракции) становятся актуальным объектом в перекрестии современных интеракциональных подходов в социо- и психолингвистических исследованиях с необходимым обращением к категориям, значимость которых не была выявлена в прежних, традиционных парадигмах. Некоторые из них не получили развернутого описания именно в силу синкретичности когнитивных механизмов, лежащих в основе их интеракциональной природы.

На новом уровне возникает необходимость возвращения к истокам исследования социально воздействующей речи в перспективе *когнитивной неориторики* [Лозинская 2007; Тюпа 2010; Turner 1991²⁵ и др.], исследующей когнитивную природу как тропеической, так и аргументативно-персуазивной составляющих воздействующего дискурса, и опирающейся на **КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ МЕТОД**, разрабатываемый в работах отечественных ученых [Болдырев 2017; Заботкина 2019; Ирисханова 2014а,в и др.].

В преломлении к нашему предмету исследования такая программа включает в себя три аспекта:

1. Эристика как составляющая дискурсивной риторики.
2. Эристика как речевое противодействие и агональная интерпретация.
3. Эристика как речезыковая и дискурсивно-риторическая девиация.

Исследование риторико-прагматических и когнитивных аспектов речевой ситуации становятся целью и условием *sine qua non* дискурсивной риторики. Необходимость интеграции в риторико-дискурсивное исследование категорий речевой интеракции определяется современным

²⁵ Система М. Тёрнера получила название «когнитивной риторики», поскольку представляет собой «естественное продолжение риторики классической» [Turner 1991:10], которая занималась не вопросами изящества стиля, как во времена своего упадка, а проблемами соотношения языка и мысли, использования «общих мест», аргументацией, теорией *inventio* и т.д. В современных терминах можно сказать, что классическая риторика в первую очередь анализировала общие для оратора и аудитории когнитивные комплексы (концептуальные системы, дискурсивные жанры, топосы, социальные практики) и способы их использования [Лозинская 2007: 56].

уровнем развития науки о языке, и двумя соответствующими ему методологическими принципами: *антропоцентризма* и *речезыкового реализма*.

Принцип речезыкового реализма отражается в когнитивной «узуальной модели языка» (*usage-based model*) [Langacker 1988; Tomasello 2009] не как абстрактной структуры «в себе и для себя» (Ф. де Соссюр) и не как врожденной компетенции (Н. Хомский) [Chomsky 2000; 2006], а как модели, основанной на более широкой функционально-когнитивной концепции, вырабатываемой в усвоении и реальном использовании языка [Langacker 1988; Tomasello 2009].

Возникнув как противопоставление порождающей концепции [Diessel 2019], лингвокогнитивная *теория языкового узуса* (*usage-based model*) первоначально базировалась на идее Р. Лэнекера о том, что «нерегулярные и своеобразные явления» должны быть включены в *доказательную теорию языка* [Langacker 1987]. Р. Лэнекер противопоставляет когнитивную грамматику генеративным концепциям лингвистической теории. Он уточняет:

«Описывая когнитивную грамматику как основанную на употреблении <“usage-based”> модель языковой структуры, я имею в виду “максималистский”, “нередуцированный” и “восходящий” <“maximalist”, “non-reductive”, and “bottom-up”> характер общего подхода (по сравнению с минималистским, редуктивным и нисходящим духом <“top-down spirit”> генеративной традиции). "Снизу вверх" здесь означает, что данные об использовании являются основой для ментальных представлений в отличие от генеративного принципа, где эти представления происходят из некоторой языковой способности, то есть генетически детерминированного модуля в человеческом мозге» [Langacker 1988: 131 – перевод с уточнением оригинальных терминов наш – И.Т.].

Важным для дискурсивной риторики является то, что когнитивно-узуальный подход рассматривает *риторические структуры* (*rhetorical structures*) не просто как отношения между элементами языка и текста [Azar 1999; Mann 1987; 1988], то есть как ментальные репрезентации самого языка [Chomsky 2006], а как ментальные репрезентации *отражаемого в сознании мира* в их языковой (семиотической) репрезентации [Кравченко 2011; Geeraerts, Cuycens 2007: 5-6; Diessel 2019; Kibrik 2011; Langacker 2013].

Когнитивная перспектива дискурсивной лингвистики вообще основывается на примате семантики в лингвистическом анализе [Болдырев 2019; Кибрик 2003]. Риторико-прагматическая составляющая интегрирована в смысловое пространство коммуникации (ср. *pragmatique intégrée* [Anscombe 1983]), проявляя этологические пресуппозиции (этос), логику аргументативных отношений (логос) и целенаправленное использование речезыковых форм (пафос) как составляющие ситуативного коммуникативного контекста, образующего *интегральный смысл высказывания* (текста, дискурса) «здесь и сейчас». Универсальность такого представления коммуникативного смысла дополняется когнитивным обобщением разделяемого коммуникантами знания до уровня энциклопедического (всеобщего), когда в отдельном языковом значении отражается категоризация мира («языковая картина мира») [Болдырев 2006].

Риторическая перспектива инициирует переход от общекогнитивного (универсального) представления разделяемого коммуникантами знания (*shared knowledge*) («когниоцентризм» – *cognition-centred perspective* [Geeraerts 2007]) к языковому значению, зависимому от индивидуального контекста и/или ситуативного (*ad hoc*) употребления. Языковые инновации, прием остранения (см. ниже), юмор и острота, описанные выше, реализуются в специфических обстоятельствах, которые обеспечивают нетривиальные интегральные смысловые характеристики коммуникативного события [Barlow 2000].

При обработке речезыковой инновации происходит актуализация и активизация «узуальной риторики» (*usage-based perspective*) [Bybee 2010], когда конвенциональные структуры энциклопедического, общекогнитивного уровня взаимодействуют с контекстно-зависимыми *ad hoc*-структурами знания, которые в свою очередь также синхронно, а затем и диахронически конвенциализируются, превращаясь в тиражируемые лексико-грамматические и риторико-дискурсивные модели [Tomasello 2003], например:

- речезыковые единицы (шутки, мемы, остроты, афоризмы, цитаты);
- формы и техники (риторические приемы, тропы, фигуры, уловки-стратагемы, речевые тактики и стратегии и т.д.).

Принцип функционирования, усвоения и конвенциализации таких узуальных речезыковых форм следующий:

В конкретной ситуации (контексте) А употребляется готовая узуальная форма Б.

Конкретная *узуальная форма Б*, находясь в долговременной памяти говорящего, актуализируется тогда и только тогда, когда в процессе речевого взаимодействия возникает ассоциируемая с ней *ситуация А*. Ситуация А вызывает («эвоцирует» [Dominicy 2007]) узуальную форму Б. Ситуация А может варьироваться и контаминировать со сходными ситуациями В и Г, эвоцируя форму Б в её возможных вариациях Б (В) /Б (Г) [Dominicy 1990; 2007].

Примером речезыковой инкарнации этого механизма на уровне паремии-идиоматическом служат прецедентные делокутивные феномены – разного рода цитации, выполняющие (контр)аргументативную функцию: «Служить бы рад, прислуживаться **тоже**», «На чужой каравай рот не разевай», «*Better late than never*», «*Je vous ai compris*» – 'Я вас понял' (крылатая фраза де Голля).

Узуальными становятся многочисленные синтаксические и лексико-грамматические формы.

Их оригинальность или, напротив, стереотипность зависит от степени их рутинизации (частоты употребления). Их эристичность (оригинальность, неконвенциональность, образность, метафоричность) может стираться и конвенциализироваться, переходя в узус, а затем и в лексическую или фразеологическую структуру языка (фразеорефлексы [Гак 1995; Тамразова 2009]).

И еще одна важная перспектива – важная для концептуализации эристики в поле дискурсивной риторики и в рамках теории языкового узуса (*usage-based model*). Это так называемая *эмерджентная модель* употребления [Barlow 2000]. Следуя этой модели, языковые структуры как коллективные ментальные сущности формируются на базе когнитивной деятельности отдельных носителей языка (пользователей языка). Согласно этой концепции, языковая система является «феноменом невидимой руки» (*Invisible Hand phenomenon* [Keller 1995]) – ни естественным (то есть эволюционировавшим вне сферы человеческого вида), ни искусственным (то есть созданным человеком). Эмерджентные *феномены невидимой руки* создаются преднамеренными человеческими действиями (высказываниями, коммуникативными событиями), но структурируются только коллективным, незапланированным сотрудничеством (совокупностью всех дискурсов, в которых участвует сообщество говорящих). Поэтому основанные на узусе лингвистические структуры эволюционируют (и постоянно перестраиваются), посредством личного «субъект-субъектного» говорения. Лингвистические репрезентации когнитивной интеракции являются эмерджентными, а не фиксированными сущностями [Barlow 2000: xii-xv].

При таком подходе языковая система рассматривается как синергическая – самоорганизующаяся и самовоспроизводящаяся – система, или сложная адаптивная система [Герман 1999; Кравченко 2008].

В этом понимании моделирование риторических и аргументативных структур теряет свой методологический приоритет и статус обязательной модели описания аргументативного текста (дискуссии, спора, нарратива и т.д.) [Azar 1999; Eemeren 2004]. Индивидуальная креативность говорящих постоянно преобразует (эристически) как сами структуры, так и принципы и механизмы их речезыкового воплощения.

При эмерджентном взгляде на аргументацию *аргументативно-персуазивная структура* рассматривается как возникающая из фактического использования языка как конвенционализация повторяющихся моделей использования. *Эристический процесс* – девиации, вызывающие изменение аргументативной структуры, – это процесс «грамматикализации», который связан с вопросом о том, как эристические персуазивные элементы и конструкции приходят в определенные аргументативные контексты для выполнения аргументативных функций или как аргументативные элементы приобретают новые персуазивно-эристические функции (см. ниже).

Необходимость наблюдения и фиксации реальных языковых употреблений дискурсивной риторикой связана с очень важной идеей *вариативности нормы и речезыковых девиаций* [Bybee, Beckner 2010] (ср. [Нефедова 2002]). Такая концепция находит параллели с разработками в онтологии междисциплинарной девиантологии. Так, Я.И. Гилинский отмечает:

«Вообще отклонение служит, очевидно, всеобщей формой изменения, являясь одной из фундаментальных категорий диалектики, а понятие девиантности следует включить в теорию социального изменения, поскольку всякое изменение начинается с отклонения. При этом отклонения, по законам диалектики в соответствии с принципами симметрии и дополненности, не могут не быть полярными – позитивными и негативными, ибо отрицательное и положительное... абсолютно соединены в субстанциональной необходимости. Механизмом общественного развития выступает прежде всего социальное творчество (позитивная сторона отклоняющегося поведения), т.е. такая деятельность, которая не ограничивается воспроизводством известного (вещей, идей, отношений), а порождает нечто

новое, оригинальное, качественно новые материальные и духовные ценности. Широкое понимание творчества как порождения нового приводит к выводу о том, что творческая деятельность человека – лишь проявление фундаментального свойства материи, лежащего в основе развития. Представляется плодотворным понимание творчества как механизма развития материи, образования ее новых форм, когда природой творчества является творчество природы» [Гишинский 2015: 65-66].

Адаптивность системы обеспечивает конвенциализацию эристических употреблений, обусловленную двумя факторами:

1) любая эристическая инновация отдельного говорящего реализуется благодаря возможности коллективного понимания, которое дает говорящему уверенность в том, что его (инновационный) сигнал будет успешно восприниматься другими собеседниками;

2) инновация подвержена рутинизации благодаря частоте употреблений и тесной связью с ситуацией (контекстом) порождения.

Контекстная зависимость этих процессов и конвенциональный характер структур, на которые может опереться говорящий, – это два признака, которые обеспечивают релевантность инновационного (эристического) коммуникативного события в сообществе говорящих.

Представленная когнитивная перспектива дискурсивной риторики коррелирует с заявленной Г.Г. Хазагеровым [2014] концепцией *дискурсивной стилистики*.

Отличие дискурсивной стилистики от традиционной функциональной состоит в том, что первая основывается на нормативном соответствии законам, принятым в данной сфере общения, а дискурсивная стилистика основывается на более размытом, нежели норма, представлением о «дискурсивном комфорте»:

«Наиболее адекватна она там, где потенциально присутствует конфликт между целями отдельного дискурсанта и групповым интересом. А это бывает там, где персуазия играет заметную роль, а стандартизация носит подчиненный характер. Например, это относится к дискурсу деловых переговоров или научных дискуссий» [Хазагеров 2014: 118].

Если функциональная стилистика в вопросе о средствах выражения опирается на «выбор варианта из закрытого списка, который дает система языка», то дискурсивная стилистика опирается на стратегии развертывания речи:

«Стратегии дискурсивной стилистики можно назвать также приемами. Таким «приемом» может быть как риторическая фигура или троп, так и топос или жанр, а также композиционный прием. Во всех этих случаях мы имеем дело с возможностью, а не предписанием. Важно то, что они образуют не закрытый список, а пополняемый ресурс инструментов, облегчающих коммуникацию в данном дискурсе, ведущих к его упорядочению, предсказуемости, то есть к дискурсивному комфорту, осязаемому как продуцентами речи, так и ее реципиентами. Чтобы эти инструменты работали в обе стороны (обслуживали говорящего и слушающего), должна существовать не жесткая конвенция, не носящая характер предписания и даже, строго говоря, рекомендации. Достаточно знать, что такой «прием» есть и сохранять память о прецедентах его успешной реализации» [Там же: 120-121].

Опираясь на принцип речезыкового реализма, дискурсивная риторика формирует следующие системные условия:

- неременная корреляция между языковыми (риторическими) структурами и подтверждающими их примерами использования языка;
- частота использования рассматриваемого употребления (рекуррентность);
- механизмы порождения и интерпретации как неотъемлемая, а не периферийная часть лингвистической системы;
- лингвистические репрезентации как эмерджентные, а не как *предданные* фиксированные сущности;
- приоритет использования эмпирических данных в риторической теории – конструировании и описании речевого взаимодействия и воздействия;
- тесная связь между употреблением, синхронным изменением (узусом) и диахроническим изменением системы (нормой);

- взаимосвязь языковой системы с неязыковыми когнитивными системами;
- решающая роль контекста в Опираясь на принцип речезыкового реализма, дискурсивная риторика формирует следующие системные условия:
 - неперемнная корреляция между языковыми (риторическими) структурами и подтверждающими их примерами использования языка;
 - частота использования рассматриваемого употребления (рекуррентность);
 - механизмы порождения и интерпретации как неотъемлемая, а не периферийная часть лингвистической системы;
 - лингвистические репрезентации как эмерджентные, а не как *предданные* фиксированные сущности;
 - приоритет использования эмпирических данных в риторической теории – конструировании и описании речевого взаимодействия и воздействия;
 - тесная связь между узусом и функционированием лингвистической системы.

Приведенные принципы следует рассматривать как точки дивергенции между *дискурсивной* риторикой и традиционными дедуктивными (up-down) и прескриптивными вариантами *риторики* и *теории аргументации*. С другой стороны, являясь продуктом узуальной концепции языка, построенной на приоритете употреблений (*usage-based model*), данные положения противостоят также генеративной (Н. Хомский) и имманентно-структурной (Ф. Соссюр) концепции языка.

Подведем итог словами Г.Г. Хазагерова:

«Дискурсивная стилистика – это площадка для рефлексии по поводу того или иного дискурса. В отличие от стилистики функциональной стилистика дискурсивная должна быть частью самосознания носителей дискурса, органом, помогающим устранять дисфункции, реабилитировать деградировавшие зоны, инициировать коммуникативную культуру. Без этой общественной функции она будет бесполезна. Прескриптивная дисциплина

занимается кодификацией нормы. Ее результат – словари и справочники, которые, хотя и обновляются, достаточно стабильны и в реальной коммуникации играют роль арбитра, к которому прибегают не слишком часто. Дескриптивные дисциплины интересуют главным образом самих исследователей. В обоих случаях метаязык развивается вне общества или сообщества. Суть же дискурсивной стилистики в том, чтобы предоставить метауровень в распоряжение самих дискурсантов» [Хаззагеров 2014: 119].

Идея о том, что фиксируемые в узусе процессы и представления составляют знание языка, имеет множество следствий. Это глубоко влияет на наше понимание синхронных явлений, которые в настоящее время не рассматриваются на основе объяснимых правил и/или тактик и стратегий построения речи («аномалии», «асимметрии»). Важно представить, как поддерживается стабильность коммуникативной системы, и наше понимание паттернов изменчивости как внутри говорящих (*competence*), так и между ними (*performance*). Когнитивные механизмы, основанные на узусе, способны объяснить, как магистральные (системные) явления, регулируемые правилами, сочетаются с маргинальными вариациями в синхронной структуре речевого взаимодействия. Как происходит семантический и тональный сдвиг в реальном речевом взаимодействии.

Достигается это главным образом через обращение к опыту говорящих ('корпусу') с последующим лингвистическим вводом-выводом. Цель поиска таких объяснений – отражение двух основных методов-программ: стремления к описательной адекватности и стремления к лапидарности в объяснении. Стремление к описательной адекватности мотивирует внимание к регулярно встречающимся языковым феноменам, которые, как правило, приписываются узусу и исключаются из системы языка. Модели, основанные на узусе (*Usage-based models*), стремятся включить эти закономерности в свои описания языка. Они предполагают, что слушание и продуцирование отдельных фактов языка-речи создает у говорящих новые или модифицированные ментальные представления, которые становятся частью

их лингвистической компетенции. Сюда входят не только правила грамматики и знание лексики, но и коммуникативные паттерны – единицы коммуникативного опыта, не исключая феномены, не представленные (пока) в системе в виде эксплицитных правил, например, «полупродуктивные» паттерны типа «*Down with X!*» ‘Долой X!’ [Tomasello 2003]. Поэтому модели, основанные на узусе, особенно тщательно следят за тем, чтобы не исключать из анализа единицы речи, которые не имеют «прописки» в системных описаниях языка [Кустова 2010]. Сюда же относится и широко понимаемое явление прагма-семантической конверсии [Алферов, Кустова 2014], когда семантическое значение превращается в узуально-прагматическое («*Понаехали тут!*»), иногда закрепляемое в паремической системе языка («*Держи карман шире!*»).

Из этого следует, что модели языка, основанные на функциональном когнитивном подходе, не только совместимы с доказательствами, полученными в ходе исследований в области коммуникации, но и основываются на подлинной многогранной картине языка во всем его разнообразии и сложностях. В центре этой картины должно быть изучение речевого взаимодействия как «колыбели языка» [Tomasello 2003]. Мы убеждены в том, что анализ феноменов интерактивного дискурса, в частности, интересубъективного противоречия, используя инструменты и методы когнитивной лингвистики, позволит расширить и, возможно, пересмотреть имеющиеся теоретические и эмпирические данные.

3.2. Лингво-интеракциональные аспекты эристической дискурсивной риторики

Функциональный статус эристики в рамках дискурсивной риторики связан с двумя методологическими перспективами: *интеракционально-дискурсивной* и *текстуально-дискурсивной*. Обе перспективы взаимосвязаны и тесно переплетены. Их отличие можно было бы представить как оппозицию диалогической и монологической речи, но при условии

дифференциации промежуточных ипостасей, которые, вслед за К. Кербрат-Ореккиони [Kerbrat-Orecchioni 1990; 2008], можно представить как четыре дискурсивных типа (Схема 4):

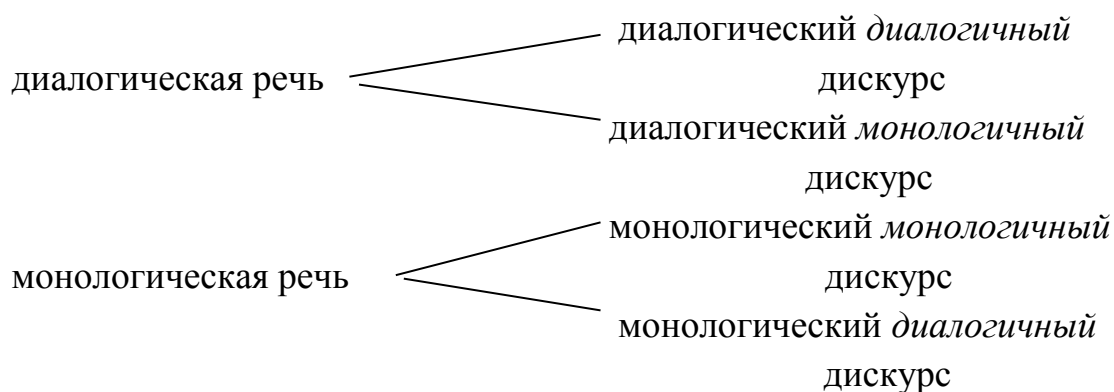

Схема 4. Интеракциональная типология дискурса и типы речевых взаимодействий

Асимметрия типов дискурса связана напрямую с прагматикой взаимодействия адресата и адресанта: диалогический *диалогичный дискурс* – равноправный диалог (делиберация); диалогический *монологичный дискурс* – доминирование одного из коммуникантов; монологический *монологичный дискурс* – нарратив (в рамках речевой интеракции, например, ‘автор–читатель’), повествование; монологический *диалогичный дискурс* – «диалогичный нарратив» (например, диалоги персонажей и/или присутствие асимметричных форм – ироничность, внутренне противоречие, полифоничность [Бахтин 2009], полемичность и т.д.) (ср. [Kerbrat-Orecchioni 2013]). Во всех видах дискурса возможно появление эристических форм речевого поведения, но очевидно, что некоторые формы в большей степени чреватые эристической формой взаимодействия [Laar 2010].

Такая дифференциация позволяет подчеркнуть следующее положение: *любая коммуникация (монологическая и диалогическая) носит интеракциональный характер (адресант–адресат) и, следовательно, подвержена влиянию субъективных факторов, которые отражаются на содержании и форме речевого взаимодействия в виде интенциональной, интерпретативной и перлокутивной составляющих. Эти же факторы*

определяют диалогическую или монологическую формы речи (включая указанную выше промежуточную асимметрию). Монологизм речи коррелирует с коммуникативной (дискурсивной) властью адресанта над адресатом (вне зависимости от их социально-психологического статуса).

Исходя из типологии дискурсов, можно определить интеракционную типологию дискурсивных единиц эристического дискурса – эристема (4 типа):

- диалогическая диалогичная эристема;
- диалогическая монологичная эристема;
- монологическая монологичная эристема;
- монологическая диалогичная эристема.

Интенциональность сообщения определяется *интеллектуальными* (когнитивными), *волевыми*, *аффективными* и *телеологическими* факторами адресанта; *интерпретативность* («фактор адресата») определяется интенциональностью адресата (аудитории): *интеллектуально-когнитивными*, *волевыми*, *аффективными* и *телеологическими* факторами адресата и способностью адекватно воспринять направленное сообщение (совместимость «внутренних релевантностей» [Шюц 1988; 2004]); *перлокутивный фактор* определяется результатом (не)совпадения (*ассонанса* / *диссонанса*) первых двух факторов и значимостью (релевантностью) сообщения в речевом обмене и деятельностном континууме (см., напр., [Алферов 2001; Попова 2019]).

Методология риторического когнитивно-интеракционного подхода, используемая нами в преломлении к дискурсивной риторике, зиждется на синтезе нескольких известных лингвистических парадигм:

1) социолингвистический интеракционализм повседневной интеракции (*face to face interaction*): этнометодология, лингвопрагматика и теория речевых актов; интересубъективный подход к речевому взаимодействию («Принцип кооперации»; «Принцип вежливости»), «театральная» концепция,

переключение тональностей (*keyings*) и «контролирующее внедрение» (*containment*) [Гордон, Лакофф 1985; Гофман 2003; 2009; Ларина 2003; 2009; 2012; 2015б; Серль 1986; 2004; Austin 1970; Brown, Levinson 1978; Culpeper 2017a,b; 2019; Goffman 1987; Gumperz, Hymes 1991; Halliday 1978; Leech 1983; Leech, Larina 2014; Watts 2003];

2) интеракционный и конверсационный (диалогический) анализ [Баранов 1992а,б; Баребина 2012; Библер 1998; Борисова 2007; Соловьева 1965; André-Larochebouvvy 1984; Angenot 2008; Jacques 1979; Cosnier, Kerbrat-Orecchioni 1987; Hymes 1972; Kerbrat-Orecchioni 1990; 1992; 2010; Moeschler 1989; Walton 1992; 1995];

3) французская аргументология [Amossy 2000; 2003; 2010; Anscombe 1983; Ducrot 1979; 1983; Moeschler 1985; Ducrot 2009] и прагматическая теория аргументативно-логических девиаций («Pragmatic Theory of Fallacy») Д. Уолтона [Walton 1995];

4) интерпретативная семиотика [Растье 2001; Эко 2007; Morris 1946; Peirce 1978]

5) когнитивно-прагматическая теория дискурса и речевой интеракции: теория интенциональности, теория релевантности [Борботько 2011; Попова 2019; Fodor 1986; Grice 1989; 2001; Kibrik 2011; Langacker 2013; Sperber, Wilson 1986/1995];

6) функциональный подход к исследованию языка и речевого взаимодействия («значение как функция») [Гак 1998; Halliday 1985];

7) «неориторика» [Дюбуа 1986; Хазагерев 2014; Perelman 1983].

Главными положениями в интеракционной этнометодологии являются «грамматика» личного участия в речевом взаимодействии (И. Гоффман, М.А.К. Халлидей, Дж. Лич), категория позитивного/негативного «лица» (П. Браун, С. Левинсон, И. Гоффман) и межличностных ритуалов: вежливости, дистанцирования, «театральная концепция» речевой интеракции (И. Гоффман), ролевой подход и т.д.

Дж. Лич назвал свое известное исследование прагматики «Principles of Pragmatics» [Leech 1983] «риторическим» в широком понимании предмета риторики как:

«the effective use of language in its most general sense, applying it primarily to everyday conversation, and only secondarily to more prepared and public uses of language» [Leech 1983: 15] – эффективности речи в самом широком смысле, реализуемой в повседневном общении, и только потом – в конструируемых публичных коммуникациях (перевод наш – И.Т.).

Риторическим такой подход можно назвать потому, что он направлен на выявление закономерностей порождения речи – глубинных *правил* коммуникации, подчеркивая не прескриптивность, но *дескриптивность и узуральность* выводимых ритуалов, *законов речи, постулатов и максим речевого взаимодействия* [Brown, Levinson 1978; Grice 2001; Ducrot 1979; Lakoff R. 1989; Leech 1983].

Риторический подход в социо-интеракциональной перспективе можно представить в виде двух отраслей:

1. **Текстуальная риторика:** базируется на принципах *процессуальной обработки* (the Processibility Principle)²⁶, *ясности* (the Clarity Principle), *экономии* (the Economy Principle) и *выразительности* (the Expressivity Principle) [Leech 1983].

2. **Интеракциональная (интерперсональная) риторика:** опирается на принципы [Leech 1983], среди которых три главных:

- *Кооперативности* (the Cooperative Principle) (тж. [Grice 1989]),
- *Вежливости* (the Politeness Principle) (тж. [Leech, Larina 2014]) и
- *Иронии* (the Irony Principle) (тж. [Alba-Juez 2014; Wilson 2009; 2013]).

²⁶ Принцип процессуальной обработки дает возможность интуитивно или намеренно рассчитывать оптимально необходимое количество сообщаемой во времени информации, которую адресат и аудитория способны обработать на данном отрезке коммуникации [Leech 1983:] (ср. «квантитативная релевантность» в [Попова 2019]).

Таким образом, **дискурсивная риторика** – это интегральное интеракционно-прагматическое описание *закономерностей* и *принципов* порождения и интерпретации речи в обыденной и институциональной коммуникации. Отличие ее от дескриптивной прагматики состоит в целенаправленности на речевое воздействие на адресата и аудиторию: риторическая телеология – это интенциональность успешного влияния и эффективности коммуникативной деятельности.

В таком понимании дискурсивной риторики (как текстовой, так и интеракционной) её предметом выступает прагма-риторическая компетенция говорящих, владение которой важно для осознания и исполнения коммуникативной деятельности также, как знание грамматики, лексики и фразеологии языка. Это же отличает дискурсивную риторику от прескриптивной риторики и ораторики – искусства красноречия, а также от теорий аргументации, построенных исключительно на правильности логического рассуждения и правилах ведения диалектической дискуссии. Принципы речевого взаимодействия дают более широкую, трансжанровую, универсальную перспективу рассмотрения процессов взаимодействия и аргументации в реальной обыденной и институциональной коммуникации. В компетенцию дискурсивной риторики входит в первую очередь исследование узуальных, значимых для функционирования речевого взаимодействия правил и принципов, а также *нарушений* самих принципов и *девиаций* в организации речевого взаимодействия.

Нарушения деонтологических принципов речевого взаимодействия (кооперативность, ясность, вежливость и т.д.), как будет показано в практической части работы, составляют основу *эристической тональности* любого дискурса.

Истинную диалектическую и противоречивую сложность организации коммуникативного взаимодействия можно выразить в формулировке «Группы μ » (Ж. Дюбуа и др.), отражающей кредо бельгийской *неориторики*:

«Именно в таком ракурсе представляется язык на первый взгляд: язык – это в каком-то смысле материализованные «фразы», «слова», которые можно «фиксировать», сохранить при помощи письма, записать на магнитофонную ленту и т.п. Только потом мы начинаем понимать, что эти фразы суть сообщения, адресованные одним человеком другому, что они реализуются в той или иной физической субстанции, что значение им приписывается по той или иной заранее принятой договоренности. Эта псевдосубстанция на самом деле есть не что иное, как узел отношений (*noeud de relations*). <...> *Риторическая интенция способна нарушить* функционирование самых различных аспектов языкового процесса» [Дюбуа 1986: 55 – выделено нами – И.Т.].

Авторы «Общей риторики» (*Группа μ*) в качестве предмета неориторического исследования принимают *метаболу* – единицу, воплощающую *любое отклонение*, «касающееся любого аспекта языка» [Дюбуа 1986: 56]. В преломлении к эристической составляющей дискурса такая метабола получает конкретизацию: в нашей концепции – это *эристическая метабола*, или *эристема*.

Эристическим отклонение считается тогда, когда оно затрагивает нормы и правила (принципы) *речевой интеракции* в репрезентации и интерпретации *референта* (**пропозициональный аспект**), в постановке и достижении *цели* высказывания (**иллокутивный аспект**), в организации межличностных отношений между *адресантом* и *адресатом* (аудиторией) (**интерперсональный аспект**), в *организации* и *процессе* речевого взаимодействия (**интеракционный аспект**), а также в *аргументативной направленности* и *аргументативно-персуазивной силе* речезыкового воздействия (**аргументативно-персуазивный аспект**) (ср. [Алферов 2001]).

Риторико-дискурсивной альтернативой структурной иерархической модели теории аргументации [Walton 2016] является нтеракционный подход, предложенный французскими аргументалистами (Ж.-К. Анскомбр, О. Дюкро, Ж. Мёшлер, Р. Амосси), названный О. Дюкро [2009] языковой аргументацией (*argumentation linguistique*), взаимодействующей с риторической аргументацией (*argumentation rhetorique*) и основывающийся

на представлении аргументации не как последовательности силлогизмов или отдельного типа (жанра) дискурса (спор, дискуссия, полемика), а как *аргументативной функции*, присущей языку в целом, проявляющейся в любом высказывании (и даже слове) [Ducrot 1983] или дискурсе [Amossy 2000; Anscombre 1980]: «L'argumentation n'est pas un type de discours parmi d'autres: elle fait partie intégrante du discours comme tel» [Amossy 2000: 221] – 'Аргументация – это не один из типов дискурса, это интегрирующая составляющая дискурса вообще' (перевод наш – И.Т.).

По мнению Р. Амосси, аргументация не является одним из видов дискурса (ср. «критическая дискуссия» и т.п.), – среди других языковых функций, она является неотъемлемой частью речи как таковой [Amossy, 2006: 246]:

«Я утверждаю, что эта способность спорить составляет неотъемлемую черту дискурса. Аргументативная природа дискурса не подразумевает использования формальных аргументов, а также не означает, что устному или письменному тексту навязывается последовательный порядок от посылки к заключению. Воздействуя на то, как воспринимается действительность, воздействуя на точку зрения и направляя поведение, мы совершаем действия с помощью целого ряда вербальных средств. С этой точки зрения аргументация полностью интегрирована в область лингвистики» [Amossy 2010a: 254 – перевод наш – И.Т.].

Формально-логическая, а затем и неформально-логическая и даже прагма-диалектическая концепция аргументации состояли в том, чтобы отождествить «теорию аргументации» с весьма жестко ограниченными подходами к аргументации (например, сведение аргументации к логическим схемам рассуждения или правилам критической дискуссии и прагматическим механизмам языка в виде набора речевых актов [Еемерен 1994]).

Универсальность дискурсивного (риторического) подхода к аргументации (О. Дюкро, Ж.-К. Анскомбр, Р. Амосси) состоит в том, что дискурсивно-аргументативное отношение внутренне присуще двум любым иллюкутивно-сопряженным высказываниям E1 и E2, одно из которых дано

для утверждения, обоснования или навязывания другого; первое – аргумент, второе – вывод, заключение» [Anscombe 1983: 163].

Действительно, любое простое Р («Папа пришел» / «Мама заболела» / «Красный свет» / «Ты хороший» и т.д.) может выступить в качестве аргумента и имплицировать определённый вывод-заключение С («Пора обедать» / «Нужно остаться дома» / «Движение запрещено» / «Я рассчитываю на твою помощь» и т.д.).

Меняться может степень аргументативности (персуазивности) (*degrés d'argumentativité*) в зависимости от жанра и предназначения дискурса. Аргументативная сила высказывания как интеракционального речевого акта сопровождает его иллокутивную силу [Серль 1986; 2004].

Риторическая аргументация (“*argumentation rhétorique*” [Ducrot 2009]) в этом представлении определяет и процесс смыслообразования в речевом взаимодействии. Аргументативно направленное речевое действие рождает определенную интерпретацию дискурсивного события. Аргументативная функция тесно переплетается с интерпретативной функцией языка [Болдырев 2011; Демьянков 1989].

Например, когнитивная способность инференции (логического вывода) определяет интерпретацию высказывания «Сегодня хорошая погода» в определенном контексте как *аргумент* для вывода «Нужно идти гулять» (ср. [Ducrot 1984: 54]) и т.п. Поэтому в реальном речевом взаимодействии аргументация осуществляется, как правило, без помощи структурированного силлогизма или энтимемы, а за счет когнитивной функции *энталамирования* (логического продолжения) [Попова 2019; Правикова 2002; Fodor 1986; Sperber, Wilson 1986/1995]. Индукция и дедукция уступают место *абдукции* (Ч.С. Пирс) [Peirce 1978]. Абдуктивное рассуждение начинается с мгновенного анализа контекста и выдвижения гипотез о возможной интерпретации содержания высказывания и установления определенной взаимосвязи между высказываемым и контекстом [Рузавин 1997; 2001]. Именно

контекст как «когнитивная среда» [Sperber, Wilson 1986/1995] или «контекстуальная модель» [Dijk 2008; 2009; 2014] собеседников детерминирует выбор гипотезы для «финальной интерпретанты» (Ч.С. Пирс) [Peirce 2000] (см. тж. [Пирс 2000; Эко 2007]).

В такой трактовке аргументативная функция (аргументативное измерение) пронизывает любое высказывание и речевое взаимодействие²⁷, меняя отношение адресанта и адресата к пропозиции, к интерперсональным отношениям и к самому дискурсу в процессе его реализации в речевой интеракции. Например, высказывание «Это дорогой ресторан» (*This restaurant is expensive*) может быть аргументом к выводу «Мы туда не пойдем», или коннотация слова «работать» во фразе «Я работал больше тебя» (*I worked more than you*) может быть аргументом для определенного направленного и воздействующего на собеседника имплицативного вывода: обоснования, оправдания, упрека, обвинения или другой аргументативно-иллокутивной направленности (*visée argumentative*) [Ducrot 1983]. Этот механизм опирается на аристотелевскую доктрину «топосов» (*topoi*), или «общих мест» (*lieux – loci*) [Perelman 1983: 107-132], служащих основанием для вывода (принятия решения), переплетаясь с языковой интерпретацией (*argumentation linguistique* [Ducrot 2009]): «дорогой» (> «Нет, это дорого») в обыденном сознании носит отрицательную коннотацию, а «работать» – положительную коннотацию (ср. [Болдырев 2011; 2015]). ‘Больше’ (*more than*), по Дюкро, является *аргументативным оператором*, усиливающим *аргументативную силу* высказывания (пропозиции) [Anscombre 1983; Ducrot 1984].

²⁷ Как было показано в [Алферов, Попова, Тамразова 2019], одна из доминант *эристического нарратива* «Героя нашего времени» М. Лермонтова – надменность, презрение к женщинам – может проявляться в употреблении морфо-лексических диминутивов, влияющих на дискурсивную концептуализацию женских образов. Такие «нюансы смысла» зачастую становятся проблемой в межкультурной коммуникации и в переводе (см. ниже).

Аргументация в понимании французских аргументалистов опирается на концепцию «естественной логики» (*natural logic*) [Borel 1992], основанной, по сути, на языковой семантике – семантических пресуппозициях, импликациях и коннотациях – и является *не* средством решения противоречия и разногласия в поисках истины и согласия [Eemeren 2014], а является аргументативно-персуазивной функцией языка вообще («*radical argumentativism*») [Idem: 493], зависящей от контекста и ситуации его реализации (ср. [Баранов 1990; Болдырев 2011; 2017; 2018; Демьянков 1989]).

Все эти составляющие – пропозиция, иллокуция, аргументация, дискурсивная организация, интерперсональность – реализуются в знаке – высказывании или тексте – как материализации (воплощению) всех аргументативных, иллокутивных, интерперсональных, речезыковых асимметрий – переплетений «узла отношений», которым является речевая интеракция.

Таким образом, дискурсивная риторика и её составляющая – риторика эристических девиаций, или **Эристическая риторика** – подразделяются на **интеракционную и текстуальную**. Эристический элемент речевого взаимодействия может носить, таким образом, интеракционный и текстуальный характер.

Дискурсивная тональность является одной из главных категорий *дискурсивной риторики*. Мы рассматриваем **риторическую категорию дискурсивной тональности в её текстуальной и интеракционной реализациях**, а посему утверждаем:

Предметом исследования *дискурсивной риторики речезыковых девиаций* – **риторической эристики** – становится *эристическая тональность* дискурса.

Степень её проявления зависит от типа дискурса, особенностей окружающей ее дискурсивной формации, социопсихологических факторов,

касающихся самих говорящих (этнос), их отношений, закономерностей иллокутивного и аргументативного взаимодействия и условий порождения и развертывания дискурса в контексте речевой интеракции.

3.2.1. Эристическая дискурсивная тональность.

Тональность (дискурса) можно считать *интеракционно-текстуальной категорией*, отражающей субъективную и интеракционную («полифоническую») природу дискурса-текста.

Эристическая дискурсивная тональность подразделяется на текстуальную и интеракционную.

Под текстуальной тональностью в лингвистике обычно понимается «текстовая категория, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения. Определяется ценностными воззрениями автора и характером речевого взаимодействия. Наряду с оценочностью рационального типа, Тональность составляет часть комплексной категории субъектности речевого произведения» [Матвеева 2011: 549].

Из этого определения следует, что основная черта, разделяющая риторическую тональность и языковую модальность является связь с адгерентными прагматическими, (интер)субъективными факторами – ролью говорящего (и адресата), его «этоса» – социо-психологического статуса коммуниканта и т.д. Отношения между модальностью и тональностью достаточно переплетены. Например, Т.О. Багдасарян рассматривает тональность как компонент модальности и выделяет 36 «чистых» видов тональности, указывая на то, что «описать все оттеночные значения невозможно» [Багдасарян 2000: 10-11].

Мы полагаем, что, в отличие от языковой модальности (алетической, эпистемической, деонтической и волитивной [Ляпон 1990]), имеющей конвенциональные лексико-грамматические формы выражения, текстуальная

тональность реализуется в *актуальном дискурсе* (АД). Под АД мы понимаем определенный отрезок речевого события (речевая интеракция), в процессе которого происходит порождение и восприятие-интерпретация речи. Тональность коррелирует с модусной модальностью, отражающей отношение говорящего к передаваемому сообщению, но в большей степени затрагивает контекстуальную составляющую смысла: отношений коммуникантов, скрытых (имплицитных) смыслов литературных нарративных текстов (взаимоотношения персонажей, подтекст и т.д.). Поэтому тональность является прежде всего риторической сущностью, осуществляющей прямое и не прямое воздействие на адресата, «обладающее, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата» [Матвеева 2011: 550].

По определению Т.В. Матвеевой, «содержание тональности – её семантические сферы – это эмоциональная оценка, интенсивность (усилительность, параметрическая чрезмерность) и волеизъявление, при ведущей роли эмоциональных (эмотивных) составляющих и др.

Средства выражения текстуальной тональности многообразны. Это: эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, в том числе с суффиксами субъективной оценки, слова-интенсификаторы, прямые и переносные формы повелительного наклонения, средства экспрессивной фонетики и синтаксиса, специальные приёмы выразительности (тропы и фигуры). К ним могут добавляться нейтральные языковые единицы с контекстной эмоциональной коннотацией, ритмические и другие речевые средства эмоциональной экспрессии, композиционные приёмы экспрессивности» [Там же: 551].

Таким образом, текстуальная тональность в большей степени определяется волевыми, интенциональными характеристиками. Поэтому, оперируя понятием тональности, мы выделяем особый риторический тип дискурса – *интеракция, опосредованная текстом* (далее – ИОТ). В обычной

речевой интеракции высказывание содержательно «прозрачно» и является действием, направленным на адресата, находящегося в фокусе этого действия (интеракции). При этом важен план содержания и перлокутивный эффект (информация, прямое воздействие) и почти не важен план выражения (язык, стиль, тональность и т.д.) (ср. [Вдовиченко 2008]). В ИОТ происходит *дефокусирование адресата* [Ирисханова 2014а; 2016], риторическая направленность на его «затекстовое присутствие» проявляется в *тональной ориентации дискурса* – в текстовом, чаще нарративном, воздействии, опосредованном фабулой, коллизиями сюжета, диалогами персонажей и т.д., занимающими фокус восприятия адресата (читателя, аудитории).

Понятие текстуальной тональности коррелирует с понятием экспрессивной доминанты, которая, следуя Р.О. Якобсону, «определяет специфику произведения»:

«Ее можно определить как фокусирующий компонент произведения искусства: доминанта управляет остальными компонентами, определяет и трансформирует их. Именно она обеспечивает целостность структуры» [Якобсон 1996: 119 – выделено нами – И.Т.].

Сопоставив определение доминанты с приведенным выше определением риторической интенции, можно говорить о риторической природе якобсоновской доминанты.

В работах отечественных психолингвистов доминанта рассматривается как тональность психолингвистическая, как «эмоционально-смысловая доминанта художественного текста» (см. тж. [Белянин 1988; 2000; Роговская 2004] и др.).

Существующая в компьютерной лингвистике направление *Sentiment analysis* – исследования текстовой тональности – это область, которая занимается изучением мнений и эмоций в текстовых документах [Chetviorkin 2013; Pang 2008; Thelwall 2010].

В работах отечественных исследователей затрагиваются различные типы *коммуникативной тональности*: юмористическая [Морозова 2013], фатическая тональность [Лутовинова 2009] и др.²⁸.

В основе этих концепций лежит интеракционное определение коммуникативной тональности, данное В.И. Карасиком:

«Тональность – это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки на выбор всех средств общения» [Карасик 2007: 384].

В.И. Карасик на основе типологических оппозиций коммуникативной тональности, как то: «одноплановость / многоплановость смыслов; заданность / открытость смыслов; серьезность / несерьезность общения; кооперативность / конфликтность общения; приоритет содержания / формы общения; конкретность / отвлеченность тематики» [Там же], выделяет такие типы коммуникативной тональности, как информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, идеологическая, фасцинативная и др.

Многообразие дифференциальных признаков категории тональности и открытость принципов концептуализации делают приведенную выше классификацию одним из возможных вариантов описания категории тональности. Важно подчеркнуть, что все выделенные характеристики носят трансжанровый характер и не обладают жанрообразующей силой. Динамика речевой интеракции обладает свойством переключения тональных кодов.

Е.Л. Фрейдина подразделяет тональность на функциональную и межличностную: функциональная тональность определяется жанровыми целями (реклама, «разговорная тональность» и др.) и интенциональностью дискурса-типа (убеждение, обучение, развлечение); межличностная тональность отражает градуальность субъект-субъектных отношений: «официальные – неофициальные», «доброжелательные – недоброжелательные»,

²⁸ Обзор типологий коммуникативной тональности дается в [Тупикова 2010].

«вежливые – невежливые», «кооперативные – конфликтные» и т. д. [Фрейдина 2015: 282].

Обобщая концепцию категории тональности, можно выделить следующие типы речевой (дискурсивной) тональности: текстовая (стилистическая) [Матвеева 2011], дискурсивно-поведенческая [Карасик 2007: 283-412], этикетная [Аристова 2007], психолингвистическая тональность («эмоционально-смысловая доминанта») художественного текста [Белянин, 1988; 2000], тональность медиадискурса [Тупикова 2017], компьютерная обработка тональности текста [Chetviorkin 2013], или «сентимент-анализ» – извлечение положительных или негативных эмоций из текста [Pang, Lee 2008].

В русле экспериментальной психолингвистической синергетики выполнены работы [Пищальникова 2003; Роговская 2004], рассматривающие эмоционально-смысловую доминанту текста как «детерминанту синергетического процесса речевой деятельности», а в переводческой деятельности «эмоциональная доминанта проявляет способность регулировать протекание синергетических процессов в концептуальной системе переводчика, ограничивая множественность путей их порождения и обуславливая тем самым адекватность перевода» [Роговская 2004: 20]. Эмоциональная доминанта входит в концептосферу произведения как составляющая «авторского смысла» [Там же: 57].

Интеракциональная тональность рассматривалась И. Гоффманом как переключение интерсубъективных «ключей» (keying) – способность менять речевое поведение в зависимости от интерперсональных отношений, внутреннего состояния духа говорящих, аргументативно-персуазивной направленности речевой интеракции, пропозиции (темы) речевого взаимодействия [Гоффман 2003; Goffman 1987].

Текстуальная тональность трактуется в русле экспериментальной психолингвистической синергетики в работах [Пищальникова 2003;

Роговская 2004], рассматривающих эмоционально-смысловую доминанту текста как «детерминанту синергетического процесса речевой деятельности», а в переводческой деятельности «эмоциональная доминанта проявляет способность регулировать протекание синергетических процессов в концептуальной системе переводчика, ограничивая множественность путей их порождения и обуславливая тем самым адекватность перевода» [Роговская 2004: 20]. Эмоциональная доминанта входит в концептосферу переводимого произведения как составляющая «авторского смысла» [Там же: 57] (ср. [Алферов, Попова, Тамразова 2019]).

Таким образом, интеракция, опосредованная текстом, возникает в результате вторичного семиозиса, когда знак (сообщение, высказывание) становится «рефлексивным», т.е. его восприятие и интерпретация обусловлены нестандартной (анормальной) формой, попадающей в аттенциональный фокус адресата. Жанровым полем эристической ИОТ становятся языковая игра, каламбуры, шутки, окказионализмы, ирония и т.п. Очень часто они интенционально затрагивают «положительное лицо» адресата, претерпевающего определенный «вызов», «провокацию» со стороны адресанта (автора текста), представляют собой «угрозу» либо его интеллектуальным способностям (загадка, намек, импликация и т.д.), либо эрудиции (прецедентные феномены, термины, заимствования), либо эстетическому вкусу (поэзия, «заумь»), либо чувству юмора. Часто такая тональность имеет идентифицирующую функцию по параметрам «свой/другой/чужой [Карасик 2007]). Такую дискурсивную тональность речевой интеракции мы называем *текстуальной эристической тональностью*.

Эристическая дискурсивная тональность в разных дискурсивных аспектах с учетом когнитивной и культурологической значимости этого антропологического феномена есть интеракционно-текстуальный трансжанровый инвариант *эристического в речи*, и определяется нами как

категория речевого взаимодействия, отражающая в самом общем смысле противоречие как когнитивную и социопсихологическую категорию коммуникации. В онтологии своей эристика опирается на определенный когнитивно-эмоциональный стиль мышления и поведения и имеет особые семиотические средства выражения, определяющие её план содержания и план выражения.

Таким образом, эристическая тональность, проявляясь в любом типе дискурса, например, устном и письменном, диалогическом и монологическом, диалогичном и монологичном (см. выше).

Текстуально-интеракциональная эристическая дискурсивная тональность имеет следующие дифференциальные признаки:

1) пропозициональная трансгрессивность: растабуированность (тематическая), превалирование десакральных смыслов;

2) иллюкутивное доминирование, речевые акты, нарушающие правила «прагма-диалектической дискуссии» [Emergen 2009] и т.п.

3) контраргументативные стратегии и тактики, основанные на принципе «эпистемической бдительности», аргументах *ad hominem*, *ad personam*;

4) интерперсональные асимметрии, угрожающие лицу и личностной «территории» (И. Гоффман) коммуникантов, нарушения постулатов кооперативности и вежливости;

5) дискурсивная асимметрия форм, аллофрония (Т.Б. Ганеев), языковая игра, каламбур и т.д.

Эристика, реализуясь в дискурсивной тональности, предполагает нарушение стандартов логического мышления и норм поведения и проявляется в особых интеракциональных стратегиях. В таком представлении эристическая дискурсивная тональность пересекается или объединяет некоторые типы тональностей и характеристик дискурса (текста), выделяемых лингвистами: *фасцинативная*, *шутливая*, *манипулятивная*,

менторская, агрессивная тональности (В.И. Карасик); тональная экспрессивность и напряженность (Т.В. Матвеева). Однако главными характеристиками эристической тональности являются *трансгрессия* (нарушения нормы, вызов правилам, отрицание «предлагаемых обстоятельств», истины в последней инстанции) и провокативность (интеллектуальный, эстетический, этический и т.д. вызов партнеру-оппоненту, аудитории, читателю).

Эристическим может быть назван план выражения во вторичном семиозисе: окказиональная номинация, языковая игра, языковая аномалия, метафора, художественный нарратив, могут приобретать статус *эристической модальности* и/или *тональности* (ср. [Карасик 2007]), «бросая вызов» нейтральным способам и средствам выражения. Эристическая тональность (см. ниже) свойственна многим необычным, «эпатажным» литературным стилям (и идиостильям): остранение ОБЭРИУ, идиолекты А. Платонова, Д. Хармса, Б. Заходера, И. Бабеля, ирония пост- и неомодерна. Конфликтная эмоциональность возмущения или метафоры может быть не направлена прямо на собеседника, а полемизировать с определенной пропозицией – прецедентной или воображаемой (см. выше – *эхо-концепция* иронии [Wilson 2013]). Поэтому вряд ли можно считать агрессивной *эристическую тональность*, например, стихотворения М.Ю. Лермонтова «Прощай немытая Россия»²⁹ (см. ниже) или текст песни В. Высоцкого:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

²⁹ Ср. цитирование этих слов Петром Порошенко (экс-президентом Украины) и комментарий к нему В.В. Путина (<https://yandex.ru/video/preview>).

Ср.:

«Я не люблю, когда наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрела в упор.
Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или когда все время против шерсти,
Или когда железом по стеклу

(В. Высоцкий «Я не люблю»)

Концептуально-интенциональное и перлокутивно-инференциальное измерения художественной эристики – это семиозис, в котором интерпретанта становится отправной точкой воссоздания эристической эвокативности художественного текста. Эвокативность – это множественность смыслов, рождаемых одним сложnoseмиотическим знаком [Dominicy 2007; 2011a,b], который побуждает к интерпретации изначально, что воплощается в таких формулах, как «замысел», «мир образов», «концептосфера» автора и т.п. Происходит *конструирование автора (author design* – ср. [Mustajoki 2012]) для последующего конструирования интенциональности произведения. Внешний интенциональный контекст включает не только обстоятельства *de re* («условия создания произведения», «время и место действия», «реальность/ нереальность события» и т.д.), но и авторскую идеологию *de dicto*, его идиолект и его «внутренний мир» – его концептуальность, «метафоры, которыми он живет», – не только в преломлении к интерпретируемому произведению, но и ко всему его творчеству. Эристичность может проникать и даже вторгаться в процесс интерпретации (толкования, перевода), когда текст пропускается сквозь эристическую (скептическую, предвзятую или идиосинкразийную – личностную) интенцию интерпретатора. Таковы различные эристические толкования, например, высказываний политиков, становящихся мемами («*Не так сели*» (Б. Ельцин) или «*Она утонула*» (В. Путин) и т.д. – см. тж. ниже).

Обычно за такой интерпретацией стоит аномальность (иррелевантность) исходного интерпретируемого высказывания (см. ниже).

В речевом взаимодействии эристика полимодальна – от интонации до жестовой и мимической форм выражения (см. ниже, а тж. [Тамразова 2018]).

Эристические речевые манифестации коррелируют с определенной когнитивной моделью, имеющей универсальную характеристику в виде *речекогнитивной трансгрессии* – когнитивного диссонанса и нарушения «нулевой степени» выражения (языковой, речевой, поведенческой нормы). Эристическое речевое поведение не всегда перерастает в открытую агрессию и, как правило, бывает *провокативно-пассивно-агрессивным*, эпатажным, но имплицитным и суггестивным.

Как известно, Дж. Гамперц первым отметил возможность смены кода в речевой интеракции и различал два вида перехода с одного варианта языка (социолекта) на другой: первый назван им ситуативным переключением (code switching), вследствие изменения представлений о ролях участников общения, их правах и обязанностях, а второй определён как метафорическая смена кода, при которой люди переходят с одного варианта на другой в рамках одной ситуации для того, чтобы передать другой взгляд на эту ситуацию и их взаимоотношения [Gumperz, Hymes 1991]. В этом случае противопоставляются “we-code” (J.J. Gumperz), т.е. код социальной или групповой солидаризации, с одной стороны, и “they-code”, который соответствует более формальным отношениям, с другой стороны [Проценко 2004: 124].

Таковыми выступают многие социолекты, особенно в восприятии «посторонних» (напр., одесское койне, феня, стёб определенных (суб)культурных групп и движений).

Из книги В.П. Смирнова «Одесский язык»:

«Слегка известное ныне за пределами Города наше хрестоматийно-колоритное *«Керосина нет и неизвестно»*. <...> *Краткость – таки сестра таланта*. Потому вместо *«Двух мнений быть не может»* мы запросто

говорим *«Или!»*. А синонимом русскоязычного «или» в Одессе издавна было *«альбо»*. Слово, в котором органично соединились русское «аль» и его украинский синоним «або», точно так, как и в одесском предлоге «у/в». Наше лаконичное *«Сейчас!»* можно перевести на русский язык так: *«Будете ждать до тех пор, пока у вас на ладонях волосы не вырастут. <...>* Одесский язык и блатной жаргон – *таки две большие разницы*, что легко и непринужденно доказывает мой словарик «Одесса таки ботает!». Это ведь не одесситы, а россияне всю дорогу и совершенно не по делу употребляют блатное слово «тусовка» и его производные, вплоть до «политтусовки». И они, не отличающие «тасовки» от «тусовки», *обратно лелят нам горбатого уже не Пиню за тот самый жаргон?!* Между прочим, одесситы никогда не «тусовались», они всегда «кучковались». Нам тусоваться за падло, потому что настоящие одесситы никогда не имели за правило *хлюздовскую мудрость: хезающий кабыздох лучше зажмурившегося лёвы*. А уроды местного производства, *которых в каждой семье таки есть*, вместо этой известной уже не одно тысячелетие во всем мире присказки, и те говорят на одесский манер: *«Лучше быть пять минут трусом, чем всю жизнь жмуриком»* [Смирнов 2008: 15,18 – выделено нами – И.Т.].

Порождающая эристика состоит не в самих диалектных и этно-социальных языковых особенностях того или иного идиолекта, а в сознательном переключении кода, интенциональном употреблении той или иной ненормативной речезыковой формы. С другой стороны, этно- и социолекты – жаргоны и арго – могут вызывать эристическую интерпретацию у "посторонних" (аудитории) в диапазоне от людической эристики (смех, юмор) до идиосинкразии – категорического неприятия "чуждых", ненормативных речезыковых форм. В фикциальном диалоге литературного произведения эристическое в речи служит созданию речевого портрета, который вызывает аффективную реакцию читателя (зрителя), положительное или отрицательное отношение к персонажу.

Яркие примеры эристической одесской речи дали диалоги из сериала «Ликвидация» (реж. С. Урсуляк), ставшие цитатами-мемами в пространстве Интернета (см., напр. [https://trinixy.ru/14568-vse_citaty_seriala_likvidacija.html]):

а) « – Дава, а шо Ада Изральевна?
 – Умерла, еще до войны.
 – До войны? А я собралась к ней
 пойти...
 – **Так уже не спешите**»;

б) «– Дава, я извиняюсь, но ты таки,
 босяк. Некому задницу надрать, *пять
 пистолетов – не пачка папирос, они
 таки стреляют. Ну ты же не окно в
 женской бане – зачем в тебе
 дырка?*»;

в) «– Мама, он проснулся и не хочет.
 – Не трогай ножик, халамидник.
 Мама сказала: «**Ничуть не трогай!**».
 – **Что Вы кричите, мама! Я
 понимаю слов!**
 – Нет, вы видели этого идьёта? Иди
 сыночка за мной»;

г) «–Ты не гони мне Сеня, не гони,
 здесь Уголовный Розыск, а не баня,
 нема ни голых, ни дурных. Там
 отпечатки, Сеня, отпечатки, как
 клопы по всем шкафам.
 – Да я на стреме стоял, я не трогал
 шкапов.
 – Сеня, друг, *не дай бог, конечно*. Шо
 ты мне истерику мастыришь.
*Посмотри вокруг и трезво
 содрогнись*. Ты уже наговорил на
 вышку. Теперь тяни на *пролетарское
 снисхождение суда. Мудрое, но
 несговорчивое*

д) «– А где у нас случилось?
 – *Пара незаметных пустяков*. Вам
 что-то захотелось, мадам Шмуклис?
 – *Немножечко щепотку соли*. Эмик,
 такое счастье, надыбал глоссик.
 – Скажите пожалуйста, два больших
 расстройства, надыбал глоссика?
 – Таки да.
 – Целого? Или одни плавнички?
 – Виляет хвостом как *скаженный*.
 – Надо жарить. При такой *густой
 жаре* долго не выдержит.
 – **Так я за что**. Эмик ухнул пачку
 соли в помойное ведро.
 – **Так шо, если помои посолить, они
 будут лучше пахнуть?**
 – Ой, Фима, я Вас умоляю, Вы же
 знаете за Эмика – он если не сломает,
 то уронит»;

е) «– Семачка, семачка, лушпайки
 сами сплевываются, семачка,
 семачка!
 – За что семачка?
 – За пять.
 – **Это больно**.
 – Давай за три с недосыпом.
 – Давай за четыре с горкой.
 – Давай, хороший, давай»;
 «– Я нет-нет, а думаю, может я
 неправильно жил, надо ж брать
 деньги у богатых и давать их бедным,
 а таким как ты *давать по морде,
 шоб у мире была красота и
 гармония*»

С точки зрения нормы, эристика в приведенном примере (русско-украинско-еврейского) **одесского койне** лежит в девиантности как формы

плана выражения, так и формы плана содержания. В плане выражения эристическая трансгрессия нормы проявляется в фонетических (*семачка, шо / что, шоб, идьёт, у / в*), лексических девиациях (лексические единицы субстандартного узуса – сленг, феня): *найти – надыбать, кинуть – ухнуть, обманывать – гнать, устраивать – мастерить, шелуха – лушпайки, нет – нема, за что – почем, скаженный* и т.д.; сниженная и просторечная лексика, инвектива: *халамидник, босяк, задница*; окказиональные лексико-грамматические и синтаксические девиации – **окказиональные синсемантизмы**: *Ничуть не трогай!, Таки да*; они *таки* стреляют, знаете *за* (о); **согласование**: *надыбал глоссик, не трогал шкапов, Я понимаю слов!*; *Так я за что* (о чем); **плеоназм**: *Пара незаметных пустяков; Немножечко щепотку соли*; **эллипсис**: *Мама, он проснулся и не хочет* (о рыбе); **семантическое рассогласование, контаминация**: *А где у нас случилось? При такой густой жаре* (густой воздух – сильная жара); **(г) трезво содрогнись** и т.д.

В *форме плана содержания* – это семантико-концептуальная трансгрессия: **юмор** парадоксальности – **(а)** «А я собралась к ней пойти... – Так уже не спешите»; **сравнения и метафоры** – **(б)** *ты же не окно в женской бане – зачем в тебе дырка?*; *пять пистолетов – не пачка папирос*; **(г)** *как клопы по всем шкафам* **(е)** – *За что семачка? – За пять. – Это больно*; **(г)** *здесь Уголовный Розыск, а не баня, нема ни голых, ни дурных*; **параллелизм и парентеза**: **(г)** *надо ж брать деньги у богатых и давать их бедным, а таким, как ты, давать по морде*; *Сеня, друг, не дай бог конечно*; **клише** – **(д)** *Ой, Фима, я Вас умоляю*; **образность, возвышенный слог (ирония)** – **(г)** *Посмотри вокруг и трезво содрогнись; пролетарское снисхождение суда. Мудрое, но несговорчивое*; **сарказм** – *Так шо, если помои посолить, они будут лучше пахнуть?* и т.д.

В основе такого речевого поведения лежит эристическая интенция: стремление к нестандартной, девиантной речезыковой форме, «остранение»

(см. ниже) и остроумие, эпатаж. Диалог построен на имплицитном **вызове в адрес собеседника**, на интеракционном шифтинге – переключении регистра общения на уровень эристической пикировки. Как любой сленг, одесское койне, помимо прочего, имеет функцию корпоративного общения, отделяющего «своих» от «чужих».

Характерно, что такие речевые формы приобретают качество афористичности, меморизируются, закрепляются в виде цитат-мемов, рассматриваются как готовые малоформатные тексты (анекдоты, афоризмы и т.п.). Это свойство (афористичность) *текстуальных* и *интеракционных эристе* является системообразующим признаком эристической речи (см. ниже).

Дискурсивная эристическая интеракционно-текстуальная тональность – это ненормативная коммуникация, содержащая «отрицательные компоненты», аномальные, несущие в себе вызов речевых форм либо в плане интеракционном (нарушение правил речевого взаимодействия, вызывающее речевое поведение – невежливость, грубость, насмешка и т.д.), либо с точки зрения содержания и/или его релевантности (неприятная, болезненная тема, идеологические разногласия или психологический конфликт и т.д.), либо в плане номинативно-стилистической нормы (нарушение языковой нормы в фонетике и просодике, грамматике, номинации – языковая игра, окказионализмы и т.п.).

Шифтинг (переключение тональности) происходит динамически в зависимости от речевых намерений говорящего и в соответствии с ситуацией речевого взаимодействия. Можно представить, как минимум, два основных вектора диалектического сдвига – восходящий, или *мелиоративный сдвиг* (*shift up*), направленный на кооперацию (мимезис) между коммуникантами, и нисходящий (*shift down*), *агональный сдвиг*, направленный в сторону (эристической) динамики (см. тж. [Третьякова 2003; André-Larochébouvy 1984]). *Теория вежливости* трактует такой сдвиг в терминах социально-

властных отношений (power) и добавляет «сдвиг по горизонтали» – степень *интимности/дистанцированности* между собеседниками [Ларина 2009], а также интенсивность выраженности такого переключения (тональности) [Alba-Juez 2014]. Однако агональный или девиантный шифтинг может касаться *тональности плана выражения* вне прямых интерперсональных отношений (конфликт, вежливость/грубость) и представлять собой тональность и *форму плана содержания* – идеологические или литературно-художественные сдвиги – элементы эристической тональности (ирония, сарказм, стёб, вызов, насмешка, языковые аномалии и т.д.).

Напомним описание речевого узуса петербургских «Митьков» – «концептуальной тусовки» художников 1990-х (цит. по [Кустова 2010: 141]):

«Митёк любит самоутверждать себя в общении с людьми, не участвующими в движении митьков. Вот, например, обычный телефонный разговор Дмитрия Шагина с Александром Флоренским.

ФЛОРЕНСКИЙ (снимая трубку): Слушаю.

ШАГИН (после долгой паузы и нечленораздельного хрипа, горестно и неуверенно): ...*Шурка? Шурочек...*

ФЛОРЕНСКИЙ: Здравствуй, Митя.

ШАГИН (ласково): *Шурёночек... Шурка... А-а-а...* (после паузы, с тревогой). *Как ты? Ну, как ты там?!!*

ФЛОРЕНСКИЙ: Ничего, вот Кузя ко мне зашёл.

ШАГИН (с неизъяснимой нежностью к малознакомому Кузе): *Кузя! Кузюничик... Кузярушка у тебя там сидит...* (Пауза). *С Кузенькой сидите?*

ФЛОРЕНСКИЙ (с раздражением): Да.

ШАГИН: А-а-а... Оттягиваетесь, значит, с Кузенькой, да? (Пауза.

Неожиданно с надрывом). *А сестрёнка-то где моя?*

ФЛОРЕНСКИЙ (с некоторой неприязнью, догадываясь, что имеется в виду его жена, Ольга Флоренская): Какая сестрёнка?

ШАГИН: *Одна сестрёнка у меня – Оленька...*

ФЛОРЕНСКИЙ: Оля на работе.

ШАГИН: *Оленька...* (глубоко серьёзно, как бы открывая важную тайну).

Ведь она сестрёнка мне...

ФЛОРЕНСКИЙ: Митя, ты чего звонишь-то?

ШАГИН: *Дык! Елы-палы... Дык! Елы-палы... Дык... Елы-палы!*

ФЛОРЕНСКИЙ (с раздражением): Митя, ну, хватит тебе.

ШАГИН (ласково, укоризненно): *Шурёнок, ёлки-палки... Дурилка ты...*

ФЛОРЕНСКИЙ (с нескрываемым раздражением): Хватит!

ШАГИН (с надрывом): *Шурка! Браток! Ведь ты браток мне, братушка! Как же так?.. С братком своим?!*

Флоренский в сердцах брякает трубку. Дмитрий Шагин **глубоко удовлетворен разговором**» [Шинкарев 1990: 6-7,12-14 – выделено нами – И.Т.].

Очевидно, что приведенный пример *нарочитой и примитивной эмпатии* (ср. «overpoliteness» [Leech, Larina 2014]) есть иллюстрация людической эристической тональности – *стёба*, «*троллинга*», – обусловленного некоторой групповой конвенциональностью: игра с апеллятивами и онимами (мейотические формы): *Шурка! Браток; Шурёночек; Кузя! Кузюничик... Кузярушка* («с неизъяснимой нежностью к малознакомому Кузе»); *Оленька...сестренка*; интертекстовыми аллюзиями: *Дурилка ты...* (одна из кодовых составляющих такой конверсационной тональности – *цитирование мемов* из «культовых» сериалов тех лет – «Адъютант его превосходительства», «Место встречи изменить нельзя» и др.) [Там же]. Такая текстуальная прецедентность, как и сленговая речь, также эристична и требует распознавания со стороны собеседника, представляя определенный интеллектуальный вызов и выполняя «парольную функцию» (В.И. Карасик) демаркации «своих» и «других».

Обоснованно ли отнести такой стёб к «речевой агрессии»? Полагаем, что нет. Угрожает ли такая речь психосоциальному «лицу» собеседника-адресата, вторгаясь на его «личностную территорию» (И. Гоффман)? Несомненно. "Чрезмерная вежливость" (лесть, самоуничижение) есть нарушение максим речевого взаимодействия (Г.П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич), она сродни невежливости как негативное, неподобающее поведение. Поведение нормативное, обычно остается незамеченным, что делает неадекватное поведение более заметным или *маркированным*. "Чрезмерная вежливость" превышает границу между тем, что уместно, и тем, что

неуместно, делая речь менее вежливой, и часто считается откровенно грубой (ср. «грубая лесть») [Kerbrat-Orecchioni 2013]. Стоит отметить, что эта оценка лежит в восприятии слушателя. Чрезмерная вежливость может быть разделена на несколько категорий. Во-первых, вместо невежливости чрезмерная вежливость может быть просто неудачной попыткой вежливости. Однако чрезмерная вежливость, как следует из примера, может быть использована намеренно и/или восприниматься как преднамеренное использование для создания *эристического эффекта*. Такая «насмешливая вежливость» вписывается в категорию, которую можно рассматривать как *сарказм* (см. ниже).

Эмпирические исследования социо- и психолингвистики, когнитивно-дискурсивного направления, компьютерной лингвистики давно подтверждают идею постоянных переходов с одной речевой тональности на другую в процессе речевого взаимодействия [Белянин 1988; 2000; Карасик 2008; Gumperz, Hymes 1991].

Моделирование эристической тональности, основанное на узуальных (ненормативных) моделях (Usage-based models), концентрируются на способности вариативного использования языка на всех уровнях, от фонетики и фонологии через морфологию и синтаксис до прагматики и полимодальности. Следуя концепции «узуальной лингвистики» носители языка фиксируют множество примеров использования языка в определенных контекстах, они создают неявную базу метаязыковых знаний, из которой они могут генерировать в когнитивном пространстве все более сложные обобщения (интуитивные схемы) без необходимости прибегать к априорным грамматическим правилам или сознательно усвоенным и применяемым стратегиям. Идея *эристической компетенции* переходит из области дидактической [Сковородников 2014; Conti 2013] в область когнитивную, в *competence* в понимании Хомского [Chomsky 2006] и коммуникативной компетенции в работах Д. Хаймса [Hymes 1972].

Интеракционный подход к исследованию эристики предполагает определенную структуру речевого взаимодействия.

Иллокутивное вынуждение (стимул – реакция) и иллокутивная значимость речевых актов (шагов) в иллокутивных парах (обменах) в обыденном диалоге (споре, конфликте) строится по автоматизированным схемам. Достаточно схематично и их пропозициональное наполнение, определяемое рамками дискурсивной онтологии (тематическая трансгрессия, отрицание, возражение, опровержение и т.д.). Аутентичный устный эристический диалог полимодален, обладает своей мимической и жестовой конвенциональностью и кинесетической хореографией (см. ниже).

Другое дело – эристический дискурс художественного произведения. Литературная текстуальная эристика имеет различные измерения:

- 1) жанровое: памфлет, сатирический (плутовской и т.д.) роман, иронический детектив, комедия, сказка (о трикстерах), анекдот и т.п.;
- 2) стилистическое (юмор, сарказм, ирония и т.д.);
- 3) тропологическое (*оксюморон, антанакласис, зевгма, каламбур, тавтология, плеоназм*).

По мнению Ю.В. Рождественского, все эристические жанры сводятся к трем типам:

- Виды словесности, где эристика возможна и допускается (контролируется) обоими коммуникантами – говорящим-пропонентом и оппонентом-слушателем.
- Виды словесности, где жанровые формы допускают имитацию эристики.
- Виды словесности, где сама конструкция текста не может не иметь эристики [Рождественский 1997: 279].

К первому типу относятся обыденные и институциональные диалоги, допускающие эристическую тональность в случае возникновения разногласий, конфликтных ситуаций, дискуссий, споров, ссор и т.д.

Ко второму типу принадлежат фольклорные («сказка о лисе и медведе: “вершки-корешки”») и литературные произведения, сюжет которых построен на эристических коллизиях, заставляющих героев вступать в эристические (речевые) взаимодействия, или провоцирующие читателя своей формой и/или содержанием и т.п.

Третий тип составляют политическая речь (дебаты, декларации, митинги), критическая журналистика, массовая коммуникация, включая веб-эристику и т.д. (см. ниже).

Таким образом, функциональный диапазон эристической тональности охватывает практически все речетекстовые жанры – от разговорной речи и сленга (напр., одесское койне, язык падонкафф и т.п.) до разнообразных поэтических форм.

Особым свойством текстуальной эристической тональности выступает языковая аллофония (Б.Т. Ганеев) как речезыковая трансгрессия – интенционально аномальные и девиантные дискурсы (*раблезианство*, *заумь*, *остранение*) и креативно-людические дискурсивные элементы – языковая игра, каламбур и т.п. (см. напр., [Акимова 2014; Санников 2002]).

3.2.2. Эристика в риторической структуре текста

Эристику **необходимо рассматривать** как особый вид отношения в **риторической структуре текста** [Mann, Thompson 1987; 1988].

Согласно Теории риторической структуры (Rhetorical Structure Theory [Mann, Thompson 1988] – далее – ТРС), текст (монологический) существует за счет организующих структурированных каузально-аргументативных и **функциональных** – риторических – отношений, которые определяются *интенцией* автора и *целью*, ради которой и создается текст. Именно в этом смысле – *целевого воздействия* – теория текстовой структуры является **риторической** [Azar 1999].

Реляции-отношения связывают *дискурсивные единицы*, одни из которых являются *ядерными (nucleus)*, другие – *сопутствующими (satellite)*:

ядерные структурные единицы направлены на реализацию главной цели (идеи, функции) текста (сообщения, высказывания), сопутствующие элементы структуры – средствами, помогающие реализовать построение ядерной структуры текста [Mann 1988]. В концепции Т. ван Дейка коррелятом такой модели предстают *макроструктура* и *микроструктуры* текста (дискурса) [Дейк 1989; Москальчук 2003; Dijk 2008].

Многочисленные трактовки и развивающие данную концепцию исследования сосредоточены на структурно-количественной стороне (машинного) анализа текста, системным «видением аннотирования текста» [Ананьева 2016; Бакиева 2017; Ковальчук 2016; Литвиненко 2001]. Однако более важным представляется качественная – когнитивная основа ТРС.

Выделяемые типы отношений могут быть представлены как особые *виды интенциональных состояний автора на стадии замысла и осознания цели* (значения, функции) той или иной части создаваемого текста (высказывания), направленной на построение ядерной структуры (дискурсивная стратегия) через сопутствующие микроструктуры (речевые тактики) дискурса. Таким образом, ТРС «отражает уровень *пре-реализации* (ср. «мысленный модус» [Кибрик 2009]), т.е. то, как текст планируется и организуется в соответствии с его целью, а не то, какими средствами достигается эта цель»:

«Strictly speaking, the relations of a text do not hold between the various word sequences of which the text consists. Rather, the word sequences are realizations of more abstract entities: *meanings and intentions* that are represented by those word sequences. In this sense all of RST is pre-realizational. since it makes statements about *how such meanings and intentions are structured and combined*, but not about how they are realized. It is inconvenient to acknowledge the abstraction on every mention. so, we will generally say that relations hold between spans of text, but the distinction between the abstract entity and its realization always remains» [Mann 1990: 3] – 'Строго говоря, текстовые отношения связывают не различные последовательности слов, а являются реализациями *более абстрактных сущностей: значений и намерений*, которые представлены этими последовательностями слов. В этом смысле

TPC отражает, объединяет и структурирует *смыслы и намерения*, но не их языковые реализации. Поэтому говоря для простоты об отношениях между отрезками текста, мы подразумеваем отношения между абстрактными сущностями и их реализацией³⁰ (перевод и выделение наши – И.Т.).

Согласно TPC, в тексте выделяются *текстуальные макро-отношения*, такие как *Последовательность* (Sequence), *Контраст* (Contrast) и *Связь* (Joint), и ряд *каузально-риторических отношений*: **Очевидность** (Evidence), **Мотивация** (Motivation), **Оправдание** (Justify), **Антитезис** (Antithesis), **Уступка** (Concession)³⁰ и др. [Mann 1987; 1988; 1990]. По определению авторов TPC, список остается открытым [Idem].

Если **Очевидность** выступает основанием для утверждения и повествования (наррации), то **Мотивация** направлена на представление мотивов, того или иного речевого события; **Оправдание** являет собой экспликативно-аргументативную интенцию, объясняющую развитие текста-нарратива; **Антитезис** выражает противопоставление – контраргумент, альтернативную перспективу повествования; **Уступка** позволяет разрешать или снимать противоречия и т.д. (ср. [Сусов 2006]).

Эристика как проявление интенциональности говорящего (автора) создает еще одно интенциональное отношение, *определяемое нами* как **Вызов** (Challenge).

Тогда **Вызов** имеет целью драматизацию, обострение противоречия, доведение его до крайности, до абсурда, затрудняющего интерпретацию и постижение смысла высказывания (текста). **Вызов** направлен на адресата (читателя, слушателя, аудиторию), вовлекая его самого в решение возникающего в нарративе парадокса, дилеммы, конфликта. **Вызов** не имеет экспликативно-аргументативного измерения, он прагматичен в своей *персуазивности, суггестивности и фасцинативности*. Отношение **Вызов**

³⁰ Среди прочих: *Elaboration, Condition, Evaluation, Circumstance, Solutionhood, Background, Enablement, Volitional Cause, Non-volitional Cause, Volitional Result, Non-volitional Result, Purpose, Otherwise, Interpretation, Restatement, Summary*, etc. [Сусов 2006; Mann, Thompson 1988]

характеризует риторическую структуру остроты, иронии, каламбура, намека и проч. (см. выше).

Как и другие типы отношений, **Вызов**, входя в макроструктуру КОНТРАСТ и логически пересекаясь с ядерной структурой **Антитезис** [Mann 1987], может реализоваться либо как *nucleus* – ядерная структура (стратегическая цель), либо как *satellite* – сопутствующая структура (тактическая цель) (ср. [Mann 1987; 1988]). Например, отношение **Антитезис** предполагает *контраст* между ядерным и сопутствующим элементом, один из которых рассматривается интерпретатором как **очевидно позитивный** (*positive regard*). Этот элемент является ядерным, и этот выбор заложен интенцией автора. Читатель должен понять интенцию автора и определить ядерный позитивный элемент [Mann 1987].

Мы постулируем, что риторическое отношение '**Вызов**' предполагает **неочевидность выбора**, осложненного для адресата (читателя, слушающего) имплицативными *эристическими стратегиями* автора (парадокс, ирония, нонсенс, семантический сдвиг и т.д. – ср. работу Л. Альба-Хуэс «Irony as inferred contradiction» [Alba-Juez 2014]).

При этом в ядерную структуру **Вызов** могут входить другие сопутствующие отношения между ядром и сателлитом – **Цели** (*Purpose*), **(Не)Преднамеренного Результата** (*Volitional / Non-volitional Result*), **Оценки** (*Evaluation*), **Пересмотра** (*Restatement*), **Решения** (*Solutionhood*) (ср. [Сусов 2006; Mann 1987; 1988]).

Рассмотрим риторическое отношение **Вызов** на примере категории малоформатных, «однофразовых», текстов [Береговская 2015], которая включает литературные афоризмы, «крылатые фразы», иронические «мемы», содержащие противоречия и парадоксы [Ганеев 2001] и являющиеся воплощением риторической структуры **Вызов** в свернутой («формульной» – ср. [Krieg-Planque 2006]) реализации. Приведем пример двух «одностишей» Владимира Вишневого [2001]:

(1) *Мадам я одинок* (а), *но не настолько*. (б)

(2) *Ах вы не спонсор?* (а) *Положите вилку!* (б)

В этих однофразовых текстах можно восстановить свернутую цепочку каузально-логических отношений в терминах ТРС (а – сателлит; б – ядро):

(1) **Evidence** (а) → **Antithesis**³¹ ∧ (*impl*) **Solutionhood** (б);

(2) **Evidence** ∧ **Evaluation** (а) → **Restatement** ∧ **Solutionhood**

Эти отношения отражают каузальность поверхностной логико-риторической структуры [Mann 1988] – свернутого силлогизма “*modus tollens*” в (1) и “*modus ponens*” в (2) [Ивин 2009].

Глубинная структура риторического отношения, скрытого в этих текстах, есть ‘**ВЫЗОВ**’, поскольку между двумя *семантическими частями* силлогизма *нет прямой логической связи*, реализуется алогизм, или «логическая иррелевантность», свойственная аргументу *ad hominem* [Eemeren 1992]. Адресату предлагается восстановить закодированную смысловую связь. Эта связь – **прагма-риторическая дизъюнкция** – определяется не логической связью и не семантикой участвующих в отношении концептов и/или предикатов, а восстанавливается из контекста с опорой на «общие места» (топосы):

(1) ‘ОДИНОЧЕСТВО’ V ‘НЕКРАСИВАЯ ВНЕШНОСТЬ’

(2) ‘ОТСУТСТВИЕ СТАТУСА’ V ‘ПРАВО НА ПРИВЕЛЕГИИ’

На каузально-риторические противоречия (ср. выше – Контраст/Антитезис) накладывается имплицитно выраженная в текстах **трансгрессия** – нарушение *постулатов кооперативности и вежливости*, ставящая под угрозу «позитивное лицо» представленного в них «адресата».

Следуя теории релевантности, свернутость и синкретизм контекстуально-прагматических значений ставят перед реальным адресатом (читателем, слушающим) необходимость дополнительных усилий по их

³¹ В логико-семантических структурах знаки конъюнкции – ∧ и дизъюнкции – V.

интерпретации и исчислению общего смысла и риторического эффекта текста (высказывания) [Попова 2019]. Именно неоднозначность такой интерпретации трактуется нами как риторическое отношение ‘**ВЫЗОВ**’. Это отношение отражает эристическую интенциональность автора – его остроумие, рождающее *гелотогенность* и *афористичность формы* как поверхностное (формальное) свойство свернутой глубинной прагмасемантической структуры [Кибрик 2003; Сусов 2006].

Кроме того, отношения **Контраст**, **Антитезис** и в еще большей степени – **Вызов** – превращают монологический текст-дискурс в *монологический диалогичный* (см. выше), пронизанный полифоничностью (М.М. Бахтин), смысловыми противоречиями и «диалогом» различного рода импликаций. Это дает основание использовать ТРС и в исследовании диалогического дискурса, когда дискурсивные единицы становятся репликами диалога («шагами» в рамках диалогического обмена) [Борисова 2007; Кибрик 2003; Литвиненко 2001; Kerbrat-Orecchioni 1990; 1992].

Выделение в риторической структуре текста отношение **ВЫЗОВ** (Challenge) может быть использовано для уточнения единиц машинного анализа *эристической тональности*, в частности, в исследованиях компьютерной лингвистикой текстовой тональности (*Sentiment analysis*) [Котельников 2012; Thelwall 2010] и при разметке корпусов текстов на основе *теории риторических структур* (см., напр. [Ананьева 2016]).

Идея теории риторической структур (ТРС) о взаимодействии единиц текста-дискурса ставит перед нами задачу определения **дискурсивной единицы**, соответствующей риторико-прагматическому отношению ‘**ВЫЗОВ**’ и структурной составляющей, и единицей анализа **эристической тональности дискурса**.

3.3. Эристема как единица трансгрессивной тональности

За единицу анализа эристического дискурса принимается **эристема** – дискурсивно-интенциональный «квант» семиогенеза, единица (фрагмент) эристического дискурса.

Эристема как семиотическая сущность может рассматриваться в трех перспективах: *семантико-прагматической* (лингвистической), *социально-интеракциональной* (праксеология и социолингвистика) и *когнитивной* (психолингвистической).

Все три измерения эристики связаны и переплетены: социально-интеракциональный фрейм (И. Гоффман) рождает когнитивный фрейм (М. Минский), и оба воплощаются в речевой деятельности, в том числе и креативной, нарушающей речезыковые нормы.

В лингвистической перспективе эристическая тональность дискурса имеет как минимум три измерения – синтагматическое, парадигматическое и прагма-риторическое. Тональность реализуется в процессе высказывания путем синтагматической связи речезыковых единиц, с одной стороны, и составляет совокупность единиц всех уровней языка в пространстве текста, формирующую смысловую и тональную доминанту речевого произведения.

Кроме того, риторический эффект воздействия определяется также имплицативно-инференциально-эвокативными стратегиями, широким культурологическим и интенциональным контекстом речевого произведения. Другими словами, тональность в процессе развертывания реализуется в локальных микроструктурах (номинация, речевые акты) и как макроструктура, определяющая воздействующий эффект текста в целом.

Эристическая доминанта текста определяет и философско-эстетическое кредо – идеологию литературного произведения, например, «раблезианство» Рабле, нигилизм Шопенгауэра и Ницше, философию и литературу постмодернизма, *остранение* и *заумь* Крученых и Хармса, ироническую сатиру Аверченко, Ильфа и Петрова, трагический иронизм Бабеля и

Платонова, абсурд и нонсенс Кэрролла, Беккета и Ионеско, языковую игру Джойса и Фредерика Дара («Сан-Антонио» – см. ниже).

Опосредованная референтной функцией эристическая доминанта тональности нацелена, тем не менее, не на семантику – внутреннюю связь с отдельным объектом, а на способ представления этого объекта в знаке, заложенный в интерпретанту знака [Пирс 2000; Эко 2007]. Доминанта реализует *семиотическую экспрессивность знака*, под которой Ч. Моррис понимал значение самой формы построения знака: «Знак выразителен (*is expressive*) в той мере, в какой его образование, или производство, само принимается интерпретатором как знак...» [Моррис 1983: 126]. «Экспрессивность не является частью значения исходного знака, но, скорее, представляет значение другого знака, которым является само производство исходного знака» [Morris 1946: 68] (цит. по [Кустова 2010: 109]).

3.3.1. Когнитивно-семиотические аспекты эристеми.

В теории лингвистики локальная микроструктура, как правило, обозначается как *диктема* [Блох 2000; 2005], за второй закрепился термин – *текстема* [Алефиренко 2007: 4; Дресслер 1978; Соснин 2016]. Взаимодействие обеих структурных единиц можно рассматривать как *реверсивный* генеративно-интерпретационный процесс кодирования и декодирования текста «снизу вверх» (*bottom up*) и «сверху вниз» (*up down*) [Блох 2000].

Термин *диктема* ввел в научный обиход М.Я. Блох, понимая под диктемой «естественную составную часть реверсивно-определенной уровневой структуры языка» [Блох 2000: 59]:

«Как составная часть этой структуры (при этом уровнеобразующая составная часть на верхнем ярусе сегментной языковой иерархии) она строго отвечает принципу построения из "одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня", т.е. из одного или нескольких предложений» [Там же – выделено в оригинале – И.Т.].

В текстуально-дискурсивном аспекте в диктете, через составляющие ее предложения, выявляются, согласно М.Я. Блоху, «четыре важнейших функционально-семиотических характеристики речи: **номинация, предикация, тематизация и стилизация.**

Номинация реализует именование общей ситуации, отражаемой диктетой. Предикация относит это именование к действительности. Тематизация включает передаваемую диктетой информацию в разворачивающееся содержание целого текста. Стилизация осуществляет такое коннотационное представление содержания, которое реализует ситуативно-обусловленное воздействие на слушающего, соответствующее коммуникативной цели говорящего» [Там же: 63 – выделено в оригинале – И.Т.].

В рамках тематизации через диктету реализуются перспективные и ретроспективные связи текста, отражающие его когезию и когерентность [Блох 2005: 178].

В таком представлении диктета может коррелировать с бинарной («ядро-сателлит») единицей риторической структуры в ТРС (см. выше). Как отмечает Н.В. Ковальчук, «следуя ТРС, каждая предикативная последовательность в совокупности с взаимозависимостью с другими последовательностями образует отдельную единицу анализа. При этом намерение субъекта речи рассматривается как основа текстовой связности. Риторические отношения между структурами текста предстают как своего рода отражение авторских намерений, взаимосвязи, обнаруживаемой между этими намерениями. В составе текста эти отношения могут маркироваться как лексическими и грамматическими показателями, так и осуществляться неявным (имплицитным, косвенным) образом» [Ковальчук 2016].

Диктете свойственны три основных макрофункции – информативная, эмотивная и импрессивная. *Импрессивность* как аспект высказывания отражает воздействие на адресата и характеризуется определенной степенью

интенсивности (*импрессивная сила*). Включая в себя «различные типы информации», влияющей на собеседника, импрессивность, по Блоху, очевидно, коррелирует с *персуазивностью* в рациональной своей части. Эмотивная функция передает отношение говорящего к предмету сообщения, к ситуации общения и к адресату [Там же].

Вторая единица – *текстема* – представлена в ряде концепций, суммируя которые, можно вывести следующие её характеристики (ср. [Соснин 2016]):

1) в отличие от диктемы, текстема – сугубо концептуально-семантическая структурная единица («семантическая репрезентация предложения», по Н.Д. Арутюновой [1990: 450]);

2) является интенционально-тематическим инвариантом конкретных текстов;

3) реализует связный набор смыслов в отношении референтного предмета или явления;

4) это идеальная основа текста, «существующая в виде вертикальной концептуально-когнитивной структуры» [Фефилов 2011];

5) отражает сознание и *интенциональное состояние автора текста* посредством ситуационных фреймов и динамических сценариев [Dijk 2014];

6) реализуется через набор интеракциональных стратегий и тактик в рамках актуальной коммуникации (т.е. речевого взаимодействия) [Diessel 2019; Dijk 2008].

Единицу эристической дискурсивной тональности – *эристема* – мы рассматриваем на обоих уровнях – диктемном и текстемном. Эристема как диктема представляет собой в перспективе «снизу вверх» – единицу формы плана выражения и синтагматическую последовательность реализации интенционального состояния автора (говорящего).

Субстанцией плана выражения становятся речезыковые единицы от фонопросодических и междоменно-жестовых до синтактико-тропеических и

риторических (стилизирующих), обеспечивающих материальность эристической тональности дискурса. Они реализуют четыре дискурсивно-текстуальные функции эристы: номинативную, предикативно-пропозициональную (тематическую) и риторико-персуазивную (импрессивность и стилизация), включающую оценочность и эмоциональность [Альба-Хуэс, Ларина 2018].

На «текстном» уровне эристыма есть отражение «сверху вниз» (ономасиологически) *интенциональности* адресанта, распространяющейся на актуальный дискурс (создаваемый текст), состоящей в агональном, дефокусированном и асимметричном отражении предметного содержания, парадоксальной и трансгрессивной форме плана содержания, направленной на девиантную речевую реализацию.

Таким образом, эристыма актуализируется в уровневой организации речи (текста, высказывания) на следующих уровнях («снизу вверх»):

1) до-номинативном: эристыма – мимика, жест, интонация, междометие и т.д. (**квантоэристыма**³²);

2) номинативном: эристыма – морфо-лексико-фразеологическая единица эристической тональности (**микроэристыма**)³³;;

3) предикативно-речеактовом: эристыма отражает референтивно-пропозициональную интенциональность адресанта (**мезоэристыма**);

4) прагмариторическом: эристыма реализует *эристическую тональность* (**макроэристыма**) рассматриваемого дискурса.

Квантоэристыма (взгляд, мимика, жест), микроэристыма (лексема, фразема) и мезоэристыма (речевой акт) реализуются на речезыковом уровне (план выражения). Макроэристыма может реализоваться в интеракциональном плане на уровне определенного речевого взаимодействия (диалога [Арутюнова 1999; Борисова 2007]) или институциональной,

³² О речевых квантах в полимодальном дискурсе см. [Кибрик 2018а,б; Kibrik 2011].

³³ См. выше анализ одесского койне.

стереотипной ситуации (дебаты, дискуссия, конфликт, ссора). В текстуальном плане макроэристема разворачивается на фоне всего текста литературного (речевого) произведения, определяя его эристическую тональность и целеполагание (сатира, пародия, клевета, инсинуация, ложь/«фейк», глупость, нонсенс и т.д.).

Макроэристема может формироваться на уровне макроконтекста – некой деятельностной ситуацией – «ирония судьбы» в сюжетах комедий, романов (см. ниже – сериал «Доктор Хаус», романы Ильфа и Петрова и т.п.), межличностного конфликта («Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), институционального конфликта (судебные слушания³⁴, политическая борьба, парламентские дебаты и т.д.)

Как **форма плана выражения** и как **форма плана содержания** эристема реализует когнитивно-семиотические свойства эристической дискурсивной тональности (интенциональность) и её когнитивно-интеракциональные характеристики.

Эристема – знак, означаемым которого является интенциональный акт, нарушающий конвенциональность, норму, будь то норма языка или речевого поведения, вежливости и т.д. В бытовом общении, в дебатах, полемике, ссорах эристика может выливаться в нарушение правил этикета, в речевую агрессию и т.д. Но как принцип эвристической мыследеятельности (Эристика -2,-3 – см. Введение) эристическая интенция – механизм креативной инновации.

Таким образом, когнитивная семиотика дискурсивной эристики складывается из эристической интенциональности, имплементируемой средствами семантики (абсурд, парадокс, нонсенс), эристической синтагматики (языковые аномалии, провокативный нарратив, эристическая доминанта в риторической структуре) и прагматики в виде эристической иллюкутивности (целеполагания) в совершении речевого действия.

³⁴ См., напр. [Блажевич 2005].

В плане содержания эристема характеризуется противоречием в когнитивных моделях взаимодействующих коммуникантов, вызывающим интеллектуальное и речевое противоречие («аллофронию» [Ганеев 2005]) на уровне содержания (понимания). В плане выражения эристика нарушает нормы языка и речевого поведения (*речезыковая трансгрессия*), стремясь усилить экспрессивность способа воздействия на оппонента и аудиторию.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что в эпистемическом плане эристика может быть представлена как **когнитивно-семиотическая модель** интеракционального – дискурсивного и текстопорождающего – интеллектуально-эмоционального поведения, имеющего план выражения в виде разноуровневых речезыковых единиц, предназначенных для реализации эристической речевой интеракции.

Эти речевые единицы – эристеми – проявляются в конверсивном top-down / bottom-up процессинге и представлены на макро-, мезо- и микро (квантовом) уровнях дискурса (см. ниже табл. 3).

Уровневая организация эристического дискурса

<i>top-down processing</i>	ПРИЧИНА	ПРОЦЕСС-ДЕЙСТВИЕ	СРЕДСТВО	РЕЗУЛЬТАТ (ЦЕЛЬ/ЭФФЕКТ)
ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ (концептуально-интенциональный)	ПРОТИВО-РЕЧИЕ	(ПРОТИВО)-ДЕЙСТВИЕ (РЕЧЕВОЕ)	Трансгрессия/ОСТРАНЕНИЕ	ЦЕЛЬ/ЖЕРТВА
	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО / ЭПАТАЖ			
СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ (прагма-семантический)	↑↓ макроэристема ↑ ЭРИСТЕМА			
НИЖНИЙ УРОВЕНЬ (речезыковой):	кванто-эристема	↓ мезоэристема		
– средства реализации	просодия, мимика, жест	синтактика	лексика	тропы и фигуры (ирония, сарказм, метафора)
процессы	УЗУАЛИЗАЦИЯ, СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ, МЕМОРИЗАЦИЯ			

На основе анализа теоретического и исследования корпусного материала мы пришли к выводу о наполнении плана содержания и плана выражения эристеми как единицы речевой интеракции (см. Таблицу 4).

Таблица 4.

**Эристема как семиотическая единица тональности дискурса
(функциональное поле эристики)**

форма плана содержания	парадокс, противоречие, абсурд, метафора, юмор, ирония, сарказм, насмешка, афористичность, семантический сдвиг, многозначность, блендинг, эвокативность, намек, инсинуация, импликация, полифония и др.
------------------------	---

форма план выражения	«остранение», тропы и фигуры, метафтонимия, языковая игра, эллипсис, поликодовость (жесты, мимика), сниженная лексика, междометия, фразеорефлексы, имплицитность, интертекстуальность и др.
----------------------------	---

Таким образом, эристический семиозис – это когнитивно-интенциональный механизм порождения речезыковой формы, содержащей, либо в плане выражения, либо в плане содержания – девиантную флукутацию, выступающую в качестве внутренней формы эристической речевой (коммуникативной) единицы – *эристе́мы*.

При этом успешность когнитивного взаимодействия определяется:

1) «внутренними релевантностями» [Шюц 1988; Sperber, Wilson 2002] коммуникантов, совпадение которых («когнитивный резонанс») составляет общие знания (*common grounds*), в том числе и уровень (профессиональных, интеллектуальных, культурных и т.д.) компетенций [Dijk 2009];

2) умением *интерпретировать* остенсивные (явные, прямые) и кодифицированные знаки (сообщения) [Демьянков 2001; Болдырев 2013; Grice 2001];

3) способностью *эвоцировать* [Dominicy 2011 Mercier, Sperber 2009] – ассоциировать и объединять передаваемые знаки с виртуальными (косвенными) значениями, которые могут быть им приписаны реципиентом (ср. [Fauconnier, Turner 2003; Recanati 2008;]).

Когнитивный диссонанс на каждом из этих уровней, может рождать эристический конфликт в трех когнитивных аспектах: *презумптивно-контекстуальном*, *логико-имплекативном* и *инференциальном*, которые коррелируют с риторическими категориями этоса, логоса и пафоса.

Интерпретация знака, опосредованно связанная с семантикой (прямым значением) речезыкового элемента, рассматривается нами как гиперсемантический уровень смыслообразования.

Совокупность данных параметров составляет «эристическую компетенцию» [Сковородников 2014] коммуникантов, заключающуюся в умении взаимодействовать на *гиперсемантическом уровне* речевой интеракции, изучавшимися в различных социолингвистических и когнито-лингвистических парадигмах (см. Табл. 5).

Таблица 5.

Уровни и единицы анализа эристической гиперсемантики

презюмтивно-контекстуальный	логико-импликативный	инференциальный
конфликт «внутренних релевантностей» (А. Шюц, Т. ван Дейк, Д. Спербер и др.)	логические уловки (А. Шопенгауэр, Д. Уолтон и др.)	концептуальные интеграции-парадоксы (Ж. Фоконье, М. Тернер, Ф. Реканати и др.)
пресуппозиция	импликация/инференция	эвокация
ЭТОС	ЛОГОС	ПАФОС

Таким образом, когнитивная модель эристики отражает когнитивную трансакцию в семиотическом воплощении (эристема – эристический знак, высказывание) в двух ипостасях: 1) в семантике *пропозиций* и 2) в гиперсемантике *пресуппозиций, импликаций/инференций* и *эвокаций* (см. [Dominicy 1990]).

3.3.2. Когнитивно-интеракционные аспекты эристеми

Развитие когнитивной лингвистики предопределило магистральный вектор исследований языка в контексте формирования и упаковки знаний, как орудия познавательной и мыслительной деятельности человека. Однако обращение к внутренним лингвокогнитивным механизмам не умаляет важности понимания языка как орудия межличностной коммуникации, актуальности исследования его интеракционной природы. Наоборот,

сочетание когнитивного и интеракционального подходов становится актуальной исследовательской парадигмой [Болдырев, Дубровская 2015; Болдырев, Григорьева 2018; Ирисханова 2014б; Dijk 2014; Kibrik 2011; Langacker 2013; Zima 2015]. В когнитивно-дискурсивной парадигме адекватное познание языка и языковых явлений «происходит только при анализе в двух системах координат – на пересечении когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 325]. Это ведет к расширению статического подхода, фиксирующего моделирование языковой когнитивно-дескриптивной концептуализации и категоризации действительности (языковая картина мира), в направлении изучения *динамики* когнитивных процессов, происходящих в речевом взаимодействии (метаязыковая картина когнитивной интеракции).

Эристическая форма выражения определяется когнитивными особенностями субъекта – носителя противоречия, превращая его в *эристическую* языковую и онтологическую *личность*. В свете типологии речевого поведения эристика, несомненно, определяет тип языковой (дискурсивной) личности.

Под дискурсивной (коммуникативной) личностью мы, вслед за И.А. Стерниным и Н.Н. Болдыревым [Болдырев 2018; Стернин 2003; Куркина, Стернин 2018], понимаем носителя коммуникативной компетенции, личность, формирующуюся в процессе речевой деятельности, в отличие от языковой личности как носителя языковых знаний (языковой компетенции) [Караулов 2007]). Иными словами, понятие «дискурсивная личность» подразумевает не просто умение пользоваться языковыми знаниями в разных коммуникативных ситуациях, но манеру речевого поведения, его психо-дискурсивные доминанты (ср. [Белянин 2000]). Под эристической дискурсивной личностью нами понимается субъект, способный и/или склонный пренебречь в той или иной степени устоявшимися поведенческими (этическими) и коммуникативными нормами, определяющими его *доречевой*

и *речевой этос* (см. ниже). **Эристический когнитивный тип** – это, по классификации Майерс-Бриггс [Майерс 2010], «интуитивный стиль», направленный на выявление проблем и конфликтов, отражающий критический релятивизм и стремление заострять решение проблемы по методу *reductio ad absurdum* [Healy 2000].

Именно эмоциональный интеллект в современном его понимании [Brackett 2004; Castro 2012] является ключевым для выживания человека в доисторические времена, поскольку он проявляется в способности адаптироваться в окружающей среде, уживаться и находить общий язык с соплеменниками и соседними племенами. И хотя механизмы эмпатии стали основными в эволюции человеческого рода [Томасселло 2011; Zlatev 2014], конфликты не перестают окружать *homo sapiens eristicus* ни снаружи, ни изнутри – когнитивный диссонанс есть прежде всего результат эристической рефлексии.

Система норм социального поведения выступает как основа языковой коммуникации. Нормы задают инвариантные параметры (коммуникативного) поведения. Нормами социального общества движут эмпатия, мимезис и консенсус, лежащие в основе общественной кооперации и эволюции [Томасселло 2011; Zlatev 2014]. Соблюдение речеповеденческих норм вытекает из рациональности адаптационных механизмов биологических и социальных систем, неременной составляющей которых является коммуникация в широком понимании. В теории социального интеракционизма и в разговорном анализе эмпатические механизмы воплощаются в определенных концептуально-конвенциональных моделях: Принцип Кооперации (П. Грайс), Теория лиц (И. Гоффман), совокупная Теория вежливости (П. Браун, С. Левинсон, Дж. Лич, Р. Лакофф и др.).

С другой стороны, конвенциализируются модели и формы осмеяния, иронии, выражения недоверия, презрения, уличения в глупости и другие проявления «эпистемической бдительности» (Д. Спербер). В первом

приближении все эти манифестации есть нарушение упомянутых норм и принципов эмпатического поведения (ср. название статьи «“Анти-Грайс”»: постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения» [Жельвис 2012]).

Однако, в сущности, любое высказывание, несущее в себе определенную интенцию автора, содержит и определенный компонент воздействия на собеседника, вторжение на его «территорию» (по Гоффману). Поэтому любой акт может вызвать когнитивный или эмоционально-аксиологический диссонанс между участниками коммуникативного акта. К тому же конфликтность в широком смысле слова может рассматриваться просто как несоответствие между объемом пропозиций, знаний, которыми они обладают, разногласием, конфликтом мнений, оценок и т.д., – всего того, что Альфред Шюц называл «внутренними релевантностями» собеседников [Шютц 2003; Шюц 1988; 2004]. Несогласие, эксплицитно выражаемое одним из них, становится вызовом, стартовой точкой либо аргументативной «прагма-диалектической дискуссии» (ван Еемерен), либо для «эристического диалога» (Д. Уолтон). Доминирование и борьба, конкуренция в различных проявлениях социального и политического бытия человеческого рода не менее (а, может быть, более) релевантна для некоторых типов коммуникации (ср. [Шейгал 2000]).

Для политических интеракций эристический метод концептуализации становится практически нормой [Там же], учитывая антагонистический характер борьбы за власть. Но даже в этих условиях технически «эристика» остается и воспринимается как отклонение, девиация, трансгрессия. Однако, как уже указывалось выше, межличностный когнитивно-психологический диссонанс не всегда предполагает «уничтожение» оппонента. У эристики другие цели, нежели чем у аргесии. Часто эта цель – не причинить вред другому, а устранить источник порока в его ментальном пространстве. Эристика – это хирургия, эристема – это скальпель, а не бандитская финка.

Выбор эристической стратегии в каждом конкретном случае может быть ошибочен, но от ошибок никто не застрахован. Приравнивать эристику к агрессии или видеть в ней стремление причинить вред оппоненту равнозначно обидам на зубного врача, причиняющего боль. Зачастую отказ от эристического воздействия сродни заговариванию зубов с верой, что так можно устранить источник болезни.

Например, формат политических controversий многообразен, однако два условия обязательны для эристического диалога: 1) эмоциональный фон актуальной конфронтации (интеракция здесь и сейчас) и 2) неравноправие оппонентов. Здесь, как уже отмечалось, мы имеем дело с категориями, представленными П. Бурдьё в понятиях габитуса ('habitus'), символической власти ('symbolic power') и символического насилия ('symbolic violence') [Bourdieu 1992]). В рамках социально-приемлемого, определяемого условиями (ситуацией) общения, «политического поведения» (politic behaviour) [Watts 2003: 19] «невежливость» часто становится частью поведенческой нормы, нормативной «не-вежливостью» (*non-politeness*) [Kerbrat-Orecchioni 2012]. Совокупность данных параметров составляет эристическую компетенцию коммуникантов, заключающуюся в умении взаимодействовать на этом гиперсемантическом (концептуальном) уровне речевой интеракции. Кроме того, эристика градуальна в речевой конфронтации (аргументативные манипуляции, насмешка, вызов, ирония, сарказм, квази-инвектива и др.), которые в определенной степени регламентируются узуальными нормами речевых практик. Уже отмечалось, что *людическая эристика* отличается от, собственно, агональной эристики. Это игра в противоречие (дружеская ирония, стёб и т.п.). Другими словами, эристическое речевое поведение характеризуется явными и неявными (непрямыми) речевыми и неречевыми формами.

Психо-речевыми коррелятами эристического являются эпатаж, вызов, речевое противодействие (возражение и т.п.). Речевая эристика касается

прежде всего аспектов интерактивного *показательного (театрализованного)* противодействия. Однако, помимо интеракционного аспекта, эристика может проявляться на уровне языковой личности в нарушении норм, девиантном речевом поведении также в целях эпатирующего воздействия происходит искажение языка, что характерно для рекламы, ТВ-шоу, молодежного сетевого общения.

В когнитивных программах собеседников-эристов всегда есть пресуппозиция агональности, установка на неприятие речекогнитивной трансакции в виде сообщений и аргументов оппонента. Включается когнитивно-коммуникативный механизм предубеждения и блокировки когнитивного намерения собеседника (*cognitive bias* [Haselton 2006]), обратно коррелирующий с эмпатией – идиосинкразийная *экс-патия*, производная от межличностной антипатии и смысловой и эмоциональной негативной антиципации (ср. [Фролова 2010]).

Когнитивные механизмы, определяющие категориальную ситуацию (фрейм) *эристического в речи*, достаточно разнообразны, но в целом также сводятся к модели, функционирующей на двух уровнях представления: онтологическом и эпистемическом. Функциональное пространство эристики можно разделить на внешнюю – институциональную эристику и внутреннюю – когнитивно-психологическую, связанную с людической, эвристической и художественной креативностью, выражающуюся в определенной речевой тональности говорящего (пишущего).

В речевой интеракции главной характеристикой эристической интенциональности является не столько агрессия, сколько отмеченная выше повышенная «эпистемическая бдительность» – осторожное (отстраненное) отношение к адресату и аудитории. То есть эристика передает определенные – эмоционально-интеллектуальные на входе и интенционально-интерпретативные на выходе – критично-скептические метальные состояния коммуникантов.

Психо-когнитивная и интеракционально-интерперсональная модель конфликтного речевого взаимодействия (фрейма, по И. Гоффману [Goffman 1987]) может быть представлена в терминах теории речевой *транзакции* Эрика Берна [Берн 1996], согласно которой конфликт рождается при столкновении интенциональностей коммуникантов, условно занимающих одну из трех психологических ролей: патерналистскую («Родитель»), адекватную, объективно-ответственную («Взрослый») и «пуэрильную», провокативно-трансгрессивную («Дитя»). Конфликт возникает при *пересечении* ролевых транзакций, когда навязываемая говорящим (А) роль не поддерживается адресатом (В) (см. ниже – Схема 5). Максимальную эристичность в этой модели несут в себе две крайние позиции, отражающие либо назидательность («пристройка сверху»), либо «инфантилизм», часто связанный с людическим (игровым), нестандартным (речевым) поведением.

Следуя теории (не)вежливости [Ларина 2009; Culpeper 2017a], интерперсональная организация речевого взаимодействия состоит из трех измерений:

1) расстояние (D) - это симметричное социальное измерение сходства/различия между говорящим и слушающим. Обоюдное проявление эмпатии («позитивного лица») является симптомом социальной близости и наоборот.

2) относительная власть (P) говорящего/слушающего над собеседником является асимметричным социальным измерением. Это степень, в которой участник может навязать свои планы и самооценку.

3) степень импозиции (R) относится к *ранжированию ролей* («позитивных и негативных лиц») в соответствии со степенью, в которой они влияют на потребности коммуникантов в конкретной культуре и ситуации общения.

Асимметрия и диссонанс в символических «властно-правовых» отношениях между коммуникантами (см. Схема 5) распределяются

градуально по двум векторам: сверху вниз – патернализм, назидательность; снизу вверх – вызов, насмешка, провокация:

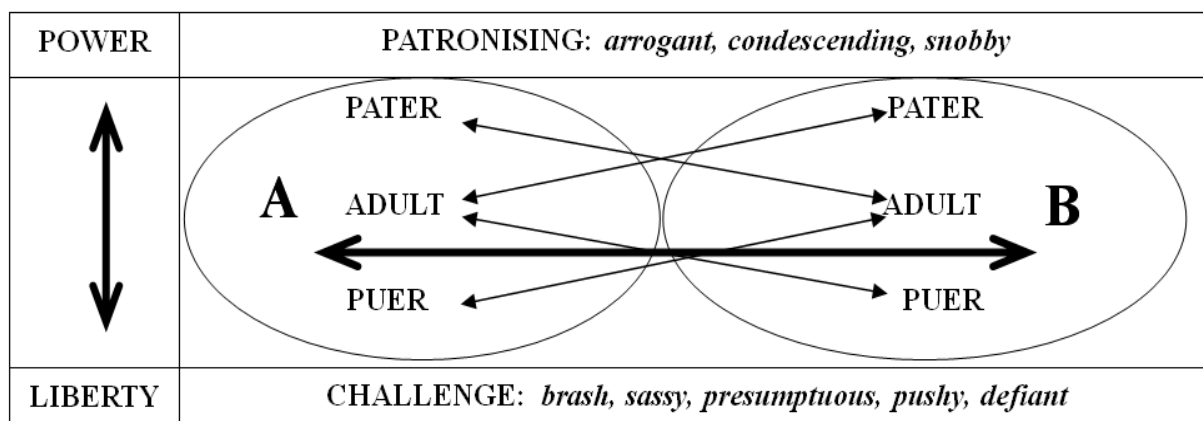

Схема 5. Динамическая модель эристики в поведенческом фрейм-габитусе

Представленная схема демонстрирует основной вектор эристического отношения в коммуникации (по вертикали) – иерархичность властных отношений: сверху – высокомерие, снисходительность, снобизм; снизу – дерзость, вызов, бесцеремонность, насмешливость и т.п. По теории Э. Берна, асимметрия в интенциональных позициях (перекрещенные векторы) приводит к интерперсональным конфликтам в речевой интеракции: такие психолингвистические проявления позиции PUER, как юмор, кокетство, ирония и т.д., могут быть восприняты с пониманием и подхвачены в предлагаемой игре как отношения PUER–PATER или PUER–PUER, а могут быть отвергнуты как неуместные – с позиции ADULT [Берн 1996]. Тогда корреляты эристической агональной интеракции будут представлены как интеракциональные эристымы (пересекающиеся транзакции, по Э. Берну):

PUER– ADULT/ ADULT– PUER;
PATER– ADULT/ ADULT– PATER.

Эристичность во взаимодействии «Взрослый – Взрослый» – это институционально-психологическая агональность, вызванная предвзятостью когнитивных установок (*cognitive bias*), расхождением во «внутренних релеванностях» коммуникантов [Шюц 2004]. Конфликты пересечения – это

когнитивный, но прежде всего речеповеденческий диссонанс – нарушение ожиданий в согласовании доречевых и речевых этосов коммуникантов.

В случае людической эристики, когда игра принимается, перекрещивающиеся транзакции (конфликт) уступают место интерперсональным неконфликтным интеракциям (PUER–PATER; PUER–PUER; PATER–PATER³⁵). Собеседники принимают предлагаемый формат общения без обид и конфликтного поведения. Шифтингом для такого интеллектуального переключения является чувство юмора, развитый эмоциональный интеллект (эмпатия, понимание, прощение и т.п.).

Таким образом, в своей онтологии эристика опирается на определенный когнитивно-эмоциональный стиль мышления и (речевого) поведения, стимулируемого как внешними, так и внутренними факторами.

Две основных эристических стратегии представляются обобщением отношений вежливости-невежливости – **выражение власти** и стремление к **свободе и независимости в речевом поведении**.

Проявление власти (*patronizing*) Дж. Калпепер связывает с определенными способами выражения, формирующими некое лексико-семантическое поле:

«...patronizing/patronized, sexism, arrogant, condescending, put down, snobby, belittling, disrespectful, abuse of power, bossy, authoritarian, superiority, showing off, authority, take the piss» [Culpeper 2011: 94].

Проявление свободы в речевом поведении – пренебрежение всяческими речезыковыми конвенциями, вплоть до правил грамматики, орфографии, речезыковых форм виртуального общения (язык Интернета, «язык падонкафф», рипарография [Гусейнов 1997]).

³⁵ Отношение PATER–PATER часто проявляется в обсуждении (осуждении) стоящих рангом ниже субъект-объектов. Оно открывает пространство корпоративного «высокомнения» и назидательности по отношению к третьим лицам. Эристическим, смешанным с пуэрильностью вариантом этого отношения является *сплетня* (см. ниже)

3.3.3. Когнитивно-прагматическая структура эристеми. Интеракциональная, текстуальная и фразоидная эристема.

Рассматривая дискурс как продукт речевой деятельности, П. Шародо (P. Charaudeau) выделяет четыре аспекта организации речевого аппарата (с точки зрения говорящего):

- энунциальный аппарат;
- аргументативный аппарат;
- нарративный аппарат;
- риторический аппарат [Charaudeau 2005].

Энунциативный аппарат отвечает за порождение (произнесение) высказывания «здесь и сейчас»; аргументативный аппарат реализует логико-каузальные и аргументативные интенции говорящего (пишущего); нарративный аппарат задействован при структурировании событийно-пропозициональной, референциальной составляющей дискурса; риторический отвечает за реализацию персуазивного (эмоционально-экспрессивного, оценочного, эстетического, гелотогенного и т.д.) эффекта производимого в энунциации (порождаемого) дискурса (речи) [Idem].

С таким представлением коррелируют выделяемые М.А.К. Халлидеем функции языка-речи: понятийная (*ideational*), или функция опыта (*experiential*); межличностная, или социально-ролевая (*interpersonal social role function*); дискурсивная (*textual or discourse*) [Halliday 1985].

Н.Н. Болдырев [2018] выделяет когнитивные доминанты речевого взаимодействия, обеспечивающие это взаимодействие на концептуальном и языковом уровнях. Основными доминантами признаются:

- тематическая доминанта (знание темы диалога, предмета общения);
- субъектная доминанта (многоуровневый характер организации когнитивной системы дискурсивной личности, лингвокреативность дискурсивной личности);

- социокультурная когнитивная доминанта (социальный статус и опыт коммуникантов);
- инструментальная доминанта (тональность общения);
- интенциональная доминанта (коммуникативная интенция автора, т.е. общая цель, на реализацию которой направлено речевое действие) [Болдырев 2018].

Следуя разрабатываемому нами интеракционному подходу [Алферов 2001; Тамразова 2009; 2016], мы выделяем пять аспектов речевой интеракции:

- пропозициональный аспект;
- интенционально-иллокутивный аспект;
- аргументативно-персуазивный аспект;
- интерперсональный аспект;
- риторический дискурсивно-интеракционный аспект (ср. [Алферов 2001]).

В соответствии с этой моделью мы полагаем, что эристика может проявляться:

- в пропозиционально-содержательном плане происходит растабуированность тематики (секс, религиозные и нравственные табу – см. выше о трансгрессии);
- в интенционально-иллокутивном плане актуализируется речеактовая типология эристики (отрицание, возражение, угроза, укор, опровержение и т.д.);
- в аргументативном аспекте главным свойством эристики является аргумент *ad hominem*, его вариации и др. паралогизмы, логические девиации (*fallacies*) и страгемы («уловки») (см. ниже – «Логос эристики»);
- в интерперсональном аспекте «ликоущемляющий эффект» (угроза «позитивному / негативному лицу» собеседника) – главное свойство эристы;

– дискурсивный риторико-интеракционный аспект состоит из стратегий и тактик организации эристического дискурса в интеракционном и текстуальном измерениях, включая речезыковые средства всех уровней (просодия, морфология, лексика и фразеология, морфология, синтаксис, речевой акт / ход, речевой обмен и т.д.) (ср. [Болдырев 2018; Kerbrat-Orecchioni 1990]).

Следуя концепции когнитивной лингвистики о полимодульной организации перцептивно-продуктивного механизма сознания [Fodor 1986; Sperber, Wilson 2002], можно представить аспектуальную модель речевой интеракции как полимодульную организацию процесса порождения и восприятия речи.

Тогда эристема как единица дискурса *полимодульна*: в перцепции и интерпретации эристема – на интуитивно-рефлексивном уровне – синкретично реализуются коррелирующие перцептивно-продуктивные модули – *пропозициональный* модуль, *структурно-дискурсивный* модуль, *интенционально-иллюктивный* модуль, *интерперсональный* модуль и *аргументативный* модуль (ср. [Алферов 2001; 2007]). В тот или иной момент речевой интеракции когнитивное фокусирование может выдвинуть на первый план тот или иной модуль, – релевантность одного или нескольких из них может стать определяющей для порождения и восприятия сообщения.

Таким образом, нами выявляются *пять модулей* интеракционного и текстуального эристического дискурса (см. табл. 6):

Таблица 6

Прагма-когнитивные модули эристики

МОДУЛЬ	ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ КОНТЕНТ
ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ	Тематическая трансгрессия, профанация, растабуированность и эпатаж: сексизм, расизм, национализм, антитеизм

	(<i>порицание</i> религии) и т.д.
ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-ИЛЛОКУТИВНЫЙ	возражение, отказ, угроза, ёрничество, ирония, сарказм, риторический вопрос, стёб и т.д.
АРГУМЕНТАТИВНО-ПЕРСУАЗИВНЫЙ	отрицание, контраргументация, уловки <i>ad hominem</i> и т.д.
ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНЫЙ	дисфемизация, агональность, апеллятивная эристема, угроза социальному лицу, насмешка, оскорбление, провокация и т.д.
ДИСКУРСИВНО-ПОЛИКОДОВЫЙ	жесты, мимика, просодия, кинесика, структурная эмфаза (эллипсис, выделение), имплицитность, и т.д.

В дискурсивно-поликодовом аспекте Эристема имеет различную форму плана выражения: полимодальность дискурса делит эристему на **вербальную** и **паравербальную** – *кинестическую, жестовую, мимическую, тональную* эристеми (см. ниже).

Вербальная эристема, реализуясь в различных типах интеракционального устного и письменного дискурсов (диалогическом / монологическом / диалогичном / монологичном – см. выше), также делится на два типа – **интеракциональную** (преимущественно диалогическую) и **текстуальную** (преимущественно монологическую) эристеми. Интеракциональная эристема, реализуясь в речевом обмене (диалоге), как правило реализуется в *диалогической реплике* и делится в свою очередь на **проактивную** и **ретроактивную** эристеми (ср. [Алферов 2001; Борисова 2007; Еемеерен 1994]).

Текстуальная эристема, как правило, выражается высказыванием, включающим пропозицию и модальные манифестации, которые могут

отражать различные аспекты отношений говорящего и слушающего к содержанию сообщения и/или к различным аспектам (модулям) речевого взаимодействия.

Таким образом, структура инварианта эристеми отражает динамику речевой позиции говорящего по отношению к тому, что говорится, и к адресату (аудитории). Компоненты этой структуры отличаются парадигматической иерархией, соединяясь в одной семиотической форме.

В **пропозициональном плане** речевой интеракции (CONTENT) отражается тематическая трансгрессия (TRSGR), противоречие (CONTR) или экстремальная степень противоречия (EXTREM) в предметной (референтной) ситуации.

Интенционально-иллокутивный план (ILLOC) состоит из речевых актов, связанных с конфликтной (речевой) интеракцией: *обращение* (APPEL) либо *негативно-оценочная* и/или *уничтожительная* (субстандартная) форма обращения – кличка, прозвище (APPEL(NEG/PJR)); обвинение (ACCUS); протест / опровержение / возражение (CONTEST); вопрос / риторический вопрос (QUEST/ITERROG); утверждение утвердительное/отрицательное (ASSERT (POS/NEG)); оценка (VAL(POS/NEG)) императивные формы (IMPER(POS/NEG)) и т.д.

Аргументативный план (ARG) включает такие аргументативные стратегемы, как аргумент *ad hominem* (ad-HOM), персональный выпад *ad personam* (ad-PERS), обращение к авторитету *ad verecundiam* (ad-VERI), расчет на недоказуемость довода и неосведомленность оппонента *ad ignorantiam* (ad-IGNOR); ложный довод *petitio principii* (PET-PRINC) и др. (см. ниже).

Интерперсональный план (PERS/POS) отражает позиционирование собственного превосходства, позицию силы «сверху вниз» (DOWN (POWER)); позицию вызова, либо протеста «снизу вверх» (UP (LIBERT)); позицию «ребенка» – игра, нарушение правил, юмор и т.д. (PUER);

				SUSPENSE DISC- POLYMOD DISC- CONTEXT
--	--	--	--	--

Тогда прагма-семантическая запись эристической тональности, например, текста песни В. Высоцкого с макроэристоймой (CONT-EXTREM) может быть представлена как риторическая структура **монологической диалогичной текстуальной эристоймы** (см. выше):

1.Я грязью из-под шин плюю	ILLOC>ASSERT+DISC(LEX)+VAL(NEG)
2.В чужую эту колею.	ASSERT+VAL(NEG) +DISC-LEX (NEG)
3.Эй, вы, задние! Делай, как я.	ILLOC>APPEL(NEG)+IMPER+ DISC(EMPH)
4.Это значит - не надо за мной.	ARG>IMPER(NEG)
5.Колея эта - только моя!	ILLOC>ASSERT+VAL(POS)+PERS/POS>DIST
6.Выбирайтесь своей колеёй!	IMPER+ PATER+PERS>DIST+PERS>DOWN
(Высоцкий [2012: 45]).	

В строках 1-2 коннотативно-негативная лексика (*грязью, плюю, чужую*) – VAL(NEG) + DISC-LEX (NEG) – усиливается в строке 3 невежливой формой апеллятива и императивом, который эристичен по определению (*Эй, вы, задние! Делай, как я*) – APPEL(NEG)+IMPER.

Далее в строках 4-5 аргументативно-персуазивный вывод-императив (*Это значит - не надо за мной*) – arg>imper(neg) – подкрепляется аргументом-декларативом (*Колея эта - только моя!*) – ASSERT+VAL(POS)+PERS>DIST – с дистантным в интерперсональном плане противопоставлением *моя – своей* и потенциально эристическим императивом (*Выбирайтесь <сами> своей колеёй!*).

Такой принцип семантико-прагматической разметки текста может быть использован в количественных и электронно-статистических исследованиях тональности дискурса [Котельников 2012; Chetviorkin 2013], в частности, эристической тональности.

Количественный аспект эристической тональности в речи можно представить в системе координат: оси X и оси Y, определяющих интенсивность проявления эристики Z (Схема 6):

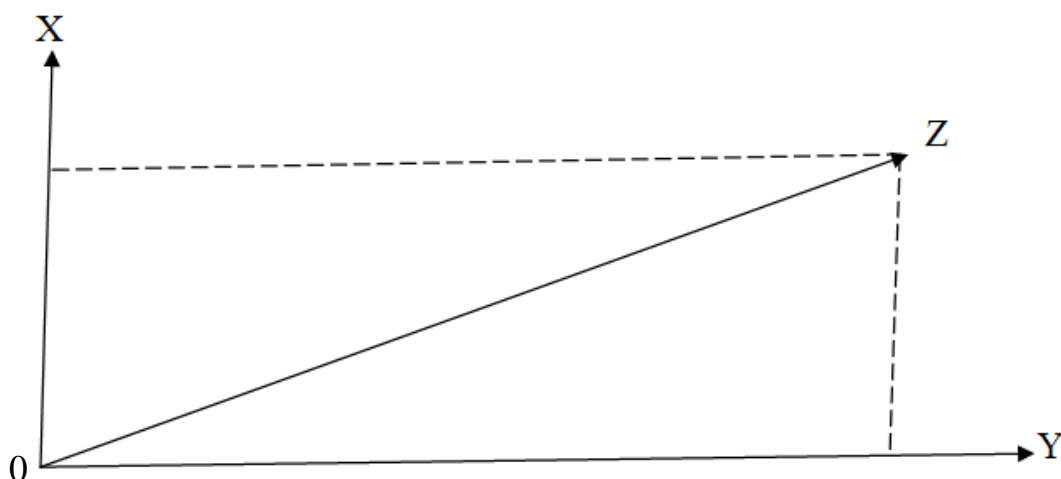

Схема 6. Интенсивность проявления эристической тональности (модель)

— где по оси X отражается (в речевых маркерах-эристемах) проявление властных отношений, а по оси Y — проявление интерперсональной дистантности. Тогда по биссектрисе Z будет проявляться интенсивность эристической тональности речевого взаимодействия (или текста). Причем, проявления грубости и агрессии сокращают дистанцию. Грубый приказ или оскорбление отражаются вертикалью оси X. Поэтому чем более вертикальным будет расположение оси Z, тем более эристика будет стремиться к агрессии.

Статистически, как показывают исследования, степень эристичности возрастает, например, в больших городах, но и варьируется в разных этнокультурах: например, по мнению К. Кербрат-Оррекиони, общепринятое и этикетное в западном обществе выражение «*Help yourself!*» вне культурного контекста может показаться эристичным, например, носителям

славянских или восточных лингвокультур, где эмпатия проявляется прежде всего в заботе и опеке над собеседником [Kerbrat-Orecchioni 2010].

Эристема как речезыковая единица имеет возможность перехода из узуса в конвенциональную структуру языка (см. выше – *Usage based conception*, а тж. [Гак 1998]). Потенциальная конвенциональность эристеми как речезыковой единицы заключается в механизме меморизации, стереотипизации и фразеологизации [Алферов 2018; Береговская 2015; Гак 1998; Телия 1996; Blackmore 2000; Kerbrat-Orecchioni 2012; Krieg-Planque 2006; 2019]. Определяющими в этом переходе становятся два фактора: возрастающая контекстная зависимость этих процессов (узуальность) и конвенциональный характер структур, на которые может опереться говорящий, – оба признака проявляются либо в самом коммуникативном событии, либо в более широком этнокультурологическом поле – в сообществе говорящих.

Примеры такой конвенциализации можно найти в любом языке в преломлении к эристической интенции (риторические вопросы, стереотипы, фразеорефлексы и т.д.): «Буду я тебе это читать (как же)!»; «Сколько тебе раз говорить?!»; «Видели мы вашу помощь!», «Да неужели?!»; «Сейчас, только шнурки завяжу!»; англ. «The hell I'm not!»; «Don't hold your breath»; «After the rain on Thursday»; «What the hell does one thing have to do with the other?»; «Where the fuck is the...?»; франц. «Tu peux toujours courir»; «Est-ce possible de...?»; «Tu te prends pour qui?» и т.д.

К этим общеузуальным формулам примыкают *делокутивы* – цитации, афоризмы, изречения с разной степенью актуальной эвокативной силы, меморизации и узуальности, использующиеся в аргументативно-персуазивных или риторико-выразительных целях [Тамразова 2017].

Эристема подвержена меморизации (меметике), «афоризмизации», фразеологизации. Этот процесс замечен в ряде исследований [Береговская 2016; Борисова 2017; Ганеев 2001; 2005; Тангир 2007].

Например, М.Ю. Борисова обращает внимание на внутреннюю конфликтность и парадоксальность афоризмов:

«Парадоксальность – очень эффектный стилиевой прием, используемый в афоризмах и пословицах. Кажущаяся нелогичность и противоречивость парадокса придает высказыванию остроту, но усложняет его восприятие: «В моей смерти прошу винить мою жизнь», «Будущее наступает на прошлое, а достается настоящему» (Г.Е. Малкин), «Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве», «У нас чего только может не быть. У нас всего может не быть. У нас чего только ни захочешь, того может и не быть» (М.М. Жванецкий)» [Борисова 2017: 18].

Такие формулы конвенционально проявляют эристическую интенцию, определяя особый тип мышления и речевого поведения.

Однако эристическая интенция проявляется не только при порождении высказывания, но и при его интерпретации. Эристическая интерпретация способна изменить смысл и саму авторскую интенциональность (замысел речи).

Подтверждением семиотического статуса эристической интерпретации становится возникшая не так давно разновидность «однофразовых текстов» (Э.М. Береговская) – «анти-афоризмы» и цитаты-демотиваторы, по сути – иронические или более эристические интерпретации, выполняющие роль шаржей, пародий, объединяющих высказывания медийных персонажей, эксплицитная или имплицитная интерпретация которых направлена против их энунциаторов, на их дискредитацию, высмеивание и т.п. [Алферов 2018].

Эристема, которая подверглась фразеологизации, приобретает характер афоризма-мема, устойчивого речения-цитации. Такая эристема может рассматриваться как *фразоидная эристема*.

Характерным примером являются высказывания-мемы политиков – «черномырдинки», «бушизмы» и по аналогии «трампизмы», «ширакизмы», «саркозизмы», «макронизмы» и т.д. (см. ниже).

В отличие от афоризмов, главным свойством которых является сентенциальность содержания, парадоксальность содержания-формы, частично востребованные и в жанре политических цитаций, политическим мемом может стать самое обычное высказывание, несущее в себе тесную связь с автором и/или контекстом употребления (см. ниже).

Таковыми бывают и меметические цитаты из литературных произведений, фильмов: «Мне за державу обидно», «Никого не трогаю, примус починяю», «Павел Андреевич, вы шпион?», интернациональное «Элементарно, Ватсон!» – «Elementary, dear Watson» / «Elémentaire, mon cher Watson» (ср. [Sherlock Holmes–www]) и т.д.

«Крылатость» таких цитат обусловлена харизматичностью и фасцинативностью имиджа персонажа, валоризированным имиджем самого литературного произведения – популярностью, меморизацией и меметикой – узуальной социо-культурной тиражированностью [Blackmore 2000]. Такая меметика может охватывать лексикон целого поколения, социальных групп и «арт-тусовок» (и еще раз «Митьки», например):

«Для митька характерно использование длинных цитат, их жалостливый или ласковый характер. Например: “Ваш благородие! А, ваш благородие! При мальчонке! При мальчонке-то! Ваш благородие!”. Особенно глубокое переживание митёк выражает употреблением цитаты: “Митька... брат... помирает ... Ухи просит ...” » [Шинкарев 1990: 24].

Часто функциональный смысл такого цитирования состоит в своеобразной «парольной функции» (В.И. Карасик), состоящей в выявлении общей базы интеллектуальных и эстетических приоритетов, общих реминисценций, идентификации и проектировании собеседника – конкорданса «внутренних релевантностей» собеседников [Шюц 2004], – а также в потребности в эристическом шифтинге – переводе общения в эристическую тональность остроумия, эпатажа, «стёба», трансгрессии речезыковых норм, речеповеденческого вызова. Последний характеризует иногда даже некоторые этнолекты, например, русско-еврейское одесское

койне: «Разрежьте мне голову, но одесского языка таки есть»; «Тухес нет – считай уродка!»; «Фильм, как говорят в Одессе, сделан на хан-геволт левой задней ногой» [Смирнов 2008] (см. тж. выше).

Французский ученый Ж. Готье (Gilles Gauthier) утверждает, что эристическая рамка диалога – это не только ряд явных эристических уловок (стратагем в духе Шопенгауэра), таких как расширение, омонимия, сомнительная предпосылка – *petitio principii*, атака *ad hominem* или попытка разозлить противника, и это не только *полемика* как прямое речевое противодействие, направленное на «уничтожение противника». Эристика – это любое отклонение от «нулевой степени» (нормы) языка и речи, которое может «раздражать или задевать» адресата. Такие «девиации» могут проникать в любой тип дискурса. Эристика – это особый способ расположения и доставки речезыковых элементов в речевом взаимодействии, который направлен не на обеспечение их нормативности (легитимности и последовательности), а на фасцинативную эффективность воздействия (эпатаж, суггестия), обеспечивающую доминирование точки зрения говорящего, противоположной высказанной.

В том виде, в каком она изучается сегодня, идея «практики общественного разума» (логика-диалектика-риторика) Шопенгауэра (см. выше) носит высокий нормативный характер: она порождает общественное признание (норму) как условие речезыковой легитимности и тем самым навязывает рациональность как идеал, регулирующий как содержание социальных проблем, так и способ их обсуждения.

Выбор эристической тональности, обусловленный интенционально-контекстной доминантой касается, как было показано выше, не только персуазивного диалога, но и стиля (тональности) философского и литературного нарратива (Ницше, постструктуралисты, русский авангард и др.) и других эристических речевых практик (ср. [Тихомирова 2014]).

Как справедливо отмечает И.М. Дзялошинский,

«термин “коммуникативное воздействие” не конкретизирует характер и способ воздействия: воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение), или воздействие на сознание через эмоциональную сферу, на подсознание (суггестия), воздействие с помощью вербальных (речевое воздействие) или невербальных средств (неречевое воздействие)» [Дзялошинский 2012: 21].

3.4. Этос, логос и пафос интеракциональной эристики

Риторические категории этоса, логоса и пафоса, согласно «Риторике» Аристотеля, выступают как модусы убеждения аудитории [Аристотель 1978a; Aristotle 1991: 54].

Следуя его «Риторике», «можно убеждать не только посредством речи, наполненной доказательствами но еще и этическим способом - ведь мы верим оратору, потому что он кажется нам человеком известного склада, то есть, если он кажется нам человеком честным или благомыслящим, или тем и другим вместе...» [Аристотель 1978a: 177].

Во многих риторических теориях дифференциация *эристики*, *диалектики* и *софистики* проводится с опорой на категории *этоса*, *пафоса* и *логоса* [Рождественский 1997]. В трактовке Ю.В. Рождественского *этос* «создает условия для речи, пафос есть источник эффективности речи, а логос – словесное воплощение смысла на условиях этоса». В соответствии с этими определениями Ю.В. Рождественский предлагает видеть следующие различия в видах речи:

«*Диалектика* предполагает доказательство истины (этос), уважение к оппоненту (пафос) и применение силлогизмов (логос); *Софистика* предполагает, доказывая, решить в свою пользу (этос), ввести в обман и угодить (пафос) и применять силлогизмы и софизмы (логос); *Эристика* «предполагает: преследовать свою пользу (этос), презирать оппонента (пафос) и не считаться с силлогистикой (логос)» [Там же: 119– выделено нами – И.Т.].

Часто отмечается, что в аргументативной дискуссии средства воздействия, апеллирующие к этосу и пафосу, зачастую выступают как вторичные по отношению к логосу [Braet 1992], однако именно они

позволяют вызвать у слушателей чувства, которые в дальнейшем (суггестивно) подтолкнут их к перемене мнения или совершению какого-либо действия [Хазагеров 2002].

В реальной коммуникации не только аргументация, но и персуазивность как прямое и косвенное воздействие сопровождает любое речевое взаимодействие. Отвержение и негативная оценка высказанного или существующего мнения средствами, выходящими за рамки аргументативных правил критической дискуссии [Емерен 2009] могут вызвать недовольство, обиду и другие отрицательные эмоции. Эристичность («антилогичность») персуазивности проявляется в суггестивности воздействия на основе прямого или косвенного вызова и эпатажа, устного или опосредованного текстом, прямого и/или косвенного (имплицитного) речевого воздействия на реципиента.

По мнению А.К. Браэта, Аристотель рассматривает использование Логоса как совокупность рациональных суждений и доказательств в идеальном контексте, управляемом разумом. Этос и Пафос необходимы в более реалистичном контексте, который, как правило, более полемичен (эристичен).

По Браэту, Аристотель распределяет взаимодействие Логоса, Этоса, Пафоса по шкале, «в которой крайности никогда не достигаются» [Braet 1992: 66] (Схема 7):

Схема 7. Градуальность рационального и эмоционального риторического воздействия (по Аристотелю-Браэту)

Следуя аспектуальной модели речевого взаимодействия (см. выше), аспекты имеют различную степень манифестации в риторических модусах. Этос, ориентированный на имидж оратора и его речевое поведение по отношению к оппоненту, в большей степени проявляет интерперсональный и дискурсивно-риторический аспекты; логос зависит от аргументативных умений и содержательности речи, ее иллокутивной и дискурсивно-риторической организации; пафос в ориентирован на средства выражения, фасцинативность (трангрессивность, парадоксальность) пропозиции, эмоциональность, иллокутивное и интерперсональное воздействие, часто проявляющееся в суггестивной, имплицитной и косвенной форме, требующей особой организации синтактико-дискурсивных и риторических средств. Эту аспектуальную пропорциональность условно, на основе «симптоматической статистики», по В.Г. Адмони, («больше-меньше», «чаще-реже») можно представить в виде следующей таблицы (Таблица 8):

Таблица 8.

Модусы речевого воздействия в аспектуальной репрезентации

Аспекты / Модусы	Этос	Логос	Пафос
пропозициональный	++	+++	++
аргументативный	++	++++	++
иллокутивный	++	+++	++++
интерперсональный	++++	—	++++
дискурсивно-поликодовый	++++	++	++++

3.4.1. Этос: деонтология vs эристика

Этосу посвящены многочисленные исследования отечественных и западных ученых, помещающие этос в контекст публичной – массмедийной, научной, политической речи [Amossy 1999; 2010b; Charaudeau 2005; Charaudeau, Maingueneau 2002: 238; Eggs 1999; Maingueneau 2002; 2009; 2014], рассматривая его как образ (имидж) риторика, его дискурсивную

(языковую личность) [Болдырев 2018; Карасик 1991; 1994; Караулов 2007; Стернин 2000].

Различаются *речевой* и *визуальный* (доречевой) этос, дискурсивный и *экстрадискурсивный* [Maingueneau 2002; 2014]. Подчеркивается, что этос может быть интенциональным как результат работы над имиджем говорящего, выработки его риторического стиля – вызывающего доверие и симпатию. Такой этос тесно связан с *пафосом говорящего*, выбором речевых средств, определенными речевыми тактиками и стратегиями [Amossy 2010 : 72; 2000: 86]. Поэтому этос – это прежде всего дискурсивный образ риторического персонажа, который может в значительной степени отличаться от его носителя – характера и психологических свойств реального человека [Amossy 2010; Maingueneau 2002; 2009; 2014].

Доминик Мэнгено выделяет два типа Я говорящего субъекта – *Я-дискурсивное* и *Я-демонстрируемое*. Первое возникает как образ говорящего, создаваемый его речью, второе – поведенческое – имеет свою затекстовую «историю» и складывается из статуса и стратегий и тактик самопрезентации стоящего за речью персонажа [Maingueneau 2002]. Дискурсивное Я может проявляться ненамеренно (косвенно) в речезыковых маркерах, таких как субъективно-оценочная лексика, определенная узуальная рекуррентность лексических средств, синтаксических и модальных конструкций [Kerbrat-Orecchioni 1980: 32].

Этос, по Аристотелю, воздействует через образ ратора, его качества – ум / хитрость, сдержанность / развязанность, решительность / рассудительность, твердость / уступчивость и т.д. Список «фолк-терминов», как всегда, остается открытым [Aristotle 1991:65; Charaudeau 2005; Eggs 1999].

В аристотелевском ключе «Никомаховой этики» [Аристотель 1983; Eggs 1999] учение об этосе развивается в «агентной концепции» (agent-based approach), опирающейся на *деонтологический этос* агентов-оппонентов

[Aberdein 2010; 2014], и в теории «добродетельной аргументации» (*Virtue argumentation theory*) (истинность и благородство цели vs ложь и обман оппонента) [Каримов 2018; Aberdein 2010; 2014; Gascón 2017], ориентированной на моральные и эпистемические добродетели участников (агентов) аргументативной коммуникации [Лисанюк 2019].

Близкое понимание этоса представлено в работах А.А. Волкова, ставящего во главу угла риторическую нормативность и деонтологию речевого воздействия: «Этосом называют условия ведения речи, которые общество ставит риторю» [Волков 2015: 79]. По А.А. Волкову, ритор *должен* обладать такими качествами, как *честность* (не вводить в заблуждение аудиторию, нести личную ответственность за последствия решений, которые он предлагает, нести «ответственность за свою компетентность в предмете речи» и др.); *скромность* (не наносить публичные оскорбления конкретным лицам; не разглашать факты личной жизни конкретных лиц; не предавать публичному осмеянию конкретных лиц или народов и др.); *доброжелательность* и *предусмотрительность* (не использовать лесть для достижения своих целей, не побуждать аудиторию к физическому насилию, не возбуждать вражду и др.) [Там же].

Д. Уолтон, подчеркивая связь этоса в аргументативно-персуазивном критическом диалоге указывает на следующие добродетели участника критической дискуссии: «1. *Гибкость*. Участник дискуссии должен придерживаться своей позиции, но он также должен быть готов пересмотреть ее при соответствующих обстоятельствах; 2. *Эмпатия*. Участник дискуссии должен строить свою аргументацию с учетом позиции противной стороны, отображая эту позицию аккуратно, точно и добросовестно; 3. *Непредубежденность*. Участник дискуссии должен рассматривать и оценивать аргументы противоположной стороны по их достоинствам, а не отвергать их изначально; 4. *Критическое сомнение*. Рассматривая возражения на свои аргументы, участник дискуссии должен быть способен

усомниться в своих собственных аргументах (гипотетически); 5. *Принятие очевидного*. Участник дискуссии должен пересмотреть или модифицировать свою позицию при столкновении с аргументом, базирующимся на доказательстве, которое считается безусловным в данном типе диалога. Соблюдение этих принципов говорит о том, что данный участник обладает релевантным и конструктивным подходом к дискуссии» [Уолтон 2000: 122].

В «аргументативной теории добродетели» существуют разные классификации аргументативных добродетелей и пороков. Д. Коэн предлагает четыре кардинальные добродетели идеального участника аргументации: 1) желание вступать в дискуссию; 2) желание слушать других; 3) готовность изменить свою позицию; 4) готовность подвергать сомнению очевидное [Cohen 2005]. На основе этой классификации Э. Абердин предлагает собственную, более разветвленную, классификацию аргументативных добродетелей и пороков [Aberdein 2010; 2014; 2016].

Эристические «пороки», по Э. Абердину, подразделяются также на четыре группы, суммируемые А.Р. Каримовым [2018] следующим образом:

1. *Нежелание вступать в дискуссию подразумевает:*

- а) отсутствие коммуникативности / чрезмерную коммуникативность;
- б) недоверие разуму / чрезмерную опору на разум;
- в) интеллектуальную трусость / интеллектуальное безрассудство;
- г) нарушение долга / неуместное рвение.

2. *Нежелание слушать других предполагает:*

а) интеллектуальную грубость, которая проявляется в равнодушии к окружающим, проблемам, теориям / интеллектуальную сентиментальность, проявляющуюся в снисходительности (*indulgence*) к людям, проблемам, теориям;

б) узость ума (*narrow-mindedness*), которая проявляется в несправедливости к другим, нечестности в оценке их аргументов, закрытости ума для сбора и оценки свидетельств / неподобающей щедрости,

включающей в себя несправедливость по отношению к себе, пристрастие в пользу других, впечатлительность при оценке и сборе свидетельств;

в) равнодушие к надежному авторитету / ложную идентификацию надежного авторитета; г) равнодушие к очевидным фактам / ложную идентификацию очевидных фактов; д) нечувствительность к деталям / чрезмерное внимание к ним.

3. *Нежелание изменять свою позицию в ходе аргументации подразумевает:*

а) чрезмерную опору на здравый смысл / отсутствие здравого смысла;
б) интеллектуальную нечестность / интеллектуальную наивность;
в) интеллектуальное высокомерие / интеллектуальную робость;
г) интеллектуальную непримиримость / интеллектуальную уступчивость.

4. *Нежелание подвергать сомнению очевидное предполагает:*

а) неподобающее уважение к общественному мнению / презрение общественного мнения;
б) доверчивость/эксцентричность;
в) отсутствие интеллектуального усердия, поверхностность / излишнюю интеллектуальную целеустремленность [Каримов 2018].

Такой «нормативной», деонтологической концепции противостоит, проистекающая из канонической работы И. Гоффмана «*The Presentation of Self in Everyday Life*» (1959) (во французском переводе «*La mise en scène de la vie quotidienne. La présentation de soi*» [Goffman 1973]) позиция Рут Амосси, утверждающая ситуативную и контекстуальную зависимость этоса самопрезентации «персонажа», который, следуя «театральной концепции» Гоффмана, примеряет на себя, в зависимости от ситуации и установки, то роль «искреннего простака», то амплу «прожженного циника» [Amossy 2010a]. Такая позиция связана с концепцией *динамического логоса* – связью аргументации не с каким-то определенным типом дискурса, а с

аргументативной *внутренней формой высказывания* (аргументативным аспектом) и его функцией в любой речевой интеракции [Amossy 2010a,b; Ducrot 1984; 2009;].

3.4.2. Эристика Логоса: логико-персуазивные эристемы: *ad hominem, ad personam* и др.

Концепции Логоса значительно разнятся от автора к автору.

В классическом представлении логос – это правила доказательной речи (аргументации). Логосом называются речезыковые средства, которые используются ритором в аргументации выдвинутых положений. Логос порождается как логико-каузальная структура речи, как аргументация – «система целесообразных средств выражения замысла речи и его обоснования в форме, приемлемой и убедительной для аудитории» [Волков 2009: 50].

По Аристотелю, имеется четыре рода доводов в беседах – поучительные, диалектические, испытующие и эристические. Поучающие основаны *на доверии обучающегося к знаниям наставника*; диалектические ставят целью поиск истины, то есть, *исходя из «правдоподобия»*, выбор одного из противопоставляемых тезисов; испытующие проверяют уровень знаний испытуемого *при принимаемой за данность компетентности испытующего*; и, наконец, *эристические* – «те, что заключают или кажутся заключающими от [мнений], кажущихся правдоподобными, но не действительно правдоподобных» Последние Аристотель называет «пререканиями» [Аристотель 1978б: 535 и далее]:

«Прежде всего следует уяснить, сколько целей преследуют те, кто рассуждает лишь ради спора и желания одолеть. Таких целей пять: опровержение; ложное; несогласующееся с общепринятым; погрешность в речи и, пятое, принуждение собеседника к пустословию, т.е. к частому повторению одного и того же. Или же [софисты] добиваются каждой из этих целей не на деле, а хотя бы по видимости. Больше всего они намерены создать видимость того, что они опровергают; второе - показать, [что

собеседник говорит] неправду; третье – привести его к тому, что не согласуется с общепринятым; четвертое — заставить его делать погрешности в речи, т.е. своими доводами заставить отвечающего говорить неправильно подобно чужестранцу; наконец, заставить его говорить часто одно и то же» (выделено нами – И.Т.).

Софистические опровержения, по Аристотелю, делятся на два вида: связанные со словами и не связанные со словами. То есть первый тип пререканий носит характер *de dicto* (от слов), а второй – *de re* (от вещи). Первые построены на многозначности, омонимии, семантическом сдвиге:

«Пять – это два и три; значит, пять есть нечетное и четное». Или: «Большее есть равное, ибо оно столько же и еще что-то сверх этого». На основании ударения или произношения нелегко в устных беседах выдвигать доводы, скорее в писаниях и стихотворениях...» [Аристотель 1978: 536] (выделено нами – И.Т.).

В основе эристических уловок *de dicto* лежат *речезыковые девиации*. По Аристотелю:

«Доводы основываются на форме выражения, когда то, что не одно и то же, излагают одинаково, например мужской род – как женский род, или женский род — как мужской, или средний род – либо как мужской, либо как женский род, или же качество – как количество, или количество – как качество, или действующее – как претерпевающее, или состояние – как действие и так далее, согласно проведенному ранее различению [категорий]» [Аристотель 1978: 540].

Второй тип «неправильных» рассуждений *de re* Аристотель называет паралогизмами. Их семь видов и они ложатся в основу многочисленных последующих штудий, и поныне продолжающихся, расширяющих диапазон и номенклатуру паралогизмов, которые в целом можно назвать «Теорией логических ошибок» (*fallacies*) [Eemeren 1992; 2004; 2009; 2014; Walton 1995; 2004]. Некоторые ученые при этом различают *паралогизмы* и *софизмы*, относя первые к собственно **ошибкам** логического умозаключения (*fallacies*), вторые рассматриваются как умышленные уловки (стратагемы), направленные на манипуляцию (см. выше концепцию А. Шопенгауэра).

Как уже было показано, А. Шопенгауэр определяет *эристику* как «анти-логос», как метод (техники и навыки), с помощью которого собственная точка зрения «навязывается» оппоненту *без апелляции к аргументам*. Аристотель в описании эристики подчеркивал недопустимость возведения эристических приемов (уловок, стратагем – по Шопенгауэру) в абсолют, превращение противоречия, лежащего в основе аргументативного обмена, в парадокс, доводимый до абсурда. Такой путь приводил к «диалогу глухих», когда исчерпывалась любая возможность принятия разумного решения (вывода) по существу вопроса, в противодействие переходило на личности оппонентов (*ad personam*).

Однако *эристический метод* предполагает прежде всего взаимодействие логического и алогического (эмоционального и иррационального) в достижении эффективности речевого воздействия. Такое взаимодействие часто перерастает в конфликт. Подчеркивая взаимосвязь логической аргументации в искусстве красноречия с эмоциональностью и волевым воздействием, А.Д. Урсул отмечает: «Разве не возможно, что риторика совершенно серьезно рассматривалась бы, как особая логика, более властная по силе убеждения? Такая «логика» действует не только на интеллектуальную сторону человека, но главным образом на чувства и волю» [Урсул 1981: 162-163]. Рациональное (аргументативное) убеждение основано на знании, которое фиксируется в когнитивной системе как истинное, не подлежащее сомнению (отрицанию). Таково, например, понимание нормы. Эмоциональное убеждение – это по своей сути апелляция к чувствам, алогичное, неконвенциональное, имплицитное и суггестивное воздействие, которое приводит к формированию картины мира, в которой истинность заменяется на противоречивость и неупорядоченную, эмерджентную когерентность элементов её составляющих [Герман 1999].

Как отмечалось ранее, А. Шопенгауэр говорит о сходном результате в диалектическом (аргументативном) и эристическом способах убеждения.

Таким образом, эристика, как и софистика, а *prigri* не связана с этической дилеммой, а лишь является определенной модальностью ведения диалога, суть которой сводится к обострению речевого противодействия, импозиции своего мнения, учету человеческого фактора, основанному на пресуппозиции возможных ошибочных (*errare humanum est* – ‘всякий может ошибаться’) или заведомо ложных посылок оппонента (– *nullius nisi insipientis, in errore perseverare* – ‘и лишь глупец упорствует в своих ошибках’).

Х. Перельман рассматривает риторический логос прежде всего как аргументацию и различает в логосе:

– квазилогические аргументы (приближенные к логическим структурам);

– аргументы, основанные на структуре реального (т.е. на связях, существующих между элементами в действительности);

– аргументы, влияющие на создание структуры реального (представленные каким-либо частным случаем, который позволяет установить прецедент, модель, общее правило) [Perelman 1983].

Х. Перельман сопоставляет два близких по значению французских глагола *persuader* и *convaincre* [Perelman 1983: 34 и след.], которые соответствуют русскому глаголу ‘убеждать’ [НФРС: 242, 534]. Поэтому дословный перевод высказывания Ж.Ж. Руссо «*Ce n'est rien de convaincre un enfant si l'on ne sait pas persuader*» – «Нельзя убедить (*convaincre*) ребенка, если не умеешь убеждать (*persuader*)» по-русски звучит как тавтология. Это парадоксальное, казалось бы, высказывание может интерпретироваться в следующих интерпретативных формулах (вариантах перевода):

1. Нельзя достучаться до разума, не достучавшись до сердца;
2. Убеждать (*persuader*) не значит убедить (*convaincre*);
3. Чтобы убедить (результат), нужно уметь убеждать (процесс).

В самой простой интерпретации семантика обоих глаголов различается тем, что *convaincre* означает рациональное убеждение, а *persuader* –

эмоциональное “убеждение” (воздействие). Причем в теории аргументации оба действия включаются в понятие аргументирования, т.е. убеждения. В терминах логического анализа языка эти две модальности соотносятся с категориями *знания* (*convaincre*) и *мнения* (*persuader*).

А.Н. Баранов определяет аргументацию с лингвопрагматической точки зрения как «комплекс языковых средств, которые используются «с целью влияния на поведение человека», и «как тип дискурса, характеризующийся специфическими коммуникативными и иллокутивными целями, а также особой последовательностью речевых актов, которые диагностируются аргументативными значениями лексических единиц, синтаксическими конструкциями» [Баранов 1990: 3].

А.А. Волков в своей «Теории риторической аргументации» характеризует аргумент с точки зрения эффективности как речевое построение, которое может изменить ход мысли получателя речи, опознается и выделяется им, и подвержен рациональной критической оценке [Волков 2009]. Рациональные аргументы, по Волкову, обращены к логосу и имеют своей целью исключительно поиск и доказательство истины, для достижения которой рациональная аргументация, несомненно, является самой эффективной. Риторика, в свою очередь, нацелена на воздействие на человека посредством эмоциональных аргументов, обращенных к пафосу, убеждающих его согласиться с точкой зрения оратора [Там же].

Логические ошибки, которые описывает в своих «Опровержениях» Аристотель (см. выше), стали объектом исследования и типологизации в риторике и теории аргументации, и сегодня приводятся в различных учебниках, справочниках и т.д. Их список лишь увеличивается со временем и дифференцируется от автора к автору

Во всех типологиях и классификациях главными эристическими квази-аргументами (уловкой, стратагемой) считаются аргументы *ad hominem* (*ad personam*). Часто *ad personam* включается в аргумент *ad hominem* как *прямая*

атака на личность, в то время как другие варианты *ad hominem* рассматриваются как косвенный способ аргументации, обращенной на этос оппонента (*ad hominem circumstantiae*; *ad verecundiam* и др.) [Уолтон 2002; Eemeren 1992; 2004; 2009; 2014; Walton 1995].

Х. Перельман настаивал на разделении *ad hominem /ad personam*, подчеркивая неизбежное взаимопроникновение обоих видов апелляции к этосу, рассматривая *ad hominem* как способ опровержения точки зрения оппонента, а *ad personam* как атака с целью дискредитации личности оппонента («*une attaque contre la personne de l'adversaire et qui vise, essentiellement, à disqualifier ce dernier*») [Perelman 1983: 150]. Перельман отмечал, что такое взаимопроникновение обусловлено еще и тем, что любое опровержение точки зрения, вне зависимости от применяемой формы и техники, наносит ущерб личности оппонента, цитируя при этом Ля Брюера: «*Une erreur de fait, à déjà remarqué La Bruyère, jette un homme sage dans le ridicule*» – 'Фактическая ошибка выставляет любого мудреца на посмешище' [Idem].

Следуя Х. Перельману, *ad hominem /ad personam* – являются частным проявлением логической ошибки *petitio principii* – «предвосхищение основания», к которой, по сути, относится любая попытка необоснованной аргументации (ссылка на слухи, на расхожие мнения, вымысел и т.д.) [Perelman 1983: 150-154]. Собственно аргументация *ad hominem* делится на прямые (абьюзивные³⁶) аргументы, направленные на критику личностных качеств (характера, поведения) оппонента, крайним проявлением которых является оскорбительный «переход на личности» (*ad personam*), и обстоятельственные (*ad hominem circumstantiae*), связанные с влиянием обстоятельств на поступки и высказывания оппонента ('вы заинтересованы в этом' и под.). Вариантом *ad hominem* является и квази-аргумент *tu quoque* («ты же сам говорил / делал обратное»), который Уолтон считает ядерной

³⁶ От англ. *abusive* – «оскорбительный, бранный» [Уолтон 2000: 118].

(центральной) формой аргументации *ad hominem* [Уолтон 2002; Eemeren 2009; 2014].

В логике, теории аргументации (прагма-диалектический метод и др.), декларируется, демонстрируется, а чаще выносится в пресуппозицию или имплицуется (подразумевается) несостоятельность (неадекватность) таких речевых и неречевых действий в перспективе [Eemeren 1992; 2004; 2009; 2014].

Таким образом, аргументы *ad hominem* дают основания усомниться в адекватности аргументов оппонента на основании фактов о его личности и/или поведении.

С точки зрения Ч.Л. Хэмблина, атака *ad hominem* не является собственно аргументом, так как лишена структуры в виде ряда посылок и вывода и не может быть реконструирована как классический (силлогический) аргумент [Hamblin 1970].

Существующие наряду с *ad hominem* другие *ad*-аргументы (*ad verecundiam* – ссылка на авторитет; *ad ignorantiam* – ссылка на то, что обратное не доказано; *ad populum* – ‘большинство всегда право’; *ad humanitatem* – ссылка на всеобщее знание вещи – *ad rem*³⁷; *ad absurdum*³⁸ – доведение до абсурда, парадокс, нонсенс; *ad Hitlerum* – ссылка на «абсолютное зло»; *ad antiquitatem* – ‘давно известно, что...’; *ad baculum* – апелляция к неприятностям, угрозе, страху; *ad nauseam* – бесконечное повторение. «промывка мозгов»; *ad crumenam* – ‘довод к кошельку’; *ad*

³⁷ Х. Перельман указывает, что, как правило, объективность аргументации *ad rem* противопоставляется субъективному *ad hominem*. Аргумент *ad humanitatem*, по сути, нивелирует это различие, так как «объективное знание вещи» («истина») предполагает некое сообщество носителей этого знания («аудиторию-универсум»), а значит аргументация *ad rem* предполагает «универсального субъекта» (примкнувшую к этой истине аудиторию), апеллирование к которому можно считать частным случаем *ad hominem* [Perelman 1983: 148-149]. Эристический метод также утверждает относительность самой признанной «истины» и отрицает «авторитет», даже в его количественном измерении (ср. *ad verecundiam/ ad populum*).

³⁸ Необходимо различать логическое доказательство *reductio ad absurdum* от эристического приема абсурдистского допущения (см. выше, в част., об иронии).

judicium – ссылка на здравый смысл; *ad verecundiam* – ‘довод к скромности’; *ad misericordiam* и др.³⁹) – рассматриваются в перспективе аристотелевской традиции как аргументативные ошибки-фальсификации (*fallacies*) [Eemeren 2009: 50-60;] и уловки (*stratagems*) [Schopenhauer 2010].

Превалирующие в эристическом диалоге, они, тем не менее, далеко не всегда могут приравниваться к «злому умыслу» и, тем более, к речевой агрессии (ср. [Зайцев 2016]), а иногда даже рекомендуются к применению в отдельных контраргументативных ситуациях [Eemeren 2009]. Более того, доказано, что их происхождение обусловлено когнитивными процессами отражения действительности, работой структур мозга, связанных с естественными предубеждениями (*cognitive bias*) [Haselton 2006; Sperber 2012]. Поэтому некоторые психологические состояния спорщиков, хотя они и не имеют отношения к оценке аргументативного дискурса, тем не менее очень важны для практики аргументации. Предвзятость не обязательно подразумевает фальсифицированность аргументации (*fallacie*) или нарушение диалектических правил [Eemeren 2004; 2009]. Теория «добродетельных спорщиков» (см. выше [Aberdein 2014]) призвана апеллировать к мотивации и предубеждениям агонистов.

Когнитивные предубеждения, выявленные в психологии, являются особенностью человеческого разума [Sloterdijk 1988; Turner 1991; Zagzebski 1996; Zlatev 2014]. Человек, подверженный когнитивным предубеждениям, будет рассуждать неверно, не осознавая этого. Теория аргументации должна учитывать выводы когнитивной психологии по двум основным причинам. Во-первых, предубеждения, зарегистрированные психологами, помогут составить более полный перечень ошибочных моделей мышления [Маяцкий 2020; Шюц 1988; 2004]. Во-вторых, типология и компаративный анализ когнитивных предубеждений могут помочь объяснить, почему человек

³⁹ Труды по теории аргументации насчитывают более 20 вариантов *ad-fallacies* [Пири 2013; Уолтон 2002; Eemeren 2004; 2009: 52; Hamblin 1970: 41].

рассуждает ошибочно в той или иной ситуации (либо в том или ином речевом жанре, или типе диалога, по Д. Уолтону [Walton 1992; 1993]).

Кроме того, мы полагаем, вслед за Р. Амосси и А. Бринтоном, что вся диалогическая риторика (обсуждения, делиберации) имеет свою собственную схему аргументации, систематически включающую аргументы *ad hominem* [Amossy 2003; 2013; Brinton 1995]. А. Бринтон также признает, что их применение в таких случаях оправданно и даже закономерно [Brinton 1995: 220] (ср. [Eemeren 2009; Walton 2016]).

Д. Уолтон говорит об «институциональной предвзятости» (вид аргумента *ad hominem*) – сознательной, преднамеренной предвзятости, связанной с социальным статусом, политической и др. социальной принадлежностью [Уолтон 2002: 25].

В пресуппозиции такого логоса лежит *институциональный этос*, аксиологические характеристики которого связаны с концепцией «добродетельного этоса» [Aberdein 2010; 2014] (см. ниже).

Мы отмечали, что теоретико-добродетельный подход к аргументации фокусируется на *агентах*, стремясь выявить те качества, которые с наибольшей вероятностью приведут к наиболее желательному (или нежелательному) поведению [Ennis 1996; Facione 2000]. Таким образом, эристический логос пропитывается персуазивным этосом [Amossy 1999; Braet 1992; Eggs 1999] (см. выше Схема 7), а агональность аргументативной дискуссии подтверждает то, что агональная эристика, как и сам этос, многолика и вездесуща. Элементы агона, связанного с эпистемической бдительностью, проявляются даже в деонтологически правильной диалектической дискуссии. Таковы аргументы *ad hominem* и *ad personam* не только в обыденной коммуникации («А ты, кто такой?», «Сам дурак» и т.д.), но и являются основой персуазивности в средствах массовой коммуникации, в политике (ср. [Шейгал 2000; Eemeren 2009: 51-52] и др.). По словам Д. Уолтона, «аргументы *ad hominem*, обращенные к этосу (характеру или

личности) говорящего [Braet 1992: 311], не только используются для политической аргументации, но являются важной и даже основной их составляющей» [Уолтон 2000: 118].

3.4.3. Пафос эристики: не-вежливость. Эристика как речевая трансгрессия

Пафос – в современных его исследованиях [Amossy 1999; Braet 1992; Eggs 1999] – это замысел создателя речи, его намерение (интенциональность), имеющее цель развить перед получателем определенную и интересующую его тему. Пафос связывается с проявлением эмоций, модальностей и оценок с целью воздействия на аудиторию. Пафос ограничивается категорией этоса с одной стороны, т.е. может реализоваться лишь в пределах «личностного пространства» речи и её хронотопа (места и времени) (ср. [Карасик 2007]). Другим проявлением пафоса являются риторические средства, которыми располагает говорящий для установления контакта с получателем речи и эмоционального влияния на него. Пафос – это экспрессивность и метафоричность речи, это в чистом виде риторика как искусство тропеической речи, которую античные философы часто противопоставляли диалектике, которой ведает Логос, с её рациональным рассуждением и аргументацией [Дюбуа 1986; Braet 1992].

Связь этоса и пафоса проявляется в том, что эристическое поведение имеет эндогенную и экзогенную обусловленность. Эндогенная (внутренняя) эристика – это интеллектуально-психологический склад индивида, внешняя, экзогенная эристика определяется институциональными обязательствами. Интеллектуальная эристика ставит под сомнение смысл, психологическая – определяется складом характера и коммуникативной ролью. Например, по типологии Э. Берна, эристическое поведение свойственно скорее психологической позиции «Ребенка» (в системе «Родитель» – «Взрослый» – «Ребенок») [Берн 1996], инфантильному, провокационно-людическому (но также и провокативно-креативному) поведению (см. выше).

Лингвистическое понятие «(не)вежливость» в интеракциональной лингвистике во многом отличается от общепринятого социоповеденческого концепта 'Вежливость' и его этноязыковых манифестаций (ср. [Ларина 2009]). В обыденной и институциональной коммуникации агональность и конфронтация, конфликт и (не)речевая агрессия являются контекстными константами эристического речевого поведения, эристического пафоса.

Следуя Теории (не)вежливости [Ларина 2009; Culpeper 2011; Watts 2003], сама категория вежливости является неоднозначной, более дифференцированной и менее нормативной, о чем свидетельствуют такие понятия и термины, как позитивная и негативная (не)вежливость, псевдо(не)вежливость, «гипервежливость» (*hyperpolitesse*), «не-вежливость» (*non-politesse*), «вежлигрубость» (*polirudeness*) [Kerbrat-Orecchioni 2010]. В таком ракурсе невежливость как салиентный и отрицательно маркированный член оппозиции в рамках категории Вежливости перестаёт, по сути, быть оценочной категорией. В институциональном эристическом речевом взаимодействии «невежливость» становится частью поведенческой нормы, «нормативной» не-вежливостью в рамках ситуативно- и социально-приемлемого «политичного поведения» (*politic behaviour*) [Watts 2003: 19]. «Политичное поведение» – не-вежливость, таким образом, – это лавирование между вежливостью и эристикой, речевая манипуляция, атака *ad hominem* [Eemeren 2009: 72-78; 95-97], оптимальное «политически» продуманное поведение.

Понятие «политического (политичного) поведения» шире понятия политической коммуникации. «Политическое (политичное)» поведение – это динамика адаптации речевого поведения к постоянно меняющимся обстоятельствам текущего речевого взаимодействия. Речевое поведение определяется менталитетом (сознанием) – когнитивными установками (стереотипами) – и ситуативными когнитивными моделями [Болдырев 2018; Карасик 2007]. В такой перспективе многие эристические языковые формы,

не только в институциональном, но и в обыденном общении, оставаясь эристическими, теряют статус «рече-агрессивных» (инвективы, прозвища, т.н. «отсылы», бранная лексика и т.п.) [Алферов, Кустова 2010].

По мнению Уотса, как *вежливость*, так и *невежливость* являются двумя маркированными полюсами речевого взаимодействия. Между ними существует диапазон социально приемлемого поведения [Ларина 2009; Watts 2003]. Если обратиться к приведенной выше схеме (см. выше – Схема 2), становится понятно, что эристика во многом занимает эту нишу и является социально приемлемой в определенных жанрах (дебаты, споры) и ситуациях речевого взаимодействия.

Эристический вызов, несомненно, предполагает и состоит из актов, угрожающих «позитивному лицу» собеседника. Эристический вызов переводит речевое взаимодействие в плоскость пикировки, противоречий, контр-выпадов, взаимных упреков и т.д.

Однако в рамках эристических жанров такое взаимодействие более или менее приближается к норме, **эристической норме**, не выходящей за рамки, за которыми начинается речевая агрессия (прямые оскорбления, интенционально причиняющие вред партнеру по коммуникации).

Невежливость становится **сопутствующей стратегией**, составляющей пафос эристического в речи. В отличие от агрессивного поведения, цель которого «уничтожение противника», а главная характеристика интенционального состояния агрессии – «ненависть» и **направленная на адресата злоба**. В языке существует определенный набор средств, стоящих «за гранью», которая отделяет эристические формы от «опасных вербальных форм»: прямых оскорблений, угроз и т.п. (*dangerous verbal forms: by direct insults, threats* [Culpeper 2011]), – обычно табуированных в узусе.

Наиболее яркой эристической формой, исследуемой в рамках теории (не)вежливости, является насмешка-провокация («подколка/стёб» – *banter*).

Вслед за Браун и Левинсоном, Личем и Калпепером можно выделить два эристических жанра и два их принципа формирования, относящихся к невежливости как «скрытой агрессии» [Culpeper 2011; Brown, Levinson 1987: 221-222; Leech 1983: 82,144]:

Принцип Иронии (Irony Principle):

– « If you must cause offence, at least do so in a way which doesn't overtly conflict with the PP [Politeness Principle], but allows the hearer to arrive at the offensive point of your remark indirectly, by way of implicature» [Leech 1983: 82] – ‘если вы должны обидеть собеседника, то сделайте это, по крайней мере, так, чтобы это не противоречило открыто принципу вежливости, но позволяло слушателю косвенно, через импликацию, понять оскорбительный смысл вашего замечания’;

Принцип Подтрунивания (Banter Principle):

«In order to show solidarity with H, say something which is (i) obviously untrue, and (ii) obviously impolite to (H)» [Idem: 144] – ‘чтобы продемонстрировать солидарность с адресатом, скажите что-нибудь, что (I) очевидно ложно и (II) очевидно невежливо по отношению к адресату’.

Обе стратегии нарушают несколько максим Принципа кооперации Грайса (качества, отношения) и являются косвенными (непрямыми) способами выражения «агрессии». Маркерами этой косвенности может стать мимика (подмигивание), жест, интонация (просодия), либо косвенный смысл «исчисляется» из контекста высказывания.

Таким образом, стратегия иронии в традиционной теории (не)вежливости рассматривается как «насмешливая (притворная) вежливость» (mock-politeness), а стёб – насмешка-провокация – «как насмешливая (притворная) невежливость»:

«...[w]hile irony is an **apparently friendly** way of being offensive (mock-politeness), the type of verbal behaviour known as “banter” is an **offensive way of being friendly** (mock impoliteness)’» [Leech 1983: 144 – выделено нами – И.Т.].

Некоторые авторы выводят подтрунивание-«стёб» [Леонтьев 2018] из разряда манифестаций иронии на том основании, что в нём отсутствуют

основные признаки иронии (обратная связь с прямым значением, иронический тон как часть смысла, намёк, подразумевание, игра притворства). На этом основании выделяется так называемая «неюмористическая ирония» (*non-humorous irony*) [Dyne1 2014 a]. Она, как правило, более эристична и прямо направлена на личность адресата (*ad personam*) (см. примеры в практической части исследования).

В качестве важного вывода подчеркнем, что ирония в приведенных ипостасях все-таки далека от «агрессии» и в расширенном, и в конкретном значении этого термина (ср.[Бэрон 2000]) (см. тж. ниже).

Д. Уилсон и др. сравнивают когнитивный механизм иронии с когнитивным блендингом метафорического смысла [Wilson 2009; 2013] (см. выше).

Различие между иронией и сарказмом можно представить следующим образом. Ирония направлена на преуменьшение негатива, сарказм – на преувеличение негатива, гротеск. По мнению С. Макдональда, существует один основной фактор, касающийся сарказма: это «форма иронической речи, обычно используемая для передачи скрытой критики с конкретной жертвой в качестве ее цели» [McDonald 2000].

Ирония (литота): Если интерпретация иронической «пропозиции» подразумевает «обратный смысл» (классическое условие иронии), – имеет место «притворная», тропеическая ирония («Какая замечательная погода!» – во время бури; «Ты неважно выглядишь» – больной, обращаясь к здоровому посетителю).

Сарказм (гротеск): Если «жертвой» становится собеседник (участник речевого взаимодействия) и происходит усиление или гиперболизация направленной на адресата отрицательной коннотации, *речь идет о сарказме*: «Ешь, ешь не стесняйся!» / «Не подавись!» (упрек схватившему последний кусок) или «Смотри не похудей!» / «Кушай, кушай! Поправляйся!» (сверхупитанному собеседнику) (ср.[Armijo 2011; McDonald 2000; Sperber

2007]). Как и в иронии интенциональный смысл (иллокутивная цель) противоречит эксплицитному содержанию пропозиции.

Сарказм, как было отмечено, – это еще одна категория эристического юмора, граничащая с иронией [McDonald 2000]. Сарказм включает в себя негативную оценку, иногда не связанную с импликацией, возникающей из «притворства» (*pretense*) и «обратного смысла» высказывания (см. выше).

Несомненно, сарказм более «агрессивен», является большей угрозой «позитивному лицу» в своей эристической интенциональности, чем ирония или насмешливая провокация.

Таким образом, теория (не)вежливости [Culpeper 1996: 356-357] выделяет пять типов невежливости, которые мы рассматриваем как **стратегии эристического пафоса:**

1) **прямая невежливость** (Bald on record impoliteness) – прямое (грубое) оскорбление собеседника;

2) **позитивная невежливость** (Positive impoliteness) – ущемление и противодействие интенциональности «позитивного лица» собеседника, его «вежливости сближения» [Ларина 2009: 308] (грубость в ответ на вежливость);

3) **негативная невежливость** (Negative impoliteness) – стратегии, ущемляющие «негативное лицо» собеседника, старающегося охранять свою «территорию» (И. Гоффман) – нарушение «вежливости дистанцирования» [Ларина 2009: 172], пренебрежение статусными ролями, «пересекающиеся транзакции» (по Э. Берну);

4) **ироническая/саркастическая невежливость** (Sarcasm or mock politeness) – имплицитное выражение невежливости с опорой на косвенность и контекст;

5) **пренебрежение вежливостью** (Withhold politeness) – игнорирование правилами этикета, приятными в определенных ситуациях узуальными

формулами вежливости – «не-вежливость» (non-politeness) в терминах К. Кербрат-Ореккиони [Kerbrat-Orecchioni 2013].

Среди тактических приемов реализации стратегий невежливости Дж. Калпепер выделяет в первую очередь следующие:

– Игнорировать, пренебрегать другим – не признавать его присутствия; исключить другого из деятельности;

– Отмежевываться от другого – например, отрицать связь или общность с другим; избегать близкого расстояния (сидеть рядом и т.д.);

– Быть незаинтересованным, равнодушным, холодно неприветливым;

– Использовать неподходящие идентификационные маркеры – например, используйте официальный титул и фамилию, когда речь идет о близких отношениях, или прозвище, когда речь идет о дистантных отношениях;

– Использовать неясный или скрытный язык – например, жаргон или сленг, известный другим в группе общения, но не «жертве» эристики;

– Искать несогласие – выбрать чувствительную, табуированную тему, провоцировать собеседника;

– Заставить другого чувствовать себя неловко – например, использовать постоянные подшучивания, подчеркивание различных неудачных высказываний («ляпов») «жертвы» эристики;

– Использовать табуированную лексику, шокировать собеседника оскорбительными или нецензурными выражениями;

– Использовать уничижительные номинации;

– Пугать – внушать веру в возможные неприятные последствия для другого;

– Выражать снисхождение, презрение или насмешку – подчеркивать свое превосходство, власть и т.д.

– Принижать другого (например, использовать уменьшительные формы и т.п.).

– Вторгаться в пространство другого – буквально (например, располагаться к другому ближе, чем позволяют отношения) или метафорически (например, говорить о личном и интимном, касающемся другого, в присутствии третьих лиц) и т.д. [Culpeper (1996: 356)].

Несомненно, реализация этих стратегий и тактик обусловлена национальными особенностями коммуникативного поведения [Ларина 2009].

Общая тенденция такова, что речевой узус в «среднем европейском стандарте» (SAE) все более смещается в сторону невежливости и эристичности. Табуированные формы теряют свою трансгрессивность по отношению к речеповеденческой норме. Об этом свидетельствуют исследования как западной, так и отечественной речевой практики, особенно, среди молодежи. «Разговорная невежливость», свободное употребление табуированной лексики (мат), становится фреквенталией разговорного языка всех современных обществ в их национально-лингвистическом многообразии.

Происходит нейтрализация оппозиции «вежливость/невежливость», на смену которой приходит «не-вежливость» («underpoliteness» [Methias 2011]; «non-politeness» [Kerbrat-Orecchioni 2010]), переносящая конвенциональные дифференциальные признаки обоих членов оппозиции в поле контекстуальности, определяющей контекстуальный эффект того или иного употребления речезыковой формы.

Социально-прагматическая жанровая дифференциация невежливого речевого поведения значительным образом корректирует теоретические построения и полевые исследования (не)вежливости [Kerbrat-Orecchioni 2013]. Критический анализ современных концепций невежливости представлен в работах В.В. Леонтьева. Анализируя западные источники, ученый отмечает, что в интегрированном подходе к рассматриваемой проблеме можно выделить **интеракционный** (социологический) **аспект**, который рассматривает невежливость как определенную социальную

практику, подчеркивает роль адресата, интерпретирующего направленные в его адрес (не)вежливые высказывания, подчеркивая, что во многом оценка таких высказываний включает эмоциональные состояния самого интерпретатора (ненамеренная невежливость/грубость и т.п.) [Леонтьев 2016: 32].

Модели языка, основанные на употреблении (Usage-based models), в последние годы привлекли внимание лингвистов многих направлений. Эти модели предполагают, что лингвистическое исследование фокусируется на ментальных интерпретационных механизмах, чувствительных к контексту, и статистических вероятностях, когнитивно правдоподобных и способных объяснить сложность фактического использования языка [Langacker 1988].

Первым шагом к такому подходу в преломлении к эристике является переход от структурно-статического априорного и дедуктивного структурирования *спора* (речевого противодействия) исключительно как речезанровой структуры с вариантами в виде дискуссии, дебатов, полемики, ссоры и т.д., а трактовка *спора-контroversии* как прототипического *противоречия – когнитивного и коммуникативного диссонанса*.

Как было отмечено, в процессе коммуникации постоянно происходит наложение одного типа диалога на другой [Зайцев 2016]. Такой переход Д. Уолтон называет «диалектическим сдвигом» (dialectical shift) или же диалектическим переходом [Walton 1992; 1993]. Уолтон связывает деградацию аргументативно-персуазивного диалога с логическими ошибками (fallacies) в выборе стратегий и тактик убеждения (стратагем аргументации) [Уолтон 2002; Walton 1995]. Крайней степенью деградации является ссора ('флейм'), когда рациональная и эмоциональная агональность перерастает в прямую речевую агрессию.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Когнитивные аспекты речевого взаимодействия (интеракции) становятся актуальным объектом в перекрестии современных интеракциональных подходов в социо- и психолингвистических исследованиях с необходимым обращением к категориям, значимость которых не была выявлена в прежних традиционных парадигмах.

Теоретическое осмысление категории «эристического в речи» основано на двух принципах, определяющих построение теоретической модели эристики как отрасли **дискурсивной риторики**: 1) *принцип структурного релятивизма* (эристика как отношение в структуре отношений) и 2) *принцип речезыкового реализма* (описания, ориентированного на речезыковой узус). Такой подход обеспечивает системность описания речевой категории эристики и позволяет рассматривать функциональный диапазон «эристического в речи» в контексте разработки принципов дискурсивной риторики, включающей эристику как область исследования ненормативных (девиантных) форм коммуникации. Обоснованность такого подхода основывается на ряде положений:

1. Принцип речезыкового реализма отражается в когнитивной «узуальной модели языка» (*usage-based model*) – широкой функционально-когнитивной концепции, раскрывающей механизмы усвоения и реального использования языка, включая «нерегулярные и своеобразные явления» (Р. Лэнекер, М. Томаселло).

2. Когнитивно-узуальный подход рассматривает *риторические структуры* как ментальные репрезентации *отражаемого в сознании мира* в их языковой (семиотической) репрезентации. Риторико-прагматическая составляющая интегрирована в смысловое пространство коммуникации, проявляя этологические пресуппозиции (этос), логику аргументативных отношений (логос) и целенаправленное использование речезыковых форм (пафос) как составляющие ситуативного коммуникативного контекста,

образующего *интегральный смысл высказывания* (текста, дискурса) «здесь и сейчас».

3. Включение девиантных форм речевого взаимодействия в когнитивно-дискурсивное направление риторики обусловлено эмерджентностью «*феномена невидимой руки*» – совокупностью всех дискурсов, в которых участвует сообщество говорящих. При эмерджентном взгляде на аргументацию *аргументативно-персуазивная структура* рассматривается на основе фактического использования языка как конвенционализация повторяющихся моделей использования. Исследование *эристического процесса* – девиаций, вызывающих изменение аргументативной структуры, – направлено на эристические персуазивные элементы и конструкции, которые приходят в определенные аргументативные контексты для выполнения аргументативных функций.

4. Опираясь на принцип речезыкового реализма, дискурсивная риторика формирует следующие системные условия: неперменная корреляция между языковыми (риторическими) структурами и подтверждающими их примерами использования языка; частота использования рассматриваемого употребления (рекуррентность); механизмы порождения и интерпретации как неотъемлемая, а не периферийная часть лингвистической системы; лингвистические репрезентации как эмерджентные, а не как *предданные* фиксированные сущности; приоритет использования эмпирических данных в риторической теории, конструировании и описании речевого взаимодействия и воздействия; тесная связь между употреблением, синхронным изменением (узусом) и диахроническим изменением системы (нормой); взаимосвязь языковой системы с неязыковыми когнитивными системами; решающая роль контекста в функционировании лингвистической системы.

5. Дискурсивная риторика подразделяется на интеракциональную и текстуальную. Эристический элемент речевого взаимодействия может

носить, таким образом, интеракциональный и текстуальный характер. Дискурсивная тональность является одной из главных категорий *дискурсивной риторики*. Предметом исследования риторики речезыковых девиаций – риторической эристики – становится *эристическая тональность* дискурса.

6. Текстуальная и интеракциональная эристическая дискурсивная тональность имеет следующие дифференциальные признаки: пропозициональная трансгрессивность, то есть растабуированность (тематическая), превалирование десакральных смыслов; иллюкутивное доминирование, речевые акты, нарушающие правила «прагма-диалектической дискуссии»; контраргументативные стратегии и тактики, основанные на принципе «эпистемической бдительности», аргументах *ad hominem*, *ad personam*; интерперсональные асимметрии, угрожающие лицу и личностной «территории» коммуникантов, нарушения постулатов кооперативности и вежливости; дискурсивная асимметрия форм, языковая игра, каламбур и т.д.

7. Эристика, реализуясь в дискурсивной тональности, предполагает нарушение стандартов логического мышления и норм поведения и проявляется в особых интеракциональных стратегиях, предполагает нарушение стандартов мышления и поведения, выражается в макростратегии речевого поведения и речевой (дискурсивной) модальности (тональности).

8. Функциональный диапазон эристической тональности охватывает практически все речетекстовые жанры – от разговорной речи и сленга (напр., одесское койне, язык падонкафф и т.п.) до разнообразных поэтических форм.

9. Эристика представляет собой особый вид отношения в риторической структуре текста. Выделение эристической тональности позволяет ввести в риторические структуры текста отношение ВЫЗОВ, передающее механизмы прагма-риторическая дизъюнкции (отсутствие логической связи и прямой референциальной семантики, восстанавливаемых из контекста), механизмы

интерперсональной эристики *ad hominem*, речезыковую трансгрессию (остранение), создающую «угрозу» интеллектуальной состоятельности адресата.

10. За единицу анализа эристического дискурса принимается **эристема** – дискурсивно-интенциональный «квант» семиогенеза, единица (фрагмент) эристического дискурса. Эристема актуализируется в уровневой организации речи (текста, высказывания) на следующих уровнях («снизу вверх»): *до-номинативном*: квантоэристема – мимика, жест, интонация, междометие и т.д.; *номинативном*: эристема – морфо-лексико-фразеологическая единица эристической тональности (**микроэристема**); *предикативно-речеактовом*: эристема отражает референтивно-пропозициональную интенциональность адресанта (**мезоэристема**); *прагматорическом*: эристема реализует *эристическую тональность* (**макроэристема**) рассматриваемого дискурса.

11. Эристема как единица дискурса *полимодульна* в плане выражения и плане содержания: в перцепции и интерпретации эристеми синкретично реализуются коррелирующие перцептивно-продуктивные модули: *пропозициональный* модуль (тематическая трансгрессия, профанация, растабуированность и эпатаж: сексизм, расизм, национализм, антитеизм и т.д.), *интенционально-иллокутивный* модуль (возражение, отказ, угроза, ёрничество, ирония, сарказм, риторический вопрос, подтрунивание-стёб и т.д.), *интерперсональный* модуль (дисфемизация, апеллятивная эристема, угроза психо-социальному лицу, насмешка, оскорбление, провокация и т.д.) и *аргументативный* модуль (отрицание, контраргументация *tu quoque*, аргументы *ad hominem* и т.д.), *структурно-дискурсивный* модуль (жесты, мимика, просодия, кинесика, структурная эмфаза (эллипсис, выделение), имплицитность и т.д.).

12. На основе прагмасемантической разметки, учитывающей структурно-функциональные аспекты эристеми, возможен машинный анализ эристической тональноститекста/дискурса.

13. В риторико-дискурсивной перспективе «эристическое в речи» реализуется в *этосе* (персонология), *логосе* (девиантные логические приемы) и *пафосе* (манифестации «невежливости») речевого взаимодействия.

ГЛАВА IV. ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ ЭРИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА

Интерпретация знаний о мире является основной функцией **оценочных и, шире, модусных концептов и категорий** в силу самой их природы и структурно-содержательной специфики: отрицание, модальность, определенность, неопределенность, приблизительность, экспрессивность и др. [Болдырев 2019]. Эристическое в речи является когнитивно-интеракциональной интенционально-интерпретативной доминантой, имеющей также социо-психологическое и дискурсивное измерения.

В дальнейшем изложении на материале конкретного речевого материала мы намерены показать, что эристика может рассчитывать на место раздела в дискурсивно-когнитивной риторике, отражающего феномены трансгрессивной прагматики – сводной дескрипции диссонансного речевого и когнитивного взаимодействия.

Следуя перспективе дискурсивной риторики в её интеракциональной и текстологической ипостасях, мы рассматриваем на уровне высказывания-эристы проявления этоса, логоса и пафоса эристики как речезыковой категории в пяти выделяемых нами аспектах: пропозициональном, иллюкутивно-интенциональном, аргументативном, интерперсональном и интеракционально-дискурсивном.

Проведенное нами исследование затрагивает четыре функциональных поля эристики: (1) институционально-персональное, (2) институционально-стратегическое, (3) институционально-обыденное и (4) фикционально-дискурсивное – на материале четырех соответствующих им текстовых корпусов: 1) корпус политических делокутивов – высказываний-мемов французских политиков, формирующих их медийный дискурсивный имидж; 2) скрипты предвыборных дебатов французских политиков; корпус аудиовидеоматериалов французского полимодального политического дискурса; 3) скрипты американского ситкома «HOUSE, MD»; 4) корпус литературных

переводов, отражающих эристические манифестации в разножанровом художественном тексте и его переводе.

Такой диапазон позволяет выявить различные интеракционные социально-политические и текстологические литературно-художественные контексты, в которых наиболее четко проявляется эристическое речевое взаимодействие: манифестации бытового спора и профессиональной дискуссии, дискредитация политического противника в прямом (теледебаты) и косвенном (медиа) коммуникативном конфликте; особенности эристики как художественного приема остранения и проблемы, возникающие в переводе (трансфере) эристической дискурсивной тональности.

4.1. Эристический этос в политическом дискурсе: французская риторическая персонология

Наиболее маркированным функциональным жанром эристики является политический дискурс [Шейгал 2000].

Как было отмечено, эффективность речи определяется прежде всего доверием к говорящему [Aristote 1991: 22-23], к его «достоинству» («высокому» этосу), и это главный императив, связующий риторику и ораторику [Perelman 1983]. Кроме того, в любой речи этос включает в себя взаимное позиционирование собеседников («кто я для тебя» или «за кого ты себя принимаешь?») и т.д.) [Flahault 1979].

При этом поддержание высокого социального имиджа – основа политического статуса, исключающего некоторые естественные проявления и черты характера (несерьезность, ребячество, чрезмерный (черный, скабресный и т.д.) юмор и т.п. [Perelman 1983]). Часто *эмоциональность, раскованность, эпатажность* как части *этоса в пафосе* политика ставят его в ситуацию возможного осуждения со стороны аудитории⁴⁰. В

⁴⁰ Иногда со сменой социального контракта меняется и качество речевого этоса. Так, например, президент Франции Франсуа Олланд, снискавший славу остроумца и «юмориста», выдвинув свою кандидатура на президентских выборах, избрал «серьезный»

медиапространстве политики имидж формируется во многом благодаря самопрезентации политических акторов, формирующих свой доречевой этос – социальный имидж [Amossy 1999; Turbide 2019]. Репутационная составляющая такого этоса является определяющей в оценке политика в средствах массовой информации [Гришаева 2009; Хазагеров 2018]. Таким образом, реальная личность субъекта как бы подменяется образом его медийного, дискурсивного персонажа.

В современных риторических исследованиях дискурса появляется и понятие *доречевого этоса* (образа говорящего как социального и личностного имиджа), который предшествует и определяет восприятие собственно дискурсивного имиджа [Amossy 1999; Maingueneau 2002; 2009; 20014]. Рассуждая о содержании концепта «антропологическая практика», В.М. Розин выводит **концепт человека**:

«это образ, схема индивида, относимая к нему самому, позволяющая индивиду или действовать культуросообразно, или «преодолевать культурную и социальную обусловленность» [Розин 2017: 20].

Здесь намечается важная оппозиция, характерная для западной культуры: между *массовым, социально нормированным поведением человека*, и поведением *уникальным, отчасти асоциальным*. В.М. Розин видит два типа концепта человека. Первый он называет **«общекультурным типом»**, согласно которому концепт человека выступает в качестве «единого, одинакового для всех индивидов, членов социума», второй концепт – **«личностный тип»**, отвечающий сущности и потребностям личности. К сущностным характеристикам личности относятся «самостоятельное поведение и выстраивание своего мира (приватной реальности) и себя в нём. Самостоятельное поведение означает наличие выбора, поступка выстраивания своей жизни, предполагает индивидуальную реакцию на жиз-

этос. Редкие шутки стали сдержанней в рамках этого строго этоса будущего президента [Hollande 2012: 17].

ненную ситуацию, и как следствие – наличие типов самостоятельного поведения и разных типов личности» [Там же: 20-21].

Психокогнитивные основания эристического этоса. Прежде всего мы рассматриваем *эристическое в человеке (homo eristicus)* как **когнитивный стиль**⁴¹ [Асмолов 1996; Волкова 2016; Ларина 2009; Холодная 2004; Healy 2000], или тип **эмоционального интеллекта** [Батулин 2009; Воронин 2006; Гарднер 2007; Панкратова 2010; Робертс 2004], обеспечивающий адекватную адаптацию человека к окружающей среде. Эристический когнитивный тип – это, в терминах И. Майерс-Бриггс, *интуитивный стиль*, направленный на выявление проблем и конфликтов, отражающий критический релятивизм в мышлении и стремление заострять решение проблемы методом *reductio ad absurdum* [Healy 2000].

Имидж представляется как совокупная интерпретация внешних (социальных) и внутренних (психологических) характеристик личности, формирующихся интенционально или спонтанно, приобретающих знаковый характер и представляющих личность субъекта – носителя имиджа – как знаковую сущность в рамках социального конструирования реальности [Гавра 2009; 2013].

Имидж – категория междисциплинарная, нами рассматриваемая как объект лингвистического исследования, нацеленного на выявление релевантных речезыковых характеристик «субъекта – носителя имиджа» («репрезентамена»), лежащих в основе его конструирования как знакового объекта общественной перцепции. В некоторых работах он позиционируется как предмет отдельного направления исследования – лингвоперсонологии, ориентированной, в частности, на психолингвистические подходы к

⁴¹ «...когнитивный стиль – это предпочтение определенного способа интеллектуального поведения (т.е. субъект в принципе может выбрать любой способ переработки информации, однако он произвольно или произвольно предпочитает какой либо определенный способ восприятия и анализа происходящего, в наибольшей мере соответствующий его психологическим возможностям)» [Холодная 2004: 33-34].

исследованию личности [Седов 2008]. Отечественная политическая лингвистическая персонология – уже достаточно структурированная и систематизированная совокупность многочисленных прикладных исследований, посвященных языку политических персонажей, – продолжает оформляться в научную парадигму, формулируя свой понятийно-терминологический аппарат и определенную объектную типологию (см., напр. [Чудинов 2018]). Теоретический фундамент таких исследований составляет концепция языковой личности (ЯЛ) и общая лингвистическая персонология [Караулов 2007], широко распространенная и диверсифицированная в представлении своего объекта исследования – различных ипостасей ЯЛ – *коммуникативной, словарной, дискурсивной, эмоциональной, эристической и т.д.* [Болдырев 2018; Карасик, 1991; 1994; Нерознак 1996; Куркина, Стернин 2018; Тамразова, 2020б].

Материально закрепленный в форме прецедентных текстов, в прецедентных речевых актах (высказываниях) аргументативно-речевой – **делокутивный** («от речи»⁴²) – **имидж** (далее – ДИ) медийного персонажа участвует как аргумент в функциональном динамическом пространстве общественно-политического коммуникации.

4.1.1. Делокутивный имидж

Делокутивный имидж (ДИ) – прецедентные высказывания, персональный дискурс и т.д. – становится «симулякром» личностного имиджа, его репрезентаменом⁴³ (*ДИ-репрезентамен*). Имидж медийной личности, например, политика, формируется в виде ДИ-репрезентамена опосредованно, делокутивно – через высказывания самого субъекта,

⁴² «Делокутивом называется лексическая единица, произошедшая «от речи» (*de locutio*), например, выделенные Э. Бенвенистом делокутивные глаголы *remercier* (благодарить), *saluer* (здороваться), *tutoyer* (обращаться «на ты», «тыкать»), ср. русск. *прощаться*, а также – в современной лингвистике – лексико-семантические и лексико-прагматические формы, производные от прецедентного дискурса» [Тамразова 2017: 278].

⁴³ Термин Ч.С. Пирса, провозгласившего: «Сам человек есть знак» [Пирс 2000: 88].

меморизированные в суждениях и мнениях других. То есть ДИ – это продукт восприятия и когнитивного семиозиса общественного мнения в самом общем его понимании (ср. [Гавра 1995]). Коррелирующий с аристотелевским этосом делокутивный имидж – это конструкция, выстраиваемая дискурсивно, интенционально и изначально вне категории искренности [Eggs 1999]. Формируемый субъектом-отправителем этос ДИ должен показать черты характера, которые способны произвести впечатление на аудиторию.

Выстраивая свой образ как означающее, говорящий, по мнению Р. Барта, опирается на механизмы воображаемого и «становится участником театральной постановки: представляя себя в речи, он как бы одновременно заявляет: я такой, и никакой другой» [Barthes 1970; 2015]. Таким образом, реальная личность субъекта как бы подменяется образом его медийного, дискурсивного персонажа, коррелирующего с принятым в российской лингвистике понятием языковой личности (см., напр., [Караулов 2007; Иванцова 2010]). Из многочисленных дефиниций языковой личности приведем одно краткое энциклопедическое определение:

«...любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Русский язык 1997: 671].

Под дискурсивной (коммуникативной) личностью мы, вслед за И.А. Стерниным и Н.Н. Болдыревым [Куркина, Стернин 2018; Болдырев 2018], понимаем носителя коммуникативной компетенции, личность, формирующуюся в процессе речевой деятельности, в отличие от языковой личности как носителя языковых знаний (языковой компетенции) [Караулов 2007]). Иными словами, понятие «дискурсивная личность» подразумевает не просто умение пользоваться языковыми знаниями в разных

коммуникативных ситуациях, но манеру речевого поведения, его психодискурсивные доминанты (ср. [Белянин 2000]).

Под эристической дискурсивной личностью нами понимается субъект, способный и склонный пренебречь в той или иной степени устоявшимися поведенческими (этическими) и коммуникативными нормами: принципом кооперации (П. Грайс), постулатами вежливости (П. Браун, Дж. Лич) и т.п. В основе представления эристического коммуникативного поведения лежит принимаемая нами широкая концепция эристики и эристического в речи – в целом [Кондаков 2017].

В свете вышесказанного в основе гипотезы нашего исследования лежат несколько посылок:

1. С точки зрения лингвиста, имидж субъекта во многом есть производное от его риторического этоса, то есть, по Аристотелю, образа, который создается речью его носителя, речевого (языкового) имиджа личности.

2. Имидж поливалентен: определенные когнитивные, поведенческие и речевые модели, используемые субъектом, могут преследовать разные цели, иметь разные функции, синкретично совмещая, например, модель сурового отца с образом критичного, но справедливого судьи; юмор или ирония в речи могут оттенять мудрость зрелого политика и т.д.

3. Имидж амбивалентен: одна и та же черта, может оцениваться по-разному разной аудиторией, одно и то же высказывание может вызывать восхищение одних и негодование других.

Пионер неориторики Хаим Перельман справедливо делил аудиторию на частную, или «элитную» (*particulier, d' élite*), и «универсальную» (*universel*) [Perelman 1983: 27]. Первая имеет больше общих пресуппозиций (*background*) с говорящим субъектом, более расположена к идеям и образу мысли говорящего, легче «просчитывается», то есть конструируется говорящим [Mustajoki 2012]. Вторая олицетворяет усредненный конгломерат

нормативных представлений, ценностей и полаганий (beliefs, croyances), который удовлетворяет общим требованиям социального статуса. С первой аудиторией говорящий легче добивается ассонанса «внутренних релевантностей» [Шюц 2004], согласованность общих знаний, интенциональностей и проч.; вторая – более критична, категорична и консервативна и требует соблюдения многочисленных правовых и общественных норм («внешних релевантностей»), а чаще установившихся предрассудков и «общих мест», составляющих содержание понятия «общественное мнение» [Perelman 1983]. В контакте с первой аудиторией («свои») в большей степени реализуется ингерентный имидж говорящего («быть самим собой»), в общении со второй («другие», «чужие») оратор вынужден в большей степени следовать требованиям нормы, создавая свой «положительный» адгерентный имидж.

Ингерентный имидж трансгрессивен по отношению к адгерентному имиджу «репрезентамена»: многие личностные качества, потребности и мотивы личности могут входить в противоречие с общественным мнением и, следовательно, с ее PR-имиджем, поэтому ингерентный имидж может нарушать интегральность адгерентного имиджа субъекта (имиджевая трансгрессия, ломка стереотипов, эпатаж). Такой тип языковой личности мы называем эристической языковой личностью.

Возникающее противоречие нейтрализуется: трансгрессия «оправдывается» в общественном сознании в виде трансцендентной «категории» харизмы – нарушение догм и правил «прощается» субъекту в пользу фасцинации – сильного воздействующего впечатления (импрессии) – амбивалентного, недискретного и не до конца объяснимого [Charaudeau 2012]. Харизматические личности неизменно эристичны, – они стоят у истоков социальной трансгрессии: молодежных движений и группировок, бунтов и революций, идеологий и партий, правительств и республик (*Че Гевара, Де Голь*). Речевая эристическая харизма состоит из таких речевых

проявлений, как юмор, ирония, насмешка, сарказм, вызов, эпатаж (В.В. Жириновский, Ж.-Л. Меланшон и т.п.) и т.д. Делокутивная речезыковая трансгрессия означающего ДИ-репрезентамена меморизируется аудиторией, в частности, харизматическими афоризмами-мемами, сохраняющими в основе своей внутренней формы прецедентную авторскую атрибуцию и контекст произнесения: «После нас хоть потоп», «Родина или смерть», «Я вас понял» (Де Голь), «Не так сели» (Б. Ельцин), «В сортире замочим» (В. Путин) и т.п.

Ингерентный делокутивный имидж (этос) формируется самим говорящим, адгерентный имидж, в конечном итоге, есть результат оценивания имиджа оратора аудиторией, который закрепляется в общественном сознании и мнении посредством масс-медиа. Отличие адгерентного делокутивного имиджа персоналии от языковой и речевой личности в том, что это **ЯЛ второго порядка**, сотканная из всех интерпретаций ее высказываний, помещенных в рамки некоего сконструированного имиджа, носящего имя некоего персонажа. Степень участия самой условной языковой персоналии в формировании делокутивного имиджа определяется многочисленными факторами (см. ниже – *Ингерентный имидж*).

4.1.2. Адгерентный делокутивный имидж: эристическая интерпретанта

Определим статус языковой личности в политическом концептуальном пространстве (концептосфере). Имидж политика представляет собой образ в семиотическом и когнитивном смысле этого понятия. Невозможно представить себе политическую концептосферу без образов политиков, которые воспринимаются как когнитивные образ-схемы – не всегда дифференцированные холистические совокупности представлений и знаний, объединенные под именем-актуализатором.

Знаковый политический персонаж приобретает черты концепта (ядро, периферию, концептуальную область, многоуровневую структуру, интенциональность, выделенность конкретных единиц и фокусность – концентрацию внимания на определенных эпизодах и т.д.) [Карасик 1996; Стернин 2001]. При этом одной из черт, отличающих *политический концепт* от концептов другого рода (философских, культурологических, научных, художественных и т.д.), является **прагма-аксиологическая идеологическая выделенность**, заключенная в ядре концепта. Любой политический концепт *не существует* в своей целостности (образ-понятие-переживание) для универсальной (всеобщей) аудитории (в терминах Х. Перельмана [Perelman 1983]). Политический концепт (ПК) имеет агональную и амбивалентную когнитивную и семиотическую структуру. Материализуясь в политической дискурсивной формации, ПК формируется определенной концептуальной областью (*conceptual region* [Carston 2010]), определяемой прагматическими политическими интенциональностями (интересами) и когнитивными предубеждениями (*cognitive bias* [Haselton 2006]). Таким образом, политический концепт интеракционален по определению, так как обязательно включает в себя «фактор адресата» (ср. [Неретина 2011: 64]), дифференцированного политически («свои» / «чужие») и стратегически имплицативно (персуазивно-аргументативно-суггестивно).

Определяемый запрограммированной концептуальной областью политический концепт выступает в большей степени как *операциональный* (Н.Н. Болдырев), или *ad-hoc*-концепт – концепт, поворачивающийся той или иной стороной своей структуры, в частности, понятийной, в приложении к конкретному употреблению (ср. [Болдырев 2018]).

Понятие *ad-hoc-концепт* возникло в лоне когнитивной прагматики, в частности, в теории релевантности [Sperber, Wilson 1986] и апеллировало к метафорическому употреблению того или иного концепта [Carston 2010]. Так, в известно-цитируемой метафоре «Этот хирург – (настоящий) мясник»

(ср. *Bob is a soldier / surgeon / butcher / artist / magician* [Idem]), *операциональный концепт* ‘мясник’ отличается от полноценного («лексического», словарного) концепта определенной концептуальной областью (непрофессиональность, грубость, неаккуратность и проч.) [Grady 1977].

Амбивалентность политических концептов – это условие *sine qua non* любой политической риторики. Противоборствующие идеологии, как правило, оперируют одними и теми же концептами (демократия, свобода, народ и т.д.). в уничтожающей друг друга полемике «поворачивая» их в нужную им концептуальную перспективу [Алферов, Кустова, Попова 2015].

Таким же амби- и поливалентным представляется персональный политический концепт (ППК), актуализируемый именем конкретного политика (Трамп, Меркель, Путин, Макрон, Эрдоган и т.д.). Адгерентная ad-hoc концептуализация (формирование адгерентного имиджа) возникает в масс-медийном формате – основной дискурсивной среде бытования персональных концептов. Благодаря меметике [Тамразова 2020в], она проникает не только в общественное сознание, но и суггестивно закрепляется в метафорическом, переносном употреблении, в сравнениях, в песенном фольклоре, поговорках, анекдотах – проявляясь на уровне «коллективного бессознательного» (ср. «дедушка Ленин», «иудушка-Троцкий»):

«... Такого, как Путин, *полного сил*.
Такого, как Путин, *чтобы не пил*,
Такого, как Путин, *чтоб не обижал*,
Такого, как Путин, *чтоб не убежал*» (песня).

Ad-hoc концептуализация политических персоналий – их адгерентный имидж – закрепляется во вторичной субстандартной номинации (прозвища, клички и т.п.). Та или иная черта ППК фокусируется в такой ad-hoc номинации и отражает ту или иную концептуальную область пространства персонального политического концепта. Адгерентная ad-hoc концептуализация делокутивного имиджа возникает в масс-медийном

формате – основной дискурсивной среде бытования персональных концептов. Ad-hoc концептуализация политических персоналий закрепляется во вторичной субстандартной номинации (прозвища, клички и т.п.). Таким образом, окказиональная концептуализация как отражение политического персонального концепта, определяющего деловитый имидж политика представляет собой сложное переплетение функций: интеллектуально-интуитивной, экспрессивно-номинативной, агонально-эристической (дискредитирующей), людической, корпоративно-идентифицирующей и проч.

4.1.3. Персональный политический ad-hoc концепт: эристическая онимо-эпонимическая номинация (номинативная мезо-эристема)

Персональный политический концепт (ППК) – ПУТИН, МЕРКЕЛЬ, ТРАМП, МАКРОН и т.д. – как политический имидж (этнос) представляется как совокупная интерпретация внешних (социальных) и внутренних (психологических) характеристик личности, формирующихся интенционально или спонтанно, приобретающих знаковый характер и представляющих личность субъекта – носителя имиджа – как знаковую сущность в рамках социального конструирования реальности [Гавра 2013; Островская 2016]. Имидж политика как семиотический конструкт реализуется в триединой ипостаси (по Пирсу) в иконическом, индексальном и символическом воплощениях. Иконическая перцепция отождествляет образ политика с его внешностью, мимикой, жестикуляцией, осанкой и эмоциональной психомоторикой («доречевой этос»). В этом измерении зарождается пресловутая *харизма* персонажа [Charaudeau 2012]. Индексальность имиджа связана с процессом воздействия на целевую аудиторию, указанием на интенциональную (волевою), аргументативную и межличностную перспективы предпочтительно-направленной мыследеятельности. Наконец, символическая инкарнация *имиджа-этоса*

проявляется в мотивах (этических, духовных) и социально-идеологических предназначениях («общее благо», «свобода, равенство, братство» и т.д.).

Эристическая составляющая концептуального имиджа политика находит отражение в пейоративных номинациях – прозвищах, получаемых политиками на основании тех или иных характеристик ППК. Многочисленность прозвищ и уничижительных онимов, относящихся к тому или иному политическому персонажу, являются отражением ad-hoc концептуализации, представленной номинациями, отражающими различные стороны ППК.

Эристическая внутренняя форма (интерпретанта) построена на пейоративных метафорах, отражающих эристическую интенциональность (мотивированность) номинации.

Например, «высокомерие» становится главной чертой Макрона, который получает прозвище «Юпитер» (“Jupiter planete gazeuse”).

Предшественник *Jupitera* – Франсуа Олланд – получил немало прозвищ и от политических «соратников» и противников, и от журналистов, юмористов и др. представителей медиа-поля, лежащего между политическим классом и гражданским обществом: *Flanby* (‘карамельный пудинг’), *Pèpère* (‘дедуля’), *Fraise des bois* (‘земляника’), *Capitaine de pédalo* (‘капитан водного велосипеда’), *Pingouin* (‘пингвин’), *Monsieur Royal* (г-н Руаяль – по фамилии жены) [Якушева 2014]; Н. Саркози получил среди прочих звучные прозвища *Tsarkozy* (Царькози) и *Notre Seigneur* (‘наш повелитель’), но и *Le voyou de la République* (‘хулиган республики’). Практически ни один политический деятель Франции не остался без уничижительного «ника» [Якушева 2014].

В русском речевом обиходе и в прессе также появляются прозвища политиков (см., напр., [Булгакова 2016; Якушева 2014]). Но их частотность употребления в российском медийном пространстве, по сравнению с французским, можно представить в пропорции приблизительно 1:50. Кроме

того, если в политических прозвищах французов превалирует просто эристичность (ирония, укол, провокация), то в русских – речевая агрессия [Тамразова 2009]. Это же касается политических плакатов и мемов на митингах и в сетевых СМИ. Французский политический дискурс, представленный, в частности, сатирическими изданиями и телепередачами (*Les Guignols de l'Info* ('Клоуны из Новостей'), *Le Canard Enchaîné* ('Ценная утка'), *Charlie Hebdo* и др.) являются первым источником политических прозвищ:

«*Merkozy et Merkollande, blanc bonnet et bonnet blanc?*» [Toupictionnaire].

«*Nicolas, Angela et François : de Merkozy à Merkollande?*» [Toupictionnaire].

«*Mais pour tout le monde ce sommet a marqué la fin de l'ère Merkozy*» [Toupictionnaire].

Среди французских политиков пальма первенства принадлежит экс-президенту Н. Саркози:

Super-Sarko, Sarkocompatible, Tsarkozy, Starkosy, Anti-Sarko, Sarkobradantesque, Sarkocratie, Sarkodépendant, Sarkogne, Sarkohabitation, Sarkolage, Sarkoland, Sarkolatéral, Sarkolâtrie, Sarkomaniaque, Sarkommunion, Sarkophage, Sarkophile, Sarkophilie, Sarkowboy, Sarkozerie, Sarkozien, Sarkozye, Sarkozyen, Sarkozysme, Sarkozyste, Ultra-sarkozyste, Sarkow-boy, Sarkoboys [Абабий 2019] (ср. [Фененко 2019; Якушева 2014]).

Второе место по частотности и разнообразию пейоративных прозвищ получает во французских масс-медиа экс-президент США Д. Трамп: *trumpocalypse, anti-Trumpard, trumpocratie, détrumpé, trumpête, trumputin* [Toupictionnaire].

Внутренняя форма таких онимов и эпонимов иногда поверхностно-людическая (языковая игра): *Tsarkozy, Starkosy, Sarkophilie, Sarkow-boy, Sarkoboys, Sarkophage*.

Иногда это злая и оскорбительная насмешка, попытка инфантильно-эристической дискредитации персонажа, подобная прототипическому механизму уничижительных кличек. Она исходит от политических

противников. Такая ad-hoc номинация «украшает» имидж как «жертвы» (адгерентный имидж), так и самого номинатора (ингерентный ДИ):

Ségolène Royal – *Bécassine* (Laurent Joffrin, le patron de «Libération»);

Manuel Valls – *le Colérique* (François Hollande);

Jean-Luc Mélenchon – *Méchant Con* (Jean-Paul Huchon);

François Hollande – *le Pingouin* (Carla Bruni-Sarkozy); *Flanby* (Arnaud Montebourg); *Fraise des bois* (Laurent Fabius); *le Capitaine de pédalo* (Jean-Luc Mélenchon); *le "moi je"* (Nicolas Sarkozy);

Emmanuel Macron – *Choupinet 1er*; *le chouchou médiatique* (Nadine Morano); *le jouvenceau* (Jean-Paul Delevoye); иностранная пресса: *Le Barack Obama français* («Süddeutsche Zeitung», Munich); *Le nouvel empereur de l'Europe* («The Spectator», Londres); *Le golden boy qui lit Goethe* («Frankfurter Allgemeine Zeitung», Francfort) [Corpus CPNF].

4.1.4. Малапропизмы французских политиков как жанр политической персонологии (делокутивная фразоидная эристема)

Ярким примером *адгерентного дискурсивного имиджа* является также меметика [Докинз 2013; Молчанова 2018; Тамразова 2020в] – закрепление в масс-медийном пространстве (включая соц. сети и т.п.) делокутивных мемов, в частности, в формате хэштегов: “#costardgate” – мем-хэштэг (‘Костюмгейт’ по аналогии с Уотергейтом), возникший после реплики Э. Макрона в беседе с молодым безработным “*Le meilleur moyen de se payer un costard, c'est de travailler*” [Corpus CPNF: Le Monde] – “Лучший способ купить костюм – работать” (см. ниже). Делокутивность такой ad-hoc номинации определяют признаки речевого события – факт высказывания Макрона – и понятийно-оценочного содержания – обсуждающееся в обществе высокомерие (“arrogance”) нынешнего президента Франции. Его высказывания породили целый ряд *общественно-политических лексических*

ad-hoc *инноваций* в виде связанных с его имиджем хэштегов: #teeshirtpourMacron; #poudrePerlimpinpin и др. [Тамразова 2020в].

Данные мемы представляют собой мезоэристемы. Макроэристемой выступает эристический адгерентный имидж Э. Макрона.

Таким образом,okkaзиональная концептуализация как отражение политического персонального концепта, включающего делокутивный имидж политика представляет собой сложное переплетение функций: интеллектуально-интуитивной, экспрессивно-номинативной, агонально-эристической (дискредитирующей), людической, корпоративно-идентифицирующей и проч. Речезыковые корреляты ad-hoc концептуализации, как и ее функциональная сфера, должны стать предметом более пристального и системного рассмотрения в политической персонологии. Понимание делокутивного имиджа как составляющей персонального политического концепта с учетом его адгерентной и ингерентной составляющих апробировано нами в исследовании политической речевой интеракции (дебаты, полемика) на дискурсивном и текстологическом уровнях (см. ниже).

Рассматривая высказывание как полный знак, концепция внутренней формы выходит на новый уровень – когнитивно-коммуникативный. В этой перспективе происходит конвергенция номинативной и дискурсивной номинаций, их взаимопроникновение на базе единого когнитивного механизма – **эристической интенциональности**.

В первую очередь это касается спонтанных и неконвенциональных форм –okkaзиональных и косвенных номинаций, языковой игры, прецедентных импликаций, заместительно-междоветной и дейктической номинативно-дискурсивных стратегий.

Исследование структуры мотивации номинативного и/или дискурсивного эристического элемента (высказывания, речевого хода, реплики и т.д.) получает разные трактовки, предваряющие рассмотрение

внутренней формы знака в преломлении к когнитивным механизмам речевого взаимодействия. В мировой лингвистике понятие внутренней формы (А. Потебня) коррелирует с концептом интерпретанты (Ч.С. Пирс). Существуют различные подходы к конструированию этого элемента семиозиса в перспективе текстовой семиотики (У. Эко), лингвокультурной семиотики (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Фещенко, Г.Г. Шпет), лексической семантики (Ю.Д. Апресян, Анна А. Зализняк и др.), дискурсивной и когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков). Теория номинации, разрабатываемая в отечественной лингвистике (В.Г. Гак и др.), положила начало глубокому анализу структуры и функциональных качеств номинативного семиозиса, создала базовую типологию номинаций.

В работах В.Г. Гака получила развитие референциальная теория высказывания, во многом созвучная, с одной стороны, концепции порождения знака А.А. Потебни, с другой - французской лингвистической традиции динамической теории высказывания Э. Бенвениста (*Théorie de l'énonciation*).

Дискурсивная внутренняя форма выступает определяющей в употреблении и интерпретации «непрозрачных» для лингвистической семантики речевых манифестаций, типа междометных, делокутивных (цитации), модально-дейктических и т.д. – в трактовке традиционной лингвистики – форм.

Дискурсивная внутренняя форма – это прежде всего мотивация употребления той или иной речезыковой единицы. С точки зрения дискурсивной семиотики, внутренняя форма, или интерпретанта, таких знаков включает в себя проективный и ретроактивный внутренний контекст, который может подвергаться узуальной конвенционализации, создавая второе – дискурсивное (стилистическое, риторическое, прагматическое и др.) – актуальное значение речезыковой единицы. Такая дискурсивная

внутренняя форма определяет когнитивно-риторический потенциал (актуальное значение) дискурсивного знака в его употреблении.

На уровне речевой реализации дискурсивная внутренняя форма может трактоваться в терминах в обыденного метаязыка как остроумие, нетривиальность и острота (образность) мышления. Однако наиболее яркие внутренние дискурсивные формы «здесь и сейчас» подвергаются визуальной стереотипизации и фразеологизации (афоризмы, клише, прецедентные тексты-мемы).

Дискурсивная внутренняя форма призвана стать операциональной когнитивно-дискурсивной единицей внутреннего (однойязычного) и внешнего (межъязыкового) перевода (Р. Якобсон), складывающейся из взаимодействия двух когнитивно-семантических смыслообразующих векторов – нисходящего (top-down) и восходящего (bottom-up). Дискурсивная внутренняя форма в переводе потенциально лакунарна и ее релевантность зависит от понимания языковым посредником ее природы, структуры и функциональной релевантности (см. ниже).

Интерпретанта знака (репрезентамена), определяющая способ представления означаемого в означающем, включает в себя интеракциональный контекст семиозиса (порождения /интерпретации знака-высказывания), в который прежде всего входят интересы (точки зрения, интенциональности, «внутренние релевантности» [Шюц 2004], то есть общность (пересечение) интенциональных и когнитивных сфер коммуникантов («общие знания», совпадение целей и т.д.). Отсюда следует имманентный (внутренний) диалогизм интерпретативной прагматики Пирса.

Взаимодействие (диалогической) интерпретанты знака с референциальностью обусловлено сопряжением субъект-объектных и субъект-субъектных интенциональностей коммуникантов. Восприятие объекта (содержания знака-высказывания) зависит от интересубъектных отношений, выражаемых в знаке.

Как уже отмечалось, одним из когнитивно-рациональных оснований для эристического ограничения коммуникативной эмпатии выступает принцип «эпистемической бдительности» (*epistemic vigilance*), выдвинутый Д. Спербером, объясняющий сомнение и скепсис по поводу того, что говорится и кем говорится, критическое отношение к адресату и аудитории [Sperber 2013].

Высмеять противника всегда есть наиболее эффективное средство его дискредитации. Поэтому в жанре политического демотиватора, формирующегося из меморизированных высказываний политиков, смех выполняет две амбивалентные функции в отношениях политического класса и гражданского общества: 1) усиления конфликтности (*конфликтогенность, эристичность*) и 2) снижения градуса агрессивной агональности (*конфликтоцидность*). Речь идет о коммуникативной – номинативной и дискурсивной – интерпретационной идиосинкразии (предубеждении – *cognitive bias*) внутри политического класса и в отношении к нему гражданского общества. Предметным, номинативным воплощением идиосинкразии являются не только инвективные и карикатурные апеллятивы-онимы (прозвища) политиков, но и персональные «крылатые» паремии – *малапропизмы* (от фр. *mal à propos*) – высказывания политиков (французские лингвисты окрестили их «фразочками» – *petites phrases* [Krieg-Planque 2006; 2011]), неудачные, как с точки зрения логики и нормы языка, так и оценки обществом их речевой адекватности (релевантности) [Тамразова 2020а].

Как прозвища политиков, так и «перлы» политических акторов актуальны и в России, и во Франции и Америке как внутри политического класса, так и особенно в коммуникативном (медийном) пространстве гражданского общества (ср. [Желтухина 2000]). Наряду с «бушизмами» и «черномырдинками» в политической и массмедийной коммуникации периодически возникают обсуждения новых высказываний, которые к юмору

часто отношения не имеют. Их гелотогенность и жанровый статус «мема» определяется их нерелевантностью и трансгрессией с точки зрения реципиента (аудитории) [Девкин 2007].

Эристическая интерпретация («рефрейминг») таких знаков становится жанрообразующей основой их фольклорной афористичности. Так, знаменитое «мочить в сортире» – эмоциональное высказывание в серьезном и трагическом контексте борьбы с терроризмом, только став мемом, сегодня кажется забавным благодаря своей эристичной внутренней форме (интерпретанте).

Эта маркированная форма выражения эристической интенциональности приобрела *релевантность* как имиджевая черта политического лидера. Поэтому, говоря о гелотогенности рассматриваемого материала, следует помнить, что афористическая меморизация имеет свое жанровое измерение: её функционал – прежде всего личностная оценочная «дейктизация», прагматическая указательная функция, маркирующая *делокутивный имидж* политического персонажа.

Эристическая интерпретация – явление, коррелирующее с некоторыми стратегиями межъязыкового перевода, получившее распространение в связи с процессами политической меметики, в частности, «рефрейминга»⁴⁴ [Молчанова 2018].

В концепции Г.Г. Молчановой выводятся признаки меметизации как формальные, так и функциональные.

Первым условием становления мема является *принцип языковой экономии при «свертке» смысла* ради компактности и ударности фразы., что

⁴⁴ «Рефрейминг – изменение имеющихся рамок, в которые заключена ситуация. Изменение рамок способствует тому, что человек начинает видеть ту же ситуацию в другом ракурсе, новая интерпретация ситуации приводит к новым выводам, чувствам и оценкам. Как следствие – появляются разнообразные ассоциации, стимулируется интерес, развивается речемышление. Рефрейминг является неотъемлемой частью творческого мышления» [Одинцова 2012: 78].

способствует фразеологизации и символизации, проявляющейся в афористичности мема.

«К вербальным символам относят в большой степени афоризмы, пословицы, клише, прецедентные имена, лозунги, рекламные слоганы, интернет-мемы – т.е. вербальное и невербальное воплощение идей, по определению направленных на запоминание и обладающих следующими характерными признаками: образной, смысловой, эмоциональной и императивной насыщенностью (интенсивностью, концентрированностью), позволяющей им выполнять основную парольную функцию – т.е. первичную функцию символа» [Молчанова 2018:10].

В нашем исследовании такой символической формой выступает текст (в широком смысле), именуемый в обиходе мемом, который все чаще попадает в центр внимания науки о языке. В понятие мема входят две составляющие – меморизация и репликация (способность к воспроизводству) [Brodie 2009], которые свойственны всем устойчивым речениям и полимодальным семиотическим формам – будь то интернет-демотиваторы, фразеологизмы, паремии или речевые стереотипы-клише [Молчанова 2018].

В отличие от «чистой» фразеологии, в которую В.Н. Телия помещала «номинативную единицу, связанную с понятием» [Телия 1996: 45], меморизируемые высказывания, типа афоризмов или интернет-мемов, не имеют системного потенциала, как пословицы, поговорки и речевые стереотипы. Тем не менее, у них есть общая черта – это та внутренняя форма, та мотивация цельности «однофразовой» номинации [Береговская 2015], которая побуждает зафиксировать данную речезыковую форму – полное или неполное, речевое или полимодальное высказывание в качестве семиотического целого.

Помимо поверхностной игры формы и содержания, парадоксальности и гелотогенности, достаточно широко обсуждаемых в лингвистике, есть еще один глубинный механизм их семиозиса – их интерпретанта. Семиотическая

структура такого речезыкового знака активизирует не столько экстенционал (денотат), и даже ни импликационал меморизируемого высказывания (ср. [Телия 1996: 91-92]), а интерпретанту знака – «внутреннее свойство знака быть интерпретированным» [Пирс 2000].

В категории политических «анти-афоризмов» превалирует отрицательный делокутивный имидж энунциатора, поэтому установка на эристическую интерпретацию (эристический рефрейминг) может превратить цитату-мем в паремический малапропизм, которым может стать практически любое высказывание. В этом случае семиотическая структура такого речезыкового знака активизирует не экстенционал (денотат), и даже ни импликационал фразеологизированного высказывания – ср. [Телия 1996: 91-92], а *интерпретанту знака*.

Интерпретационная эристика, как правило, непредсказуема и связана с субъективной эвокативностью (личностными ассоциациями) [Domínicu, 2007]. Однако интенционально смысловая идиосинкрязия эвокативной интерпретации всегда делает из нейтрального высказывания – мем, интерпретируя его вне контекста и вкладывая в него окказиональный смысл интерпретатора. В этом случае интерпретанта часто построена на апелляции к прагма-риторическим правилам речевой интеракции – максимум релевантности, вежливости, полноты/избыточности информации, непротиворечивости и т.д. (Г.П. Грайс, Дж. Лич, Д. Спербер, Д. Уилсон и др.) [Попова 2019]. В их интерпретации важна *эвокативность* – ассоциативное интерпретативное значение [Domínicu 2007], – триггерами которой являются парадоксы формы и/или содержания. Таковы ироничные и парадоксальные малапропизмы-мемы, приписываемые В.С. Черномырдину: «*Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу*»; «*И с кого спросить, я вас спрашиваю?*»; «*Учителя и врачи хотят есть практически каждый день!*» «*Лучшей водки – хуже нет*» (Черномырдинки – www; Виктор Черномырдин – www). Эти мемы-цитаты лишены прямой агональности, наделены

эристической иронией, формирующей почти мифологизированный делокутивный имидж российского политика. Делокутивный имидж – прецедентные высказывания, персональный дискурс и т.д. – становится «симулякром» личностного имиджа политика, его «репрезентативом».

Эристические мемы, как правило, отличает фасцинативность и парадоксальность – проявления делокутивной эристичности, эпатажности и харизматичности цитируемого персонажа. Таковы «черномырдинки», «бушизмы», «путинизмы» и т.д. Банальности, как правило, не запоминаются, если только это не «банальности от...», заключающие в себя делокутивный имидж персонажа и эвокацию ситуативной (исторической) релевантности: «Процесс пошел» (М. Горбачев), «Не так сели» (Б. Ельцин), «Casse-toi, pauv'con» (Вали отсюда, придурок)» (Н. Саркози), «Everybody lies (Все лгут)» (д-р Г. Хаус) и т.д.

Так происходит раскрытие семиотического механизма интерпретанты – создания плана содержания (*inventio*) и плана выражения (*elocutio*) (интернет-) мема – этого по своей природе **риторического знака**, обращенного к целевой аудитории и рассчитанного на определенный алгоритм интерпретации [Tamrazova 2016].

При широком понимании процессов **меморизации** и **меметизации** мемами «становятся», помимо интернет-демотиваторов, все афоризмы-сентенции, клише, речевые стереотипы – те дискурсивные элементы, которые можно определить в одну когнитивно-функциональную категорию – **прецедентное концептуально-дискурсивное пространство** этнической и/или кроссэтнической ментальности человека и общества. За стереотипизацией и меморизацией афоризмов и паремий стоят их свойства и функции, достаточно подробно, глубоко и широко исследованные в соответствующих штудиях [Мокиенко 2010]. Мы же остановимся на одной паремической группе, ставшей популярной в пространстве интернета, – **окациональных мемах-паремиях** – персональных квазиафоризмах и

паремических малапропизмах (от фр. *mal à propos* – ‘не к месту’), или «перлах», – идиолектных составляющих делокутивного имиджа медийных языковых личностей. Некоторые из них получают по аналогии с родовым гиперонимом «афоризм» персональные номинации: «бушизмы», «макронизмы», «путинизмы», «ширакизмы», «хаусизмы» (но ср. ум.-ласк. – «черномырдинки»). Мы называем такие высказывания речевыми «нерелевантностями», или паремическими малапропизмами [Алферов и др. 2018].

Паремические малапропизмы – высказывания политиков, эристически воспринимаемые электоратом и гражданским обществом, которые становятся у французов предметом национальной забавы. Французский национальный Прессклуб ежегодно проводит конкурс на самую выдающуюся «фразочку» (*petite phrase*) политиков. Президент Франсуа Олланд в 2016 году лично явился на получение первой премии в этом конкурсе.

Интерпретационная эристика не всегда предсказуема и связана с субъективной эвокативностью, с индивидуальными ассоциациями. Характерным примером являются мемы, публикуемые французским Прессклубом [<http://www.pressclub.fr>]. В их интерпретации важна эвокативность (ассоциативное значение), триггерами которой являются парадоксы формы или содержания. Однако смысловая идиосинкразия эвокативной интерпретации делает из нейтрального высказывания – мем, интерпретируя его вне контекста и вкладывая в него окказиональный смысл интерпретатора. Несомненно, сам юмор, тем более, юмор политический, явление само по себе идиосинкразийное – некоторым недоступное, непонятное и отвергаемое. Реакция на карикатуры иногда трагична, как показали покушения во всем мире на писателей и журналистов-сатириков, карикатуристов (*Charlie Hebdo* и др.). Однако во французской философской и гражданско-социальной традиции (Вольтер, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо)

исторически заложена десакрализация как средство ограничения (если не низвержения) любой авторитарности, доктринальности, идеологического насилия. О влиянии юмора на политику во Франции свидетельствуют и опросы общественного мнения.

Исследование фразоидных эристем – *политических малапропизмов* [Алферов 2018], вскрывающих оценочную интерпретацию высказываний политиков, – подтверждает наше заключение об ингерентном (внутреннем) и адгерентном (внешнем) имидже политического персонажа. Ингерентный делокутивный имидж формируется самим говорящим, адгерентный имидж есть результат оценивания имиджа оратора аудиторией, который закрепляется в общественном сознании и мнении посредством масс-медиа.

Во французском медиасообществе меморизация политических перлов приобретает характер национальной медиа-игры. На сайте Французского Пресс-клуба (Press Club de France) [<http://www.pressclub.fr>] можно найти результаты ежегодного (начиная с 2002г.) конкурса «Юмор и политика» (Humour et Politique) на лучший политический «афоризм» – фразу политика, произвольно или непроизвольно ставшую юмористическим мемом. В первом туре 2018 года лидируют такие фразоиды, как высказывание Э. Мореля о генеральном секретаре социалистической партии О. Форэ: *Pour savoir où est Olivier Faure, suivez les sifflets – Если вы хотите знать, где выступает Оливье Фор, идите на свист публики* (Emmanuel Maurel); в номинации «La plus belle flagornerie en macronie» («Лучшая лесть в макронизмах») лидирует Бернар Кушнер: *Macron est une fierté pour le monde – Макрон – это гордость мира* (Bernard Kouchner), хотя ирония и сарказм в адрес *Юпитера* неиссякаема: *La méthode Macron c'est un peu « je pense donc tu suis » – Метод руководства Макрона – это что-то вроде «я мыслю, следовательно ты исполняешь»* (игра с омоформами глаголов *существовать* и *исполнять*) (Pascal Pavageau) [Alduy 2017].

Нами выдвигается следующая гипотеза: смешное усиливает агональность эристической коммуникации внутри политического класса (межпартийная, парламентская и т.п. борьба) и является *конфликтоцидной, паллиативной* в отношениях политического класса и гражданского общества. В первом случае смешное может усилить идиосинкразию, во втором – предотвратить или ослабить такую реакцию.

Гелотогенные (смехопорождающие) механизмы могут взрывать барьеры идиосинкразии – предубеждения, неприятия и отрицательных ожиданий – между политическим классом и гражданским обществом, снижая тем самым негативную эмоциональность политической коммуникации.

Проводниками такой стратегии выступают разного рода медийные форматы – от интернет-мемов, демотиваторов, анекдотов, афоризмов и сентенций (вспомним И. Губермана, М. Жванецкого, М. Задорнова), юмористических телепередач – до политических «неконвенциональных» медийных форматов, таких как памятные телешоу Виктора Шендеровича «Куклы», «Итого». Во Франции, помимо таких же локальных манифестаций, существуют крупные издания *Le Canard Enchaîné* ('Цепная утка'), *Les Guignols de l'Info* ('Клоуны из Новостей'), конечно, *Charlie Hebdo* и др.

Несомненно, сам юмор, тем более, юмор политический, явление само по себе идиосинкразийное – некоторым недоступное, непонятное и отвергаемое. Реакция на карикатуры иногда трагична, как показали покушения во всем мире на писателей и журналистов-сатириков, карикатуристов (*Charlie Hebdo* и др.). О влиянии юмора на политику во Франции свидетельствуют и опросы общественного мнения. Ниже мы приводим результаты дебатов на одном из французских сетевых ресурсов – форуме дебатов *NEToo*⁴⁵ на тему «Думаете ли вы, что юмористы влияют на политику?» – «Да» -56%, «Нет» – 44% (см. рис. 1).

⁴⁵ URL: <http://debats.netoo.net/debat/85/pensez-vous-que-humoristes-influent-jeu-politique>

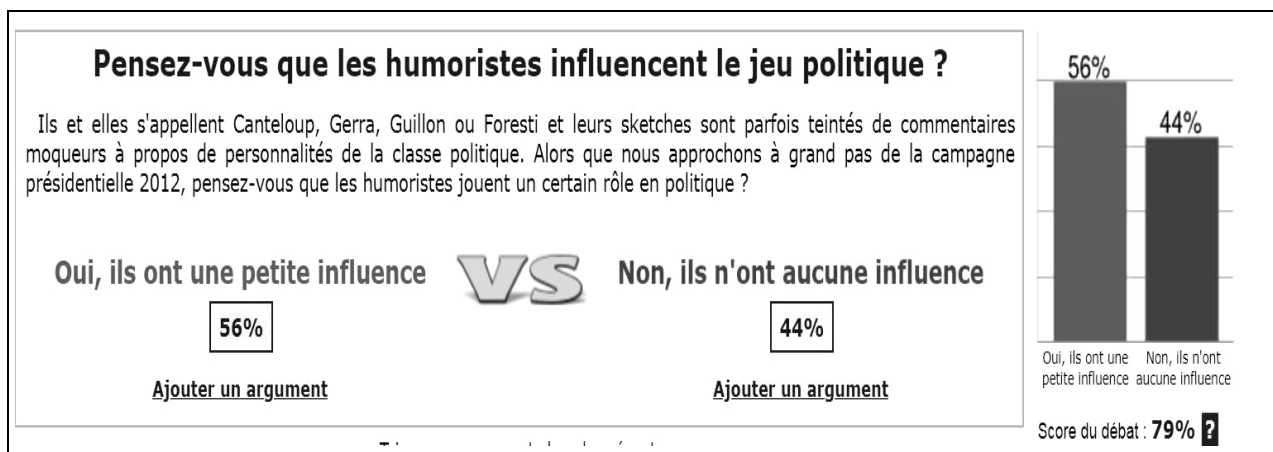

Рис.1. Результаты дебатов о влиянии юмора на политику во Франции

Оба рассматриваемых нами явления – прозвища политиков и так называемые «перлы» политических акторов – актуальны как во Франции, так и в России, Америке и т.д., как внутри политического класса, так и, в еще большей степени, в коммуникативном (медийном) пространстве гражданского общества (ср [Желтухина 2000; 2004]). Наряду с «бушизмами» и «черномырдинками» в межкультурной политической и околополитической коммуникации периодически возникают обсуждения новых высказываний, которые к юмору часто и отношения-то не имеют. Так, знаменитое «мочить в сортире» – эмоциональное высказывание в серьезном и трагическом контексте борьбы с терроризмом, – только став мемом, кажется сегодня забавным благодаря своей эристичной – не только по содержанию, но и по форме – интенциональности. Эта маркированная форма выражения эристической интенциональности приобрела *релевантность* как сильная имиджевая характеристика политического лидера. Поэтому, говоря о гелотогенности рассматриваемого материала, следует помнить, что афористическая меморизация имеет свое жанровое измерение: её функционал – это прежде всего личностная оценочная «дейктизация», прагматическая указательная функция, маркирующая тот или иной политический персонаж. Очень часто такая индексальность получает отрицательную коннотацию.

Гелотогенность (порождение смеха, комизм) подобных высказываний различен, но главным ядром их нелепости и несообразности является не что иное как нарушение принципа релевантности, то есть иррелевантность. Гелотогенность позволяет снизить уровень восприятия негативной эмоциональности внутри политической коммуникации.

Интересным опытом интерпретации политической квази-афористики выступает публикация французских политических журналистов Паскаль Ваттье (Pascale Wattier) и Оливье Пикара (Olivier Picard) «*Parlez-vous le politique: Le politique en version sous-titrée*» [Wattier 2011] («Говорите ли вы по-политически: Язык политики в версии с субтитрами»). Приведем несколько примеров цитируемых «перлов» французских политиков в интерпретации авторов книжки и в нашем переводе:

(1) Цитата: «*Nous avons travaillé deux heures et quart*» («Мы работали два часа пятнадцать минут»).

Политик: François Baroin, 10/08/11, à la sortie de la réunion "de travail" sur la situation économique et financière (Франсуа Баруэн на выходе с «рабочего» совещания об экономическом и финансовом кризисе в стране).

Комментарий авторов: *Pour bien montrer qu'au gouvernement, on n'hésite pas à consacrer à la crise un quart d'heure supplémentaire. C'est rassurant.* (Сказано, чтобы показать, что в правительстве готовы всегда и без колебаний посвятить проблемам кризиса лишние четверть часа. Это обнадеживает.) [Wattier 2011: 71].

Эристическая интерпретанта: «Говори только то, что требуется по ситуации, не давай избыточной информации».

(2) Цитата: «*Je me bats pour un avenir que j'offre aux français*» («Я сражаюсь за будущее, которое подарю французам»).

Политик: Marine Le Pen, 23/06/11, France 2 (Марин Ле Пен, телеканал France 2).

Комментарий авторов: *L'Altruiste* (Альтруистка) [Wattier 2011: 57].

Эристическая интерпретанта: «Нодо быть скромнее».

(3) Цитата: «*Une campagne présidentielle, c'est bestial et inhumain*» («Президентские выборы это что-то животное, бесчеловечное»)

Политик: Dominique Voynet, 20/08/11, [20 minutes.fr](http://20minutes.fr). (Доминик Вуане, интернет-издание [20 minutes.fr](http://20minutes.fr).)

Комментарий авторов: *C'est masochiste, aussi : elle a été candidate deux fois (1995 et 2007). Fais-moi mal ?* (А еще это мазохизм: сама была кандидатом дважды в 1995 и 2007. Типа «сделай мне больно»?) [Wattier 2011: 145].

Эристическая интерпретанта: «Не говори то, что противоречит твоим поступкам».

(4) Цитата: «*Le trottoir de la distanciation est encombré, il vaut mieux être sur celui de la solidarité*» («Тротуар дистанцирования переполнен, лучше перейти на другую сторону улицы – к солидарности»).

Политик: Nicolas Sarkozy s'adressant à des députés UMP, 08/06 *Le Figaro*. (Николя Саркози, обращаясь к депутатам Союза за народное движение. Газета *Le Figaro*).

Комментарий авторов: *Allô ? Un traducteur dans la salle ? On le croyait simpliste, il nous avait bien caché son jeu. Sans doute un effet de sa formation littéraire accélérée avec Carla* («Алло, в зале есть переводчик? Мы думали он простак, а он просто скрывал свои таланты. Наверняка, это результат литературного образования, развитого Карлой...») [Wattier 2011: 62] – Прим.: Карла Бруни-Саркози, жена, топ-модель, композитор, поэтесса-песенница и певица – Г.П.).

Эристическая интерпретанта: «Выражай свои мысли ясно и доступно».

Несмотря на ироническую тенденциозность и произвольность интерпретации вырванных из контекста высказываний действующих политиков, эта публикация показывает, что релевантными для аудитории могут стать: во-первых, *a priori* отрицательная установка по отношению к

дискурсу политического класса, и, во-вторых, нарушения самой коммуникативной релевантности (принципа Кооперации): максимы количества (информативности) – «Не говори больше, чем требуется» (пример 1), максимы скромности (пример 2), максимы качества (искренности) (пример 3) и максимы способа – «Выражайся ясно. Избегай непонятных выражений» (пример 4). Таким образом, ТР получает новый ракурс – рассмотрение некооперативной, агональной коммуникации с модификацией всех параметров и условий интерпретации релевантности смысла [Тамразова 2016].

Гротеск в данном случае позволяет более рельефно показать, что, как отмечает Г.Е. Попова, «достаточно ясная и, казалось, исчерпывающе «прописанная» категория релевантности может иметь различные проявления, модифицирующие в каждом конкретном случае функциональное поле и интерпретационную модальность данной категории в реальной политической коммуникации. Релевантность информации обусловлена не только интенциональностью интерпретатора, но прежде всего контекстом («контекстуальным эффектом», по Шперберу-Уилсон [Sperber, Wilson 1995]).

Интерпретация сообщения или прецедентного текста, меморизованного в долгосрочной памяти, определяется актуальной проблемной ситуацией, требующей установления *ad-hoc* релевантности» [Попова 2019].

Президенту Э. Макрону, как никому из его предшественников, пришлось «отвечать за свои слова» в прямом смысле этой идиомы. Его высказывания со времени его появления на политическом Олимпе привлекают внимание своей «нерелевантностью», с точки зрения их интерпретаторов (журналистов, оппонентов, сетевых персонажей и проч.).

Речевая эристика Макрона (“*Je ne cèderai rien aux faineants, cyniques, extrémistes*” – *Я не уступлю ни лентяям, ни циникам, ни экстремистам*) послужила поводом для многочисленных обвинений в оскорблении французского народа («*fénéants* – лентяи») и слева, и справа (**Martine Aubry**:

«*Les français sont des fénéants! Quel mépris, quelle ignorance !*» – Французы – лентяи! Какое презрение и какое невежество!; **Marine le Pen**: «*Gramsci disait "Le vieux monde se meurt, le nouveau tarde à apparaître, et dans le claire obscure surgissent les monstres". Nous y sommes*» – Грамши говорил: «Старый мир умирает, новый мир не спешит родиться, и в этом безвременье появляются монстры. Вот к этому мы и пришли). Хотя сам президент объяснил, что «имел в виду всех тех, кто мешает реформам во Франции» [Там же].

Реплика, вырванная из контекста, становится поводом для серьёзной медийной эристики и дискредитации имиджа президента со стороны оппозиции.

Эристемы-мемы Макрона могут составить небольшой сборник «макронизмов», в частности, высказывание (Дания, июнь 2018), в котором он сравнивает лютеранцев-датчан (*peuple luthérien*), открытых к преобразованиям, с «галлами, сопротивляющимися переменам» («*Gaulois réfractaires au changement*»). Эта ирония была расценена большинством французов как «высокомерная и презрительная» («*Les "Gaulois" vont se faire un plaisir de répondre à son arrogance et à son mépris!*» – *Marine Le Pen* (Le Monde, 29 août 2018). – «"Галлы" припомнят ему это презрение и высокомерие» – *Марин Ле Пен*). (Пророчество сбылось: той же осенью «Галлы» надели «жёлтые жилеты»).

С другой стороны, совершенно понятно, что высказанная Макроном (само)ирония не являлась ни надменной, ни агрессивной. Наоборот, она могла бы быть интерпретирована как подчеркивающая (эвоцирующая) *упорство галлов* времен Римской Империи («Астерикс и Обеликс») или немецкой оккупации (Сопротивление), вошедшее в легенды. Но эти *эвокации* остались нереализованными. Контекстуально слова Макрона в присутствии датской королевы прозвучали неуместно (нерелевантно), так как нарушили один из постулатов общения – «не принижай себя перед посторонними».

Самоирония предполагает *взаимную эмпатию* со стороны адресата, которой, к сожалению, Э. Макрон не может похвастаться: его высказывания, увы, получают *эристическую интерпретацию* (что связано с интенциональной и психологической «установкой» его аудитории). Их жанрообразующим семиотическим механизмом является дискурсивный сдвиг – *шифтинг*, смещающий интерпретацию с сентенциальной семантики высказывания на его ситуативно-прецедентную эвокативность – способность интерпретанты «воскресить» в памяти речевое событие и рефрейминг – эристическая интерпретация [Тамразова 2020в].

Высказывания-мемы являются триггерами речевых событий, связанных с личностью субъекта и историей их порождения. Семиотически в когнитивную интерпретанту такого знака входят все обстоятельства прецедентного речевого события по параметрам SPEAKING [Hymes 1972; 35–71] (ситуация «сказывания»: хронотоп, участники, цель, тональность и т.д.).

Однако доминирующей характерологической чертой интерпретанты паремических малапропизмов, авторских речений, которая лежит в основе их меморизации и меметизации становится **эристичность** интерпретации как жанрообразующая характеристика этого паремического разряда. Эристические проявления – *пикировка, розыгрыш, стёб, насмешки* и т.д. – имеют две ипостаси, воплощаемые в интерпретанте мемов: – *агональную (полемическую)*, направленную на дискредитацию и спорадично пересекающуюся с речевой агрессией (*ad hominem*), и – *аномальную*, связанную с нарушением языковой и речеповеденческой нормы, определяемую как *речезыковая трансгрессия* [Тамразова 2009]. Людическая эристика (пародия, шарж) далека от грубых нападок, прямого оскорбления и речевого насилия. Будучи агональной и даже антагонистической, *эристика* *стремится к агрессии как к своему пределу*.

Таким образом, эристическая интенциональность принадлежит как отправителю, так и получателю, она свидетельствует о том, что акт коммуникации не сводится к формуле «кодирование-декодирование», – такая редукция скрывает факт самостоятельности интерпретатора, который, следуя теории релевантности, считывает лишь остенсивно посланные знаки-сообщения, интерпретация которых – это творческий интеллектуальный процесс. Эвокативность эристики особенно ярко проявляется в художественном дискурсе (см. ниже).

4.2. Полиmodalная эристика политического персонажа (жестовая кванто-эристема)

Политическая коммуникация пронизана телеологией агональности [Шейгал 2000;], что отличает конструктивную критическую диалектическую дискуссию [Eemeren 2004] от эристической и даже агрессивной речевой интеракции: диалектика рациональна и аргументативна, эристика – персуазивна, т.е. рационально-манипулятивна (софистика) и эмоциональна [Tamrazova 2016].

Обыденная политическая коммуникация (ср. [Голев 2013]) была исследована нами во французском дискурсивном социолингвистическом поле в формате общения лидеров политического класса с представителями гражданского общества и «электоратом» – «простыми французами». В качестве материала исследования были использованы видеозаписи этих встреч, выложенные в Интернете. Такие медиа-источники исследования кинесики (в частности, жестов) имеют как преимущества, так и недостатки. К первым относится их визуальная аутентичность, которая не вполне доступна вербальному описанию и анализу жестов [Крейдлин 1998], ко вторым – зависимость от «произвола» оператора, его «точки зрения», в отличие от лабораторных исследований с визуальной фиксацией исследуемой полиmodalности [Ирисханова 2016; Кибрик 2018]. Но и в этом аспекте есть очень важный аргумент в пользу аутентичного видеоматериала, – это его

спонтанность и тесная связь с параметрами реальной коммуникативной ситуации, которые достаточно трудно достигаются в лабораторных условиях [Cosnier, Kerbrat-Orecchioni 1987]. В этом смысле выбор материала во многом определяется прагмалингвистическими целями интеракциональной парадигмы исследования [Алферов 2001]. Еще одним важным источником – опорой для аналитических построений – явились существующие в рамках французской межъязыковой лингводидактики (FLE) корпусы французских жестов (в частности, Gestes et expressions françaises. – URL: <https://www.youtube.com/watch>), послужившие ключом к описанию кинесетической динамики речевой интеракции.

Внутренне присущая политическому дискурсу агональность реализуется как на институциональном, так и на бытовом уровнях [Шейгал, Дешевова 2009]. Наиболее ярко антагонизмы политической дискурсивной формации [Ревзина 2005] проявляются в электоральные периоды, особенно в отношениях между политическим классом и гражданским обществом: первый старается манипулировать вторым, а тот, в свою очередь, получает иллюзию «принятия решения» с обострением «гражданской позиции».

Еще один корпус исследования эристического в политической коммуникации составляют видео материалы свободного интернет-доступа, демонстрирующие обыденную политическую коммуникацию.

Эмоциональность эристики заключается в ее полимодальности, которая в непосредственной коммуникативной интеракции непременно сопровождается *кинесикой*. И хотя слово «эристический» происходит, по одной из этимологий, от *Эрис* – имени богини хаоса [Benjamin 1983], *полимодальное эристическое* речевое поведение далеко не хаотично и отличается определенными закономерностями.

Эристика как практика спора имеет жанровые аппликации: *диалектическая дискуссия* характерна для научного и экспертно-компетентностного дискурса (принятие решения – например, в политике:

парламентская комиссия, заседание кабинета и т.п.). Агональность эристики возрастает с *популизацией* дискурса: обыденный политический дискурс [Голев 2013] в виде ток-шоу, интервью, парламентских дебатов и т.д. сопровождается эмоциональной спонтанностью, а значит – кинесикой – мимикой, жестами, просодическими модуляциями и т.д.

Дискурсивный этос эристики проявляется на всех этапах риторического речепроизводства: в *inventio*, в силу функции убеждения (планируемый имидж); в *dispositio* как и в *elocutio*, и, последнее, но не менее важное, в *actio*-истинном дискурсивном исполнении, с помощью которого, как театральный актер, оратор пытается наилучшим образом исполнить свою речь, используя все средства (голос и жесты), которые предлагает ему ее тело. Полиmodalность в риторике еще не заняла своего подобающего места, хотя исследования полиmodalности представлены в отечественной лингвистике достаточно широко [Кибрик 2018а,б]. Основой исследования полиmodalности речевого взаимодействия служат следующие наиболее общие положения.

На стадии становления языка полиmodalность коммуникации имела решающее значение и как переходный этап в формировании акустического канала связи, и как компенсаторный механизм недоразвитости вокальных языковых средств выражения [Tomasello 2003]. Жесты и другие параречевые «инструменты» коммуникации рассматриваются скорее, как modalности, подчиненные вербальной коммуникации, однако их значимость не вызывает сомнений (вспомним известную формулу А. Мехрабиана соотношения в коммуникации вербального – жестового – визуального компонентов: «7%–38%–55%» [Mehrabian 2015]).

Ученые предлагают различные подходы к трактовке полиmodalности (ср. [Ирисханова 2016; Николаева 2015; Слово и жест 2018; События в коммуникации 2016; Forceville 2018]). При этом непременно складывается некий онтологически и дедуктивно предопределенный инвариант, который

может быть принят за отправную точку исследования, например, в виде некоей матрицы, требующей эмпирического наполнения. Такой онтологически обобщающий открытый классификатор полимодальной коммуникации был представлен исследовательской группой А.А. Кибрика [Кибрик 2018: 72] (Рис. 2):

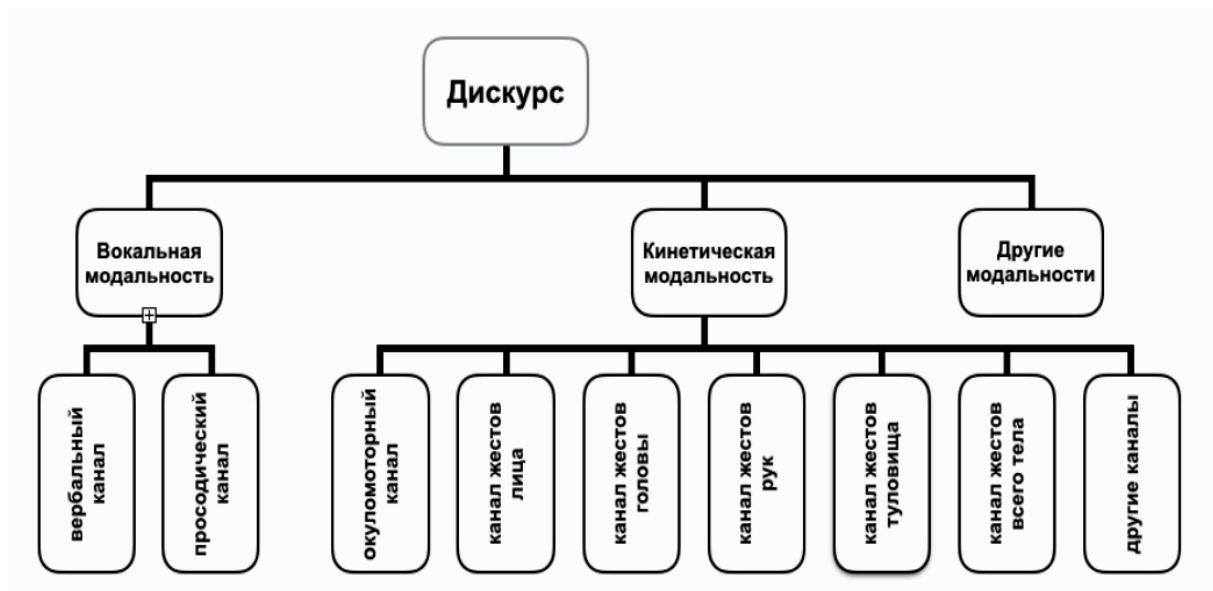

Рис. 2. Модель мультиканального дискурса А.А. Кибрика (<http://multidiscourse.ru/main/>).

Исследование жестовой семантики получило достаточно бурное развитие в отечественной лингвистике в рамках исследования функциональной прагматики (см. напр., [Тамразова 2009]). Во французском анализе речевого взаимодействия (Analyse Conversationnelle) эта тематика также существует уже более 30 лет (см., напр., [Hennel-Brzozowska 2008]). Распространение полимодального подхода в социокогнитивной лингвистике [Ирисханова 2014а], в частности, в исследовании диалога [Борисова 2007], возрождает интерес к полимодальной интеракциональной синергетике и дополняет семиотический анализ речевой интеракции.

Жестовая эристема объединяет в плане выражения паравербальный (просодия), вербальный (речеактовый и лексико-грамматический) и кинетический (мимика – жесты и язык тела – проксемика) уровни (ср. [Cosnier, Vaysse 1997; Hennel-Brzozowska 2008]).

Характерной особенностью французской политической электоральной кампании становится жанр прямого общения политиков с избирателями, который становится неременным форматом в СМИ / Интернете, и часто такое общение превращается в выяснение отношений с переходом на личности, то есть в эристический дискурс в его классическом понимании (см. выше – делокутивный имидж).

Речевая интеракция, содержащая эристическое противодействие, еще не была предметом полимодального исследования, однако накопленный корпусный и аналитический материал соответствующих тематических исследований [Тамразова 2009; 2016] позволяет нам предложить вариант рассмотрения полимодальности эристического дискурса в преломлении к французской лингвокультуре.

Первым основанием для определения релевантной базы исследования явилось универсальное представление о том, что интерперсональное речевое взаимодействие движимо двумя противоположными макростратегиями – миметической, отражающей коммуникативную эмпатию, и агональной, направленной на речевое противодействие. Вторая включает в себя эристику как тип речевой стратегии и вид дискурсивной тональности.

Параметры и данные анализа. В статическом парадигмальном аспекте исследование потребовало таксономической структуризации пространства французской жестовой эристики. Как известно, типологические корпусы жестов разнообразны [Cosnier, Vaysse 1997; Hennel-Brzozowska 2008]. В целом наша классификация *эристических жестов (ЭрЖ)* связана с их внутренним формальным устройством и внешним функциональным диапазоном:

а) с пирсовской семиотической триадой – иконографической, индексальной и символической формой и

б) с функциональной речеактовой типологией – локутивной, иллюкутивной, перлокутивной (интерпретационно-смысловой) и элокутивно-импрессивной (риторической) составляющими речевого акта.

Выработанная нами классификация жестов коррелятивна номенклатуре речевых актов с выделением семиотических – иконографического, индексального и экспрессивно-символического – аспектов, соответствующих локутивной, иллюкутивной, перлокутивной (интерпретационно-смысловой) и элокутивно-импрессивной (риторической), составляющим речезыкового акта.

Классификационным принципом в описании паравербальной интеракциональной эристики становится деление жестов на эмблематические (парадигматические) и процессуально-кинетические (спонтанно-эмоциональные и дейктико-логические). Оба выделенных типа французских жестов сопровождают ситуацию речевого противодействия (возражение, отрицание, опровержение, пренебрежение, конфликтная инвектива и т.д.).

Характерологической особенностью французских эмблематических жестов является их конвенционально-речевой характер: практически каждый визуальный французский жест коррелирует с фразеорефлексом⁴⁶ [Тамразова 2017], являющимся его вербальной «легендой», его фразеологической номинацией (см. Табл.9).

Таблица 9.

Эристические французские жесты (три степени агональности)

импликативные ЭрЖ		остенсивные ЭрЖ		агрессивные ЭрЖ	
амбивалент	ассоциат	импрессия	экспрессия	возмущение	угроза

⁴⁶ Фразеорефлексом называют вербальные реакции (формулы-стандарты приветствия, пожелания, просьбы, выражающие чувства, эмоции), имеющие тенденцию к стереотипизации и, которые приобретают более или менее устойчивый характер в языке [Гак 1995]

					
Ну и чё!	Достало!	Скукота!	Ага, щас!	С ума сошёл?!	А по голове?!

Фразеорефлексы *Bof; En avoir assez; Oh la barbe!; Mon oeil!; Ça va pas la tête! Gare à toi!* и др. иногда сопровождают жестовую кинесику, а иногда употребляются отдельно как вербальные жесты [Гак 1995; Тамразова 2017].

Ни в русском, ни в английском языке явления корреляции вербальных жестов-фразеорефлексов и конвенциональных кинесетических жестов не существует в таком объеме и такой рекуррентной коррелятивности.

Градуальность эристичности французских жестов можно представить в виде трех степеней эмоционально-иконической выраженности:

1) *имплицативные* ЭрЖ (в основном мимические), отличающиеся меньшей экспрессией, интерпретация которых также конвенциональна (**Bof; En avoir assez**, etc.); такие жесты в меньшей степени угрожают «позитивному лицу» собеседника.

2) *остенсивные* ЭрЖ (**Oh la barbe!; Mon oeil!**, etc.) интерперсонально маркированы и несут значение отрицательной оценки высказываний и/или действий собеседника; это ядерные жестовые эристымы, выражающие несогласие и «дезавуирование» собеседника как релевантного партнера по коммуникации;

3) *агрессивные* ЭрЖ (**Ça va pas la tête! Gare à toi!**, etc.) выражают речевую агрессию как крайнее проявление эристики (см. выше).

Вопрос о функционально-семантических взаимоотношениях между жестами и их речевыми коррелятами во французском разговорном узусе требует особого рассмотрения (см., напр., [Тамразова 2017]).

В динамическом аспекте эристическая жестикуляция, как было отмечено, коррелирует с проксемической агональностью – степень агрессивности коммуниканта проявляется в сокращении расстояния, в тактике угрожающего приближения, в жестикуляционных выпадах и т.д. За единицу анализа эристического речевого взаимодействия принимается эристема, объединяющая в плане выражения паравербальный и вербальный (речеактовый и лексико-грамматический), а также кинесетический (жестовые движения рук), «язык тела» и проксемика) уровни (ср.: [Cosnier, Vaysse 1997; Hennel-Brzozowska 2008]).

Эристические речевые акты, выражают *противодействующие* речевые интенции говорящих, обращенные на партнера по коммуникации (оппонента) в рациональном и эмоциональном диапазонах, в пропозиционально-аргументативном, иллюкутивном, интерперсональном и собственно-дискурсивном аспектах речевой интеракции [Алферов 2001].

Французские (эристические) жесты делятся на две группы:

- **эмблематические** (парадигматические и конвенциональные) и
- **процессуально-кинетические** (спонтанно-эмоциональные и дейктико-имплицативные).

Оба выделенных типа французских жестов сопровождают ситуацию речевого противодействия (возражение, отрицание, опровержение, пренебрежение, конфликтная инвектива и т.д.).

Конвенциональность речевых жестов культурологически определяет лингвонациональную идентичность. Понять их значение может только человек, посвященный в семантику жестового языка национальной лингвокультуры. С семиотической точки зрения, это прежде всего символические жесты [Cosnier, Vaysse 1997], при этом жестко кинесетически и иконографически очерченные в соответствии с принятой нормой.

Конвенциональность таких жестов уменьшается, их эмоциональная мотивированность более прозрачна. Функциональная семантика этих жестов

может быть интерпретирована, исходя из «среднеевропейского кинестетического стандарта» (который гипотетически существует по аналогии с SAE – Standard Average European).

Следующая таблица лишь приоткрывает номенклатуру конвенциональных французских эристических жестов (стоп-фиксированных в одной из кинетических точек) и их фразеологических номинаций (рис. 3):

Рис 3. Конвенциональные французские эристические жесты.

Следующий тип эристических жестов можно рассматривать как псевдоконвенциональные. Они также конвенциональны кинестетически, имея узуальную иконографию и характерную национальную двигательную рефлекторность. Однако их значение более прозрачно для интерпретации: их хореография приближается к спонтанной эмоциональной жестикуляции, имеющей, тем не менее, идиозэтнические особенности (см. рис. 4).

Рис. 4. Псевдоконвенциональные жесты и их речевые эквиваленты.

Анализ транскрибированной видеозаписи из нашего корпуса позволит показать семиотическую полимодальность французского эристического дискурса.

Контекст интеракции: улица; проходящий сквозь толпу французский политик, лидер социалистов, парламентарий Ж.-Л. Меланшон (А); человек из толпы (Б) бросает критическое замечание в адрес А, который, останавливаясь, обращается к Б.:

А. (1) *Regardez-moi bien droit dans les yeux ! Les imbéciles qui distribuent des faux tracts, qui me traite de nazi, et qui racontent que j'ai des maisons et des voitures...* (Посмотрите мне в глаза! Это придурки распространяют листовки, называют меня нацистом и рассказывают, что у меня дома и машины...)

Б. (2) <...> *C'est moi le nazi?* (Это я нацист ?)

А. (3) *Non, mais je sais pas, Monsieur...* Je sais qu' ceux qui font ça, ils seront punis par la loi, sévèrement... (Не знаю, месье, Я знаю, что те, кто это делает, будут наказаны по закону, жестоко наказаны...)

Б. (4) <...> *Nous verrons...* (Увидим...)

А. (5) *On verra, Monsieur... Ce qu'on va voir c' que dans ce pays tout n'est pas permis... Et il faut pas être très malin...* (Увидим, месье. Мы увидим то, что не всё в этой стране сходит с рук. Не стройте из себя умника!) (Рис.5):

Рис. 5. «Regardez-moi droit dans les yeux!» – 'Посмотрите мне в глаза!'.

Инициальная эристема А.(1а) выражена фразеорефлексом (стереотипной эристической формулой-вызовом) *Regardez-moi bien droit dans les yeux!*, характерным для французского речевого конфликта, и соответствующим жестом: выпрямленная ладонь движется, обозначая траекторию от глаз собеседника к глазам говорящего – индексально-иконический жест (интеракциональный дейксис «Ты» – «Я»). Элементарный смысл эристема (ЭСЭ): «ты меня задел, я вызываю тебя». Далее следует А.(1б): отрицательно-оценочная пропозиция о неизвестных «плохих людях» (рука перемещается вправо-влево, подчеркивая негативное отношение к ним говорящего и их незначительный статус). Косвенный ЭСЭ А.(1б): «не надо уподобляться “каким-то подонкам”». Косвенное причисление собеседника к обозначенной референтной группе.

Эристема А.(5а) – утверждение-декларатив: указательный палец выпрямлен и назидательно поднят вверх в направлении собеседника.

ЭСЭ: «праведное наказание ждет каждого» – косвенный акт угрозы, подтвержденный дополнительной пропозицией-фразеорефлексом А.(5б): «Не надо умничать!» – прямым упреком собеседнику и конвенциональным жестом (ср. Рис.4, жест 9).

Этос интеракции: Б. сравнивает оппонента со скандальным политиком Бернаром Тапи):

Б. (6) <...> comme ce Tapie... (... как этот Тапи...)

A. (7) *Moi, je suis pas Tapie, j'ai rien à voir avec ça...* Vous avez affaire à un homme de gauche. (Я не Тапи, ничего общего, я человек левых убеждений...)

Б. (8) <...> *un salaud...* (Этот негодяй...)

A. (9) *Monsieur, débrouillez-vous avec l' Tapie, c'est votre...* (Месье, разбирайтесь сами с вашим Тапи...)

Б. (10) <...> *un homme de gauche... qui a quarante mille euros par mois...* (... левых убеждений и имеет сорок тысяч евро в месяц...)

A. (11) *Voilà, quarante mille euros par mois. Vous entendez les amis ?* (Ага, сорок тысяч евро в месяц... Все слышали?)

A. (12) *Oui, comment... alors... comment vous... Allez, démontrez comment j'ai quarante mille euros par mois... Vous ne savez pas, mais vous parlez quand même... Regardez-moi ce gros imbécile!* (Да, откуда, ну да... откуда... Давайте, покажите, откуда у меня сорок тысяч евро в месяц. Нет, вы посмотрите на этого толстого идиота...) (см. ниже Рис. 6).

Рис. 6. «Voilà, quarante mille euros par mois!» – 'Как же, сорок тысяч в месяц! '.

A.(7a): псевдоконвенциональный жест «Запомните!», направленный на собеседника и указывающий на нарушение им личностной пресуппозиции «левый политик»;

A.(7б): индексальный (указательный) жест – корректирующая «самопрезентация»;

A. (9) иконографически идентичен и семантически синонимичен;

А.(1б): «какой-то Тапи, ничего с ним общего».

Пафос интеракции: Б. продолжает атаковать и прибегает к косвенному акту обвинения: «нельзя быть левым политиком и иметь такие деньги», называя конкретную сумму в месяц. Такая конкретика, с точки зрения оппонента, требует доказательств – эристема

А.(11а): указательный палец резко направляется в лицо собеседнику, который вынужден отстраниться: «Ага, 40 000 в месяц!» и далее

А.(11б): жестовая и кинетическая апелляция к аудитории «Нет, вы посмотрите!» – указание на собеседника. Именно «аргумент»

Б. (10) становится наиболее острым конфликтогеном, вызывающим речевую и кинетическую агрессию

А.(12а): политик скрещивает на груди руки, голова вытягивается вперед, лицо приближается к лицу оппонента – ЭСЭ: вызов «ну давай, скажи» (ср. Рис. 3: жест # 11). Эристический выпад усиливается апелляцией к аудитории

А.(12б): презрительное выражение лица, открытая ладонь, разведенные пальцы – псевдоконвенциональный кинестетический акт выражения пренебрежения.

Далее: Б. упрекает А. в несоответствии статусу сенатора, коим тот, как оказалось, не является:

Б. (13) <...> être sénateur... (... быть сенатором...)

А. (14) *Eh oui Monsieur, vous êt'un grand imbécile...Parce que... et oui mon bonhomme... On peut pas être sénateur et député en même temps...* (Ну конечно, месье, да вы просто идиот... Потому что, да да да, уважаемый, нельзя быть сенатором и депутатом одновременно...)

Б. (15) <...> C'est ce que j'disais: Monsieur est impoli... (Ну, я говорил, он еще и обзывается...)

А. (16) Ouah, impoli, et vous... qu'est-ce que vous êtes? .. (А... обзывается, а вы, вы что делаете?)

Б. (17) <...> J'sais pas... (Не знаю...)

А. (18) Mais si, vous dites une bêtise pour enduire les gens en erreur... Regardez-moi droit dans les yeux! Vous êtes un homme ? Alors, je gagne quarante

mille euros..., espèce d'imbécile... Vas-y comment *tu l'sais*... Vas-y, *dis le voir*... (Да знаете, вы говорите глупости, чтобы вводить людей в заблуждение... В глаза мне смотреть ! Ты мужик или нет? У меня сорок тысяч в месяц, недоумок... Да давай, докажи, давай скажи, скажи...)

Б. (19) <...> *Il va me taper dessus!* (Ох, он меня сейчас ударит!) (Рис. 7):

Рис. 7. «Il va me taper dessus!» – 'Он меня сейчас ударит!'.

А. (14) вводит аргументацию, уличающую Б в незнании законов. Опираясь на ошибку противника, А развивает наступление, бросая в лицо Б инвективу «*vous ét'un grand imbécile*», и дает Б повод обвинить оппонента в грубости – Б. (15). При этом Б оборачивается на камеру, призывая оператора в свидетели⁴⁷. А возмущен и нападает на оппонента, повышая голос, грудью наступая на него, размахивая руками: А (16;18а, б), чем вызывает у противника испуг – Б. (19): «Ох, он меня сейчас ударит!». Испуганный человек резко отклоняется назад, опасаясь сжатой в кулак руки противника.

Такая агрессивная кульминация сменяется паллиативным окончанием диалога:

А. (20) *Je ne vous taperai pas, t'es un crétin et c'est tout* (Я вас не ударю, ты просто идиот, вот и все).

Б. (21) <...>

А. (22) *Exactement... Parce que vous mentez... Alors, je gagne quarante mille euros... Comment vous le savez, en lisant les tracts du Front National?*

⁴⁷ Этот кинетический жест показывает, что такие пикировки вполне могут быть провокациями по отношению к политикам, вызывающими их на бурные эмоциональные реакции, которые фиксируется на камеру и выкладываются в Интернет с целью дискредитации политического противника).

(Точно... потому что вы врете. Ага я получаю сорок тысяч... *Откуда вы это взяли? Из листовок Национального Фронта?*)

Б. (23) Non, pas du tout, pas du tout... (Нет. Ни в коем случае...)

А. (24) Vous n'savez rien du tout, **vous avez un pois chiche à la place du cerveau!** Eh, vous autres, l'extrême droite, voilà c'que vous êtes... Exactement. (Да, ничего вы не знаете, у вас ничего [мусор] в голове. Да вы, вы – это крайне правые, вот кто вы. Да, конечно).

Наряду с жестикуляцией можно отметить проксемическую стратегию эриста – политика, лидера одной и левых партий, депутата (А), обвиненного человеком из толпы (В) в чрезмерных доходах (эристема *ad personam*) (см. подробнее текст диалога в [Тамразова 2018]). Фрагмент диалога (агональной интеракции):

А.(1) *Regardez-moi bien droit dans les yeux ! Les imbéciles qui distribuent des faux tracts, qui me traite de nazi, et qui racontent que j'ai des maisons et des voitures...* (В глаза мне смотрите! ... Придурки, распространяют поддельные листовки, рассказывают, что у меня дома и машины...)

В. (17) <...> *C'est ce que j'disais: Monsieur est impoli...* (Ну, я говорил, он еще и обзывается...)

А. (16) *Ouah, impoli, et vous... qu'est-ce que vous êtes? ..* (Я обзываюсь, а вы, вы что делаете?).

Градуальность агональности ЭрЖ во французском речевом узусе явно зависит от степени обращенности к собеседнику: со степенью агональности растет проксемическая и кинесетическая агрессия – «захват территории» и имитация физической агрессии. (см. ниже Табл. 10).

Таблица 10

Кинесетико-проксемические эристеми агональной интеракции

Начальная стадия («вызов принят»)	Эскалация эристики («я тебе покажу» или «а ты кто такой»)	Аргументативная эристика («включи голову»)	Финал (победа) («контрольный выстрел»)
Regardez-moi bien droit dans les yeux !	...comment j'ai quarante mille euros par mois...	...dans ce pays tout n'est pas permis...	Et il faut pas être très malin...
			

В результате проведенного полимодального исследования эристического дискурса на основе систематизации корпусного материала можно судить о системной организации речевой интеракции и констатировать взаимодействие между идиоматикой и речеактовой типологией, соответствующей агональным речевым поведенческим стратегиям – от нонконформизма до агрессивной девиантности, и позволяет считать жесто-кинетическую интеракцию перспективной для разработки и неотъемлемой составляющей описания эристического дискурса.

В ходе полимодального анализа были выведены три основных типа эристы:

– *вербальная эриста* (ВЭр) – фразорефлекс, эристический фразоид:

Regardez-moi bien droit dans les yeux !,

– *кинестическая эриста* (КЭр) – сокращение/увеличение дистанции, поворот головы к определенной части аудитории,

– *эристический жест* (ЭрЖ).

Из общей номенклатуры французских жестов (198) были выделены эристические жесты (ЭрЖ) (100), дифференцируемые по степени возрастания агональности – от амбивалентной и имплицативно-ассоциативной (21) до остенсивной (62) эристической жестикуляции и далее до речежестовой агрессии (14).

В результате анализа мы выявили четыре стадии анализируемого конфликта:

1) Начальная стадия («Вызов принят»);

2) Аргументативная эристика («Включи голову»);

3) Эскалация эристики вплоть до агрессии («Я тебе покажу» или « а ты кто такой»);

4) Финальная стадия – победа («Контрольный выстрел»).

Таким образом, фиксация и полимодальный анализ эристической речевой интеракции позволяет выявить речезыковые (кинестетические,

лексические, синтаксические, идиоматические) средства выражения речевой агональности во французском языке. Среди отмеченных жестов можно выделить несколько категорий:

- индексально-интерперсональные (1а; 1б; 5а; 11а; 18а; 18б; 19 и др.);
- аутореферентные (7а; 7б;) и квази-аутореферентные (5б; 7а; 11а; 15 и др.),
- аттенциональные (7б; 12б; 18б; 19)
- метафоро-метонимические (2б; 12 в),
- кинетические жесты (движения) (1б; 5а; 11б; 12а и др.) и т.д. (ср. [Cosnier, Vaysse 1997]).

Индексально-интерперсональные жесты направлены на собеседника и сопровождают речевые акты обвинения, упрека, подтверждения и др.; *аутореферентные жесты* направлены на самого говорящего (Ты/Вы) и усиливают речевые акты самопрезентации «Я не имею ничего общего с...» – «Moi, je suis pas Tarie, *j'ai rien à voir avec ça...*» (А.7); *квази-аутореферентные жесты* указывают на самого говорящего, но имплицируют косвенный вызов собеседнику – *et vous... qu'est-ce que vous êtes?*; *аттенциональные жесты* подчеркивают значимость того или иного утверждения, служат для привлечения внимания собеседника и аудитории; *метафоро-метонимические жесты* обычно сопровождают косвенные речевые акты: ***Regardez-moi bien droit dans les yeux !*** (А.1) – «Посмотрите мне в глаза!» = «Говорите правду!»; *кинетические жесты* такие, как удаление-приближение к собеседнику отражают градуальность эристики (дистантность), причем приближение амбивалентно и фиксируется как агрессия в одном контексте и как проявление эмпатии – в другом; поворот головы – обращение к аудитории – призыв в свидетели, усиление риторико-аргументативного воздействия на оппонента путем объединения с аудиторией.

В силу семиотического синкретизма один жест может соотноситься с разными иллокутивными типами. Такая классификация требует дальнейшей

метаязыковой формализации и унификации как в плане категоризации, так и в плане метаязыкового описания (терминологии, систем записи и т. д. (ср. [Кибрик 2018]). Французская паравербалика отличается высокой степенью жестовой конвенциональности почти регулярным параллелизмом *жест – фразеорефлекс* [Тамразова 2017]. Полиmodalность интерперсональной эристики представляет собой нетривиальный и поли-парадигмальный объект лингвосociологического интеракционального исследования.

4.3. Эристический логос политических дебатов

Третий корпус нашего исследования составляют транскрибированные скрипты видеозаписей политических дебатов: предвыборные теледебаты перед заключительным туром голосования на выборах президента Франции (кампании 1974–2017).

Во фрейме предвыборной дискуссии были рассмотрены следующие дебаты: 1) В. Жискара д' Эстен (Valéry Giscard d'Estaing) – Ф. Миттеран (François Mitterrand) – 1974г. – далее **VGE–FM-1974**; 2) В. Жискара д' Эстен (Valéry Giscard d'Estaing) – Ф. Миттеран (François Mitterrand) – 1981г. – далее **VGE–FM-1981**; 3) Ф. Миттеран (François Mitterrand) – Ж. Ширак (Jacques Chirac) – 1988г. – далее **FM–JCh -1988**; 4) Ж. Ширак (Jacques Chirac) – Л. Жоспен (Lionel Jospin) – 1995 г. – далее – **JCh–LJ-1995**; 5) С. Руаяль (Ségolène Royal) – Н. Саркози (Nicolas Sarkozy) – 2007г. – далее **SR–NS-2007**; 6) Ф. Олланд (François Hollande) – Н. Саркози (Nicolas Sarkozy) – 2012г. – далее **FH–NS-2012**; 7) М. Ле Пен (Marine Le Pen) – Э. Макрон (Emanuel Macron) – 2017г. – далее **MLP–EM-2017**.

Основной единицей анализа явилась **интеракциональная эристема (монологичная и диалогичная** – см. выше Схема 4) – эристическая диалогическая (обмен репликами) или монологическая диктема, которая, в совокупности с другими диалогичными монологическими эристическими диктемами, формируют эристическую тональность дебатов.

Как правило, такие **доминантные** интеракциональные эристымы отмечаются аудиторией и становятся мемами – фразоидными эристемами, подчеркивающими сильные и слабые стороны политика, создавая и закрепляя его адгерентный делокутивный имидж.

Как уже отмечалось, ингерентный имидж может значительно отличаться от адгерентного имиджа: замысел речи (*inventio*), отражающий интенциональность говорящего, может быть эристически интерпретирована аудиторией или её частью.

Вступающие в дебатах конкуренты стремятся опровергнуть не только мнение своего присутствующего визави-оппонента, но и преодолеть когнитивное предубеждение аудитории, несущей отрицательную концептуализацию имиджа политика, его адгерентный «пред-дискурсивный» имидж (*ethos pré-discursif* [Maingueneau 2002]).

В дебатах – прототипическом агонально-риторическом жанре – эристика реализуется в трех риторических модусах – этосе, логосе и пафосе. При этом пафос и логос становятся средством формирования этоса – ингерентного имиджа претендента на пост президента Франции.

Этос президентских дебатов формируется вокруг идеального имиджа президента (концепта ПРЕЗИДЕНТ – ср. [Иванова 2003]), дебатлируемого на начальной стадии через стратегию самопрезентации [Goffman1973], в той или иной форме осуществляемую каждым из коммуникантов, представляющих свой ингерентный имидж как наиболее соответствующий образу президента.

Анализ показывает, что первой составляющей стратегии самопрезентации является имплицативная эристика: утверждая свой позитивный ингерентный имидж, говорящий противопоставляет свои качества качествам оппонента, подчеркивающим его несостоятельность.

В этой **макроэристе** (превосходство) реализуются несколько видов **мезоэристем** (высказываний, речевых актов, речевых стратегий).

4.3.1. Пропозициональная косвенная эристема – *ad hominem circumstantiae*

Эристема *ad hominem circumstantiae* актуализирует фактуальную пропозицию – факты, дискредитирующие идеальный имидж оппонента.

Установление позитивного ингерентного имиджа (самопрезентация) выступает как модальность, косвенно противопоставленного имиджу оппонента аргумента *ad hominem circumstantiae*.

Ярким примером в дебатах **FH–NS-2012** является заявление Ф. Олланда. В каждой фразе его *интеракциональной пропозициональной эристеми*, начинающейся с «*Moi, président de la République, je...*» – Я, будучи президентом,...» заложен скрытый упрек в адрес оппонента, в пресуппозиции каждой фразы заложен смысл ‘Я буду действовать не так, как действовал мой оппонент (Н. Саркози), будучи президентом’:

F.Hollande : « **Moi**, président de la République, **je** ne serai pas le chef de la majorité, je ne recevrais pas les parlementaires de la majorité à l'Élysée» – «Я как президент республики не останусь во главе правящей партии и не буду принимать парламентариев из большинства в Елисейском дворце).

Moi, président de la République, **je** ne traiterai pas mon premier ministre de collaborateur. **Moi**, président de la République, je ne participerai pas à des collectes de fonds pour mon propre parti dans un hôtel parisien – (Я как президент республики не назову своего премьер-министра предателем. Я как президент республики не буду участвовать в сборе средств для своей партии в частном отеле Парижа).

Moi, président de la République, **je** ferai fonctionner la justice de manière indépendante, je ne nommerais pas les membres du parquet alors que l'avis du conseil supérieur de la magistrature n'a pas été dans ce sens– (Я как президент республики обеспечу независимость судебной власти, я не буду назначать прокуроров без согласия Генеральной прокуратуры).

Moi, président de la République, **je** n'aurais pas la prétention de nommer les directeurs des chaînes de télévision publique, je laisserai ça à des instances indépendantes – (Я как президент республики не возьму на себя миссию назначать директоров общественных телеканалов, оставив эту функцию независимым инстанциям) [FH–NS-2012].

Пафосная риторика Ф. Олланда была отмечена аудиторией и вошла в адгерентный имидж Ф. Олланда в виде **фразоидной эристеми** – пейоративного мема-прозвища «*Moi, je*» (Н. Саркози) (см. тж. выше).

Стратегия построения позитивного имиджа за счет дискредитации противника вызывает противодействие со стороны оппонента, прибегающего к **делокутивной эристеми** («вы говорили/сказали»):

N.Sarkozy : «Monsieur Hollande, *vous avez parlé*, sans doute pour être désagréable à mon endroit, d'un président normal. *Je vais vous dire*, la fonction d'un président de la République ce n'est pas une fonction normale» – (Господин Олланд, вы говорили, наверное, мне в упрек, о «нормальном президенте». Так вот, функции президента Республики не являются чем-то нормальным) [FH–NS-2012].

В данном примере отмечается делокутивная **эристеми-фразеорефлекс** *Je vais vous dire* («А я вам скажу...») как элемент вызова оппоненту.

Здесь же отмечается и делокутивная контраргументация, относящаяся к прецедентным высказываниям оппонента *vous avez parlé*. Такая делокутивная эристеми в формате президентских теледебатов может иметь иллюзию опровержения, связанную с той или иной речезыковой формой, употребленной оппонентом. Например:

Nous ne sommes pas dans **une crise**, Monsieur Hollande, mais dans **des crises**. Et mon ambition ce serait qu'à la fin de ces deux heures, tous ceux qui hésitent, tous ceux qui réfléchissent se disent au moins, quelque soit mon choix, j'ai une idée précise des éléments qui vont me permettre de le faire (Мы не в **кризисе**, мы – в **кризисах...**) [FH–NS-2012].

Противопоставление двух делокутивных этосов «прошлого» и «будущего» составляет элемент риторико-аргументативной стратегии эристического противодействия:

F.Mitterrand: Lorsque vous **débattez** avec M. Raymond Barre, il y a quelques années, **vous aviez dit**: « Il nous faudra cinq ans pour faire disparaître le problème de l'emploi en France ». Vous l'aviez dit en 1977. Nous sommes en 1981. **Vous ne l'auriez** donc pas fait disparaître encore – ('Вы обсуждали..., но до сих пор не сделали') [VGE–FM-1981].

Пропозициональная косвенная эристема (*ad hominem circumstantiae*) – это утверждение некоей фактуальной пропозиции (событие, факт), которая косвенно дискредитирует оппонента:

Hollande: Je rappelle que sous votre direction pendant 5 ans, la dépense publique a augmenté de 2 %. (Напоминаю, что во время вашего президентства общественные расходы повысились на 2%)[FH–NS-2012].

4.3.2. Интерперсональная эристема *ad personam*

Во всех дебатах эристическим проявлением властных отношений (см. выше Схема 5) является «Я»-PATER/ADULT-эристема – **перекрестная интерперсональная эристема** (см. выше – Схема 5) – личное местоимение, выполняющее аргументативно-риторическую функцию **самовалоризации**, эристической оппозиции и доминирования над оппонентом ([FH–NS-2012]):

– **Hollande:** Je vous fais d’ailleurs observer qu’il y a des Français qui sont de culte musulman aujourd’hui.

– **Sarkozy:** Je vais vous dire pourquoi. Je vous l’ai expliqué.

– **Hollande:** Je vous dis qu’il vaut mieux une position intelligente qu’une position dogmatique.

– **Sarkozy:** Je vous dirai simplement trois exemples pour vous montrer que l’esprit du rassemblement irrigue toute la société française ([FH–NS-2012]).

Этос утверждается не только косвенно, но и прямо, эксплицитно. Он становится предметом **метадискурсивного эристического обсуждения**, особенно когда есть основания считать, что личностный этос ущемляется оппонентом (**интерперсональная PATER – ADULT-эристема**):

Hollande : Non. Est-ce qu’il est du PPE ou non ? Répondez à ma question (Нет, так он из «Программы энергетического планирования»? . Отвечайте на мой вопрос)

Sarkozy : Je ne suis pas votre élève» (Я не ваш ученик) [FH–NS-2012].

В формате французских президентских дебатов «лицом к лицу» атака *ad personam* ограничена рамками публичности и положительного ингерентного имиджа говорящего, исключая крайнее формы *ad personam* – речеагрессивные акты: оскорбления, инвективы, сниженная или обценная лексика.

Самая употребительная эристема *ad personam* – обвинение во лжи с перформативными речевыми формулами «Это ложь/Вы лжете/Вы лжец»:

– Sarkozy: Allez dire qu'il n'y a plus d'impôt sur la fortune, que nous avons fait des cadeaux aux riches, *c'est une calomnie, c'est un mensonge ! <...> C'est un mensonge et c'est une calomnie. Vous êtes un petit calomniateur* en disant cela [FH–NS-2012];

– Macron: *Mais ne dites pas de bêtises* et parlez de votre projet (Не говорите глупости...) [MLP–EM-2017].

4.3.3. Иллокутивные и аргументативные эристеми

В иллокутивном плане пафоса речевого взаимодействия речевыми актами эристической доминанты являются коррелирующие между собой **отрицание (опровержение), упрек и обвинение.**

Все три акта отражают градуальность эристичности: отрицание является элементарным речевым актом, входящим в более сложный акт опровержения. Прямое отрицание (*réfutation* [Perelman 1983]) адресовано оппоненту и опровергает аргументацию оппонента. Отрицание-опровержение, как правило, – реактивный акт, предполагающий акт предварительного утверждения, пропозиция которого объявляется ложной. Таким образом, опровержение включает пропозициональное отрицание – отрицание истинности референта, что косвенно также является атакой *ad hominem*, направленной против компетентности и ущемляющий имидж оппонента.

Упрек и обвинение в некомпетентности являются частью стратегии *ad hominem* и могут быть направлены как на действия оппонента, так и на и

обстоятельства, которые возникли по его вине (*ad hominem circumstantiae*). Одной из доминирующих эристем является квестив, превращающийся в речевой акт упрека и даже обвинения («Почему/зачем вы...?») (ср. [Anquetil 2013]):

Sarkozy: Sur l'innovation, **pourquoi avez-vous voté contre** le Grand Emprunt et la Commission Rocard-Juppé ? **C'était quoi ?** C'est de l'argent mobilisé pour l'investissement et pas pour les dépenses de fonctionnement. **Pourquoi étiez-vous contre ? Pourquoi avez-vous voté contre** la suppression de la taxe professionnelle, alors que cela pèse sur la production ? **Pourquoi venir faire de grands discours** sur ce que vous allez faire alors que pendant cinq ans, sur ce que j'ai fait, il y avait des choses dans lesquelles vous auriez pu vous reconnaître. *Vous avez voté non à tout, vous avez essayé de démolir tout, vous avez été contre tout et maintenant, vous venez dire aux Français: j'ai changé d'avis, il faut plus d'innovation, il faut plus d'investissement* [FH–NS-2012].

В одних только дебатах Олланд–Саркози (2012) таких обвинительных вопросов насчитывается в более 50 ко-текстах.

Делокутивный упрек может относиться не только к тому, что сказано, но и к тому, что не было сказано:

Sarkozy : Quand il y a eu un propos désagréable à l'égard de quelqu'un qui vous est cher, je l'ai condamné à la télévision. Quand on m'a comparé à Franco, à Pétain, à Laval – *et pourquoi pas Hitler ?* – **vous n'avez pas dit un mot** [FH–NS-2012] (Когда меня сравнивали с Франко, Петэном, Лавалем – почему бы не с Гитлером? – вы не проронили ни слова).

В данном примере Саркози прибегает к комбинации двух эристических уловок – *tu quoque* (« а сам-то ты...») и аргумент *ad Hitlerum* – апеллирование к одиозным личностям.

Задача конкурирующих претендентов заключается в создании позитивного адгерентного имиджа через речевые стратегии, выстраиваемого в ходе дебатов ингерентного делокутивного этоса. Однако эристический фрейм политических дебатов направлен в первую очередь на дискредитацию противника, создания негативного адгерентного имиджа оппонента. Первым

средством реализации этой задачи служит **апеллятивная эристема** – стратегический выбор обращения к оппоненту. Обращение несет огромный интерперсональный импульс к реализации либо миметической (эмпатия), либо агональной (эристика/агрессия) коммуникативной стратегии. Так в дебатах **MLP–EM-2017** Марин Ле Пен обращается к Э. Макрону:

Mme Le Pen: «Monsieur le Ministre de l'économie, ou dois-je dire le conseiller auprès de Monsieur Hollande – quatre ans que vous avez été conseiller économique de François Hollande puis deux ans Ministre, mais si vous avez la recette pour diminuer le chômage, pourquoi est-ce que vous n'avez pas fait profiter M. Hollande de vos recettes ? (Г-н министр экономики, или я должна сказать «советник г-на Олланда» – четыре года вы были министром экономики и два – экономическим советником г-на Олланда. И если вы знаете рецепт как уменьшить безработицу, почему вы не предоставили ваши рецепты г-ну Олланду?) [MLP–EM-2017].

В вопросе Марин Ле Пен проявляется эристическая ирония в апеллятивных мезоэристемах *Monsieur le Ministre de l'économie, conseiller auprès de Monsieur Hollande* («советник г-на Олланда», а не «советник президента»), **эристическая метафора** «рецепт лекарства от безработицы», **риторический вопрос** *Pourquoi est-ce que vous n'avez pas fait profiter M. Hollande de vos recettes ?*

Эристическая апеллятивная стратегия (игнорирование/манипуляция) – в обращении к оппоненту (не называть имени, обращаться в 3-м лице, употреблять субстандартные онимы и т.д.) присутствует во всех рассмотренных скриптах. Например, в дебатах Ф. Миттерана и Ж. Ширака действующий президент называет оппонента по его должности (премьер-министр), подчеркивая должностную иерархию, что вызывает следующую эристеку:

M. CHIRAC.: *Permettez-moi juste de vous dire que, ce soir, je ne suis pas le Premier ministre et vous n'êtes pas le Président de la République, nous sommes deux candidats, à égalité, qui se soumettent au jugement des Français, le seul qui compte, vous me permettrez donc de vous appeler monsieur Mitterrand* (ШИРАК: Сегодня я не премьер-министр, а вы не президент Республики...).

На что Миттеран отвечает:

M. MITTERRAND: *Mais vous avez tout à fait raison monsieur le Premier ministre*» (Но вы совершенно правы, господин премьер-министр).

Сарказм становится эристической сексистско-патерналистской доминантой Н. Саркози в дебатах с С. Руаяль. Редкая реплика Руаяль не подвергается насмешливой и саркастической иронии:

Ségolène Royal : Vous savez que c'est une idée dans le pacte présidentiel, c'est très bien, vous me rejoignez, c'est parfait. Que ne l'avez-vous fait pendant 5 ans quand vous aviez tous les pouvoirs ! (Знаете это хорошая идея, и в этом мы сближаемся. Почему же вы это не сделали за 5 лет вашего правления?)

Nicolas Sarkozy : On se rejoint, Alléluia ! (Мы сближаемся! Слава Богу!) [SR–NS-2007].

Иронический риторический вопрос и сарказм – не единственное средство проявляющейся в дебатах иронии. Чем менее институциональным является тип диалога (по Д. Уолтону [Walton 2004]), разворачивающегося в рамках политических дебатов, тем ярче и разнообразнее проявления эристической пикировки, проявления которой выходят за рамки одной только иронии.

Следуя интерлингвистическому контрастивному методу, приведем отрывок теледебатов («Поединок» с В. Соловьевым⁴⁸ 04.04.14) из статьи А.А. Горностаевой [2014], содержащей яркие примеры анализа политической иронии и наблюдений на материале русского аутентичного речевого взаимодействия:

«Александр Проханов: Правители запада – всегда посылали на нас потоки тьмы, ненависти, а иногда и военные нашествия. Мы ответим Западу **цветением садов** Крыма!

Владимир Соловьев: **Начинайте цвести садами,** Александр Андреевич!

Проханов: Они (Запад) посылают эсминцы в наше **родное русское** Черное море!

⁴⁸ Подробный сопоставительный анализ эристического речевого взаимодействия в телепередачах «К барьеру» и «Duel sur la 5» представлен в [Тамразова 2009].

Соловьев: Вот сейчас турки-то вздрогнули!

Проханов: А море всегда так называлось!

Соловьев: А сейчас греки вздрогнули.

Николай Злобин: Давайте его просто переименуем – Черное море в Русское море. А лучше – Московское море. *Вот Жириновский сегодня предложил переименовать Макдональдс. Он будет называться Столовая №1.*

Проханов: **Николай, ты меня достал. Когда будет всемирный потоп, я тебя в ковчег не возьму.**

Соловьев: Мы наконец определились, *где Ной, где не-Ной.* Хоть Ной, хоть не ной. Садитесь, Александр Андреевич, **вам к ковчегу**» [Горностаева 2014: 69-70].

А.А. Горностаева справедливо отмечает, что ирония часто вызвана «возвышенным пафосом» будущей цели – «жертвы иронии», в данном случае А. Проханова. Ирония В. Соловьева «снижает» и пафос, и «излишнюю агрессивность» [Там же: 68] (см. тж. анализ эристических стратегий В. Соловьева в ток-шоу «К барьеру» в [Тамразова 2009]).

Отметим, что упомянутым выше *литоте* и *гиперболе*, добавляются ещё три дифференцированных речевых средства плана выражения иронической эристики: *метафора*, *игра слов (каламбур)* и «перенос значения» (*синтаксическая омоформа*).

Очевидно, что проявления остроумия в этом диалоге действительно «эхоичны», по Сперберу-Уилсон, – опираются на **прецедентные феномены** в виде прямой делокутивной «эхо-цитации»: *Начинайте цвести садами, Александр Андреевич!*; «общих знаний», геополитических и исторических аллюзий: «... *наше родное русское Черное море! – Вот сейчас турки-то вздрогнули!*; – *А море всегда так называлось!* – *А сейчас греки вздрогнули!*»; фантазмагорической проекции-метафоры, выполняющей речевой акт юридической угрозы: «*Когда будет всемирный потоп, я тебя в ковчег не возьму!*». Но стоит ли относить все перечисленное к иронии? На наш взгляд, среди эристических реплик существует более тонкая дифференциация: не

ирония здесь выступает гиперонимом, а **эристика**, включающая речевые акты иронии, языковой игры, каламбура, остроты, упрёка и т.д.

Эристические манифестации в виде каламбура *Хоть Ной, хоть не ной*; трансформация речевого клише (каламбур) *Вам к ковчегу* вместо *Вам к барьеру*; разговорной эристымы *Николай, ты меня достал* – убедительно демонстрируют эристичность диалога (по классификации Уолтона [Уолтон 2002; Walton 1993]), агрессивность которого достаточно условна (театральна) – «развлекательна» (А.А. Горностаева). Цели такого диалога, действительно, далеки от «поиска истины» в критической рациональной дискуссии [Еемерен 1992; 1994; Зайцев 2016].

Симпатия зрителей к умению вести ироническую (эристическую) пикировку свидетельствует о спортивной (зрелищной) сути эристической агональности подобного рода политических шоу. Эта «трансгрессивная симпатия» к эристике найдет еще не одно воплощение в нашем исследовании (см. ниже).

Особый вид эристического отрицания – отрицание мнимой (ложной) пресуппозиции. В эристическом опровержении происходит **подмена пресуппозиций**.

Например, следующий отрывок дебатов С. Руаяль и Н. Саркози (**SR–NS-2007**) демонстрирует насмешливую, снисходительную иронию кандидата-мужчины по поводу некомпетентности своего «милого оппонента» («сексисткая доминанта» Н. Саркози):

Ségolène Royal : Car vous avez supprimé les auxiliaires d'intégration...

Nicolas Sarkozy : *Je n'ai jamais été ministre de l'éducation nationale...*

Ségolène Royal : De votre gouvernement.

Nicolas Sarkozy : *Je n'ai jamais été Premier ministre non plus.*

Ségolène Royal : **Ne soyez pas condescendant.**

Nicolas Sarkozy : *Je ne le suis pas du tout* [SR–NS-2007].

С.Р.: Так вы упразднили помощников-координаторов... (воспитатель в школе –И.Т.)

Н.С.: *Никогда не был министром образования...*

С.Р.: ... в вашем правительстве.

Н.С.: *Никогда не был председателем правительства.*

С.Р.: **Не будьте таким высокомерным.**

Н.С.: *И в мыслях не было/И не собирался.*

Утверждения С. Руаяль построены на пресуппозиции *«Президент отвечает за все действия правительства»*. Н. Саркози подменяет эту пресуппозицию своей – *«За те или другие изменения в той или иной области отвечает министр, руководящий этой областью»*.

Последняя реплика С. Руаяль – аргумент *ad hominem* и упрек Саркози в высокомерии – не обоснован и звучит неубедительно, что позволяет Н. Саркози иронично опровергнуть и этот упрек («И в мыслях не было»).

Поэтому мы склонны полагать, что ирония эристична, но не всегда агрессивна (подробнее см. выше).

С другой стороны, в политическом дискурсивно-деятельностном пространстве любой страны, в частности, России (см., напр., [Шейгал 2000]) проявления открытой (в прямом смысле) агрессии в эристическом речевом взаимодействии (споре и т.д.) имеют место быть и хорошо известны: драки между политическими комментаторами (Н. Сванидзе – В. Шевченко и др.), поливание водой из стакана (В. Жириновский – Б. Немцов, К. Собчак – в ответ на нецензурное оскорбление – В. Жириновский), потасовки в парламенте (Россия 90-х, Украина 90-2010-х). Это именно эта «эристика», приравненная к агрессии, как её рассматривают многие исследователи, становится предметом серьезных обобщений и выводов [Воронцова 2006; Зайцев 2016; Шейгал 2000].

Однако мы полагаем, что чувство юмора и (само)ирония являются противоположностью такого поведения. Подчеркнем и будем иметь в виду эту паллиативную функцию юмора и иронии, амбивалентно сочетающуюся с ее эристической («агональной», «агрессивной») функцией. Определяющими факторами в оценке речевой агрессии являются интенциональность адресанта и перлокутивный эффект от интерпретации сообщения

получателем. Прямая направленная на адресата невежливость (грубость) так же, как и тонкая ирония, в определенном контексте могут иметь одинаково негативный для адресата эффект (обида, оскорбленность, унижение и т.д.).

Гелотогенные (смехопорождающие) механизмы могут взрывать барьеры идиосинкразии – предубеждения, неприятия и отрицательных ожиданий – между политическим классом и гражданским обществом, снижая тем самым негативную эмоциональность политической коммуникации.

В агрессивности насмешки и сарказма определяющим фактором являются не только вышеуказанные лингвокогнитивные механизмы инференции [Wilson 2009; Yus 2016] и «эпистемической бдительности» [Sperber 2010; 3013], но также контекст и перформативный эффект (обида, оскорбленность) [Attardo 2000].

Адгерентный имидж претендентов на президентскую должность пополнился после каждого теледиалога фразоидными эристемами-мемами, маркирующими делокутивную составляющую ППК каждого политика:

Valéry Giscard d'Estaing (VGE–FM-1974): «*Vous n'avez pas monsieur Mitterrand le monopole du coeur*» (У вас нет, г-н Миттеран монополии на сердце французов);

François Mitterrand (VGE–FM-1981): «*Je ne suis pas votre élève et vous n'êtes pas le président de la République ici*» (Я не ваш ученик, а вы здесь не президент Республики);

François Mitterrand (FM–JCh -1988): «*Mais vous avez tout à fait raison monsieur le Premier ministre*» (Но вы совершенно правы, господин министр – см. выше);

Lionel Jospin (JCh–LJ-1995): «*Il vaut mieux cinq ans avec Jospin que sept ans avec Jaques Chirac*» (Лучше 5 лет с Жоспеном, чем семь лет с Шираком);

Ségolène Royal (SR–NS-2007): «*Je ne suis pas énervée je suis en colère, ce n'est pas pareil*» (Я не нервничаю, я в гневе, и это не одно и то же);

François Hollande (FH–NS-2012): «*Moi, président de la République, je...*» (Я, если стану президентом,...);

Marine Le Pen (MLP–EM-2017): «*Monsieur le ministre de l'Economie*» (Г-н министр экономики – см. выше)

Emmanuel Macron (MLP–EM-2017): «Vous n’êtes pas la candidate de l’esprit de finesse» (Уж вы-то не претендуете на изысканность ума) ([Корпус Дебаты]; ср. [Kerbrat-Orecchioni 2017]).

В работе не ставилась задача квантитативного анализа корпусного материала, но некоторые подсчеты в русле симптоматической статистики (В.Г. Адмони) показывают следующее распределение наиболее повторяющихся эристических аргументов в исследованных дебатах (Табл. 11):

Таблица 11.

Рекуррентность эристической аргументации в президентских дебатах

Эристема	VGE– FM- 1974	VGE– FM- 1981	FM– JCh - 1988	JCh– LJ-1995	SR–NS- 2007	FH–NS- 2012	MLP– EM- 2017
ad hominem	16	14	29	19	40	32	43
ad personam	5	16	14	7	23	27	29
ad ignorantiam	4	2	3	3	5	7	14
ad populum	27	21	25	15	23	25	23
ad baculum	10	8	11	7	11	12	25
ad antiquitatem	5	4	6	5	7	8	12
ad iudicium	11	10	6	7	15	11	17
ad humanitatem	5	8	7	5	3	7	10
ad crumenam	10	16	21	22	12	17	11
ad misericordiam	11	19	13	13	21	10	8
ad nauseam	3	–	–	2	7	5	6
ad Hitlerum	1	–	–	2	2	3	4

На основе принципов типологии эристеи (см. выше) были выделены основные наиболее рекуррентные эристеи. Дебаты дают яркий материал

институциональной эристики с **шестью доминирующими эристемами** – эристическими доминантами парламентских дебатов:

1) **делокутивная эристема (ДЭ)** – «цитирование» слов оппонента как доказательство его непоследовательности, некомпетентности;

2) **эристема косвенного обвинения (ЭКД) *ad hominem*** (указание на факты/ действия, уличающие оппонента);

3) **эристема прямого обвинения (ЭПО) *ad personam*** – от безапелляционного («Вы лжете!») до граничащего с агрессией (ср. «Ты негодяй!» – реплика В. Жириновского [Тамразова 2009]), и выражающегося прямой или косвенной инвективой;

4) **встречная эристема (ВЭ) – *tu quoque*** – направленную на дискредитацию оппонента посредством встречного обвинения;

5) **обстоятельная эристема (ОЭ) *ad hominem circumstantiae*** (связывающей оппонента с обстоятельствами или людьми, порочащими его);

б) **ироническая (саркастическая) эристема (ИСО).**

Квантитативный процентный анализ показал динамику эристической тональности дискурса французских президентских дебатов (Табл. 12):

Таблица 12.

Динамика эристической тональности дискурса французских президентских дебатов

Типы эристеи	VGE–FM-1974	VGE–FM-1981	FM–JCh-1988	JCh–LJ-1995	SR–NS-2007	FH–NS-2012	MLP–EM-2017
ДЭ	40%	45%	42%	45%	55%	57%	65%
ЭКД	26%	25%	22%	21%	44%	43%	75%
ЭПО	5%	4%	5%	4%	23%	19%	31%
ВЭ	30%	28%	32%	31%	45%	64%	69%
ОЭ	43%	39%	47%	52%	61%	64%	69%
ИСО	14%	11%	12%	13%	45%	37%	43%

Из этих симптоматических подсчетов следует, что за сорок три года существования формата теледебатов «лицом к лицу» кандидатов на пост президента Франции между двумя турами голосования общая эристическая

тональность усилилась за счет снятия деонтологических ограничений, проникновения в институциональную речь эмоционально-оценочных элементов, обострения конфликтности и усиления речевой агрессивности в эристическом речевом взаимодействии. Тем не менее, элементы юмора, иронии и сарказма были и остаются значительной составляющей эристической тональности жанра политических дебатов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV

1. **Эристический этос** проявляется в когнитивном стиле эмоционального интеллекта, отражающем критический релятивизм в мышлении и стремление заострять решение проблемы методом *reductio ad absurdum*. Делокутивный имидж (ДИ) – прецедентные высказывания, персональный дискурс и т.д. – становится «симулякром» личностного имиджа, его репрезентативом.

2. Речевой этос представляется как ингерентный (PR-имидж), интенционально формируемый самим говорящим, и адгерентный – отражающий общественное мнение о делокутивном имидже медийного персонажа.

3. Персональный политический концепт (ППК), актуализируемый именем конкретного политика амбивалентен и формируется в результате адгерентной ad-hoc концептуализации. ППК закрепляется в адгерентном имидже через неконвенциональный нейминг (субстандартные онимы, эпонимы и т.п.). Ярким проявлением адгерентной эристической интерпретации являются политические малапропизмы («перлы»), меморизованные в виде персональных афоризмов (делокутивная фразоидная эристема). Характерной чертой дискурсивной личности политика, особенно во французском политическом дискурсе, являются персональныеokkaционализмы, входящие в узус в виде политических неологизмов (общественно-политических лингвистических инноваций).

4. Полиmodalность эристики выявляется на уровне жестовой кванто-эристы (ЭрЖ), имеющей конвенциональную кодификацию эмблематических и процессуально-кинетических жестов во французском речевом узусе (жест – фразеорефлекс). Анализ аутентичного речевого общения позволяет выделить следующие типы (на примере французского обыденно-политического взаимодействия) жестовой эристы:

– по типу модальности: *вербальная (фразоидная) эриста* (фразеорефлекс), *эристический жест* (ЭрЖ), *кинестическая эриста*;

– по степени экспрессивности: *имплицитивные ЭрЖ*, *остенсивные ЭрЖ*, *агрессивные ЭрЖ*;

– по функциональной семантике: *индексально-интерперсональные ЭрЖ*, *аутореферентные жесты*, *квази-аутореферентные*, *аттенциональные жесты*, *метафонимические эристические жесты*.

5. **Эристический логос** политических дебатов формируется из нескольких доминирующих стратагем-эристы: делокутивная эриста, эриста косвенного обвинения (*ad hominem*) пропозициональная косвенная эриста – *ad hominem circumstantiae*, эриста прямого обвинения – *ad personam*, перекрестная (встречная) интерперсональная эриста – *tu quoque*, ироническая эриста, подмена пресуппозиций и др.

ГЛАВА V. ФИКЦИАЛЬНАЯ ЭРИСТИКА: ЭРИСТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ПЕРЕВОДЕ

Великие авторы-эристы составляют когорту, в которую входят, как мы отмечаем, писатели и философы, начиная с Сократа и Платона, Боккаччо, Чосера и Рабле, к которой присоединяются Вольтер и Дидро, Салтыков-Щедрин и Сологуб, русские формалисты и французские экзистенциалисты, Шопенгауэр, Ницше, Хайдеггер, Деррида и др. Их произведения объединяет дискурсивная эристическая тональность.

Макроэристыемы художественного дискурса – сюжетные коллизии, конфликты, ирония сюжета («ирония судьбы») – рожают эристические характеры, действия и речевое поведение персонажей.

В преломлении к художественному произведению под эристической языковой личностью нами понимается «энунциальный субъект» в целом (автор, персонаж), существующий вне определенных устоев, догм, правил и норм в различных их проявлениях (мысль–социум–язык). Такой психокоммуникативный тип литературного героя всегда ярок в силу своей девиантности и/или эксклюзивности. Это бунтарь, правдолюбец, борец – Александр Чацкий («Горе от ума»), Уинстон Смит («1984»), Том Джоуд («Гроздь гнева»), Рэндл Макмерфи («Кукушкино гнездо») и другие – носители социального протеста, обличители пороков общества, несправедливости, герои социального конфликта. Более «обыденными», но не менее эристическими оказываются герои И. Ильфа и Е. Петрова, И. Бабея, В. Ерофеева, С. Довлатова, В. Пелевина, поэтических сюжетов и зарисовок В. Высоцкого и др.

Приближенный к обыденному речезыковому пространству материал современных фильмов и сериалов позволяет исследовать проявления эристического в речи на материале диалогов и речи персонажей, все чаще попадающих в поле зрения лингвистических исследований.

Таким противоречивым персонажем американского телевизионного нарратива «House, MD» (2004–2012), выбранного нами в качестве следующего корпуса исследования, является харизматичный доктор Хаус в исполнении английского актера Хью Лори (Hugh Laurie).

5.1. Эристическая языковая личность в фикциональном телевизионном нарративе

Корпус сериала «Доктор Хаус» был выбран для анализа по нескольким причинам:

– фабула сериала построена на КОНТРОВЕРЗАХ и ПРОТИВО-РЕЧИИ (эристическом дискурсе): каждая серия представляет собой деятельностное и речеповеденческое противостояние: а) врачей-диагностов и редких и сложных болезней, настигших их пациентов; б) профессиональных дискурсов, сталкивающихся в полемических баталиях («дифференциальный диагноз»), обостренных трагичностью состояний пациентов, необходимостью срочной постановки диагноза, вызовом, ставящим вопрос о профессиональной компетентности врачей; в) этических и психологических коллизий в отношениях людей – главных и второстепенных героев телесериала;

– в сериале представлена квази-институциональная и обыденная эристическая коммуникация в нескольких эристических жанрах – профессиональная медицинская дискуссия («дифференциальный диагноз»), бытовой спор, ссора («эристический диалог», по Д. Уолтону [Walton 1992; 2004]), «выяснение отношений», (не)дружеская пикировка, и т.д.;

– фабула сюжета разворачивается вокруг личности главного героя – доктора Грегори Хауса, – личности крайне противоречивой и откровенно эристической с проявлениями мизантропии (*квази-трикстер*);

– чрезвычайная популярность героя и сериала⁴⁹, наличие в Интернете многочисленных сайтов поклонников сериала и героя, скриптов и цитат из фильма – афоризмов-мемов – «хаусизмов» и реплик других персонажей.

«Феномену Хауса» посвящены книги серьезных специалистов в философии, психологии, медицине, филологии и лингвистике [Джейкоби 2010; Захватова 2010; Уилсон 2010; Dynel 2014b; Jacoby 2009; Pillière 2013]. Книга «Хаус и философия: все врут!» принадлежит перу восемнадцати философов, рассматривающих «феномен Хауса» с точки зрения философии Сократа и Платона, Ницше и Сартра, Рассела и Хайдеггера, дзена и даосизма [Джейкоби 2010; Jacoby 2009].

Однако **главной причиной** выбора послужила возможность продемонстрировать **универсальность когнитивно-прагматической категории «эристического в речи»** в разносистемных языках (английский и русский) путем сопоставления текстов оригинала (скрипты сериала на английском языке [<https://clinic-duty.livejournal.com/12225.html>]) и перевода (звуковая дорожка сериала «Доктор Хауз» в переводе компании «Lost film»).

Фабульная структура фильма построена на принципе конфликта и противоречия: в каждой серии Хаус разгадывает медицинские загадки, руководит командой диагностического отделения, «воспитывая» молодых врачей, ошибается, вступает в конфликты с коллегами, близкими пациентов, с начальством, с больными, но в конце серии ставит искомый диагноз и спасает жизнь пациента. При этом постоянно пытается преодолеть свою собственную боль – травму ноги, принимая без контроля обезболивающие наркотические средства.

⁴⁹ Кроме того, сериал собрал множество призов – два «Эмми», два «Золотых глобуса» у Хью Лори, пять премий Международной пресс-академии «Спутник», 10 «Выборов народа» и др. По данным Eurodata TV, за каждым эпизодом «Доктора Хауса» в 2008 году наблюдали 81,8 миллиона зрителей в 66 странах мира. Такая «смотрибельность» оказалась беспрецедентной, поэтому Хью Лори и попал в «Книгу рекордов Гиннеса» как актер, привлечший к экрану наибольшее число зрителей за всю историю телевидения [Jacoby 2009].

Персонаж д-ра Хауса наделен чертами Шерлока Холмса (наркотики, «дедуктивный метод», страсть к решению загадок и т.д.). Его характер, поступки, манера общения – характеризуют его как «высокофункционального социопата» – диагноз, который ставит себе *Шерлок Холмс* в одноименном сериале BBC [Jacobу 2009].

В случае с д-ром Хаусом борьба приобретает «экзистенциальный» характер: главным врагом доктора Хауса является смерть. Да, его цель, его экзистенциальная трансгрессия – победа над Смертью, и такая цель, по его мнению, оправдывает все средства. «Превосходно функционирующий социопат» – это личность, служащая обществу, но пренебрегающая рамками не только стереотипов, но и законов социальных и юридических. Некоторые черты асоциальности, которые можно увидеть в Хаусе, швейцарский психиатр А. Гугенбюль–Крейг относит к психопатии: неспособность любить; отсутствие или недостаток морального чувства; фоновая депрессия от одиночества, истинной изоляции от других людей; психопаты не доверяют миру; отсутствие чувства вины; скука, тоска от монотонности существования; асоциальное или преступное поведение и, наконец, очарование, способность обольщать с изяществом и утонченностью (ср. [Гугенбюль–Крейг 2002]).

Однако Хаус – далеко не паталогическая личность: спасая очередную жизнь, проводя психологические эксперименты (манипулирование) над коллегами и пациентами, он вызывает восхищение и любовь прежде всего телезрителей, чей интеллектуальный ценз значительно выше [Jacobу 2009], чем у среднего потребителя «телевизионного мыла».

Парадокс эксцентрического эристического персонажа Хауса заключается в том, что в реальной жизни никто наверняка не захотел бы такого, как он, врача. Но в рамках фикционального повествования и негодяи могут стать героями. Как говорил Остап Бендер, «Побольше цинизма – людям это нравится» [Ильф 2001: 198].

Хаус – не обычный «трикстер». Его нельзя назвать антигероем, потому что он и есть настоящий и единственный герой повествования, а его гениальность в постановке редчайших диагнозов, спасающая жизни, опровергает или нивелирует все его асоциальные качества и почти все антисоциальные поступки. Во всяком случае, в глазах зрителей. «Харизма Хауса» заполнила Интернет многочисленными фан-сайтами, цитатниками Хауса («хаусизмы») и других персонажей сериала.

Фикциальность персонажа «оправдывает» его мизантропию и скепсис в глазах зрителей, в восприятии и оценке целевой аудитории, очарованной его харизмой. Это и есть замысел авторов. В реальной жизни многие черты характера и описываемые обстоятельства, включая поступки Хауса, вызвали бы негодование и отторжение у любого нормального человека, о чем говорят сами герои сериала. В этом парадоксальность и ирония сценария и автора идеи фильма Дэвида Шора [Уилсон 2010]. Поэтому жанр фильма, как правило, определяют как иронический (медицинский) детектив.

«Кто наши подозреваемые?», спрашивает д-р Хаус, начиная дифференцированный диагноз, а найдя решение, гордо заявляет: «Я решил это дело» («Пилотная серия»).

«Подбираясь к болезням-злодеям, Хаус смотрит на пациентов как на притворщиков точно так же, как Холмс смотрит на своих клиентов. Пациенты часто врут и только мешают врачу, поэтому для поиска истины Хаус использует нетрадиционные методы. Он вламывается в их дома, крадет их личные вещи, роется в шкафах и вообще идет на все, чтобы добыть улики, — опять же как Холмс» [Jacobу 2009]

Таким образом, этос Хауса – это его характер; логос Хауса – это гениальная способность к анализу, синтезу и интуитивной **абдукции**, аргументативная сила его знаний и убеждений; пафос Хауса – это речевая эристика – прямота до *грубости* и *инвективы*, *ирония*, *сарказм* и *насмешка*, *пикировка* и *спор «на победу»* и др. («ХАУС – Харизматичный, Артистичный, Умный, Смешной» – реклама фильма).

«Слова и дела Хауса ломают все шаблоны. Он груб, плевать хотел на медицинскую этику и ведет себя самым безответственным образом. Он говорит вещи непрофессиональные, резкие и порой безумные. Он нарушает врачебную тайну, игнорирует желания больного, утаивает от него важную информацию и не держит слова. Парадоксальным образом в результате этих безнравственных поступков пациенты и коллеги Хауса осознают свои подлинные проблемы, вспоминают об обязательствах или обнаруживают новые пути к их выполнению» [Джейкоби 2010].

Предметом рассмотрения в нашем исследовании становятся главным образом **эристический пафос** («невежливость», эпатаж, ирония, сарказм) заглавного героя сериала, определяющий его **делокутивный этос** (имидж), его речевое поведение, а также *эристическая дискурсивная тональность* этого фикционального телевизионного нарратива. Трудность оценки вежливости независимо от уместности предполагает, что следует проводить различие между вежливостью как системой речевых стратегий и вежливостью как социальной нормой [Ларина 2009; Culpeper 1996]. Стратегии (не)вежливости могут входить в конфликт с контекстом (см. выше). (Не)вежливость являются в высшей степени контекстно-зависимыми коммуникативным феноменом с весьма вариативными социально-когнитивными механизмами [Watts 2003].

Единицей анализа корпуса сериала «House, MD» является *эристема* во всех ипостасях – макро-, мезо- и микро- эристеми.

5.1.1. Макроэристеми телевизионного нарратива «House, MD»

Макроэристеми сериала «House, MD» – это отраженные в речеповеденческой интерпретации д-ра Хауса коллизии, возникающие и повторяющиеся в сюжетных линиях телеповествования:

– Вызов омерзительности смерти:

Rebecca Adler: I just want to die with a little dignity.

Ребекка: Я просто хочу умереть хоть с небольшим достоинством.

Dr. House: There's no such thing! Our bodies break down, sometimes when we're 90, sometimes before we're even born, but it always happens and there's never any dignity in it. ***I don't care if you can walk, see, wipe your own ass. It's always ugly – always! We can live with dignity – we can't die with it*** (1/1)⁵⁰.

Д-р Хаус: *Так не бывает!* Наши тела ломаются иногда, когда нам 90, иногда до рождения, и это всегда случается, и в этом нет никакого достоинства. ***Мне наплевать, сможете ли вы ходить, видеть, вытирать собственную задницу. Это всегда отвратительно – всегда! Вы можете жить с достоинством, но вы не можете с ним умереть.***

Грубость плана выражения контраргументации Хауса можно было бы считать речевой агрессией, если бы она не была направлена на спасение пациента. Сниженная лексика, риторические элокуции (***повтор, параллелизм, антитеза***), *экспрессивный синтаксис* – это мезоэристымы, выполняющие риторическую функцию воздействия с персуазивной целью – заставить пациента бороться за жизнь, не смиряться с болезнью.

В прагмасемантической записи, принимаемой нами за инструмент фиксации эристической тональности (см. выше), этот диалог выглядит так:

I just want to die <i>with a little dignity</i> .	CONT-TRSGR > ILLOC > ASSERT+ ILLOC-DESIR (POS)
<i>There's no such thing!</i> Our bodies break down, sometimes when we're 90, sometimes before we're even born, but it always happens and there's never any dignity in it. <i>I don't care if you can walk, see, wipe your own ass. It's always ugly – always! We can live with dignity – we can't die with it.</i>	CONT- CONTR > ILLOC > ASSERT+ (POS/NEG)+ARG-ad-REM>VAL (NEG) + PERS-DOWN (POWER) > PERS- DIST+ POS-ADULT-ADULT POS-PATER > DISC-EXPRESS > DISC-SYNT(EMPH) > DISC- LEX(NEG)

Здесь в пропозициональном плане возникает *риторическая реляция* ВЫЗОВ в выраженной пациенткой парадоксальной (трансгрессивной), с точки зрения Хауса, посылке «Я хочу умереть / с достоинством» (CONT-TRSGR > ILLOC > ASSERT (NEG) + ILLOC-DESIR(POS)) и утверждением

⁵⁰ Первая цифра обозначает сезон (первый), вторая – серию (первая).

Хауса, его экспрессивной и персуазивный «контраргументации» (DISC-EXPRESS), в которой заключены мезоэристымы аргументации ad-REM с отрицательной оценкой VAL (NEG), выраженной сниженной лексикой (DISC-LEX(NEG) и экспрессивным синтаксисом (DISC-SYNT(EMPH).

– **Воинствующий антитеизм:**
отрицание Бога на небе и в душе.

Хаус постоянно сталкивается с верой умирающих в Бога, обращающих к нему свои помыслы, сталкиваясь с близостью смерти. Для атеиста Хауса это есть проявление слабости воли и слабости ума, что выражается в ставшем мемом «хаусизме»: «*If You Talk to God, You're Religious; If God Talks to You, You're Psychotic*» (Если ты разговариваешь с Богом, ты – верующий. Если Бог разговаривает с тобой, ты – ненормальный»).

Иногда Хаус, совершая «чудеса» исцеления, заменяет собой этого, как он говорит, «некоего мифического персонажа» («*a mythical figure*»). Так, в следующем эпизоде Хаус, поставив диагноз, демонстрирует пациенту свой диагностический дар:

Фрейм: Хаус неожиданно наносит укол шприцем пациенту.

Jeff: *Ow!* **House:** *You are healed! Rise and walk.* **Jeff:** *Are you insane?* **House:** *In the Bible, you just say, "Yes Lord" and then, start right in on the praising. <...> (Jeff realizes he can actually move his hand...)* **Jeff:** *What did you do?* **House:** *No, what did you Lord. Thymoma is a tumour in the thymus gland. Take it out, everything else is manageable.* **Jeff:** *Manageable. I thought you just cured me.* **House:** *This is just diagnostic. This just erases the symptoms of MG for five or six minutes. [Jeff suddenly drops onto the floor] Sometimes less. This is exactly*

Джефф: *Ай!* **Хаус:** *Ты исцелен! Встань и иди!* **Джефф:** *Вы не в себе?* **Хаус:** *В библии они обычно отвечают «Да, Господь!» и переходят к восхвалениям. Джефф (начинает двигать рукой, затем встает):* *Что вы сделали?* **Хаус:** *Не так. «Что ты сделал, Господи?» Тимома – это опухоль в вилочковой железе. Давай вырежем твою вилочковую железу.* **Джефф:** *Зачем?* **Хаус:** *Я думал, вы меня вылечили.* **Хаус:** *Не-а. Это просто диагноз. Это снимает симптомы минут на 5-6. (Пациент падает на пол). Иногда*

<p><i>why I created nurses. [Calls out from the room] Clean up on aisle three (2/6).</i></p>	<p><i>меньше. Вот зачем я создал медсестёр. (Кричит в коридор) Убраться в третьей палате!</i></p>
--	---

Хаус откровенно ёрничает, совмещая пуэрильную мезоэристему (иронию) в адрес Бога с патерналистской эристемой (высокомерием), по отношению к беспомощному пациенту, которого он, тем не менее, спасает от смерти.

Смирение перед болезнью как «волею божьей» пациентки-монашки, отказывающейся пройти обследование, вызывает у Хауса сарказм:

<p>Wilson: How'd it go? House: <i>She has God inside her. It would have been easier to deal with a tumor (1/5)</i></p>	<p>Уилсон: Ну как там? Хаус: В ней Бог. Легче справиться с опухолью...</p>
--	--

Здесь уже ирония перестает быть юмористической [Dyne1 2014b] и мезоэристема выражается метафтонимией [Goossens 2002] – косвенным метафорическим блендом страшной болезни и Бога, вера в которого мешает исцелению умирающей.

– Несостоятельность семейных уз и привязанностей.

Следуя Хаусу и авторам сценариев эпизодов сериала, все беды проистекают из семейных пороков, родительских ошибок, скрытых семейных драм (серии, в которых родители-китайцы пытаются убить свою дочь, мать препятствует лечению сына, прибегая к помощи шамана, другая – в силу своего властного характера и упрямства – запрещает лечить сына, жена тайно травит мужа, ревнивый любовник губит здоровье своей пассии шпанской мушкой и т.д.). Сюда же добавляются отношения Хауса, Чейза и других персонажей со своими отцами (мотивы Фрейда), конфликты с родственниками больных, в силу их некомпетентности, глупости, эгоизма и т.д.).

На уровне метаэристема такая коллизия реализуется по-разному. Здесь риторическая реляция ВЫЗОВ может перерасти из саркастической в агрессивную патерналистскую эристема Хауса по отношению к оппоненту: (Фрейм: мать отказывается подписать согласие на лечение сына).

House: [to nurse] **Goodbye.** [To Ms. Davis from the paper] “I, Margo Davis have been informed of the risks which may arise from my refusal of advised medical care. I here by release-”

Mom: Who are you?

House: I work for hospital. “-the Princeton Plainsboro Teaching Hospital, its employees agents, and otherwise from any adverse medical conditions resulting from my refusal. It is not the hospital’s fault **if my son kicks off.**”

Mom: “**Kicks off**”?

House: I punched up the language; mostly for clarification. “I understand **my doctors consider my decision to be completely idiotic-**”

Mom: Why are you doing this?

House: “-but I am convinced **that I know more than they do.** *I took a biology course in high school, so... yeah. Besides, **I enjoy controlling every single aspect of my son’s life, even if it means his death.***” Sign here please. I brought a pen.

Mom: Who are you?

House: I’m the doctor who’s trying to save your son. *You’re the mom who’s letting him die. Clarification. It’s a beautiful thing* (1/8).

Хаус (медсестре): **До свидания.**

(Читает документ): «Я, Марго Дэвис, была уведомлена о риске, могущем возникнуть из-за моего отказа от предлагаемого лечения, и настоящим освобождаю...»

Мать: Кто вы?

Хаус: Я тут работаю?

«...обучающую больницу Принстон-Плэйнсборо и её сотрудников от ответственности за неблагоприятный исход в случае моего отказа. Больница не виновата, если мой сын **отбросит коньки**»...

Мать: «Отбросит коньки»?

Хаус: Усилил выражение. В основном для ясности. «Я осознаю, что врачи оценивают мое решение как идиотическое...”

Мать: Зачем вы это делаете?

Хаус: «...Но я уверена, что знаю больше, чем они. Я учила биологию в школе». Думаю это... да. «Кроме того, *мне нравится контролировать жизнь моего сына, даже если это ведет к его смерти*». Подпишите здесь, пожалуйста. Вот ручка.

Мать: Кто вы такой?

Хаус: Я врач, который пытается спасти вашего сына. А вы мать, которая позволяет ему умереть. Разъяснение – прекрасная вещь.

Здесь само псевдоцитирование документа является патерналистской эристемой, вносящей элемент POWER в эристическую тональность речевого взаимодействия (см. выше Схема 5) и риторического (персуазивного) воздействия. Мезоэристымы в виде эристической коллокации (**kicks off – отбросить коньки**), а также гиперболической косвенной эристымы пейоративной иллокуции обвинения (*I enjoy controlling every single aspect of my son's life, even if it means his death*) ведут к перлокутивному персуазивному эффекту – мать соглашается на лечение. В аргументации Хауса, обращенной к пациентам, часто присутствует прием угрозы *ad baculum*, облеченный в косвенную ироническую форму, построенную на гиперболе (см. выше):

Young Mother: No formula, just mommy's healthy natural breast milk.

House: Yummy. <...>

Young Mother: We're not vaccinating.

House: Think they don't work?

Young Mother: I think some multinational pharmaceutical company wants me to think they work.

House: *You know another really good business? Teeny tiny baby coffins.*

You can get them in frog green or fire engine red. Really (1/2).

– Никакой химии, просто натуральное грудное молоко мамочки.

– Объеденье. <...>

– Мы не будем ее прививать.

– По-вашему, это бесполезно?

– Я считаю, что это все уловки международной фармацевтической корпорации.

– Знаете, какой еще есть хороший бизнес? Малюсенькие детские гробы. Можно заказать зеленые, можно заказать красные. Seriously.

В этих примерах проявляется еще одна – следующая макроэристема сериала.

– **Гипертрофия «эпистемической бдительности»:**

«Пациент всегда глуп» и «Все врут!».

Самая главная максима Хауса: *Everybody lies! Все врут!*; выражает скепсис не только по отношению к компетентности сотрудников, больных и их родственников, но и пренебрежение человеческим статусом пациентов:

Dr. House: *Everybody lies.*

Dr. Cameron: Dr. House doesn't like dealing with patients.

Dr. Foreman: Isn't treating patients why we became doctors?

Dr. House: No, **treating illnesses is why we became doctors** (1/1).

Д-р Хаус: *Все лгут.*

Д-р Кэмерон: Доктор Хаус не любит общаться с пациентами.

Д-р Форман: Разве лечение пациентов не то, зачем мы стали врачами?

Д-р Хаус: *Нет, мы стали врачами, чтобы лечить болезни.*

Отношение Хауса к пациентам и их родственникам не просто патерналистское, но уничижительно-презрительное. Хаус предпочитает не посещать пациентов, мотивируя свое отношение очередным софистическим «хаусизмом»: *What would you want, a doctor who holds your hand while you die, or a doctor who ignores you while you get better? I guess it would particularly suck to have a doctor who ignores you while you die* (Что лучше: врач полный сочувствия, у которого ты умрешь, или врач, тебя игнорирующий, у которого ты поправишься? Конечно, врач, тебя игнорирующий, у которого ты умрешь, это уже слишком).

Ирония Хауса, вызывающая смех у зрителя, была бы слишком шокирующей, будь это реальное общение с пациентами. Откровенный эпатаж и издёвка – главные эристы эксцентричного доктора:

House: [He walks over to the waiting room full of patients.] *Hello, sick people and their loved ones!* [Cuddy looks at him incredulously.] *In the interest of saving time and avoiding a lot of boring chit-chat later, I'm Dr. Gregory House. You can call me Gregg. I'm one of three doctors staffing this clinic this morning.*

Cuddy: Short, sweet. Grab a file.

House: *This ray of sunshine* is Dr. Lisa Cuddy. Dr. Cuddy runs this whole hospital so, unfortunately, *she's much too busy to deal with you.* I am a *bored* [looks at Cuddy] certified diagnostician

Хаус: *Здравствуйте, больные и их близкие! Дабы сэкономить время и избежать скучнейших разговоров, я доктор Грегори Хаус. Вы можете звать меня Грегг. Я один из трех врачей, работающих здесь этим утром.*

Кадди: Коротко и ясно. Бери папку.

Хаус: *А этот луч света* – доктор Лиза Кадди. Доктор Кадди управляет всей больницей, *так что времени на вас у нее нет.* Я сыт по горло (смотрит на Кадди)... *по горло сертифицированный диагност,* с

with a double specialty of infectious disease and nephrology. I'm also the only doctor currently employed at this clinic who is here against his will. That is true, isn't it? [Cuddy just looks at him.] But not to worry, because for most of you this job could be done by a monkey with a bottle of Motrin. Speaking of which, *if you're particularly annoying*, you may see me reach for this. This is Vicodin. It's mine. You can't have any. And no, I do not have a pain management problem, I have a pain problem. But who knows? **Maybe I'm wrong. Maybe I'm too stoned to tell.** So, who wants me? [None of the clinic patients seem too eager.] And who would rather wait for one of the other two doctors? [Everyone raises their hands.] Okay, well, I'll be in Exam Room 1 if you change your mind (1/3).

двумя специальностями – инфекциониста и нефролога. Я пока единственный врач в этой клинике, кого тут держат насильно. И это правда, не так ли? Но не беспокойтесь, *большинству из вас поможет и мартышка с пузырьком ибупрофена.* И кстати, *если вы очень меня достанете*, я могу вынуть вот это. Это викодин. Он мой. Вам его нельзя. И нет, у меня проблема не с обезболивающими, у меня проблема с болью. Но кто знает? Возможно, я не прав. *И я слишком обдолбан, чтобы понять.* Итак, кто со мной? **(Никто из пациентов не решается выйти).** А кто подождет других двух врачей? **(Все поднимают руки).** Хорошо, если что, я в первой смотровой.

– Сократовский метод: дифференциальный диагноз, или «воспитание щенков».

В отношениях со своими помощниками – молодыми врачами «команды Хауса» – великий диагност действует по принципу «хочешь научить плавать, брось в воду – пусть выплывает». Сократовская майевтика (см. выше) позволяет реализовать эристическую эвристику, стимулировать самостоятельное мышление. Но не только. Хаус считает, что, всячески зля, унижая и подкалывая своих подчиненных, он подстёгивает их самолюбие и страх потерять лицо. В его представлении (да и в представлении его учеников) «это работает». «Логическая» аргументация Хауса также эристична, нарушает правила «диалектической дискуссии», пестрит софистическими опровержениями, ложными посылкам (*ignoratio elenchi*):

Chase: Two conditions, contracted simultaneously?

Foreman: Occam's Razor. The simplest explanation is always the best.

House: And you think one is simpler than two.

Cameron: Pretty sure it is, yeah.

House: Baby shows up. Chase tells you that two people exchanged fluids to create this being. *I tell you that one stork dropped the little tyke off in a diaper.* You going to go with the two or the one?

Foreman: I think your argument is specious.

House: I think *your tie is ugly*. Why is one simpler than two? It's lower, lonelier... is it simpler? Each one of these conditions is about a thousand to one shot. That means that any two of them happening at the same time is a million to one shot (1/3).

Чейз: Два заболевания одновременно?

Форман: Бритва Оккама: верно, самое простое объяснение.

Хаус: И ты полагаешь, одно проще двух.

Кэмерон: Ну, да, естественно.

Хаус: Рождается ребенок. Чейз говорит, что для его создания два человека обменялись жидкостями. А я говорю, что засранца принес всего один аист. Выберешь двух или одного?

Форман: *Это некорректный пример.*

Хаус: *А у тебя безобразный галстук.* Почему один проще, чем два? Один мрачен и одинок... но проще ли он? Каждое из этих заболеваний это один шанс на тысячу. Вероятность же сочетания двух это один шанс на миллион.

Особый тип эристического институционального речевого взаимодействия – **дифференциальный диагноз**. Этот тип диалога, по классификации Д. Уолтона [Walton 2004], можно отнести к **делиберативному диалогу** (обсуждению проблемы). Путем абдуктивного выдвижения гипотез и их опровержений врачи Хауса ставят диагноз больному, не упуская случая сопроводить этот делиберативный диалог эристическими выпадами в адрес друг друга. Но лидирует в этом искусстве, несомненно, д-р Хаус:

House: So, people, differential diagnosis. What's wrong with her?

Cameron: Him.

– Итак, народ, дифференциальный диагноз. Что *с ней* не так?

– С ним.

House: *Him, her, does it matter? Does anyone think it is a testicular problem?*

No, so Chase...

Chase: Absidia infection?

Foreman: No, you wouldn't get the rash or cough. What about arthritis?

Accompanying vasculitis causes nerve damage –

Cameron: No, it wouldn't cause the blood pressure problems. Allergy?

Chase: The kid's got abdominal pain. Maybe carcinoid?

Foreman: Nah, but then you wouldn't get the – [House slams a giant book in front of Foreman.]

House: *Foreman, if you're going to list all the things it's not, it might be quicker to do it alphabetically.* Let's see. Absidia? Excellent. Doesn't account for any of the symptoms.

Cameron: No condition accounts for all these symptoms.

House: Well, good! Because *I thought maybe he was sick, but apparently, he's not. Who wants to do up the discharge papers?* [pause] Okay, unless we control the blood pressure, he's going to start circling the drain before we can figure out what's wrong with him (1/3).

– С ним, с ней, какая разница? Или тут проблема в половых органах?

Нет, итак, Чейз?

– Инфицирование?

– Тогда не было бы сыпи и кашля.

Может, артрит? Сопутствующий васкулит дает повреждение нервов...

– Не вызвал бы проблем с давлением. Аллергия?

– У парня боли в животе. Может быть карциноид?

– Нет, но тогда бы не было...

(Хаус кидает Форману толстый справочник): *Форман, если хочешь перечислить все, чего не может быть, по алфавиту будет быстрее.* А ну-ка. Абсидия?

Великолепно. Не подходит ни под один симптом.

– Под все эти симптомы ничего не подходит.

Хаус: *Отлично! А то уж я подумал, что он болен, очевидно, что нет. Кто заполнит бумаги на выписку?* Итак, если мы не нормализуем давление, он отдаст концы раньше, чем мы выясним причину.

Эристическое доведение до абсурда (*I thought maybe he was sick, but apparently he's not. Who wants to do up the discharge papers?*) – мезоэристема, уличающая подчиненных в непродуктивности мышления.

Эристичность мышления главного героя в том, что логика Хауса софистически метафорична. В отличие от своего прототипа – Холмса – Хаус полагается на сократовский метод вопросов и иносказаний. Метафора – его

главный инструмент интеллектуальной эристической эвристики, направленной на развитие креативного мышления его учеников:

House: The tumor is Afghanistan. The clot is Buffalo. Does that need more explanation? Okay. The tumor is Al-Qaeda, the big bad guy with brains. We went in and wiped it out, but it had already sent out a splinter cell, a small team of low-level terrorists, quietly living in some suburb of Buffalo, waiting to kill us all. **Foreman:** Whoa, whoa, whoa. Are you trying to say that the tumor threw a clot before we removed it? **House:** It was an excellent metaphor. Angio her brain before this clot straps on an explosive vest (2/2).

Хаус: Опухоль – это Афганистан. Тромб – это Буффало. Еще объяснения нужны? О'кей. Опухоль – это Аль-Каида, большие плохие ребята с мозгами. Мы вторглись, мы удалили бяку, но одна клетка успела отделиться – маленькая группа террористов, которые притаились в пригороде Буффало и выжидают момента, чтобы убить нас всех. **Форман:** Стоп, стоп! Вы хотите сказать, что от опухоли отделился тромб до того, как мы ее удалили? **Хаус.** Это была блестящая метафора. Сделайте пациенту ангиограмму мозга, пока этот тромб не надел пояс шахида.

Метаэристема: поговорим о ближнем.

Одним из наиболее распространенных проявлений эристического в обыденном общении и в рассматриваемом теленарративе появляется еще один тип эристеми – *метаэристема*. В обыденной речи метаэристема проявляется прежде всего в **жанре сплетни**: эксплицитная оценка **другого** – его поведения, его делокутивного этоса с **эристической интенцией порицания** всегда занимала не последнее место в человеческих отношениях.

Метаэристема в художественном повествовании – это метарепрезентация образа персонажа либо в авторском тексте, либо – как в случае с диалогическим нарративом⁵¹ сериала – в словесных характеристиках эристического этоса и пафоса доктора Грегори Хауса в высказываниях его окружающих. Адгерентный имидж Хауса однозначно негативный:

⁵¹ О диалогическом нарративе см. [Борисова 2002].

Foreman: When a dog dumps on the floor, do you pat its head and call it a genius? No, you smack it in the nose with a newspaper!

Chase: *Dogs can learn things, House can't* (1/18)

– Когда собака гадит на пол, ты что, гладишь ее по голове и хвалишь? Нет, ты хлопаешь ее газетой по носу.

– *Собаку можно научить, Хауса – нет.*

Лишь врачебный талант и даже гениальность Хауса, спасение им безнадежно больных пациентов позволяют ему оставаться харизматической личностью. Мнение пациентов и их родственников о Хаусе подчеркнуто восторженное, несмотря на перенесенные на пути к выздоровлению издевательства гениального доктора:

Donald: I assume House is a great doctor. **Chase:** Why would you assume that? **Donald:** *Because when you're that big a jerk, you're either great or unemployed* (2/14).

Дональд: Полагаю, Хаус – великий врач. **Чейз:** Почему ты так думаешь?

Дональд: Потому что *когда ты такой придурок*, ты либо великий, либо безработный.

В диалогах со своим другом д-ром Уилсоном (сценарный эпигон д-ра Ватсона), с главврачом и подругой д-ром Лизой Кадди, в разговорах других персонажей Хаус подвергается критике, выявляющей все аномалии его эристического *когнитивного и поведенческого* стиля. Эристические дружеские пикировки Хауса с друзьями и коллегами отличаются метафоричностью, остроумием, шуточным подтруниванием-стёбом (banter):

Wilson: *That smugness of yours really is an attractive quality.*

House: Thank you. *It was either that or get my hair highlighted.* Smugness is easier to maintain.

Wilson: I get that you're not a big believer in the 'catching flies with honey' approach, but do you honestly think you'll collect a jarful by cleverly taunting them?

House: Flies, no. Doctors, sure. If I'd

– *Твое самодовольство располагает.*

– *Благодарю. Был еще вариант осветлить волосы.* Но самодовольство выходит дешевле.

– Как я понял, метод приманивания мух вареньем ты не одобряешь. Но неужели ты считаешь, что издевательства действенней?

– Для мух, нет. Для врачей – да.

said to Foreman, “Nice try, it was a great guess, but not this time,” what do you think he’d be doing right now?

Wilson: I think he’d be going home not feeling like a piece of crap.

House: Exactly.

Wilson: *You want him to feel like a piece of crap?*

House: *No, I don’t want him going home (1/3).*

Если бы я сказал Форману:

«Отличная идея, ты угадал», что бы он сейчас делал?

– Шел бы домой, не ощущая себя дерьмом.

– Точно.

– *Хочешь, чтобы он чувствовал себя дерьмом?*

– *Нет, я не хочу, чтобы он шел домой.*

Эристема нерелевантности (отклонения от темы) *It was either that or get my hair highlighted. Smugness is easier to maintain.* («**Был еще вариант осветлить волосы** Но самодовольство выходит дешевле») содержит семантический сдвиг, или прагма-риторическую дизъюнкцию (см. выше), которая определяет сюрреалистическую иронию *ad absurdum*. Часто эристема нерелевантности проявляется в игнорировании собеседника, что является крайним проявлением невежливости, по [Culpeper 2011]. Вызывающее игнорирование, в частности, резкая смена темы, нарушающая принцип коммуникативной кооперации, приближает речевое поведение к личностному вызову, смягченному иронической интонацией, мимикой и т.п.:

Фрейм 1: диалог с д-ром Форманом – подчиненным Хауса:

Foreman: Cameron quit?

House: Last night. And do an MRA for vasculitis, too.

Foreman: *There is no way she quit! She got fired because you couldn’t swallow your pride!*

House: **An ultrasound? Excellent thought!** And put her on magnesium, too, in case it is preeclampsia (1/18).

– Кэмерон уволилась?

– Вчера. И сделай М-ангиографию, на васкулит.

– *Она не могла уволиться! Ее уволили, потому что вы не смогли переступить через свою гордыню.*

– **Ультразвук? Отличная мысль.**

И начните давать ей магний, на случай предэклампсии.

Фрейм 2: Главврач больницы Принстон Плейнсборо Лиза Кадди обращается к Хаусу, останавливая его на выходе из больницы:

Cuddy: I want to run something by you.

Кадди: Нужно кое-что обсудить.

Хаус (громко, на публику): *Я не буду*

<p>House: [loudly] <i>I will not have sex with you! Not again! Miserable, that first time. All that desperate, administrative need...</i> (1/22).</p>	<p><i>с тобой спать! Ну за что! Мне одного раза достаточно. Ох уж эти требования администрации...</i></p>
--	---

Косвенная метаэристема – отрицательная оценка «жертвы» может, в отличие от сплетни, иметь не только предвзятую негативную когнитивную интенциональность (cognitive bias) – могут отмечаться и положительные оценки, и людическая эристика:

<p>Wilson: Because you're not as big a jerk as everyone thinks.</p> <p>House: Yes, I am.</p> <p>Wilson: No, you're not.</p> <p>House: I just made a \$10,000 short sale on a stock I know is going to crash because of what I saw a grief-stricken dad do on his son's deathbed.</p> <p>Wilson: No, you didn't.</p> <p>House: Yes, I did.</p> <p>Wilson: <i>You are a jerk</i> (6/5).</p>	<p>– Потому что ты не такой гад, как все думают.</p> <p>– Именно такой.</p> <p>– Неправда.</p> <p>– Только что заработал 10 тысяч. Продав акции компании, которая обанкротится благодаря выходке убитого горем отца у постели умирающего сына.</p> <p>– Неправда!</p> <p>– Правда.</p> <p>– <i>Ну ты и гад.</i></p>
--	---

5.1.2. Мезоэристыемы «House, MD»: ирония Хауса

Людическая эристика Хауса парадоксальна. С одной стороны, это одно из проявлений его мизантропии: жертвами насмешки, иронии, стёба становятся все окружающие его люди. Причем, далеко не все принимают и терпят его поведение: иногда он получает словесный отпор, иногда Хауса бьют и однажды даже стреляют в него. Его невежливость и даже грубость сносят люди либо вынужденные общаться с ним и зависящие от него (пациенты, подчиненные, ученики), либо друзья, прощающие ему его характер. Однако особенным типом эристического общения является *дружеская пикировка, квазишуточная агрессия, стёб*, которые, как правило, рассматриваются в лингвистических исследованиях как ирония [Alba-Juez 2014; Yus 2016]. Однако эристика Хауса значительно шире по типологии.

Каждый тип мезоэристеми соответствует трансгрессии того или иного принципа кооперативного эмпатического общения [Грайс 1985; Ларина 2009; Brown, Levinso 1978; Leech 1983; Zlatev 2014].

Трансгрессия вежливости и эмпатии. Апеллятивная мезоэристема.

Одной из первых характеристик речевой невежливости [Culreper 2017] является игнорирование собеседника, часто проявляющееся в манипуляции с апеллятивами (неназывание по имени, искажения имени, клички и т.д.), прецедентные феномены в номинации, ставящие в тупик непосвященного:

Фрейм 1 : Хаус говорит по громкой связи со своими «интернами».

House: *Dark Religious Nut...*
Cole: [surprised] What did you call me? **House:** I' m sorry. *What do you want to be called this week?* **Cole:** *Cole.* **House:** *Well, I' m never going to remember that. Take Bosley and the other visible minorities to the funeral home <...> And Angels, be careful (hangs up) (4/4).*

Хаус: *Черный религиозный псих...* **Коул** [удивленно]: Как вы меня назвали? **Хаус:** Прости. *Как ты хочешь зваться на этой неделе?* **Коул:** *Коул.* **Хаус:** *Такое мне точно не запомнить. Возьми с собой Бозли и оставшегося нашего нацмена и отправляйтесь в похоронное бюро. <...> Да, Ангелы, будьте внимательны (вешает трубку) (Прим.: «бозли» – бесполоый мальчик-курьер (инд.); «Ангелы Чарли» (к-ф) – агенты «по вызову» – И.Т.)*

Прозвища, как уже отмечалось, являются эристической формой номинации, широко используемой Хаусом в общении с учениками: Travis Brennan – *The quiet guy*, Lawrence Kutner – *Enthusiastic guy*, Jeffrey Cole – *Black Mormon / Dark Religious Nut*, Amber Volakis – *Cutthroat Bitch*, Chris Taub – *Bored-looking plastic surgeon*, Remy Hadley – *Thirteen*, etc.

Часто эристика Хауса переходит в грубость и речевую атаку ad personam (как правило, связанную с обострением боли в искалеченной ноге).

Фрейм 2: Хаус говорит с главврачом Лизой Кадди

House: I quit. **Cuddy:** Great. My nanny is off the clock at 7:30 so your week off... **House:** *You can go*

Хаус: Я увольняюсь. **Кадди:** Прекрасно. У меня няня только до полвосьмого, если хочешь неделю

suckle the little bastard child if it makes you feel good about yourself.
Cuddy: *Screw you (5/23).*

отпуска... **Хаус:** *Иди, корми грудью своего ублюдка, если тебя это так радует.* **Кадди:** *Да пошел ты...*

Трансгрессия социальных табу и эпатаж

Главное место в трансгрессивной эристике Хауса занимает растабуирование сексуальности, натурализм и сексизм:

Wilson: What are you doing tonight?

– Что делаешь вечером?

House: *Masturbating. I'd invite you, but people are already talking (6/15).*

– *Мастурбирую. Пригласил бы тебя, да и так уже разговоры ходят.*

Cuddy: The rest of this hospital is busting its tail, and... [House raises the chart he's holding to cover Cuddy's midsection.] What are you doing?

Кадди: *Вся больница надрывается, а ты...(Хаус поднимает папку, чтобы не видеть открытое декольте Кадди). Что ты делаешь? Хаус: *Пытаюсь не думать о фруктовом отделе в магазине натурпродуктов.**

House: *Trying to think of anything except the produce department at Whole Foods.*

Cuddy: I am... working, it got hot, stop acting like a 13-year-old! **House:** Sorry, you just don't usually see breasts like that on Deans of Medicine. **Cuddy:** Oh, women can't be heads of hospitals? Or just ugly ones? **House:** No, they can be babes. You just don't usually see their funbags (1/19).

Кадди: *Я... работаю, мне жарко, хватит вести себя как 13-летний!*
Хаус: *Прости, просто обычно не видишь такую грудь у главврачей.*
Кадди: *Женщины не могут управлять больницей? Или только страшные? Хаус: Нет, они бывают ничего. Но буфера у них редко увидишь.*

Chase: When I was in med school, I had this old professor ... **House:** ... *who touched you in the naughty place?*

Чейз: *У меня в меде был старый профессор... Хаус: ...который трогал тебя за гультфик?*

House: Sorry I'm late, *I was taking a dump.* **Dr. Gilmar:** I'm guessing I'm better off interviewing right after than right before. **House:** Why are you leaving Dr. Hazel? Did you fall for him and can't handle it, or is it the other way around? <...> **House:** You Jewish?

Хаус: *Извините, что опоздал, ходил пострать.* **Др. Гилмор:** – Тогда, наверное, лучше, когда собеседование после этого, чем когда до? – Почему уходите от д-ра Хейзела? *Запали на него, или все наоборот? <...> Вы еврейка?*

<p>[Wilson gives him a “hey, now!” kind of look.] Dr. Gilmar: Yes. House: Is it true what they say about Jewish foreplay? Gilmar: Two hours of begging? House: I heard four. Dr. Gilmar: Well, actually, <i>I’m only half-Jewish. [Wilson and House exchange looks.] Look, I know you like to play games with people. I know you like to say outrageous things and study how they react. What you should know about me is that I grew up with four brothers. Keep your hands to yourself, I’m okay with anything that comes out of your mouth (1/19) .</i></p>	<p>– Да. – <i>А правду ли говорят про еврейскую прелюдию? – Что нужно два часа просить? – Я слышал четыре. — Ну, я только наполовину еврейка... Слушайте, я знаю, вам нравится играть с людьми, нравится говорить возмутительные вещи и следить за их реакцией, но, чтобы вы знали: я выросла с четырьмя братьями. Держите руки при себе, а что вы там говорите, меня мало волнует.</i></p>
---	---

Эристическая ирония

Ирония Хауса направлена на всех, кто его окружает. **Патерналистская ирония** относится к пациентам и подчиненным:

<p>House: Okay, I’m gonna give you some antibiotics, and you probably shouldn’t have sex for awhile.</p>	<p>Д-р Хаус: Я выпишу вам антибиотики и посоветую воздержаться от секса.</p>
<p>Woman: How long?</p>	<p>Пациентка: Долго? Д-р Хаус: С</p>
<p>House: <i>On an evolutionary basis, I’d recommend forever (1/16)</i></p>	<p>точки зрения эволюции, я бы сказал, вечно.</p>

В приведенном диалоге риторическое отношение «вызов» в остроте Хауса, как и в приводимых выше однофразовых шутках В. Вишневого, построена на **прагма-риторической дизъюнкции**:

‘ГЕНЕТИЧЕСКОЕ СЛАБОУМИЕ’ V ‘ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДА’.

Здесь также осуществляется людически-косвенный речевой акт оскорбления, который понятен скорее зрителю, чем недалекой пациентке.

Уничижительная метафорическая ирония направлена на учеников Хауса, которых он держит в постоянном напряжении, заставляя доказывать

свою профессиональную (интеллектуальную) состоятельность. Такая ирония приближается также к скрытой агрессии:

[Chase starts to leave.]

Cameron: There is another possibility.

Foreman: Chase, hold on. [Chase stops.]

House: *How'd you get him trained so fast? Electronic collar? Got treats in your pocket?* (1/16)

(Чейз уходит делать анализы)

Кэмерон: Есть другая версия.

Форман: Погодите (Чейз останавливается). **Хаус:** *Так быстро его выдрессировала?*

Электрошейником и сахар в кармане?

Пикировка: 'ADULT-ADULT' – 'PUER-PATER' – 'PUER-PUER'

Речевые конфликты в диалогах сериала есть стилеобразующий перлокутивный фактор, поддерживающий эристическую тональность всего теленарратива (макроэристема в плане выражения).

Речевой жанр **пикировки** не получил пока должного описания в лингвистической литературе. Как было отмечено, в основе этого речевого жанра лежит эристическая интенция, воплощающаяся в прямых, а чаще косвенных речевых актах атак *ad hominem* и *ad personam*.

Классификацию видов пикировки как одного из прототипических эристических жанров мы основываем на типологии эристических межличностных ролей, описанных выше (см. Схема 5).

Эристическая пикировка типа '**ADULT-ADULT**' отражает не спор и не дискуссию ради нахождения истины и даже не «эристический диалог», по Д. Уолтону [Walton 1993]. Такая пикировка (словесное фехтование) имеет целью именно «уколоть» противника (отсюда «колкость») – остроумно, театрально «срезать» тезис противника, показать своё интеллектуальное превосходство. Часто такие пикировки переходят грань и превращаются в агрессивную «перепалку», если не преследуют цель театрализованного представления в рамках «универсальной аудитории» (Х. Перельман), заставляющей поддерживать свой позитивный имидж (этос).

Рассматриваемый материал изобилует примерами такого рода.

Пикировка ‘**ADULT-ADULT**’ возникает в отношениях Хауса с равными по интеллектуальному или социальному статусу, а иногда и в диалогах с начальством, упрекающим доктора в очередном нарушении или призывающим его к профессиональным или этическим нормам. Аргументация Хауса строится, как правило на парадоксальных софизмах и логических уловках (*ad misericordiam, ad ignorantiam, ad baculum*. Но главной эристемой здесь выступает мезоэристема *ad hominem/ad personam*:

Фрейм 1: Обсуждение возможности пересадки сердца пожилому пациенту):

Cuddy: He's 66-yrs-old. **House:** Told me he was 65. Liar. I'm out of here <...>.

Simpson: If this patient were to survive the operation, he'd get another what? 5, 10, maybe 20 years if he's very lucky?

House: No I get it; *women live longer so they should get preference, right?*

The African-Americans, they die a lot younger so to hell with them. **Simpson:**

What you think you're going to win me over by calling me a racist? **House:** If the test is who gets to use it the longest, you can either be a racist or a hypocrite.

Simpson: Your patient had a life. A family. We've got 18-yr-old kids who only.... - **House:** How old are you, doctor? *When do we get to toss you on an ice flow?* (1/14).

Кадди: Ему 66 лет. **Хаус:** А мне сказал 65. Лжец. Я пошел <...>.

Симпсон: Если пациент переживёт операцию, сколько у него в запасе? 5, 10, может, 20 лет, если очень повезёт.

<...> **Хаус:** Я понял. *Женщины живут дольше, значит, у них преимущество, так? А афро-американцы, они умирают раньше.*

Значит чёрт с ними. **Симпсон:** Вы думаете убедить меня, называя расистом? **Хаус:** Если суть в том, кто дольше проживет, вы либо расист, либо лицемер. **Симпсон:** Ваш пациент прожил жизнь. Создал семью. У нас есть подростки, которые только.... **Хаус:** *Сколько вам лет, доктор? Когда мы вас засунем в холодильник?*

Фрейм 2: Кадди отстраняет от дела Хауса, отказавшегося из-за боли в ноге не употреблять наркотическое болеутоляющее (викодин):

[Cuddy enters the office]

Cuddy: House, we need to talk.

House: Not taking the deal. Glad we talked. Ultrasound her liver. [The

(Кадди входит в офис)

Кадди: Хаус, нужно поговорить.

Хаус: Сделку не приму. Вот и поговорили. Сделайте ультразвук

ducklings make to take off] **Cuddy:** Sit down. **House:** Stand up. [Looks to Cuddy] Your turn. **Cuddy:** House, you're off the case. Your treatment privileges are suspended until you accept Tritter's deal. **House:** Well I'm obviously not going to take the deal just so I can have the fun of treating a dwarf so I assume there's more to this threat. **Cuddy:** I'm also cutting off your vicodin. **House:** That could work. **Cuddy:** I'm taking over as attending. Get an MRI of her lungs. **House:** This is not lung cancer. **Cuddy:** We'll find out as soon as we MRI her lungs. [The ducklings file out] **House:** *You're going to come begging me to save this girl long before I come begging you for pills* (3/10).

печени. («Утята» Хауса собираются уходить) **Кадди:** Сядьте. **Хаус:** *Встаньте. Твоя очередь.* **Кадди:** Отстраняю тебя от дела. Пока не примешь предложение Триттера, запрещаю тебе лечить пациентов. **Хаус:** *Ясное дело, что ради удовольствия лечить нашу карлицу, я его не приму. Так что, видимо, будут еще угрозы.* **Кадди:** Больше никакого виколина. **Хаус:** *А это уже что-то.* **Кадди:** Я беру это дело. Сделайте МРТ легких. **Хаус:** Это не рак легких. **Кадди:** Узнаем, как только сделаем МРТ. («Утята»⁵² уходят). **Хаус:** *Будешь умолять меня спасти эту девочку раньше, чем я буду умолять тебя о таблетках.*

В этом примере интерактивные дискурсивные эристеми «противоречия» – чередующиеся противонаправленные реплики – заканчиваются угрозой (ad baculum) д-ра Хауса.

В жанре «дружеской» пикировки отношение «Взрослый–Взрослый» заменяется пуэрильной, шутливой эристической тональностью 'PUER-PUER'.

Фрейм 1. Д-р Хаус впервые встречается с мужем своей бывшей подруги в ее присутствии, тут же «забывая» его имя:

Mark: Stace? What's going on? **Stacy:** Hey – [about to make introductions, but...] **House:** Hi. I'm Gregg House. *You must be Matt.* **Stacy:** Mark. [Mark extends a hand.] **Mark:** Mark Warner. <...> **Mark:** Sorry for the mix-up, but

Марк: Стэйси? Что происходит? **Стейси:** Привет...(собирается их представить, но...) **Хаус:** Привет. Я Грегг Хаус. *А ты, должно быть, Мэтт.* **Стейси:** Марк. **Марк:** Марк Уорнер. <...> **Марк:** Простите, что

⁵² «Утята» Хауса – его молодые коллеги, его команда, которая обычно везде следует за идущим по коридору боссом, выдвигая диагностические гипотезы и решения.

I'm glad you two got a chance to catch up. Looks like you're having fun. **House:** Oh, he's good. If you can fake sincerity, you can fake pretty much anything. I can't tell you how much I like your fella. **Mark:** Yeah, me too. You know, I thought you'd be all sarcastic, bitter, you know, because Stacy married me. **House:** You know, we should do things together. Maybe throw a ball around or something. Guy stuff. **Mark:** We could go for a run together. [*sic!* House is crippled] **House:** Hah! He's Oscar Wilde! **Stacy:** *Wow, this pissing contest is really turning me on.* He needs to go to the hospital. **House:** [raising his glass] Here's to women. You can't live with 'em, you can't kill 'em until the neighbors are stripping in Atlantic City. **Mark:** Damn straight. **House:** I'm definitely taller. **Mark:** I have more hair (1/22).

влезая, рад что пообщались, вам, похоже, весело? **Хаус:** А он хорош. Если можешь разыграть искренность, можешь разыграть что угодно. Нет слов, как мне нравится твой муж. **Марк:** Симметрично. А может ты так саркастичен и колок, потому что Стейси вышла за меня. **Хаус:** Нам нам с тобою надо подружиться. Побросать мяч или еще что... По-мужски... **Марк:** Можем вместе побегать [*sic!* Хаус – калека]. **Хаус:** Просто Оскар Уайльд! **Стейси:** *Обожаю смотреть, как парни меряются.* Ему нужно в больницу... **Хаус:** За женщин. С ними нельзя жить, и нельзя убить, и сказать соседям, что они танцуют стриптиз в Атлантик-Сити. **Марк:** Чертовски верно. **Хаус:** Я явно выше. **Марк:** А у меня больше волос.

В общении с друзьями и часто с начальством Хаус позволяет себе занимать пуэрильную позицию, дурачась и прибегая к иронии ad absurdum и к речевому жанру подколки-стёба.

Фрейм 2. Уилсон и Хаус обсуждают предстоящее увольнение сотрудников:

Wilson: So, any thoughts?
House: *On what? Sharon's plan for Gaza?*
Wilson: Who you're gonna let go.
House: I'm thinking I can convince Vogler it would be more cost-efficient to let me keep all of them.
Wilson: Yeah, you should be able to pull that off. Most billionaires aren't

– И что, есть какие-нибудь идеи?
 – О чем? *О плане Шарона в секторе Газа?*
 – Кого ты уволишь.
 – Попробую убедить Воглера, что будет прибыльнее оставить всех троих.
 – Ну да, тебе, несомненно, это удастся. Ведь миллиардеры не умеют

very good with numbers.

House: *It will be more cost-efficient once I've grabbed Cameron's ass, called Foreman a spade, and Chase... well, I can grab his ass, too* (1/16)

считать.

– *Будет прибыльнее, если я смогу хватать Кэмерон за попку, Формана называть ниггером, и Чейза... его я тоже схвачу за попку.*

Людическая эристема

Юмор и ирония в сериале представлены в избытке. Однако юмор Хауса – это прежде всего ирония, построенная на прагма-риторической дизъюнкции, направленная на собеседника, и проверяющая его на понимание, на расшифровку имплицитных смыслов. Первым приемом (о механизмах эхо-иронии см. выше) в эристике Хауса является **гиперболический рефрейминг** (см. выше – концептуальный блендинг): Хаус пренебрегает конвенциональной семантикой, его речь метафорична, а его личные смыслы парадоксальны. Так, он непременно пугает пациентов, когда речь идет о тривиальных диагнозах:

House: **You have a parasite.** **Jill:** Like a tapeworm or something? Can you do anything about it? **House:** Only for about a month or so. After that it becomes illegal to remove, except in a couple of states. **Jill:** Illegal? **House:** *Don't worry. Many women learn to embrace this parasite. They name it, dress it up in tiny clothes, arrange playdates with other parasites* – **Jill:** Playdates...
House: [shows her the ultrasound. It's a baby]. **It has your eyes** (1/4).

Хаус: У вас паразит. **Джил:** Что типа глистов? Вы что-то можете сделать? **Хаус:** Только в течение месяца, Позже удаление будет незаконным, кроме как в паре штатов. **Джил:** Незаконно? **Хаус;** Не беспокойтесь. Многие женщины начинают любить своего паразита, дают ему имя, наряжают, водят гулять с другими паразитами. **Джил:** Играть? **Хаус** (показывая на монитор УЗИ с плодом): **У него ваши глаза.**

Сарказм и ирония Хауса, произнесенные прозаическим тоном, маскируются под парадоксальные высказывания и производят эффект даже не «черного юмора», а «демонического сарказма»:

Foreman: It would mean he's sick and

Форман: Тогда он болен, а его

his body's not doing anything about it. **Cameron:** So we either fight it for him or it's fatal. **House:** *Fatal sounds very bad to me.* **Chase:** But without the antibodies we can't even test for it. We don't know if we're right. **House:** The treatment isn't all that dangerous, plasmapheresis and IVIG. *If it works, we're right. If he dies, it was something else* (1/22).

организм ничего не предпринимает. **Кэмерон:** Значит либо будем бороться вместо него, либо это фатально. **Хаус:** *Фатально, это что-то плохое?* **Чейз:** Если нет антител, на них не сделать анализ. Нельзя узнать, правы ли мы. **Хаус:** Лечение не опасно: плазмаферез и иммуноглобулин капельно. *Если поможет, мы правы. Если умрёт, это было что-то ещё.*

5.1.3. Фразоидная эристема: хаусизмы

Изречения доктора Хауса и других персонажей стали достоянием Интернета. Как и политические мемы-малапропизмы (см. выше), «хаусизмы» и цитаты-мемы проявляют фасцинативность и эпатаж эристического юмора теленарратива «House, MD». Людическая эристика проявляет карнавальность и раблезианство гипертрофированного цинизма эксцентричных эристических высказываний (ср. выше афоризмы Ф. Ницше и т.п.) как самого заглавного героя, так и остальных персонажей ситкома. Любой фильм, получивший признание и любовь зрителей становится источником цитат, ярких и смешных, парадоксальных реплик, передающихся из уст в уста и цитируемых в подходящей ситуации общения (см. выше). Сегодня они становятся прежде всего интернет-мемами.

Приведем лишь некоторые из бытующих в Интернете⁵³ «хаусизмов», подчекивающих близость вызывающего восторг сетевой публики эристического остроумия, эристической ментальности и эристического речевого поведения:

If I enjoy hating life, I don't hate life, I enjoy it (2/14).

Если я наслаждаюсь ненавистью к жизни, я не ненавижу жизнь. Я ею

⁵³ Поисковые запросы «хаусизм»/»хаусизмы» в системах поиска Яндекс и Google на русском, английском и французском языках выдали более 15 000 сайтов, посвященных высказываниям-мемам из сериала на трех языках.

	наслаждаюсь.
<i>Religion is not the opiate of the masses. Religion is the placebo of the masses (5/15)</i>	Религия не опиум для народа, религия - плацебо для народа.
Boyd: <i>She's healed, I have a gift!</i> House: <i>Gift is jewelry, socks. What you have is herpes encephalitis (2/19)</i>	Бойд: Она исцелилась, у меня дар! Хаус: Дар – это ювелирные украшения, деньги. А у тебя герпесный энцефалит.
<i>If You Talk to God, You're Religious; If God Talks to You, You're Psychotic (2/19).</i>	Если ты разговариваешь с Богом, ты – верующий. Если Бог разговаривает с тобой, ты – ненормальный
Cameron: The woman you used to live with. House: <i>That's her Indian name. On her driver's license it's Stacy (1/22).</i>	Кэмерон: Женщина, с которой вы жили? Хаус: <i>Это ее индейское имя. В водительских правах она Стейси.</i>
Cameron: What happened to "everybody lies"? House: I was lying (1/22).	Кэмерон: А как же ваш лозунг «Все лгут»? Хаус: <i>Я солгал.</i>
Stacy: What's so great about you, you always think you're right. What's so frustrating about you is you are right so much of the time (1/22).	Стейси: Прекрасно, что ты всегда считаешь, что прав. И ужасно, что ты, действительно, почти всегда прав.
House: You don't like her shoes. You like her legs. Lucas: It sounds less creepy if you say shoes. House: <i>Less creepy, more gay (5/3).</i>	Хаус: Плевать тебе на ее туфли. Тебя ноги зацепили. Лукас: Зато звучит не по-хамски. Хаус: <i>Меньше хамства – больше гейства</i>

В отличие от афоризмов изречения-мемы не всегда несут сентенциальную функцию, то есть функцию выражения нетривиальной философской мысли, этической оценки, житейской проблемы, как правило, сформулированной в парадоксальной форме. Мемы индексально-ситуативны и эвокативны, то есть связаны с определенным персонажем,

обстоятельствами прецедентного нарратива/события, могут быть не вполне понятны людям, незнакомым с прецедентным источником.

Подведем итог. Исследование корпуса сериала «Доктор Хаус» в силу своей стилистики содержит все теоретически отмеченные проявления эристического речевого поведения. При этом можно выделить три базовых типа эриستم: **метаэристемы, прямые эристемы (*ad hominem*) и косвенные эристемы (*ex concessis*)**, затрагивающие «положительное лицо» собеседника опосредованно, через обобщенные рассуждения (см. Таблица 13).

Таблица 13.

Типы доминирующих мезоэриستم в профессионально-бытовой коммуникации героев “House, MD”

ЭРИСТИЧЕСКИЕ МЕТА- РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (метаэристемы)	ПРЯМАЯ ЭРИСТЕМА (интеракциональная) <i>ad hominem</i>	КОСВЕННАЯ ЭРИСТЕМА (концептуальная) <i>ex concessis</i>
<p>Donald: I assume House is a great doctor. Chase: Why would you assume that? Donald: <i>Because when you're that big a jerk, you're either great or unemployed</i> (2/14). Дональд: Полагаю, Хаус – великий врач. Чейз: Почему ты так думаешь? Дональд: Потому что когда ты такой придурок, ты либо великий, либо</p>	<p>Simpson: Your patient had a life. A family. We've got 18-yr-old kids who only.... - House: How old are you, doctor? <i>When do we get to toss you on an ice flow?</i> (1/14). (Фрейм: спор о пересадке сердца пожилому пациенту): Симпсон: Ваш пациент прожил жизнь. Создал семью. У нас есть</p>	<p>House: <i>When guys have brain-crotch problems, it's usually the result of using one too much and the other too little</i> - Wilson: It's not all about sex, House. House: <i>Really? When did that change?</i> (2/14). Хаус: Когда у парней проблемы с мозгом и промежностью, это обычно результат использования</p>

безработный.	18-летние дети, которые только.... Хаус: Сколько вам лет, доктор? Когда мы сможем засунуть вас в холодильник?	одного слишком много, а другого слишком мало. Уилсон: Дело не всегда только в сексе, Хаус. Хаус: Неужели? С каких это пор?
--------------	--	--

Но самое главное – имагогенное (порождающее имидж) – свойство эристической харизматичности фикционального (теле-литературного) персонажа в том, что эта эристичность эвокативна, то есть, выполняет жанрообразующую функцию в этом остроумном ироническом медицинском теле-детективе. Таким образом, речь идет о фикциальном, эристическом имидже вымышленного персонажа, в котором концентрированно, литературно-типично проявляется игра «светлой» и «темной» харизмы, формируемая, в частности, эристическим речевым поведением. Харизма Хауса и его афористические «хаусизмы» продолжают покорять зрителей и интернет (насчитывается более 30 000 сайтов по всему миру, посвященных сериалу и его герою).

5.2. Остранение как эристический семиозис. Литературная эристика и эристика перевода

Культура – противоречивый феномен, вбирающий в себя различные фазы исторического развития нации и межнационального взаимодействия. Противоречивость культуры обусловлена её исторической и пространственной динамикой, взаимными переходами социальных слоев и их трансформаций, синхронической «сшибкой» их самоидентификаций, диахроническим перетеканием общества из одной эпохи в другую. Противоречия обостряются на стыке эпох, что порождает новые феномены и слои в архитектонике национальной и мировой культуры. Например,

настоящее отмечено печатью глобализации, которая предлагает утилитарную, прагматичную, тоталитарную модель мировой культуры, некую «кумулятивную модель цивилизации», отличающуюся своей предельной «беспринципностью» [Кондаков 2002], стремлением к минимализму в выражении и в содержании транслируемых социокультурных смыслов.

В любом переходном периоде, как, впрочем, периодически и в эпоху «стабильности», но в значительно меньшей степени, возникают различные агональные напряженности, выражающиеся в дивергентных моделях культуры. Контр-модели радикально дифференцируются, создавая диффузно-обобщенную ценностно-смысловую систему, на всех уровнях противостоящую доминирующей тоталитарной идее. «Обобщественческая», нивелирующая личность тоталитарность также дифференцируется, сталкиваясь полюсами: «тотальная демократическая» против «радикальной тоталитарности», «светская тоталитарность» против «теологической тоталитарности», «тоталитарность духовности» против «тоталитарной повседневности», «тоталитарность массовой культуры» против «тоталитарной антикультуры» и т.д. (ср. [Андромонов, 2016; Витель, 2010]).

В этих противоречиях язык, являясь средством выражения той или иной агональности, переходит в особую свою ипостась, которую можно назвать *эристической*. В основе *эристического языка* лежит онтологическая категория противоречия в смысле «речи против» – дискурса, простирающегося от протестного молчания («народ безмолвствует») до протестного крика («долой!»). Проявления культурной агональности фиксируются сквозь призму эристического языка в виде текстов прежде всего философских и литературных (см. выше), но также обыденных и фольклорных [Гусейнов 2012; Кронгауз 2013].

В культуре – эристический дискурс обычно сопровождает либо вырвавшийся наружу социальный протест, взрывающий общественно-

политический строй, либо – латентно зреющий в чреве энтропийных социальных некрозов, застойных идеологических гибернаций, нравственных идиосинкразий – взрыв культурный – интеллектуальный, парадигмальный, меняющий «химический состав» цивилизационной ноосферы. Два последних состоявшихся и завершившихся тектонических сдвига в ноосфере XX века получили подходящие им имена – *модерн* и *постмодерн*.

Эпоха модерна предлежала не только первой мировой войне, но и тем «10 дням, которые потрясли мир». Ноосфера была беременна взрывом раскрепощения, выведения социально-культурного противоречия наружу. Эристический дискурс эпохи проявился в русской культуре прежде всего в феномене *Серебряного века*.

Яркую характеристику эристичности культуры этого времени дает И.В. Кондаков:

«Размытость границ между жизнью и искусством, личностью и обществом, утопией и реальностью, здоровьем и болезнью, консерватизмом и радикализмом, серьезным и смеховым, высоким и низким, добром и злом, нравственным и эстетическим, прекрасным и безобразным, богоискательством и неверием, нормативным и релятивным (список подобных антиномических "пар" в культуре Серебряного века можно было бы продолжать до бесконечности) – все это было характерно практически для каждого поэта, критика и публициста, философа или политика начала XX века» [Кондаков 2002: 60].

Эристика русских авангардистов выражается и как внешний протест, например, в знаменитом манифесте «Пощечина общественному вкусу» («*Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч. с Парохода современности*») [<https://diletant.media/articles/35861564/>], направленном против всех – классиков, реалистов и символистов, обывателей и революционеров, против «носителей родного языка вообще» и «толпы в жизни и в искусстве» [Кондаков 1998: 397]).

Но их главный литературный протест выливается в их художественные тексты – *эристическое* проявляется не только как их творческое кредо, но и

как механизм в семиотике «их языка» – на уровне внутренней формы слова и/или текста.

Протест против конвенциональности языка, выразившийся в поэзии ОБЭРИУ, в «зауми» В. Хлебникова и сарказме Д. Хармса, дает в совокупности картину «внутренней формы» эристического литературного знака.

Эристическая эпистемика рождает свою собственную семиотику. За основную единицу эристического семиозиса футуристами принимается когнитивно-семиотический акт (прием, фигура) «остранения», воплощающий «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания» [Шкловский 1970: 230]. В концепте остранения заложено раскрепощение от конвенциональности, навязываемой языком.

«Отрицание» (трансформация) внешней формы слова, языковая игра, противопоставление внутреннего мира миру объективному, – но не абсолютному и не совершенному, – вот эристическая интенциональность русского авангарда, его эристика плана выражения.

Эристика «интеллектуальной самости» критически трансформирует смысловое пространство, предлагая собственное видение, собственный язык, «противонакладываемый» на исходные – языковую и смысловую – формы текста.

Конечно, внедряемый в первично значимые языковые элементы вторичный «встречный» код не в силах побороть общезыковую морфосинтаксическую семантику, однако новая «семантика сдвига», спаянная дискурсивной ритмикой и избирательностью нарратива, заставляет текст наращивать новые, необычные фоносемантические и лексико-синтагматические связи, ломая первичную семантику, делая текст сперва асемантичным, а затем взрывающимся новыми яркими ассоциативными откровениями:

Жарбог! Жарбог!
Я в тебя грезитвой мечу,
Дола славный стаедей,
О, взметни ты мне навстречу
Стаю вольных жарирей.
Жарбог! Жарбог!
Волю видеть огнезарную
Стаю легких жарирей,
Дабы радугой стожарною
Вспыхнул морок наших дней (В. Хлебников, 1908).
[Хлебников, эл. рес.]

Провокативная, бросающая вызов конвенциональности, утверждающая новый «план выражения» эстетическая эристика также есть «когнитивный вызов» и всегда может стать причиной неприятия, идиосинкразии, степень которой зависит от внутренней способности ума сделать противоречие нормой. Нетерпимость к таким формам можно рассматривать как показатель отсутствия внутренней свободы, проявляющейся в прототипической детской жажде словотворчества и смыслопорождения, включенности в семиозис «автокоммуникации» [Лотман 2000: 171-172] и «антиреференции» [Козинцев 2008]. Остранению формы сопутствовало остранение плана содержания, как это принято у Даниила Хармса:

«Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь. Уж лучше мы о нем не будем больше говорить» [Хармс 1997: II, 330].

Эпатаж как эстетическая категория авангарда, как проявление табуированных зон сознания неотделим от интенциональности автора (ср. [Вовчаренко 2010]). Свидетельством тому выступают многочисленные «манифесты», отражающие творческое кредо русских авангардистов – поэтов

и художников – зауми А. Крученых, «эстетической провокации» К. Малевича («Черный квадрат» и др.) [Флакер 2008]. Сочетание серьезности и игры, традиционно-нормативного «взрослого» и новаторского, авангардно-девиантного «детского», тяготение к инфантильному миру (см. ниже о психологической позиции PUER в речевом взаимодействии).

Как отмечает И.К. Вовчаренко, «с начала XX века, когда борьба за новые формы развития приобретает особенно острый характер, художник, идя на крайние меры, осмеливается, наконец, нарушить саму логику скандальной акции, поменять местами причину и следствие. Скандал, как частое следствие новаторских устремлений, трансформируется в эпатаж – самопровозглашенную причину художественных поисков. Если поиск нового нередко влечет за собой скандал, то поиск самого скандала, соответственно, ведет к новым открытиям – такова антиномичная логика, породившая авангард и предельно актуализировавшая главную проблему авангарда – проблему новаторства» [Вовчаренко 2010: 28].

На инфантилизм и девиантность авангардного эпатажа указывает С. Даниэль [1998]:

Если подвести простой итог сказанному, то я склонен утверждать, что авангардное поведение есть, по сути своей, ролевое девиантное поведение, последствия которого непредсказуемы постольку, поскольку скрыта граница, разделяющая художественно-эстетическое творчество и жизнестроение.

Позитивная интерпретация эпатажной «зауми» предполагает не просто «смирение» адресата и признание «поражения» языкового кода в предлагаемых семиотических обстоятельствах. Принятие неконвенциональной, окказиональной семантики – это принятие вызова, вступление в игру, попытка адаптироваться к новой смысловой конвенциональности. Поэтому литературная эристика – эристика формы и смысла. Она порождается прототипичностью игры и превращается в игровую (эристическую) интеракцию между читателем и автором (см. ниже).

Отрицательная оценочная интерпретация, неприятие таких художественных форм является в какой-то степени проявлением приверженности традициям и канонам литературы.

В.З. Демьянков относит оценку адресатом намерений говорящего к одному из кардинальных видов интерпретации по параметрам успешности. Интерпретация чревата сбойми, например, «когда слушающий воспринимает комплимент как иронию или даже оскорбительное замечание» [Демьянков 1989: 115]. И когда правила игры не принимаются, игровая, эстетическая эристика вызывает в ответ внутреннее раздражение или внешнюю агрессивную агональность.

Однако, несмотря на градуальность агональности, эристика сама по себе не может стать нормой: эристическая игра условна, построена на вчувствовании. Для принятия «остранения» формы требуется понимание, «воление». По мнению В.З. Демьянкова, «эмпатия – не только принятие точки зрения говорящего, взгляд на вещи чужими глазами (когнитивная эмпатия), но и готовность узаконить ("легитимизировать") реальные и потенциальные намерения чужой речи». Установление явных и скрытых намерений говорящего отличает интерпретацию от остальных видов обращения со знаками («кодирование – декодирование»): «понимание – деятельность, как минимум, на порядок более сложная, чем перекодировка» [Там же: 116].

Термин *остранение* В.Б. Шкловского сопоставляют по форме (одно *n* вместо двух) и по содержанию с термином *différance* Ж. Дерриды (см. выше) [Ostrannenie 2010]. Перевод термина *остра(н)нение* (англ. *defamiliarization, estrangement*; фр. *écart, défamiliarisation, estrangement, singularisation, différenciation*) вызвал многочисленные споры на Западе своей сложной неопределенностью и глубоким когнитивным содержанием:

«The concept of estrangement (“ostrannenie”) can and should be reassessed within a more sophisticated and complex theory of human semiotic cognition and

of art as a specific instance of semiosis, realized in a variety of media and characterized by imaginative selfconsciousness. The concept would refer to the experience generated by the mimetic representation of the estrangement which is inherent in all human semiotic cognition, and which is the result of the difference between sign and occurrence that functions as a continuous catalyst of the semiotic process. Estrangement is basic to art because it is basic to (human) life» [Heusden 2010: 163].

Применительно к словесному искусству термин *остра(н)нение* употребляют и узко, обозначая им конкретный *прием*, и более широко: как *принцип* определенного типа литературы, например, «господствующий принцип не только в литературе андеграунда, но и в искусстве нонконформистском вообще» [Заика 2004: 99]. Наиболее широкое понимание встречается у Л.А. Новикова – остраннение как «*инвариант языковой образности*» [Новиков 2001: 70].

Практически все исследователи отмечают, что *остранение* – это прежде всего акт неконвенционального, девиантного семиозиса (см. [Заика 2004; Новиков 2001; Новикова 2010; Тынянов 1977; Heusden 2010]):

«The “estrangement” of the form became a “tension” or “deviation” on the level of meaning. This tension (or “écart” as it was coined in French) demanded interpretation, and literary studies moved from a phenomenological to a hermeneutic structuralism.

The transition was made possible by the replacement of the analysis of the structure of the literary form (causing the experience of estrangement) to the interpretation of the meaning of the literary, or artistic deviation» [Ostrannenie 2010: 163].

Остранение как семиотический метод приводит к созданию нового прагматического знака, который мы называем *эристемой*, – семиотической единицы и концепта дискурсивно-литературного **эристического семиозиса**, имеющего в основе своего семиогенеза противоречие, парадокс, аномалию (см. ниже). «Самовитое слово» – это знак, означаемое которого лежит не в

области референции, а в области интерпретации («интерпретанты» – по Ч.С. Пирсу) (ср. об антиреферентной функции языка [Козинцев 2008]).

Как заметил В.И. Заика, «остраннением создаются такие условия, чтобы новый смысл был создан усилиями воспринимающего. Вытесненную семантику, утерянную функцию (обесмысленную остраннением) всегда заполнит определенный смысл» [Заика 2004: 98].

Художественный *прием остранения* [Шкловский 1970] – это акт эристического (провокативного) семиозиса; его план выражения – *эристема* – знак, означаемым которого является интенциональный акт, нарушающий конвенциональность, норму, будь то норма языка или речевого поведения, вежливости и т.д. (см. ниже).

Семантика такого знака – это прагматическая семантика (*pragmatique intégrée en sémantique* [Moeschler 1985; 1989]), рождающаяся в результате *эвокации* (воображения) – семиотического акта, угрожающего не столько «лицу» адресата (по И. Гоффману), сколько его интеллектуальной и эстетической состоятельности. Новая («инновационная») создаваемая семантика знака зиждется на эристической интенциональности «семиурга» (создателя знака). В этой семиотике эристичность аутореферентна и направлена на сам знак – на его форму плана выражения и форму его плана содержания.

В бытовом общении, построенном на мимезисе [André-Larochebouvy 1984] и мейозисе [Шаховский, Тахтарова 2008], «низкая» эристика выливается в нарушение правил этикета, в речевую агрессию, в мыследеятельность (эвристике) эристическая интенция – механизм креативной инновации [Санников 2002].

В эристическом прототипе живой метафоры, позволяющем оставаться ей «живой», заложено *сопротивление слов*, их несовместимость на уровне буквального прочтения фразы. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «метафора –

это **вызов** природе. В основе метафоры – сознательная ошибка (*уловка – И.Т.*) в таксономии объектов» [Арутюнова 1999: 382] (выделено нами – И.Т.).

В этом и состоит её «эристическая» инновация. Остра(н)нение остается главным механизмом и для постмодернистского текста. Вымышленная интрига в нарративе, который имеет свою непредсказуемую структурную избирательность и подчинен произволу «fikции», фантазия «возможных миров», идиолектная языковая картина мира автора – все это также эристически «соединяет несоединимое». Как и в поэтической зауми, в философском, научном и художественном нарративе семантическая инновация соотнесена с продуктивным актом инсайта и воображения, подлежащим эмерджентной интерпретации.

Интеракция «автор – читатель/адресант – адресат» приобретает характер эристического вызова, провокативного «речевого» контракта. Это всегда полифония голосов, это полилог в рамках ди-лога читателя и автора. Интеракциональность (и смысловая «полиорганика») – это ингерентная черта эристики во всех её проявлениях.

Перлокутивный эффект в виде провокации характерен для русского «литературного цинизма» в постмодерне второй половины XX и начала XXI столетия. Здесь на первый план выходит литературная эристика (протест, ирония, скепсис) в произведениях В. Высоцкого, С. Довлатова, В. Ерофеева, В. Пелевина и др. Основными приемами становится *остранение плана содержания* – парадокс, аллюзия, интертекст, ирония, игра особого юмора [Сальмон 2008]. Эристика модерна экспрессивна, вызывающе броска и даже оскорбительна («пощечина вкусу»). Эристика постмодернистов более имплицитна, имплекативна, нарочито запутана, тайно цинична, но также парадоксальна и абсурдна. Однако смешное здесь кажется грустным «пастишем» или «мета-иронией» («пересказ в квадрате» У. Эко). Тем не

менее, есть нечто общее в иронии В. Пелевина и У. Эко с имплицитностью «смеха-стыда»⁵⁴ А. Платонова и М. Булгакова.

«Скрытые смыслы» довлеют над русским постмодернистским текстом. Игра с читателем на их распознавание – это своего рода эристический «пароль» по принципу «свой – чужой». Игра слов (омонимия и проч.) превращается в игру смыслов, которая часто очень ситуативна, связана с временными реалиями, которые могут быть утрачены, но, к счастью, без больших смысловых потерь для смысла в целом. Например, строфа И. Бродского в его знаменитом:

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку ?
(И. Бродский «Не выходи из комнаты», 1970).

Аллюзивный смысл последней строки вполне понятен из контекста – речь идет о марке сигарет, что прекрасно известно русским курильщикам 60-х: в Советском Союзе в то время курили болгарские («импортные», но дешевые) сигареты двух марок – «Шипка» и «Солнце».

Для молодого читателя (тем более переводчика – ср. ниже варианты В и С) такие реалии представляют собой *вызывающие когнитивный диссонанс смысловые эристы* – задачи на распознавание аллюзивного *остранения формы плана содержания* (по Л. Ельмслеву [Ельмслев 2006]). Как показывает анализ, с этой задачей справляются далеко не все:

Ср.:

A:
Don't leave the room, don't
make the mistake and run.
If you smoke Shipkas, why do you
need Suns?

C:
Don't leave the room, don't
make the mistake.

B:
Don't leave the room,
don't make the mistake.
*Why do you need the sun,
if you are smoking a cigarette.*

D:
Do not go out of the room, make
no mistake.

⁵⁴ Об этом понятии см. [Карасёв 1996].

Why do you need the Sun, if you have a cigarette? (Л. Финдель)⁵⁵

*Why do you need the Sun, if you smoke Shipka?*⁵⁶

Парадоксальность и эристичность омонимической языковой игры заключается в обыденной логике (топосе) поверхностного прочтения в контексте обычного удивления: *зачем покупать одни сигареты, когда куришь другие*. Но у Бродского это не вопрос о целесообразности (ср. [Мостовая 2010]), – это «иронизм» о смысле существования. Обращение к *Ты*, рефлекслируемое на *Я*, – это эристика *ad hominem*, обращенная прежде всего на самого спрашивающего (ср. «автокоммуникация» [Лотман 2000]).

Очевидно, что таковы переводы А и D (с указанием на сорт сигарет). Но они не передают главного – авторского смысла, грустной самоиронии: *зачем тебе БОЛЬШОЙ МИР (Вселенная – Солнце) и все привычные его блага (солнце), когда у тебя свой – пусть ничтожный, но особый мир, отличающийся даже в малом: и в «простом» мире у тебя другие ценности, ты куришь «другие сигареты»*.

Поэтому, с точки зрения эквивалентности, переводы В и С ближе по смыслу за счет парадоксальности оппозиции. Но они теряют эффект омонимической игры слов. Варианты С и В пафосны и не вполне понятны по «авторскому замыслу»: почему автор обратился к такой антитезе («зачем тебе Солнце, если ты куришь сигарету»). Свернутую в строке Бродского *иронию*, построенную на омонимии, могла бы дать только сумма обоих вариантов (BC+AD) (омонимия «Солнце» – солнце).

Эристика в литературном переводе – это перевод *аномальной формы оригинала* (ИЯ) посредством *аномальной формы перевода* (ПЯ): либо формы плана выражения (окказионализмы, игра слов), либо формы плана содержания (парадокс, нонсенс, смысловой сдвиг). Эристичным может быть сам процесс интерпретации и перевода, когда языковой посредник намеренно искажает исходные форму и/или содержания текста оригинала (см. ниже).

⁵⁵ <https://www.wattpad.com/455020746-my-favorite-poems-не-выходи-из-комнаты-don>

⁵⁶ <https://brodskiy.su/ne-vyhodi-iz-komnaty-ne-sovershaj-oshibku/?lang=en>

В свете вышесказанного функции эристики основаны на страгегеме *Non sequitur* – нарушении логической последовательности, обыденности речи, правил и норм (поведения, речи, языка). Такие смысловые синкопы несут угрозу «положительному лицу» собеседника и не ограничиваются рамками спора или институциональной дискуссии. Проявления эристического в обыденном дискурсе встречаются в виде стратегий и речевых актов (насмешка, шутка, ирония, сарказм, стёб, подколки и т.д.). Эристический прием *остранения (остраннения) формы* плана выражения нарушает нормы языка (языковая игра, окказиональное словотворчество и проч.), служит речезыковой креативности (самовыражению) и воздействия на адресата (читателя).

Ирония постмодерна – это эристика, повернутая в текст, высказанная не адресату, а в присутствии адресата. Это «коммуникативный троп» в понимании интеракционалистов [Kerbrat-Orecchioni 2008]. Эристика, в отличие от речевой агрессии, редко делает прямой выпад, но, как правило, поражает в самое сердце. Эристический дискурс, текст не может стать жанром. Это текстовая мимикрия под жанр, например, в виде иронии или сарказма, это *тональность* коммуникативного поведения, его интенциональность. Но это всегда вызов нормам выражения и/или содержания и через них – вызов адресату – читателю, собеседнику. Литературный жанр не определяет тональность, и наоборот.

Взаимодействие значения и смысла, семантики и прагматики в речевом произведении – это *инь и янь* функциональной семиотики, *динамическая константа*, которая проявляется и на уровне языка, и на уровне речи. Образование и функционирование речевых единиц как произвол номинирующего субъекта в наибольшей степени проявляется в окказиональной номинации «здесь и сейчас». Окказиональная номинация *ad hoc*, оставаясь фактом речи, реализует одну из основных функций языка – функцию креативно-людическую (игровую), пренебрегая на какой-то момент

чистотой когнитивной и дескриптивной функций. Реализация креативно-людической функции «часто осуществляется вне рамок существующей на данный момент языковой нормы, однако сам факт того, что окказионализм разрешает коммуникативную задачу, свидетельствует о его функциональной принадлежности языку» [Ворожцов 2001: 79] и процессам, происходящим в когнитивной системе коммуниканта. Произвол номинирующего субъекта в речи проявляется в раскрепощении означающего от означаемого *et vice versa*.

Освобождение от нормы, вызов правилам – это есть проявление эристичности в речевом и языковом поведении, отстаивание права нарушить рамки и границы, освободиться от гнета «языка-фашиста», как его назвал Р. Барт за навязывание своих жёстких конвенций. языковая игра, каламбуры, шутки, окказионализмы, ирония и т.п.

Очень часто они интенционально затрагивают (направлены на) «положительное лицо» адресата, претерпевающего определенный «вызов», «провокацию» со стороны адресанта, представляют собой «угрозу» либо его интеллектуальным способностям (загадка, намек и т.д.), либо эрудиции (прецедентные феномены, термины, заимствования), либо эстетическому вкусу (поэзия, «заумь»), либо чувству юмора. Часто такая тональность имеет идентифицирующую функцию по параметрам «свой/другой/чужой) (см. выше). Такую дискурсивную тональность речевой интеракции мы и называем *эристической*.

Эристические проявления в социальной жизни – это протест и вызов культурным и социальным нормам, когнитивная и концептуальная трансгрессия [Батай 2007; Каштанова 2016], ломка устоев, отрицание авторитетов. В философском понимании эристика в своем крайнем идеологическом воплощении зиждется на циническом (киническом) стиле мышления [Слотердаик 2001], доводящем противоречие до абсурда.

Однако рациональное зерно эристической эвристики – ставить под сомнение догму как стереотипную модель когнитивного механизма –

берется на вооружение в самых разных областях новейшего общественного (со)знания.

Мы видели, что эристика как эвристический метод проявляется в доктринах, изначально основанных на релятивизме софистов – кинизме, нигилизме, скептицизме. Эристическое зерно содержится в философских и эстетических концепциях А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, в художественной и философской парадоксальности от модернизма русского авангарда Б. Шкловского и В. Хлебникова до европейского постмодернизма М. Фуко, Ю. Хабермаса, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой. Теория постструктурализма – это выражение философского релятивизма и скептицизма, «эпистемологического сомнения» [Ильин 1996: 8]. В методе деконструкции каждому нормативному понятию соответствует внутреннее противоречие, например, вежливость как норма поведения предусматривает «и следование правилам и одновременно свободу импровизации без правил» [Деррида 1998: 23].

Следующие примеры из французской художественной литературы показывают и простоту, и универсальность, но и определенную смысловую и этно-лингвокультурную (см. выше об иронии) имплицитность эристики художественного нарратива («диалогичного» и «монологичного») как внутри текста, так и при его трансляции в переводе:

(1)

« Elle : Tu parles bien le français.

Lui : *N'est-ce pas ? Je suis content que tu remarques enfin comme je parle bien le français.*

(Un temps.)

Lui : *Moi, je n'avais pas remarqué que tu ne parlais pas le japonais. . . Est-ce que tu avais remarqué que c'est toujours dans le même sens que l'on remarque les choses ?*

«Она: Ты говоришь хорошо по-французски.

Он: *Неужели? Рад, что заметила, наконец, что я хорошо говорю по-французски.*

(Пауза)

Он: *А я не заметил, что ты не говоришь по-японски... А ты заметила, что мы замечаем что-то всегда только в одном направлении?*

Она: *Нет. Я заметила тебя, и это все»* (перевод наш – И.Т.).

Elle: *Non. Je t'ai remarqué toi, c'est tout* » (M. Duras. Hiroshima mon amour) [Duras 1961: 32].

(2)

« Ce fut beau et impressionnant comme : *un coït en plein air, un coucher de soleil sur les Monts Grampians, un K.O. de Cassius Clay, la Cinquième Symphonie de New York, la Cinquième Avenue de Beethoven, le Grand Canyon du Colorado, mon meilleur bouquin, un cheval en érection, un plateau de fruits de mer, la tirade du Cid, un dîner chez Girardet, une rétrospective Dali et la statue équestre de Jacques Chirac* » [Dard, 1985, p.14].

«Это было прекрасно и удивительно, как: *коитус на пленэре, закат в Грампианских горах, нокаут Кассиуса Клея, Пятая Симфония Нью-Йорка, Пятая Авеню Бетховена, Великий Каньон Эльдорадо, моя лучшая книжка, жеребец, готовый к соитию, тарелка с устрицами, монолог из Сида Корнеля, ужин у славного кулинара Жирардэ, ретроспектива Дали и конная статуя Жака Ширака*» (перевод наш – И.Т.).

Оба текста обладают «остраненной» эристической тональностью.

В первом тексте это иронизм интимной бессмысленности разговора двух влюбленных, во втором – экспрессивный эпатаж на уровне остранных единиц [Новикова 2010] – пародийных смысловых сочетаний Федерика Дара (см. тж. ниже).

«*Это было прекрасно, как моя лучшая книжка*» – это уже не ирония, а «стёб» (*banter*) – самовозвышающая, претенциозная эристема (ср. «Ай да Пушкин!»). «*Коитус на пленэре*» и «*жеребец, готовый к соитию*» – трансгрессия в сексуальность и раблезианство постмодерна.

Эристичность и диалогизм нарратива из второго отрывка заключается не только в эпатажных сравнениях и их «несочетаемостной сочетаемости», но и в прецедентности юмора, непонятного, т.е. угрожающего «положительному лицу» человека, который не знает, кто такой Кассиус Клей, что общего у Пятой Симфонии Нью Йорка и Пятой Авеню Бетховена, или что «конная статуя Жака Ширака» – это также смешно, как конная

статуя, например, Жириновского. Таким образом, передача *эристической тональности* (так мы склонны рассматривать эристичность дискурса) представляет собой значительные трудности, является почти лакунарной и требует особых переводческих трансформаций (компенсаций, комментариев и т.д.).

Такой эристический семиозис (слово- и смысло-творчество) и его воплощающие (остраненные) речезыковые единицы – *эристы* (см. ниже) реализуют *противоречие, выраженное в знаке*. Выделим в приведенных отрывках соответствующие эристы.

Эристы в примере (1):

– план содержания: ироническая тональность, передающая банальность влюбленности, речь «не о чем», нарушающая сразу несколько максимумов Принципа кооперативности (по Грайсу) при бесконечной имплицитности смысла (*эвокативность*), – мы понимаем, смысл этих реплик – *‘Я тебя люблю, но я не скажу этого, а буду тебя всячески подкалывать, подтрунивать, гладить против шерсти’* (людическая эристика);

– план выражения: игра плеоназмами, речевые маркеры иронии (*неужели* и т.д.) *тавтология, делокутивность*.

Эристы примера (2):

– план содержания – эпатаж, нонсенс, гротеск, ирония, семантический диссонанс;

– план выражения – игра слов, парадокс, явная ложь ареферентность, контаминация, «книжность», градация и т.д.

Такие проявления имеют лакунарный этномаркированный характер, проявляющийся в переводе (см. ниже). Выявление лингвокультурных особенностей эристического в речи позволяет на фоне универсальности категории «эристического в речи» отразить идиосинкратические лингвокультурные манифестации эристики.

Приведем еще один пример из книжки французского писателя Фредерика Дара, пишущего от лица полицейского инспектора Сан Антонио [Dard 1985]:

«Ainsi munis, ils se rassemblèrent autour du défouloir № 4 destiné au vol provenant de Paname (et non de la Panam, pauvre con!)» [Dard 1985:12] («Во всей готовности они столпились у транспортера № 4, обслуживающего рейс из Парижжа (а не из «Паризззжу», придурок!)» –перевод наш – И.Т.). На самом деле автор обыгрывает здесь две разговорные (арго) номинации Парижа – «Paname» и его еще более просторечный вариант «la Paname», – упрекая в последнем воображаемого читателя, который вынужден терпеть выпады автора.

5.3. Проблема вариативности и лакунарности эристических манифестаций в переводе

Переводческий семиозис – это семиозис, в котором интерпретанта становится отправной точкой воссоздания эристической тональности художественного текста. Если в монопольном общении интерпретанта выходит на поверхность в имплицитных речезыковых формах интеракции, то в переводческом анализе интерпретация касается не только смысла, но и смысла формы. Смысловая эристика, эристическая эвокативность тональности (см. выше) – это множественность смыслов, рождаемых одним сложносемиотическим знаком [Ladmiral 1994: 134], который побуждает к интерпретации. В когнитивной «интеракции» с текстом («автором») переводчик активен, потому что он задает вопросы, ответы на которые дает автор своим творчеством. Вопросы эти должны рождаться при прочтении переводимого произведения, при воссоздании его внутреннего контекста. Этот контекст, опирающийся на внешние «общие знания», возникает внутри «знака-текста».

Внутренний контекст – это попытка проникновения в авторскую концептуализацию «возможного мира» литературного произведения.

Интенциональность авторской концептуализации воплощается в авторской языковой картине этого мира. Соединение концептуальной и языковой картин «фикционального мира» автора создает интенциональную **идеологию художественного произведения** [Алферов, Попова, Тамразова 2019].

Происходит *конструирование автора* (*author design* – см. выше и [Mölders 2013; Mustajoki 2012]) для последующего конструирования интенциональности произведения. Переводческий интент-анализ идет двумя путями: от *внешнего* контекста и от *внутреннего* контекста произведения. Внешний интенциональный контекст включает не только обстоятельства *de re* («условия создания произведения», «время и место действия», «реальность/ нереальность события» и т.д.), но и авторскую идеологию *de dicto*, его идиолект и его «внутренний мир» – его концептуальность, «метафоры, которыми он живет», – не только в преломлении к переводимому произведению, но и ко всему его творчеству. Такой анализ обеспечивает необходимый уровень «общих знаний» (*common ground*) в коммуникации «автор ↔ переводчик», которые впоследствии превращаются в переводческие пресуппозиции. В этой когнитивной интеракции переводчик активен, потому что он задает вопросы, ответы на которые дает автор своим творчеством. Вопросы эти должны рождаться при прочтении переводимого произведения, при воссоздании его внутреннего контекста. Этот контекст, опирающийся на внешние «общие знания», возникает внутри «знака-текста».

Вопрос о возможности и степени проникновения переводчика в идеологическую интерпретацию эвокативного знака-текста ставит вопрос о вероятности *идеологической лакунарности перевода* то есть потере симметричности формы плана выражения и плана содержания исходного текста (ИТ) на уровне наносмыслов [Вардзелашвили 2007], которые складываются в коннотативно-прагматическую тональность ИТ. Эфемерность и идиосинкрязийность коннотативного значения всегда вызывала сомнения в адекватности его передачи в переводе [Ladmiral 1994:

114 и след.]. Вопрос об идеологической (– в нашем узком понимании) лакунарности перевода связан напрямую с вопросом о тональности дискурса как своего рода лингвистической реалии – *L-реалии* – в терминах *Теории реалий* (см., напр., [Фененко 2005; 2009; 2012]).

Следуя одному из главных постулатов этой теории – «*Реалии в одном языке всегда соответствует лакуна в другом*», – рассмотрим эристическую *тональность* как своего рода **дискурсивную L-реалию** (лакуну) и покажем степень её лакунарности на отдельных переводческих опытах.

В нашем корпусе рассмотрены переводы с русского языка на французский авторов-эристов – И. Ильфа и Е. Петрова и И. Бабея, и с французского на русский – Ф. Дара (F. Dard) и Р. Кено (R. Queneau) – с целью рассмотрения вариативности имплементации универсалии «эристического в речи» на примерах межъязыковой переводческой адаптации.

Эристическая тональность – это тональность вызова, который автор бросает всему и всем – общепринятым правилам и знаниям (*doxa*), стилю и форме выражения, вкусу и убеждениям (*beliefs*) читателя и общества – всему, всем и иногда самому себе.

Можно выделить три уровня, на которых проявляется потенциальная лакунарность передачи в переводе эристической тональности: формально-языковой, семантико-концептуальный и риторико-дискурсивный. Первый связан с асимметрией плана выражения (наличие/отсутствие языковых форм, категорий и т.п.), второй проявляется в плане содержания на уровне концептосферы (художественного) текста, третий соотносится с типологическими дискурсивными характеристиками, такими как жанр, стиль, тональность и т.д. Все три уровня тесно переплетаются в пространстве (художественного) нарратива [Огнева 2013].

Художественный перевод отличается тем, что концептуальная семантика ПТ всегда сопровождается *приращением личностных смыслов* на

уровне импликационной и интерпретационной *гиперсемантики*, – то есть сверхсмыслов, существующих в ИТ в разных ипостасях, связанных с *интенциональностью и креативным речевым поведением автора* (ср. [Карасик, 2007; Леонтьева, 2015]).

Речевые портреты эристических персонажей – это присутствие отстраненности, отрицания, иронии, эксплицитное выражение «когнитивного диссонанса» между нормами, правилами, принятыми в окружающей их действительности, и их внутренним идеальным миром, вступающим в противоречие с реальностью. Это проявляется в парадоксальности мышления и высказываниях, в афористичности речи и колкости по отношению к собеседникам – представителям этой чуждой им реальности. Необычность природы, несомненно, отражается в речевом портрете говорящего субъекта.

Одним из ярких персонажей эристического типа эмоционального интеллекта («ироничные скептики») является герой И. Ильфа и Е. Петрова, «охотник за табуретками», Остап Ибрагимович Берта Мария Бендер-бей (!) [Ильф 2001].

Исходя из гипотезы о наличии в речевом портрете этого литературного героя релевантных черт, относящихся к эристическому речепсихологическому типу ‘субъекта говорящего’ (*subjectum loquens*), проследим, насколько эквивалентна передача таких средств характеристики литературного персонажа в переводе.

К рабочей гипотезе нашего исследования относится и положение о том, что речевой портрет литературного персонажа в языке перевода (ПЯ) не всегда передает все нюансы, доступные носителям языка подлинника, именно в вопросе об эристичности его речевого поведения. Можно предположить наличие лакунарных психо-речевых реалий [Фененко 2009], характеристик литературного героя, остающихся за рамкой семантики и концептосферы переводного произведения (о роли речевых черт персонажа в концептосфере перевода см. [Огнева 2013]).

Для поставленной цели прежде всего необходимо обозначить языковые и дискурсивные средства, характеризующие речевой портрет говорящего как эристической языковой личности (несомненно, за эристичностью персонажа стоит *стилистическая эристичность автора*, его эристическая интенция).

К эристическому речевому поведению мы относим несколько характерных явлений, которые характеризуются как количественно, так и квалификативно. Под количественную характеристику подпадает частота и эристическая когерентность реплик персонажа, «направленных против», отрицающих либо *Пафос*, либо *Этос* пропозиций (см. выше), предлагаемых «окружающей действительностью» в виде частных *топосов* – «общих мест» [Perelman 1983]. Однако для перевода количественная составляющая отходит на второй план, так как количественно корреляции реплик в переводе практически всегда соответствуют оригиналу. Сложнее дело обстоит с качественными характеристиками эристической речи.

Проследим эти лакунарные речевые реалии на следующих примерах. Материалом исследования на этот раз выступает перевод романа «12 стульев» - “Les douze chaises”, созданный Аленом Прешаком (Alain Préchac) [Pif 1984].

1). Интертекстуальность иронии:

– Ну, – сказал Остап, – вам памятник нужно <i>нерукотворный</i> воздвигнуть. [Ильф:56]	– Eh ! bien, fit Ostap, il faudrait vous <i>élever un monument impérissable</i> . [Pif :78]
--	---

В данном переводе пушкинский прецедентный текст маркирован затекстовым комментарием переводчика А. Прешака:

«Allusion littéraire d'Ostap et clin d'oeil des auteurs au lecteur: «erexi monumentum » horatien est aussi le thème d'un poème de Pouchkine, écrit en 1836» [Pif 1984: 558] – ‘Литературная аллюзия Остапа и намек авторов читателю: *«erexi monumentum»* (sic!) Горация, повторяющийся у Пушкина (перевод наш – И.Т.).

Очевидно, что понять иронию цитации французский читатель не сможет, видя в высказывании не иронию Остапа, а скорее его начитанность.

Кроме того, *un monument impérissable* – «нетленный монумент» не симметричен лексеме «нерукотворный», обозначающий литературное наследие (Пушкина). Эта *делокутивная сема* (см. выше) и создает на самом деле семантическое рассогласование и парадокс: воздвигнуть «нерукотворный памятник» кому-то по заказу нельзя. В *monument impérissable* (незыблемый) эта сема утеряна, и вместе с ней эристический вызов (насмешка) в высказывании персонажа.

2). Коллоквиальность номинаций и речевые клише:

– А деньги?	– Et l'argent ?
– Какие деньги? – сказал Остап, открывая дверь. – Вы, кажется, спросили про какие-то деньги?	– Quel argent ? fit Ostap, en ouvrant la porte. Il me semble que vous avez parlé d'argent?
– Да, как же! За мебель! За ордера!	– Comment ! Et pour les assignations, le mobilier ?
– Голуба, – пропел Остап, – ей-богу, клянусь честью покойного батюшки. Рад душой, но нету, забыл взять с текущего счета.	– Mon petit, chanta Ostap, Dieu m'est témoin, je le jure sur la mémoire de mon pauvre papa : de grand cœur, mais je n'en ai pas sur moi. J'ai oublié de passer à la banque.
Старик задрожал и вытянул вперед хилую свою лапку, желая задержать ночного посетителя.	Le vieux se mit à trembler et tendit une maigre patte pour retenir le visiteur du soir.
– Тише, дурак, – сказал Остап грозно, – говорят тебе русским языком – завтра, значит, завтра. Ну, пока! Пишите письма!.. [Ильф:57].	– Silence, crétin, dit Ostap d'une voix mauvaise, on te dit en russe demain, cela veut dire demain. Portez-vous bien ! Ecrivez ! [Ilf:80].

В данном отрывке эристичность коммуникации передана благодаря универсальности формул-клише, употребляющихся в ситуации конфликта. Они расходятся по семантике внутренней формы, но это не снижает их эквивалентности. Но каков Бендер в русском и во французском текстах? Они разные. Первый (русский) – холодный и циничный, он практически

отмахивается от несчастной жертвы обмана. Почему? Да потому, что на две реплики обиженного старика, он обрушивает *шквал* коротких клишированных отговорок, «отсылов», выраженных разговорными формулами, имеющими в русском обиходе именно статус автоматизмов, фразеорефлексов [Гак 1995; Тамразова 2017]. Он буквально топит собеседника своим напором, смысл слов при этом дефокусируется, а *значимым* становится количество реплик и энергия их краткости (квантитативный параметр эристичности – ср. [Горбачева 2006]).

Французский же Остап куртуазен, что, кстати, не умаляет цинизма самой предметной ситуации. Однако речевой портрет достаточно искажен. В какой-то степени за счет различной иллокутивной семантики в лексических заменах: *Голуба* (пренебрежительно-сокращенная просторечная форма) и *Mon petit* (ласковое обращение «Малыш», понимаемое французами, конечно же, как ироничное, но, тем не менее, ласковое); *ей-богу* (речевой автоматизм, потерявший иллокутивную силу клятвы) и *Dieu m'est témoin* (вполне искреннее выражение «божбы» = «Клянусь богом!»); *Рад душой, но нету* (короткий фразеорефлекс с категоричной перлокуцией, выраженной просторечным *нету* – ‘нет и все тут’) и *de grand cœur, mais je n'en ai pas sur moi* (речевой акт оправдывания с элементом аргументативного извинения – «не захватил с собой», – здесь просторечная категоричность оригинала полностью отсутствует). И последнее – *Пишите письма!..* в русском обиходе это не то же, что *Пишите!* (*Ecrivez!*) – *Пишите письма!* – это митигированная (смягченная, мейотическая) форма «отсыла». Французское *Portez-vous bien! Ecrivez!* может быть понято как ирония, только исходя из контекста, но с потерей грубоватой иллокутивной коннотации «отсыла». В остальном же это хороший литературный перевод.

И еще два примера речевого поведения, связанного с отмеченным вариантом людической эристики – ёрничеством и притворной эмпатией:

3). Речевая псевдо-эмпатийная «пристройка снизу» за счет макаронической речи:

– Да, – сказал Остап, — так это вы инженер Щукин?

– Я. Только уж вы, пожалуйста, никому не говорите. Неудобно, право.

– О, пожалуйста! *Антр-ну, мет-а-мет*. В четыре глаза, как говорят французы. А я к вам по делу, товарищ Щукин.

– Чрезвычайно буду рад вам служить.

– *Гран мерси*. Дело пустяковое. Ваша супруга просила меня к вам зайти и взять у вас этот стул. [Ильф: 125].

– Oui, dit Ostop. Alors, c'est vous l'ingénieur Chtchoukine ?

– Moi-même. Mais ne racontez l'histoire à personne, je vous en supplie. C'est quand même gênant.

– Oh ! mais je vous en prie ! *Entre nous, tête-à-tête. Entre quatre-z-yeux*, comment disent les Français. *Quant à moi, voyez-vous, camarade*, je venais vous trouver pour une petite affaire.

– Je serais absolument enchanté de pouvoir vous être utile.

– *Grand merci*. C'est une bagatelle : votre épouse m'a chargé de venir chez vous chercher cette chaise. [Ильф: 290].

В приведенном отрывке перед переводчиком стояла нетривиальная задача передачи французских заимствований на французский язык. Он выполнил её, выделив корреляты курсивом во французском тексте [Ильф: 290].

Потери в речевом портрете несомненны, но, как говорится, кто сделает лучше? Хотя, может быть, английский язык мог бы прийти на помощь? И еще одно добавление, меняющее энергетику русского персонажа. Это *А я к вам по делу, товарищ Щукин*. Эта фраза может быть понята и как преамбула к просьбе («пристройка снизу»), и как строгое замечание, подчеркивающее значимость визита О. Бендера («в желтых ботинках»). Мы склонны видеть в ней второй смысл. В любом случае фраза лаконична и энергична. Чего нельзя сказать о французском варианте: *Quant à moi, voyez-vous, camarade, je venais vous trouver pour une petite affaire*. Здесь, скорее, слышится вычурность извинения, что также меняет представление о русском речевом прототипе.

4). Театральность, драматизация диалога:

– Ого! – сказал технический

– Oho ! dit le directeur technique. Je

руководитель. – Я вижу, что вы делаете успехи. Только не шутите со мной. *Зачем вы оставили стул за дверью? Чтобы позабавиться надо мной?*

– Товарищ Бендер, – пробормотал предводитель.

– *Ах, зачем вы играете на моих нервах! Несите его сюда скорее, несите!* Вы видите, что новый стул, на котором я сижу, увеличил ценность вашего приобретения во много раз. Остап склонил голову набок и сощурил глаза.

– *Не мучьте дитю,* – забасил он наконец, – *где стул?* Почему вы его не принесли? [Ильф: 126].

vois que vous faites des progrès. *Mais trêve d'innocentes plaisanteries.*

– *Pourquoi avez-vous laissé la chaise derrière la porte ? Pour faire une petite blague à votre ami ?*

– Camarade Bender, murmura le président.

– Ah ! *pourquoi vous jouez-vous de mes nerfs ? Apportez-la vite, apportez-la vite!* Vous voyez que la nouvelle chaise sur laquelle je suis assis augmente considérablement vos chances. Ostap pencha la tête et plissa les yeux.

– *Bourreau d'enfants,* dit-il enfin d'une voix grave, *où est la chaise ?* Pourquoi ne l'avez-vous pas apportée ? [Илф: 292].

Здесь практически идеально удалось передать карнавальность речи Остапа с градацией вычурности, приводящей к строгому, угрожающему «где стул?». Это говорит о мастерстве маститого французского переводчика. Однако лакуной остается «*Не мучьте дитю*». Эристичность этой формы в оригинале достигается за счет людического введения просторечной формы – шуточного коверканья языка, – представляющего «вызов» языковой норме.

Такая социально-лингвистическая эристичность говора, просторечия, социолекта, акцента, стиля представляет наибольшую трудность для передачи в переводе, и как мы видим, ею, казалось бы, можно пренебречь. Если только такая «аномалия» не становится жанрообразующей или идиостилистической доминантой (ср. язык И. Бабеля, А. Платонова [Подобрий 2008а,б; Кобозева 1990; Радбиль 2012]).

Приведем отрывок из «Одесских рассказов» И. Бабеля [Babel 2013], с его блистательным «одесским койне» (см. выше). Не комментируя детали, заметим, что эристические элементы этого великолепного в своей

аномальности языка источника (тавтология, аналитизм) частично теряются при переводе, ввиду *системного аналитизма* французского языка, и поэтому нам кажется, что это не вина переводчиков:

– Я простой человек, без хитростей, — сказал Фроим, — я нахожусь *при моих конях* и *занимаюсь моим занятием*. Я даю новое белье за Баськой и пару старых грошей, и я сам есть за Баськой, — *кому этого мало, пусть тот горит огнем...*

– Добрый день, мосье Грач, — сказал он и отодвинулся. — Голубчик предупредил меня, что вы будете, и я приготовил для вас фунтик чаю, что это — редкость...

И он заговорил о новом сорте чая, привезенном в Одессу на голландских пароходах. Грач слушал его терпеливо, но потом прервал, потому что он был простой человек, без хитростей.

– Я простой человек, без хитростей, — сказал Фроим, — я нахожусь *при моих конях* и *занимаюсь моим занятием*. Я даю новое белье за Баськой и пару старых грошей, и я сам есть за Баськой, — *кому этого мало, пусть тот горит огнем...*

– Зачем нам гореть? — ответил Каплун скороговоркой и погладил руку ломового извозчика. — Не надо такие слова, мосье Грач, ведь вы же у нас человек, который может помочь другому человеку, и, между прочим, вы

– Je suis un homme simple, sans malice, dit Phroïm, je possède mes chevaux et je fais mon métier. Avec Baska, je donnerai du linge neuf et quelques sous, et puis il y a moi, en personne, derrière Baska, que celui à qui ça ne suffit pas grille à petit feu...

[Babel 2013: 88-89].

– Bien le bonjour, m'sieu Gratch, dit-il en se reculant. Goloubtchik m'a prévenu de votre visite et j'ai préparé pour vous une petite livre d'un thé tout ce qu'il y a d'exceptionnel...

Et il se mit à parler d'une nouvelle qualité de thé apportée à Odessa par les cargos hollandais. Gratch l'écoutait patiemment, mais ensuite il l'interrompit, parce que c'était un homme simple, sans malice.

– Je suis un homme simple, sans malice, dit Phroïm, je possède mes chevaux et je fais mon métier. Avec Baska, je donnerai du linge neuf et quelques sous, et puis il y a moi, en personne, derrière Baska, que celui à qui ça ne suffit pas grille à petit feu...

– Pourquoi devrions-nous griller ? répondit Kaploun précipitamment, et il caressa le bras du charretier. Il ne faut pas dire des choses pareilles, m'sieu Gratch, on sait bien que vous êtes un homme qui peut aider un autre homme

<p>можете обидеть другого человека...</p>	<p>et, entre autres, que vous pouvez faire du mal à un autre homme...</p>
	<p>Babel 2013: 88-89]</p>

Эристический вектор аргументации Фроима Грача служит усилению персуазивности доводов и объективизации-генерализации предполагаемого оппонента: ... *кому этого мало, пусть тот горит огнем..*, которое воспринимается его реальным оппонентом – Каплуном – как субъектно направленное. В его реплике происходит субъективизация и персонификация возражения: – *Зачем нам гореть?*, которая, с одной стороны, мигитирует (смягчает) конфронтационную силу эристеми.

Контрастивный анализ ИЯ и ПЯ позволяют выявить два нюанса, отличающих эристическую тональность оригинала и перевода. Прежде всего это касается обращения: в источнике это немаркированное *Добрый день, мосье Грач*, – во французском переводе находится языковая девиация *Bien le bonjour, m'sieu Gratch* с уступительной частицей *Bien* (Ну и ...) субстантивированным *le bonjour*, что не противоречит тональности, ни эристической природе одесского койне. Обратный перевод даст нам нечто, вроде: *Наше вам здрасте!*, не раз отмеченное в литературных и кинематографических воспроизведениях одесского койне (см. выше).

Вторым отличием является эристема *Не надо такие слова, мосье Грач*, которая совмещает эристику формы аномальное эллиптическое *Не надо* < говорить > *такие слова* с эристической иллокутивной силой оптативного возражения. Во французском варианте эллипсис отсутствует *Il ne faut pas dire des choses pareilles* (не нужно говорить такие слова), что проявляет асимметрию эристической формы, сохраняя аномально-эристическую иллокутивную тональность за счет плеоназма *dire des choses pareilles*. Таким образом, мы видим, что в первом случае переводчик добавляет эристичную аномальность формы в обращение, а во втором, теряя эту аномальность из-за невозможности эллипсиса, компенсирует ее за счет

плеоназма – антонимической синтактики как переводческого приема. И наконец, асимметрия отмечается в передаче аномальных форм *фунтик чаю, что это – редкость...* и высказыванием *я нахожусь при моих конях и занимаюсь моим занятием. Я даю новое белье за Баськой и пару старых грошей, и я сам ешь за Баськой...*

Эристические элементы этого великолепного в своей аномальности языка источника (тавтология, аналитизм) частично теряются при переводе, ввиду *системного аналитизма* французского языка, и поэтому нам кажется, что это не вина переводчиков.

В результате наблюдений мы приходим к выводу о спорадической лакунарности эристической дискурсивной тональности, о возможности и необходимости создания сопоставительной лингвистической типологии эристических приемов в художественном нарративе и в разножанровых дискурсивных средах взаимодействующих лингвокультур.

Необходимо подчеркнуть важность для транслятологии психолингвистических и идиостилистических характеристик речи автора и персонажа как неперемного условия адекватной передачи концептосферы литературного произведения, в частности, эристической семантической коннотации (имплицитности) и дискурсивной тональности перевода. Проблема эристичности речевого действия и взаимодействия автора, персонажей и переводчика (интерпретатора) расширяется за счет жанровой и институциональной эристичности речи автора текста – сатирика, полемиста, критика и обличителя. И этим ведает не только литературная критика, стилистика и жанрология, но и переводоведение.

Эристические трансформации в переводе можно рассматривать как стратегию перевода, когда переводчик применяет **эристический шифтинг**, используя определенные трансформации, нарушающие конвенциональность отношения между переводным текстом и оригиналом.

В силу главного когнитивно-семиотического механизма – нарушения формы плана содержания, а также формы плана выражения, инференциальной (непрямой) передачи авторских смыслов, – эристическая тональность представляет собой угрозу профессиональному «позитивному лицу» переводчика. Идиосинкрзия «остранения» делает из эристической тональности потенциальную лингвистическую лакуну, когда по принципу релевантности [Попова 2019; Gutt 2010], переводчик, по мнению М. Тендела, выдвигает гипотезы (*assumptions*) относительно необходимых корреляций в акте перевода, поэтому теоретический конструкт «эристе́мы» рассматривается как неотъемлемый инструмент переводческого мышления. Основным критерием адекватности / эквивалентности перевода тот или иной *эристе́мы* для нас является соответствие взаимодействующих нисходящих (*top down*) и восходящих (*bottom up*) интерпретационных процессов [Tendal 2009].

В основе передачи эристической тональности в переводе лежит проникновение в *интенцию автора и предполагаемый перлокутивный эффект*: гелотогенность (смехопорождение, комизм).

Например, в переводе известного произведения Р. Кено «Зази в метро» [Queneau 1967/ Кено 2002]:

– план содержания (ПС) – интеллектуальный дауншифтинг (нарочитая примитивизация плана содержания); этико-эстетический эпатаж; – план выражения (ПВ) – сниженная лексика, квази-инвективы, фоностилистическая игра:

<p>Laverdure a gobé sa grenadine. Il s'essuie le bec contre son perchoir, puis prend la parole en ces termes:</p> <p>– <i>Tu causes, tu causes, c'est tout ce que tu sais faire.</i></p> <p>– <i>Je cause mon cul, réplique Turandot vexé.</i></p> <p>Gabriel interrompt ses travaux et</p>	<p>Зеленец выжрал <i>сиропчик</i>. Почистил клюв о прутья клетки, после чего взял слово и изрек ниже-следующее:</p> <p>– <i>Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь.</i></p> <p>– В ж.пе я видел твои реплики,- раздраженно бросил ему Турандот.</p>
---	--

regarde méchamment le visiteur.
 – Répète un peu voir ce que t'as dit, qu'il dit.
 – J'ai dit, dit Turandot, j'ai dit: je cause mon cul.
 –Et qu'est-ce que tu insinues par-là? Si j'ose dire.
 [Queneau 1967: 18].

Габриель оторвался от ногтя и со злостью воззрился на гостя.
 – Повтори-ка поотчетливей, что ты произнес-предложил он.
 – Что произнес? - переспросил Турандот,- Я произнес: в жопе я видел твои реплики.
 – Хотелось бы мне знать, что ты имел в виду, произнося это? [Кено 2002: 20].

Асимметрия наблюдается в уровне прагма-семантической конверсии [Алферов, Кустова, 2014]. Выделенные французские клише практически десемантизировались, превратившись в речевые рефлексy, поэтому *mon cul* стоило просто передать чем-то вроде «да пошел ты...», что подтверждается несоответствием ко-текстуальных (окружающих) номинаций: *réplique Turandot vexé* – откликнулся **задетый** Турандот. В переводе реплика звучит не столько грубее, сколько злее, более агрессивно. И это касается всей тональности перевода: французский текст смешной, эти реплики нарочито грубо-просторечные, показывающие, чуть ли не впервые в истории французской литературы, настоящий французский разговорный язык улицы (именно поэтому произведение стало классикой жанра). Это единая насмешливая, эристическая тональность, с доброй иронией описывающая простых французов. Кено – стилист. Его стиль – это эпатаж и шок, но не грубый, а насмешливый. В переводе этого нет. Хотя, благодаря той же прагма-семантической конверсии, рассматриваемый перевод вполне адекватен на дискурсивно-референциальном уровне.

Ситуация креативного семиозиса отражает когнитивный стиль «семиурга» (создателя знака). Во Франции, пожалуй, самым известным и почитаемым «магистром языковой игры» признан Фредерик Дар – «отец» комиссара полиции Сан-Антонио, для которого нарушение речевой нормы является нормой, а словарь «санантонизмов» превосходит словарный запас

некоторых носителей нормативного языка (их около 20000), что делает перевод его работ крайне сложным. Во Франции издан «Словарь Сан-Антонио», содержащий 15000 статей. Ф. Дар пишет в своей автобиографии:

«Я помешан на своём языке. Построение какой-либо фразы меня захватывает... Жанр, в который меня занесло, обязывает меня создавать язык. Ты знаешь, а это опьяняет. Потому что в глубине души я мятежник, я анархист. В моей манере писать есть анархия: анархия стиля, анархия интриги, потому что это не настоящие детективные романы, анархия в применении современных технических новинок – что мне до того, работает ракета на жидком водороде или на тёртом сыре? – анархия по всему фронту. ... Конечно, можно вообразить исходя из такой позиции полный сход с рельсов, опасность того, что язык понесёт, как при поносе... Может быть. Но я думаю, что скорее найдутся люди с запором, чтобы потрясать кодексом и правилами грамматики. Перилами, одним словом!» [Дар 2004: 132].

Существует мнение, что язык Ф. Дара непереводим в принципе [Ворожцов 2001]. Любые попытки приводят к нарушению самой идеи произведений этого писателя – *легкости в отрицании любого копирования*. И переводить его может лишь *эрист*, равный ему, также бросающий вызов языковым нормам, ломая форму и вторгаясь в растабуированное запретное содержание. Стилль Ф. Дара, по мнению Б.Н. Ворожцова, это «модернизм в выборе средств организации самой ткани текста» [Там же]. Язык Ф. Дара (Сан-Антонио) не раз становился предметом лингвистического анализа. Во Франции издан «Словарь Сан-Антонио», содержащий 15000 статей, словарь «санантонизмов» превосходит словарный запас некоторых носителей языка (их около 20000). Как заметил сам автор Сан-Антонио: «Я сделал свою карьеру со словарным запасом в 300 слов. Все остальные я придумал» [Дар 2004].

В семиотике перевода трансформация плана выражения – перекодирование означающего исходного текста ИТ в означающее переводного текста (ПТ) – обусловлена критерием максимальной адекватности (гомоморфности) плана содержания (означаемых) ИТ и ПТ.

При этом *интерпретанта* (Ч.С. Пирс) знака ИТ и *интерпретанта* знака ПТ, связывающие означаемое и означающее в обоих текстах, как правило, должны быть также гомоморфны. Другими словами, то, как понимает ИТ *нативный* читатель – носитель языка-источника, должно соответствовать тому, как понимает ПТ *нативный* читатель – носитель языка перевода. Это положение *идеально*, но оно практически «идеально работает», например, в техническом переводе, когда максимальная конвенциализация знака практически сводит к минимуму сам процесс интерпретации. Происходит «чистый» (рефлекторный) обмен референтами при максимальной прозрачности плана выражения (язык ИТ и ПТ сливаются в прозрачное «обоюдочистое стекло»).

Еще большей степени непрозрачности знак достигает в такой форме плана выражения, как окказиональные номинации, типа «*Черукик дощенным шагом!*» (Д. Хармс [2000]) или «*Язык мой пятнист и велосипедист*» (А. Левин – цит. по [Аксенова 1998]), когда приводится в действие механизм *псевдореферентной интерпретации*, или *прагма-семантической конверсии*, когда нативный читатель придумывает такому плану выражения адекватный (или хотя бы релевантный) план содержания, тогда он сам становится переводчиком с *авторского языка* на свой «родной» язык.

Осознанный произвол в конструировании отношения «означающее – означаемое» проявляется в словотворчестве детей и поэтов (спонтанном и профессиональном) для оживления стершейся внутренней формы («сиять заставить заново»), создания речевых парадоксов, нонсенсов, «зауми», осуществления языковой игры.

Произвол творчески номинирующего субъекта в речи проявляется в раскрепощении означающего от означаемого *et vice versa*. Такое право говорящего (пишущего) выразил Л. Кэрролл:

«Я утверждаю, что любой человек, пожелавший написать книгу, вправе придумать любое значение любому слову или любой фразе, которыми он намерен пользоваться. Если в начале фразы автор говорит: “Под словом

‘черное’, не оговаривая того, я всегда буду понимать ‘белое’, а под ‘белым’ – ‘черное’, – то я с кротостью подчинюсь его решению, сколь безрассудным ни казалось оно мне» [Кэрролл 1990: 234].

Степень свободы псевдореферентной номинации переводчика может быть ограничена выдвигаемыми им же самим ограничениями, релевантными для той или иной конструированной им когнитивной области, конструируемой не столько семантически, сколько прагматически – в целях достижения адекватности на уровне эффективности (релевантности) полученной при переводе номинации.

Между двумя полюсами лежит градация в ту или иную сторону. В приводимой ниже Таблице 14 степень эристичности перевода (3 перевода романа Ф Дара) лежит (слева направо) от *отхода от формы* номинации ИТ в пользу адаптационной семантики ПТ (понятнее читателю) до максимально эристического эпатажа реципиента окказиональными (в нашем случае – эристическими, шокирующими) номинативными формами:

По канонам когнитивной семиотики перевода, чтобы переводить «*non verbum e verbo sed sensum exprimere de sensu*» [Эко 2006: 45], нужно проникнуть в интерпретанту знака, в *идеологию* языковой личности автора, представленную в тексте оригинала. Интенциональная эристическая идеология – категория имплицативная, не имеющая прямых семиотических коррелятов. Тем не менее, она не только объединяет план содержания и план выражения произведения, но и придает этому объединению определенную векторность. Эристическая тональность произведения адресована только определенному типу читателей, принимающих правила этой языковой игры.

Эристический языковой знак, который мы называем *эристомой*, – это вызов не только норме языка, но и читателю, его часто консервативному вкусу. Провокативная, бросающая вызов конвенциональности, утверждающая новый «план выражения» эстетическая эристика, может стать причиной неприятия, идиосинкразии, степень которой зависит от внутренней способности ума сделать противоречие нормой. Нетерпимость к таким

формам рассматривается как показатель отсутствия внутренней свободы, проявляющейся в прототипической детской игре, жажде словотворчества и смыслопорождения, включенности в семиозис ассоциативной «автокоммуникации» [Лотман 2000].

Для определения мотивированности переводческого решения и *пертинентности* найденной интерпретанты – «внутренней релевантности» (удовлетворенности) переводчика – мы использовали модифицированный метод «мысли вслух» – ретроспективный самоанализ в ходе интервью. Был применен также метод сопоставления переводов: в зависимости от выбранного решения и внутренней формы вторичной переводческой номинации устанавливалась форма переводческого решения, выраженная в том или ином семиотическом типе финальной интерпретанты [Леонтьева 2018; 2019; 2020].

Интервью проводилось с двумя переводчиками⁵⁷ – В. Бережным (переводы: «Смертельная игра» – «Entre la vie et la morgue» и «Сан-Антонио в гостях у маков» – «San-Antonio chez les Mac» [Дар 1995; Попова, Кустова 2019]) и Г. Барсуковым (семь переведенных книг и несколько аналитических обзоров [«Сан-Антонио в России»]) – переводчиком, исследователем творчества Ф. Дара и его переводов в России [Тамразова, Алферов, Барсуков 2019].

В интервью переводчики отмечают необходимость определения «ключа» к переводу Сан-Антонио (далее – СА). Таким интерпретативным ключом называется литературная эристика Ф. Рабле [Попова, Кустова 2019]. Трансгрессия в сексуальность, эпатаж, выходящий за рамки приличия – вот смысловые доминанты Ф. Дара, его динамическая интерпретанта. По словам Робера Эскарпи, «со времен Рабле мало писателей так умело

⁵⁷ Исследование выполнялось в рамках проекта «Интеракциональная семиотика перевода» научно-исследовательского Центра интеракциональной лингвистики Пятигорского государственного университета (рук. – д-р филол. наук, проф. А.В. Алферов). – URL: https://pgu.ru/information/structure/centers/detail.php?ELEMENT_ID=11553; см. тж. [Попова, Кустова 2019; Тамразова, Алферов, Барсуков 2019].

манипулировали словом как он. Его личное аргю иногда восходит до поэтического творчества» [«Сан-Антонио в России»].

Юмор и языковая игра Ф. Дара всегда направлена против ханжества, это несомненная «пощечина вкусу» и хорошим манерам. Раблезианский гротеск, «поэтизация низа» – это кредо языка Сан-Антонио. Вот как, например, он передает любовное искусство своего героя:

«Je lui fais le cerveau magique, la toupie auvergnate, le tourbillon bulgare, la trompette bouchée, le caméléon-gobeur, le lave-glace à pédale, l'appareil à cacheter les enveloppes, la moulinette rouillée, le grand huit, le grand six, le grand 9, le grand Condé, la petite souris chercheuse, la langue de belle-mère, le coup de l'étrier, la boîte à celle, la selle de course, la course à pied, le pied à terre, la flamme sacrée, le trohu-ducavu maltais, la bougie-qui-se-dévisse, la feuille de vigne à trou, le défilé de la victoire, le prépuce à l'oreille, la main de masseur, l'amant de ma sœur, la sœur de maman, le monte-charge en panne, le passe-partouze diabolique, le tiroir secret, le subjonctif à ressort, le buvard en bois, le conte de Pet-Rot, le lancier du Bengale, le gondolier manchot, le pétomane aphone (in petto man à faune) et la croisière suprême» [Попова, Кустова 2019: 114].

Игра словами и созвучиями, гелотогенные каламбуры и ассонансы (*la main de masseur, l'amant de ma sœur, la sœur de maman*), контаминация нормативных лексем с суффиксами и переразложение фразем, превращающие их в окказиональные «эротизмы» и «физиологизмы» (*le prépuce à l'oreille; le conte de Pet-Rot, le passe-partouze diabolique*), их гротескная бессмыслица и словесная карнавализация, – всё это лакунарно и, на первый взгляд, не подлежит переводу [Тамразова, Алферов, Барсуков 2019].

Переводческое решение в этом случае основано на изоморфизме динамической интерпретанты, которая, по свидетельству В. Бережнова, есть не что иное, как «раблезианство и разговорный фольклор» с той же внутренней формой, но в русской пародийной речи «*что ни рожка, то Сережа; могут Анки грабить банки, могут ездить на тачанке*». Поэтому, следуя переводчику, «главное открыть дух, характер, эмоции, ритм – все то,

что таится между строк. Поэтому отталкиваемся от «смеси» Рабле и русского ярмарочного лубка:

«Я показываю ей магический колпак, овернский волчок, чертово колесо, закупоренный саксофон, ликующий хамелеон, стеклоочиститель с ножным приводом, прибор для заклеивания марок, дырявую кофемолку в действии, большую восьмерку, большую шестерку, большую девятку, Великого Конде, маленькую мышку-норушку, тещин язык, шпоры в норы, дырчатую солонку, соленую дырку, дыр-дыр в одни ворота, священный огонь олимпийцев, местную гордость мальтийцев, свечу на резьбе, виноградный лист на лозе, знамя победы и быстрые кеды, секрет массажиста и массаж секретарши, грузоподъемник в кармане, искушение дьявола в турецкой бане, секретный ящик, сослагательный прыщик, бювет в пустыне, смазку Перро, бенгальский танец, венецианский ранец, гондольера с веслом, глухого меломана (вынь шииш из кармана) и, наконец, путешествие на край блаженства».

При этом вдруг получают удачные, на мой взгляд, компенсации: *le conte de Pet-Rot* – смазка (вместо сказка) Перро; *le buvard en bois* – бювет в пустыне. Однако многие, в оригинале конкретные и смешные по-французски ассоциации, остаются все-таки недоступными для русского читателя» [Дар 1995; Попова, Кустова 2019].

Таким образом, перед нами переводческий трансфер, подражание, на основе иконических симптоматических синсигнумов (окказионализмов: *le subjonctif à ressort* – сослагательный прыщик; *le pétomane aphone (in petto tap à faune)* – глухого меломана – вынь шииш из кармана), иконических легисигнумов (*la bougie-qui-se-dévisse, la feuille de vigne à trou* – свечу на резьбе, виноградный лист на лозе) и др. Здесь переплетаются все три вида семиозиса: от рифмы и ассонанса (квалисигнум иконический) до переводческого окказионализма (легисигнум аргументативный), тематически соединяющего ИЗ и ПЗ – *la croisière suprême* – путешествие на край блаженства.

Лакунарность языковой игры Ф. Дара превращает любой перевод Сан-Антонио в формулу «n-1». Переводчик чувствует ограниченность компенсации в передаче языковой игры средствами родного языка, и потери

при этом неизбежны, но каждый переводчик по-разному воспринимает эти ограничения.

Кредо Г. Барсукова – «лингвистический эксперимент». В его переводах подражание часто зиждется на копировании как бы в стремление доказать, что словообразовательные, ассоциативно-эвокативные ресурсы русского языка неисчерпаемы [«Сан-Антонио в России»]. Лингвистическая креативность переводчика в большинстве случаев не уступает французскому источнику:

<p>C'est alléchant, ce répertoire. C'est à lécher! [Dard 1976: 130]</p>	<p>Репертуар соблазнительный. Облизательный! [Дар 2004:108]</p>
--	--

Это не меньший вызов и переводчику, от которого требуется «двойная» эристика – взломать и первичный код языка, и вторичный код автора. Однако не все переводчики отваживаются братья за Сан-Антонио. Восхищаясь языковой игрой Ф. Дара, они используют стратегию нейтрализации эристической тональности текста, компенсируя уход от формы плана выражения – прямой эристической прагматики в акте номинации – включением в семантику транслемы некоторых дескриптивных семантических элементов, в той или иной степени выполняющих роль *метарепрезентаций* авторского стиля мышления и изложения. Сопоставим в этом ракурсе ряд примеров перевода авторских эристик стратегией «принятия вызова» и стратегией «ухода» от прямой прагматики к дескрипции и компенсации. Градуальность эристичности следует по траектории возрастания слева направо (эристымы Ф. Дара – в центре) в следующей Таблице 14:

Таблица 14.

Градуальность ретрансляции эристической тональности в переводах Ф. Дара

<u>SAN-ANTONIO: BÉRU ET CES DAMES</u>		
Б.Н. Ворожцов [2001]	<u>Б. Д. Ладзари</u> [Dard 1985]	Г.Р. Барсуков [Дар 2004]
Ce disant, il me tend sa paluche pour que je la lui condoléance .		
Произнеся это, он	Così dicendo, mi porge la	С этими словами он

протягивает мне свою лапу, чтобы я смог выразить ей своё соболезнование.	zampa perché io lo condoglianzi .	протягивает мне свою клешню с тем, чтобы я её особолезновал .
...c'est même lui qui suggère qu'on pourrait peut-être saucissonner .		
...может, пока перекусить?	...e lui a suggerire che si potrebbe magari mangiare qualche salsiccia.	... он даже сам предлагает подколбаситься .
On entend Mongénéral qui cocoricote la Marseillaise des poulets ...		
Слышно, как Монженераль выкукарекивает Марсельезу...	Si ode Mongénéral chicchiricheggiare la "Marsiglese" dei polli	... Монженераль поёт куриную Марсельезу...
Il saint-bernarde a tout va!		
...он бросается на помощь, как сенбернар.	Un eroe! San Bernardo alla maledetta!	Он сенбернардит на полную!
– Et c'est tout? westinghousé-je .		
И это всё? – холодно вопрошаю я (Вестингхаус – известная фирма, производящая предметы бытовой техники, в том числе холодильники).	– E basta? – esclamo.	– И всё? – вестингхаусничаю я. (*Вестингхаус – компания, ранее производившая ядерное топливо и ядерные реакторы).
Je me tords, me feu-d'artifice ...		
Я корчусь в судорогах, сгорая в любовном огне.	...mi attorciglio, mi fuoco-d'artificio!	...выгибаюсь, фейерверчусь!
– Un goujat qui n'a même pas le respect des morts, c'est moins que rien, hargne-t-elle .		
...но это же совсем ничего, – злобно шипит она.	– Un bifolco che non a nemmeno il rispetto dei morti e meno che niente! – ringhia.	– Хам, который не питает уважения даже к покойникам, хуже, чем ничто, – злобится она.
– Dis donc, Laurentine, amertume le Gravos.		
— Да послушай, ты,	– Di' un po, Laurentine –	– Слушай, Лорантина, –

Лорентина, – с горечью произносит Амбал.	amareggia il Prode.	горчит Толстос.
l– B.B. est ici! radieuse e Gros.		
– ББ здесь, – в радостной улыбке расплывается Толстяк.	– Bibi e in casa! – esclama il Grosso...	– Б.Б. здесь! – лучезарится Толстяк.

Как следует из примеров, итальянский переводчик часто демонстрирует сугубо референциальный подход, абстрагируясь в целом от языка Сан-Антонио, что по сути неправильно, ведь неомодернизм Ф. Дара зиждется не на детективном сюжете, а именно на *языковом фейерверке*. Эта концептуальная черта идеологии автора не может игнорироваться добросовестным переводчиком.

Мы не задавались оценочно-дидактическими целями внести вклад в «теорию и практику перевода». Однако само простое сопоставление рассмотренных переводов дает представление о степени проникновения эристической внутренней формы исходного знака во внутреннюю форму перевода, что всегда считалось критерием его адекватности.

Таким образом, единицей *эристического транслятивного семиозиса* также является *эристема* (или *эристическая транслема*) – знак, означаемым которого является интенциональный акт, нарушающий конвенциональность, норму, будь то норма языка или речевого поведения, вежливости и т.д. В бытовом общении, построенном на мейозисе, «низкая» эристика выливается в нарушение правил этикета, в речевую агрессию, в мыследеятелиности эристическая интенция – механизм креативной инновации.

Эристика как эвристический метод лежит не только в основе словотворчества художника, но и определяет смысловое творчество Ф. Дара как философа-постмодерниста.

Эристика речевая и художественная – категория речевого взаимодействия, отражающая в самом общем смысле противоречие как когнитивную и социопсихологическую категорию коммуникации.

Эристика предполагает нарушение стандартов мышления и поведения, выражающееся в **макстратегии речевого поведения и речевой (дискурсивной) тональности**. В онтологии своей Эристика опирается на определенный когнитивно-эмоциональный стиль мышления и поведения и имеет семиотическую природу, определяющую её план содержания и план выражения. В плане содержания эристика характеризуется противоречием в когнитивных моделях взаимодействующих коммуникантов, вызывающим интенцию к интеллектуальному и речевому противодействию, направленному либо на содержание противоречия, либо на его речевую форму, либо на субъекта - носителя противоречия, - на его языковую и неязыковую личность. В плане выражения эристика также нарушает нормы языка и речевого поведения, стремясь усилить экспрессивность способа воздействия на оппонента и аудиторию.

Однако художественный перевод отличается тем, что концептуальная семантика ПТ всегда сопровождается *приращением личностных смыслов* на уровне импликационной и интерпретационной *гиперсемантики*, – то есть сверхсмыслов, существующих в ИТ в разных ипостасях, связанных с *интенциональностью и креативным речевым поведением автора*. Помимо концептуальной семантики в художественном тексте непременно присутствует семантика *эвокативная*, связанная с воображением, совпадением «внутренних релевантностей» автора и читателя, с интерпретативной компетенцией как нативных адресатов, так и читателей перевода. Именно так и в одноязычном прочтении, и в переводе совпадение концептосферы достигается путем консонантной («созвучной») интерпретации их семантических репрезентаций и контекстуальных допущений, выбранных из когнитивной среды ИТ и ПТ в соответствии с принципом релевантности.

Сан-Антонио – это прежде всего новый язык, который он сотворил в поте лица и благодаря необыкновенному чувству юмора и фантазии. В нём,

кроме всего прочего, переводчик просто должен чувствовать своеобразную магию, слышать ритм и мелодию, крещендо и модерато.

«Не нужно думать, кстати, что деформировать слово – это всегда просто. Каждый раз, когда я подвергаю его пытке, я проверяю в нескольких словарях его точное значение, чтобы знать, имею ли я право пытать его, перекручивать его, и в каком направлении стоит это делать. Иногда мне приходится отказываться, потому что идея была неудачной, она была слишком далекой от этимологического значения...» [Дар 2004: 139].

Подводя итог, приходим к следующему заключению.

В силу главного когнитивно-семиотического механизма – нарушения формы плана содержания, а также формы плана выражения, инференциальной (непрямой) передачи авторских смыслов, – эристическая тональность представляет собой угрозу профессиональному «позитивному лицу» переводчика. Идиосинкрязия «остранения» делает из эристической тональности потенциальную лингвистическую лауну, когда по принципу релевантности, переводчик выдвигает гипотезы относительно необходимых корреляций в акте перевода, поэтому теоретический конструкт «эристе́мы» рассматривается как неотъемлемый инструмент переводческого мышления. Основным критерием адекватности / эквивалентности перевода тот или иной эристе́мы для нас является соответствие взаимодействующих нисходящих и восходящих интерпретационных процессов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ V

1. Фикциальная эристика – эристика художественного дискурса представлена в анализе языка Ф. Рабле (М.М. Бахтин), А. Платонова (Т.Б. Радбиль), Дж. Джойса (Н.Г. Горбунова) и мн. других авторов. Эристическая языковая личность вымышленного персонажа проявляется как фабульный конструкт автора на уровне макроэристе́м (сюжетных и тематических коллизий, противоречий и характеров) и как квазиреальная коммуникативная (дискурсивная) личность на уровне монологической и диалогической речи. Анализ американского сериала «House, MD» позволил выявить несколько

характерных черт эристического речевого поведения телеперсонажа д-ра Хауса:

А. Макроэристымы: вызов омерзительности смерти, воинствующий анти-теизм, несостоятельность семейных уз и привязанностей, гипертрофия «эпистемической бдительности» (скепсис по отношению к партнеру по коммуникации), сократовский метод обучения, эристическое доведение до абсурда и т.д.

Б. Микро- и мезоэристымы: сниженная лексика, грубость, пейоративная апеллятивная эристема, эристема нерелевантности, прямая эристема *ad hominem / ad personam*, метаэристема (эристическая метарепрезентация), гиперболический рефрейминг, эристическая метафора, гиперболизация самооценки, трансгрессия социальных табу, эпатаж, людическая эристема (подтрунивание-стёб, дружеская пикировка), ирония, сарказм и т.д.

В. Фразоидные эристымы – «хаусизмы»: «*If You Talk to God, You're Religious; If God Talks to You, You're Psychotic*»; «*I enjoy controlling every single aspect of my son's life, even if it means his death*»; «*What would you want, a doctor who holds your hand while you die, or a doctor who ignores you while you get better? I guess it would particularly suck to have a doctor who ignores you while you die*»; «*When guys have brain-crotch problems, it's usually the result of using one too much and the other too little*»; «*Everybody lies*» и т.д.

2. Художественная эристика проявляется как вызов художественно-литературным канонам в приёме «остранения» и языковой трансгрессии (языковая игра, языковые аномалии, аллюзии, импликации и т.д.).

3. Эристика в литературном переводе – это перевод *аномальной формы оригинала* посредством *аномальной формы перевода*: либо формы плана выражения (окказионализмы, игра слов), либо формы плана содержания (парадокс, нонсенс, смысловой сдвиг). Эристичным может быть сам процесс интерпретации и перевода, когда языковой посредник намеренно искажает исходные форму и/или содержания текста оригинала.

4. В переводах проявляется этноязыковая вариативность средств выражения «эристического в речи», этокультурологическая асимметрия в передаче эристической тональности, приводящая к асимметрии в выражении в переводном тексте микро- и мезоэристом, таких как *интертекстуальность иронии, коллоквиальность номинаций и речевых клише, эристических субстандартных проявлений в речи* фикциональных персонажей (просторечие, сленг, койне), градация (театральность), макароническая речь (ксенизмы), асимметрия в интенсивности эристической тональности и искажение речевого портрета фикционального персонажа по параметрам эристичности.

5. Проблема принятия переводческого решения многократно возрастает с уменьшением семантических реперных точек, лежащих в основе концептуального соотнесения образа оригинала и образа перевода. Это происходит при повышенной лакунарности текста оригинала, возникающей по воле автора-писателя (заумь, нонсенс, абсурд, языковая игра и т.д.). Методом ретроспективного *blackbox*-анализа выявляется внутренняя мотивация русских переводчиков романов Фредерика Дара (Сан-Антонио). В результате анализа текстов переводов (контрастивный анализ) и интервьюирования авторов переводов выводятся механизмы выявления и координации «эристического в речи» автора и переводчика, определяется роль интуитивной и рефлексивной инференций в принятии переводческого решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование выполнено в русле *нового направления* прагма-риторического исследования – **дискурсивной когнитивно-семиотической риторики**, которая развивается в работе с опорой на две методологические модели, получившие дальнейшее развитие в проводимом исследовании – *модель риторической структуры текста* и дискурса и *модель узуального реализма*, опирающаяся на ненормативные и неконвенциональные речезыковые манифестации, составляющие область интереса трансгрессивной прагматики.

Предметом проведенного исследования явилась **эристическая дискурсивная тональность** в речезыковом пространстве **агонального (диссонансного) речевого взаимодействия** (когнитивный/речевой конфликт, речевая аномалия, речевая трансгрессия, речевой эпатаж и проч.). В работе была доказана универсальность и *градуальность* эристического компонента в пространстве речевого взаимодействия на различных его уровнях: концептуально-когнитивном, номинативно-лексическом, синтаксическом и дискурсивно-прагматическом, реализующихся в социокультурных вариациях речевого поведения. Предлагаемая нами концептуализация и категоризация эристики как теоретического конструкта, позволяет, с одной стороны, обобщить речезыковые явления, рассматриваемые в отрыве друг от друга, а с другой, – дифференцировать лингвистические механизмы, рассматриваемые в рамках онтологически общих и полипарадигмальных категорий (*агрессия, языковая аномалия, конфликт, агональность, невежливость* и др.). Поскольку в основе **нормы** любого речевого контракта лежит эмпатия как способность моделирования собеседника (*recipient design*) и согласие на кооперацию, то нарушение этой конвенции в виде отклонений (девиаций) или отказа от подчиненной

адресату кооперативности рассматривается нами как **речезыковая трансгрессия**.

Обе стороны коммуникативного диссонанса – взаимосвязаны и рассматриваются в работе в двух объектных средах (дискурсивных формациях):

1) в условно-институциональной и институциональной коммуникации (обыденно-институциональная и политическая коммуникация) и

2) в аспекте художественного текста, отражающего определенные типические эристические проявления языковой личности – субъекта художественного нарратива, воплощенного в ипостасях автора и/или персонажа и/или переводчика.

Эристика рассматривается в работе как категория речевого взаимодействия, отражающая в самом общем смысле «суперкатеорию» (Ю.С. Степанов) ПРОТИВОРЕЧИЕ – онтологическую, когнитивную и социопсихологическую основу эристической коммуникации. Эристика предполагает нарушение стандартов мышления и поведения, выражающееся в речевых стратегиях и определенной *дискурсивной тональности*. Диалектика как философский метод трактует *противоречие* как онтологический и эвристический принцип существования и развития. Понимание *диалектической полифонии* знания предполагает неизбежность логического противоречия. Трансцендентность противоречия делает это понятие актуальным для многих отраслей знания, в частности, для науки о языке. Помимо эндогенных (внутренних) противоречий, связанных с асимметрией плана содержания и плана выражения языкового знака, в речи проявляется и другая сторона противоречия – экзогенная, интеракциональная, обозначенная в самой внутренней форме этого термина – «речь против». Эристика трактуется как одна из форм – пусть экстремальная – диалектической (диалогической) речезыковой интеракции.

Этическая оценка эристики амбивалентна и ситуативна. Интеллектуальная (философская, литературная) эристика – это непереносимое условие воображения, изобретения – это отрицание старых форм, порождение инновационной мыслительности. Эристика – это особая эвристика.

Семиотика дискурсивной эристики складывается из эристической семантики (абсурд, парадокс, нонсенс), синтактики (языковые аномалии, провокативный нарратив) и прагматики в виде эристической интенциональности (иллюзивности) в совершении речевого действия. Эристема как единица эристически маркированного семиозиса включает эти три семиотических измерения, на которые накладывается функциональная типология: иконичность (проксемика, паравербалика), индексальность (интонация, жесты, дейксис), символичность («конвенциональная неконвенциональность»).

Подведем итог. В **плане выражения** эристика представляет собой особый регистр речевого поведения – обыденного, институционального, художественного, этно- и социолектного, – характеризующегося конативной фасцинацией, напряженностью, интеракциональным вызовом с использованием полимодальных семиотических и речезыковых шифтеров и триггеров различных уровней (мимика, жесты, просодия, фоностилистика, грамматические, лексические, синтаксические и т.д. средства). Эти средства служат для активации эристического регистра речи, агональность которого градуально варьируется от дружеской пикировки, шутки, остроты и т.п. до проявлений когнитивной и речевой конфликтности, нарушений эмпатических принципов общения. Эристика вызывает в **смысловом и межличностном** пространстве речевого взаимодействия особую, трансгрессивную модальность, с одной стороны, затрагивающую нормы языка и речевого поведения, ломающую стереотипы и тривиальность институционального или обыденного общения, а, с другой стороны,

рождающую новые (наводящиеся, эвокативные) смыслы, вызывающие особую «заговорческую» эмпатию, внешне провокационную, построенную на личном взаимопонимании, на обоюдной способности к раскрепощению, к творческому мышлению, к исчислению имплицитных значений, к принятию самой этой формы речевого поведения, позволяющей определить «своих», отделяя «других» или «чужих». Под речевой эристической трансгрессией понимается умышленное нарушение норм языка, отказ от «нулевой степени» самовыражения (метафоры, тропы, алогизмы, парадоксы, речезыковые аномалии, языковая игра и др.), затрагивающие «лицо» адресата и составляющие **эристический когнитивный тип субъекта коммуникации и экспрессивный стиль** говорящего (автора). Эристика эвокативна, то есть, в отличие от речевой агрессии, соотносится с непрямыми средствами выражения. Эвокативность эристики определяется через степень активизации креативности интерпретации: чем более ассоциативной, рождающей наибольшее количество *коннотаций* и «*интерпретативных квантов*», выступает текстовая (в широком смысле) информация, тем более она считается эвокативной.

Коммуникативная эристика – это прежде всего неконвенциональное речевое поведение, то есть интенционально направленная адресату девиантная форма (аномалия) плана выражения или плана содержания, создающая внутреннее напряжение (вызов, провокацию) в восприятии и интерпретации содержания – когнитивной (ментальной) репрезентации – и речезыковой формы.

Эристическое поведение, имея разную функциональность (обыденное общение, институциональная коммуникация – политические дебаты, медиа-эристика и т.д.), имеет некоторые инвариантные черты, определяющие тип эристической дискурсивной личности. Проведенное исследование позволило выделить несколько черт эристической когнитивно-речевой стратегии, состоящей из интенциональной и речеактовой составляющих – трансгрессии

как нарушения норм рациональных (аргументативных), этических (растабуированность) и речезыковых (тропеичность, языковая игра и т.д.); негативного рече-языкового диапазона (паравербалика, лексические и грамматические коннотации, эристические метафоры, коллокации, сниженные или ненормативные номинации и т.п.); дискурсивной контр-акции – совокупности речевых действий (тактик), составляющих речевое противодействие, рассматриваемое значительно шире – градуально и динамичнее, нежели психолингвистическая агрессия.

Эристичность дискурса несомненно связана с агрессивностью агональности. Однако эристика стремится к агрессии как к своему пределу. Это есть трансгрессивный алгоритм, имеющий свои правила (ср. «дуэльный кодекс»).

Широта семантического и функционального диапазона эристики объясняется прототипичностью этого когнитивно-психологического феномена антропологического масштаба. Исследование понятийно-семантических пересечений эристики с категориями отрицания, агональности, провокативности, агрессивности, её оппозитивности норме, мимезису, вежливости, эмпатии, конвенциональности в пространстве культуры и языка представляется нетривиальной и актуальной задачей в парадигме трансдисциплинарной интеракционально-когнитивной семиотики и риторической методологии особенно в перспективе сопоставления этнокультур.

В структурно-функциональной иерархии эристического дискурса (тональности) отмечается тематическая трансгрессия – нарушение табуированности референтного содержания на уровне макроэристема; на речеактовом и предикативном уровне мезоэристема концентрируются речевые стратегии и тактики *эпатажа, вызова, иронии, сарказма*, объединяемых рамками новой концепции эристического в речи. На уровне лексико-синтаксическом и тропеическом выделяются такие микро- и мезоэристема, как

оказаиональные синсемантизмы, различные нарушения семантического *согласования*, семантико-синтаксические мезоэристымы – плеоназм, эллипсис, контаминация, параллелизм и парентеза. На уровне *формы плана содержания* – это семантико-имплекативная трансгрессия: юмор, эристыческие метафоры и метонимии, аллюзии и прецеднтные феномены, делокутивность (цитации), свехвежливость, образность, возвышенный слог, ирония и сарказм.

Эристыка в литературном переводе – это перевод *аномальной формы оригинала* посредством *аномальной формы перевода*: либо формы плана выражения (оказаионализмы, игра слов), либо формы плана содержания (парадокс, нонсенс, смысловой сдвиг). Эристычным может быть сам процесс интерпретации и перевода, когда языковой посредник намеренно искажает исходные форму и/или содержания текста оригинала. В переводах проявляется этноязыковая вариативность средств выражения «эристыческого в речи», этокультурологическая асимметрия в передаче эристыческой тональности, приводящая к асимметрии в выражении в переводном тексте микро- и мезоэристым, таких как *интертекстуальность иронии, коллоквиальность номинаций и речевых клише, эристыческих субстандартных проявлений в речи* фикциальных персонажей (просторечие, сленг, койне), градация и театральность, макароническая речь (ксенизмы), асимметрия в интенсивности эристыческой тональности и искажение речевого портрета фикциального персонажа по параметрам эристычности.

Нарушения деонтологических принципов речевого взаимодействия (кооперативность, ясность, вежливость и т.д.) составляют основу эристыческой тональности любого дискурса. Моделирование эристыческой тональности, основанное на узуальных (ненормативных) моделях (Usage-based models), концентрируются на способности вариативного использования языка на всех уровнях, от фонетики и фонологии через морфологию и синтаксис до прагматики и полимодальности. Следуя концепции «узуальной

лингвистики» носители языка фиксируют множество примеров использования языка в определенных контекстах, они создают неявную базу метаязыковых знаний, из которой они могут генерировать в когнитивном пространстве все более сложные обобщения (интуитивные схемы) без необходимости прибегать к априорным грамматическим правилам или сознательно усвоенным и применяемым стратагемам. Идея эристической компетенции переходит из области дидактической в область когнитивной и коммуникативной компетенции.

Эристика как вызов традиционной речемыслительной форме, трансгрессия норм и правил в философском и культурологическом смысле вышла из гротеска Рабле, трактатов Ницше, «остранения» русского авангардизма, философского и литературного постмодернизма.

В онтологическом и эпистемическом плане эристика может быть представлена как когнитивно-семиотическая модель интеракционного – дискурсивного и текстопорождающего – интеллектуально-эмоционального поведения, имеющего план выражения в виде разноуровневых речезыковых единиц, предназначенных для реализации эристической речевой интеракции.

Дальнейшее развитие эристического кластера дискурсивной риторики представляется перспективным как в обобщении и систематизации эристических практик в конверсивном (top-down / bottom-up) когнитивно-дискурсивном процессинге и их представлении на макро-, мезо- и микро (квантовом) уровнях дискурса.

Макроуровень эристического дискурса касается жанровой топологии и систематизации тематики, включенной в деятельностный контекст, на уровне макро-интенциональном. Этот уровень отражает концептуально-интенциональную перспективу речевого взаимодействия: определение стратегий речевого противодействия, выбор трансгрессивной тональности выражения, выбор цели противодействия (точка зрения/ личность оппонента) и концентрация на «жертве» критического (агонального) воздействия.

На уровне паравербальном и полимодальном необходимо расширять сопоставительное исследование разноуровневых и этновариативных средств выражения эристеми (мимика, жест, просодия) на номинативном и синтактико-дискурсивном уровне в пропозициональном, аргументативном и интерперсональном аспектах эристической интенциональности.

Лингвоповеденческая универсальность эристической компетенции и высокая рекуррентность превращают эристеми в узуальные единицы речи, реализуемые средствами всех языковых уровней. Некоторые из эристеми превращаются в конвенциональные и фразеологизированные формы (речевые стереотипы, разговорные клише, афоризмы). Исследование совокупности речезыковых (полисемиотических) средств ведет к углублению исследования эристического семиозиса в категориальной ситуации эристического речевого (взаимо)действия.

Эристическая тональность – это категория риторико-дискурсивная, формирующаяся из гетерогенных средств, создающих имплицитную, косвенную эмоционально-аксиологическую модальность высказывания (текста-дискурса). Эристические манифестации в художественном дискурсе составляют особый предмет исследования – эристическую тональность, которая, достигая уровня лакунарности ввиду сложности ее передачи в художественном переводе, требует высокой билингвальной компетенции. Такая перспектива может представлять интерес для современной теории и практики перевода.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абабий, В.Н. Общественно-политические неологизмы в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Абабий. – Воронеж, 2019. – 198 с.
2. Авеличев, А.К. Возвращение риторики /А.К. Авеличев // Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг и др. Общая риторика. – М.: Прогресс,1986. – С.5–25.
3. Аверинцев, С.С. Бахтин и русское отношение к смеху / С.С. Аверинцев // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. – М., 1993. – С. 341–345.
4. Автономова, Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. – М.: Наука, 1977. – 271 с.
5. Автономова, Н.С. Фуко М. /Н.С. Автономова // Современная западная философия: Словарь / Сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. – М., 1996. – С. 361–363.
6. Агрессия в языке и речи. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. – 285 с.
7. Акимова, Н.В. Лингвистические факторы интерпретационных девиаций / Н.В. Акимова // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 1–13.
8. Аксенова, О.Н. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина). / О.Н. Аксенова – Спб.: Алетейя, 1998.
9. Актуальные аспекты интеракциональной теории языка. Коллективная монография / А.В. Алферов и др. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – 300с.
- 10.Алефиренко, Н.Ф. Текст – Дискурс – Язык // Русская филология. Украинский вестник. 2007. № 2-3. – С. 3–7.
- 11.Алферов, А.В. Интеракциональный дейксис / А.В. Алферов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 300 с.
- 12.Алферов, А.В. На пути к грамматике речи: интеракциональные категории высказывания / А.В. Алферов // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – М.: Ленанд-УРСС, 2007. – С. 457–461.
- 13.Алферов, А.В. Кустова, Е.Ю. Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы (на материале русских и французских интеръективных форм)/ А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова // Вестник ПГЛУ. 2014. № 1. – С. 59-62.

14. Алфёров, А.В. Релевантность и эристичность политической коммуникации: паремические малапропизмы / А.В. Алфёров, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова, А.В. Якушева // Вестник ПГУ. 2018. №3. С. 183–187.
15. Алфёров, А.В., Попова, Г.Е., Тамразова, И.Г. Эфемерные лакуны: коннотация и тональность в переводе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 94-104.. – С. 94-104.
16. Алымова, Е.В. Был ли Горгий софистом: Горгий, Платон, Доддс / Е.В. Алымова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Том 14. Выпуск 3. – С. 88–96.
17. Альба-Хуэс, Л., Ларина, Т.В. Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход / Л. Альба-Хуэс, Т.В. Ларина // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. – С. 9–37.
18. Амири, Л.П. Феномен языковой игры как средство намеренной вульгаризации рекламного пространства в современной языковой ситуации / Л.П. Амири // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №4. – С. 377–382.
19. Ананьева, М.И. Разработка корпуса текстов на русском языке с разметкой на основе теории риторических структур [Электронный ресурс] / М.И. Ананьева М.В.Кобозева // Диалог - 2016. Сборник науч. трудов. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/2016/articles/> (дата обращения 20.09.2020).
20. Античные риторика / Ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 352 с.
21. Апресян, В.Ю. Имплицитная агрессия в языке / В.Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции "Диалог-2003". Российский НИИ искусственного интеллекта, 2003. – С. 32-35
22. Апресян, Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции / Ю.Д. Апресян // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования. – М. ; Л. : Наука, 1990. – С. 50–71.
23. Апресян, Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 598–621.
24. Аристова, Н С. Коммуникативные стратегии высокой тональности общения : на материале английской художественной литературы XIX-XX вв. Наталия Сергеевна Аристова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 14 с.
25. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторика / Пер. Н.

- Платоновой. – М.: Изд-во МГУ, 1978а. – 358 с.
26. Аристотель. О софистических опровержениях / Аристотель // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. – М.: Наука, 1978б. – С. 535–593.
27. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Сочинения: в 4-х т. Т. 1. – 304 с.
28. Арустамян, Ж.Р. Имплицитность как интеракциональная категория и механизмы её реализации во французском языке: на материале малого фольклорного жанра анекдота : дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2011. – 153 с.
29. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой картины мира) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987а. – № 3. – С. 3–19.
30. Арутюнова, Н.Д. Ненормативные явления и язык / Н. Д. Арутюнова // Язык и логическая теория. – М.: Центр. совет. филос. (методол.) семинар при Президиуме АН СССР, 1987б. – С. 140–152.
31. Арутюнова, Н.Д. Синтаксис // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 448–451.
32. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
33. Асмолов, А.Г. Когнитивный стиль личности как средство разрешения проблемно-конфликтных ситуаций / А.Г. Асмолов // Культурно-историческая психология и конструирование миров. – Воронеж: МОДЭК; Москва: Институт практической психологии, 1996. – С. 550–552.
34. Асмус, В.Ф. Историко-философские этюды / В.Ф. Асмус. – М.: «Мысль», 1984. – 318 с.
35. Багдасарян, Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков) / Т.О. Багдасарян: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 171 с.
36. Базылев, В. Н. Агрессивность современного информационного пространства / В. Н. Базылев // Человек. Наука. Образование. №2(16). Сыктывкар, 2015. – С. 197–207.
37. Бакаева, А. М. Исследование применимости теории риторических структур для автоматической обработки научно-технических текстов [Электронный ресурс] / А. М. Бакаева, Т. В. Батура // Cloud of Science. 2017. Т. 4. № 3. – URL: <http://cloudofscience.ru> (дата обращения – 02.02.2020).
38. Балашов, Л.Е. Ф. Ницше – Гитлер философии. Памфлет [Электронный ресурс] / Балашов Л.Е. – М., 2013. – URL: <https://proza.ru/2012/12/01/662> (дата обращения – 02.02.2020).
39. Баранов, А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход)/

- А.Н. Баранов. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 48 с.
40. Баранов, А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // ВЯ, 1992а, №2. – С. 84–99.
41. Баранов, А.Н. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // ВЯ, 1992б, № 3. – С. 84–93.
42. Баранов, А.Н. Намек как способ косвенной передачи смысла / А.Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции "Диалог 2006". Российский государственный гуманитарный университет. 2006. – С. 46-51.
43. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: Теория и практика / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
44. Баребина, Н.С. Аргументативный диалог в аспекте теории концептуальной интеграции / Н.С. Баребина // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (030). 2012. – С. 5–12.
45. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1996. – 616 с.
46. Барт, Р. Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / под ред. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000 с.
47. Батай, Ж. Запрет и трансгрессия [Электронный ресурс] / Ж. Батай. – URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (дата обращения: 10.02.2018).
48. Батай, Ж. История эротизма / Ж. Батай. – М.: Логос, 2007. – 198 с.
49. Батай, Ж. О Ницше / Ж. Батай. М.: Культурная революция, 2010. – 336 с.
50. Батулин, Н.А. Социальный и эмоциональный интеллект: мифы и реальность / Батулин, Н.А., Матвеева Л.Г. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. 42 (175). – С. 4–10.
51. Бахтин, М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1990. – 543 с.
52. Бахтин, М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
53. Беданокова, З.К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речезыковая форма (на примере российской рекламы) / З.К. Беданокова. Автореферат дисс....докт. филол. наук. – Тверь, 2018. – 44 с.
54. Белоус, Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты / Н.А. Белоус: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008. – 50 с.

- 55.Белый, А. Фридрих Ницше. Статьи и материалы [Электронный ресурс] / А. Белый. – URL: <http://nicshe.velchel.ru/index.php?cnt=4&sub=1&page=7>
- 56.Белютина, Ю.А. Английская невежливая речь / Ю.А. Белютина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 23 с.
- 57.Белянин, В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. – М., 1988. – 120 с.
- 58.Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики / В.П. Белянин. – М.: Тривола. 2000. – 248 с.
- 59.Береговская, Э.М. Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков / Э.М. Береговская. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 334с.
- 60.Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – М.: Специальная литература, 1996.– 398 с.
- 61.Библер, В.С. Диалектика и диалогика / В.С. Библер // Архэ. Ежегодник культурологического семинара. Вып. 3. 1998. – С. 13–23.
- 62.Блажевич, Н.В. Основы научной эристики / Н.В. Блажевич // Научный вестник Тюменского юридического института МВД России. Сборник научных трудов. – Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД России, 2002. – С. 131–133.
- 63.Блажевич, Н.В. Судебная эристика: монография / Н. В. Блажевич. Тюменский юридический ин-т. – Тюмень : Тюменский юридический ин-т МВД РФ, 2005. – 111 с.
- 64.Блажевич, Н.В., Селиванов Ф.А. Эристика / Н.В. Блажевич, Ф.А. Селиванов. Курс лекций. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1999. – 224 с.
- 65.Блох, М.Я. Диктема в уровневой структуре языка / М.Я. Блох // Вопросы языкознания. № 4, 2000. – С. 56–67.
- 66.Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 2005. – 239 с.
- 67.Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (008). 2006. – С. 5–22.
- 68.Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). – С. 11–16.
- 69.Болдырев, Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (034) 2013. – С. 5–13.

- 70.Болдырев, Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.
- 71.Болдырев, Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. – С. 37–42.
- 72.Болдырев, Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев. – М.: Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с.
- 73.Болдырев, Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия / Н.Н. Болдырев, В.С. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. № 4. – С. 15-24.
- 74.Болдырев, Н.Н. Дубровская, О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса / Н.Н. Болдырев, О.Г. Дубровская // Вопросы когнитивной лингвистики. №3 (044), 2015. С. 14–25.
- 75.Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.– 288с.
- 76.Борисова, И.Н. Нарратив как диалогический жанр / И.Н. Борисова //Жанры речи. №3. 2002. – С. 245–262
- 77.Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – М. : URSS , 2007: ООО Ленанд. – 317 с.
- 78.Борисова, М.Ю. Русский афоризм: языковые, речевые и неречевые аспекты конфликтности / М.Ю. Борисова // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 6. № 1 (18). 2017. – С. 16–20.
- 79.Брагина, Н.Г. «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации / Н.Г. Брагина, И.А. Шаронов // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 4. – С. 975–993.
- 80.Брюшинкин, В.Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология / В.Н. Брюшинкин // Модели рассуждений-2: Аргументация и рациональность. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 7-19.
- 81.Будылин, Д.Ю. Онтологические основания аргументации / Д.Ю. Будылин: дисс. ... канд. филос. наук. – СПб, 2008. –150 с.
- 82.Булгакова, Н.Е. Прозвища как средство речевой агрессии в политическом дискурсе / Н.Е. Булгакова // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. Вып.7. – С. 14–19.
- 83.Булыгина, Т.В. «Аномальные» высказывания: проблемы интерпретации / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Языковая концептуализация мира (на

- материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 437–451.
- 84.Бэрн, Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 2000. – 351с.
- 85.Вардзелашвили, Ж.А. Наносемы как латеральный компонент значения слова / Ж.А. Вардзелашвили// АСТА LINGUISTICA. Vol. 1. 2007. – С. 55-62.
- 86.Варзонин, Ю.Н. Когнитивно-коммуникативная модель риторики : дисс. ... д-ра филол. наук / Ю.Н. Варзонин – Тверь, 2001. – 268 с.
- 87.Вдовиченко, А.В. Расставание с "языком" : критическая ретроспектива лингвистического знания / А. В. Вдовиченко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – 510 с.
- 88.Вежбицка, А. Дескрипция или цитация / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. – М.: Прогресс, 1982.- С.237-262.
- 89.Вепрева, И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении / И.Т. Вепрева: дисс. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 375с.
- 90.Винокур, В.А. Уловки в споре / В.А. Винокур. – СПб.: Речь, 2005. –142 с.
- 91.Витель, Е. Б. Инверсия смыслов в художественной культуре XX века: от антропоцентризма к "Новой художественной реальности" (на материале творчества Д. Шостаковича) / Е.Б. Витель: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Кострома, 2010. – 50 с.
- 92.Вовчаренко, И.К. Эпатаж как эстетическая категория авангарда / И.К. Вовчаренко // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2010, №2. – С. 25–28.
- 93.Волков, А.А. Теория риторической аргументации / А.А. Волков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 398 с.
- 94.Волков, А. А. Курс русской риторики: учебное пособие / А.А. Волков. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2015. – 544 с.
- 95.Волкова, Н.Н. Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения / Н.Н. Волкова, А.Н. Гусев // Национальный психологический журнал. 2016. № 2(22). – С. 28-37.
- 96.Волкова, Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография / Я.А. Волкова. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 304 с.
- 97.Вольф, М.Н. Горгий Леонтийский и античная модель дескриптивной эпистемологии / М.Н. Вольф // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2016. №2 (34). – С. 269–280.

98. Воробьева, С.В. «Эристическая диалектика» (трактат А. Шопенгауэра) / С.В. Воробьева // История философии: Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – С. 13–16.
99. Ворожцов, Б.Н. Авторские окказионализмы как способ реализации игровой функции языка / Б.Н. Ворожцов // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г. Гака. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 79–85.
100. Воронин, А.Н. Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии / А.Н. Воронин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 3. – С. 35–58.
101. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход / Т.А. Воронцова: дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2006. – 298 с.
102. Воронцова, Т.А. Квазиагрессия в межличностном общении / Т.А. Воронцова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – Челябинск: ЧГУ, 2018. – С. 5-8.
103. Габдрафикова, Т.Ш. Стратегии неаутентичной речевой агрессии в виртуальной среде / Т.Ш. Габдрафикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, № 12(90). Ч. 3, 2018. – С. 496-499.
104. Гавра, Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт / Д.П. Гавра. – М.: ИСЭП РАН, 1995. – 235 с.
105. Гавра, Д.П. Феномен имиджа: сущность и основные характеристики [Электронный ресурс] // Д.П. Гавра // Капитал страны. 2009. – URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3130378/baa82c>
106. Гавра, Д. П. Категория имиджа в современной коммуникативистике / Д.П. Гавра // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 29–43.
107. Гавришина, И.Н. Лингвистически ориентированные концепции аргументации / И.Н. Гавришина // Филологические науки. вопросы теории и практики. 2018. №12-1 (90). – С 99–104.
108. Гак, В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте / В.Г. Гак // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М.: 1995, № 4. – С. 47–55.
109. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
110. Ганеев, Б.Т. Парадокс: парадоксальные высказывания / Б.Т. Ганеев. – Уфа : БГПУ, 2001. – 199 с.
111. Ганеев, Б.Т. Противоречия в языке и речи / Б.Т. Ганеев: дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2005. – 689с.

112. Гарднер, Г. Структура разума: Теория множественного интеллекта / Г. Гарднер. – М.: Вильямс, 2007. – 512 с.
113. Герман, И.А., Пищальникова, В.А. Введение в лингвосинергетику / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – 130 с.
114. Гишинский, Я.И. Творчество как позитивная девиантность / Я.И. Гишинский и др. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. – 276 с.
115. Глухов, А. Философская ясность: Хайдеггер равно Гитлер / А. Глухов // ЛОГОС. Философско-литературный журнал. Т. 28. №3. 2018. – С. 91–120.
116. Голев, Н.Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории / Н.Д. Голев // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тез. докл. Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2001. – С. 37–41.
117. Голев, Н.Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты / Н.Д. Голев // Политическая лингвистика. 2013. №4 (46). – С. 30-37.
118. Горбачева, Е.Н. Спор как лингвокультурный концепт / Е.Н. Горбачева: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2006. – 240 с.
119. Горбунова, Н.Г. Языкотворчество Дж. Джойса: словообразовательный аспект: На примере романа "Улисс" / Н.Г. Горбунова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 18 с.
120. Гордон, Д., Лакофф, Дж. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.- С.276-302.
121. Горностаева, А.А. Ирония в английской и русской коммуникативных культурах / А.А. Горностаева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 23 с.
122. Горностаева, А.А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? / А.А. Горностаева // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: лингвистика. №3. 2014. – С. 64–74.
123. Горностаева, А.А. Политика и ирония: совместимость и взаимодействие / А.А. Горностаева. – М.: ИПЦ «Маска», 2015. – 196 с.
124. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
125. Гофман, Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман. – М.: Смысл, 2009. – 319с.

126. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
127. Гришаева, Л.И. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации: коллективная монография / Л.И. Гришаева и др. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2009. – 319 с.
128. Гусейнов, Г.Ч Рипарография / Г.Ч. Гусейнов // Постскрипtum: Литературный журнал. Вып. 1 (6), 1997. – СПб.: Феникс, 1997. – С.143–167.
129. Гусейнов, Г.Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы [Электронный ресурс]: докладв FitzwilliamCollege (UniversityofCam358 bridge), 29 августа 2008 г./ Г.Ч. Гусейнов. – Режим доступа: [http:// www. speakrus. ru/gg/litulative.htm](http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm) (дата обращения 14.02.2020).
130. Гусейнов, Г.Ч. Нулевые на кончике языка: краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г.Ч. Гусейнов. – М.: Дело, 2012. – 240 с.
131. Гуцал, Н.А. Семантико-прагматические и дискурсивные характеристики речевого акта "вызов": на материале английского языка / Н.А. Гуцал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 23 с.
132. Давыдов, Г.Д. Искусство спорить и острить (1927) / Г.Д. Давыдов // Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – СПб.: «Университетская книга», 1997. – С. 241–283.
133. Даниэль, С. Авангард и девиантное поведение / С. Даниэль // Авангардное поведение. – СПб., 1998. – С. 41–46.
134. Девкин, В.Д. «Односторонний» юмор – только для реципиента / В.Д. Девкин // Язык и действительность. Сб. науч. трудов памяти В.Г. Гака. Москва, 2007. С.469–480.
135. Дейк, ван Т.А. Язык, познание, коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
136. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
137. Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Московского университета, 1989. – 172 с.
138. Демьянков, В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В.З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке. / Отв. редактор Кубрякова Е.С. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С.32-86.
139. Демьянков, В.З. Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии / В.З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-

- летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309–323.
140. Деррида, Ж. Страсти / Ж. Деррида // Эссе об имени. СПб.: Алетейя, 1998.
141. Джейкоби, Г. Хаус и философия. Все врут! / Г. Джейкоби [и др.]; пер. с англ. М. Вторниковой. – М.: Юнайтед Пресс, 2010. – 243 с.
142. Джонсон, С. English as a Second F*cking Language / С. Джонсон. – М.: Эт Сетера Паблшинг, 2002. – 122 с.
143. Джохадзе, Д.В. Античный диалог и диалектика / Д.В. Джохадзе // Философия и общество. №2, 2012. – С. 23–45.
144. Дзялошинский, И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии / И.М. Дзялошинский. – Москва: НИУ ВШЭ, 2012. – 571 с.
145. Дмитриев, А.В., Сычев, А.А. Смех: социофилософский анализ / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: Альфа-М, 2005. – 592 с.
146. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – Москва: АСТ: CORPUS, 2013. – 509 с.
147. Доронина, С.В. «Насмешка» в зеркале обыденного метаязыкового сознания / С.В. Доронина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. Ч. 2. – С. 202–213.
148. Дресслер, В. Введение в лингвистику текста / В. Дресслер // Проблемы теории текста: Реферативный сборник / Под ред. Ф.М. Березина. М.: ИНИОН АН СССР, 1978. – С. 55–73.
149. Дюбуа, Ж. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клиненберг и др. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
150. Дядык, Н.Г. Гносеологический анализ афоризма как специфической семиотической системы / Н.Г. Дядык: дисс. ... канд. филос. наук. – Челябинск, 2011. – 188 с.
151. Еемерен, ван Ф.Х. Аргументация, коммуникация и ошибки. / Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: «Васильевский остров», 1992. – 207 с.
152. Еемерен, ван Ф.Х. Речевые акты в аргументативных дискуссиях / Ф.Х. Еемерен ван, Р. Гроотендорст. – СПб.: «Нотабене», 1994. – 239 с.
153. Еемерен, Ф.Х. Аргументация: Анализ, проверка, представление / Ф.Х. Еемерен, Р. Гроотендорст, Ф.С. Хенкеманс. – СПб.: С.-Петербургск. гос. ун-т, 2002. – 154 с.
154. Еемерен, ван Ф. Х. Аргументация и разумность. О поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании / Ф.Х. Ван Еемерен, П.

- Хоутлоссер // Мысль: Журнал Петербургского Философского Общества. Т.6. №1. – Санкт-Петербург, 2006. – С.7–22.
155. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – 248с.
156. Ершов, В.А. Агональное как предмет социально-философского исследования / В. А. Ершов: дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 163 с.
157. Желтухина, М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дисс. ... д-ра филол.наук. – Москва, 2004. – 358 с.
158. Жельвис, В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В.И. Жельвис // Юрислингвистика. 2000. № 2. – С. 195–206.
159. Жельвис, В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис.– М.: Ладомир, 2007. – 349 с.
160. Жельвис, В.И. Вербальная дуэль: история и игровой компонент / В.И. Жельвис // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ “Колледж”, 2002. Вып. 3. – С. 200–204.
161. Жельвис, В.И. «Анти-Грайс»: постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения / В.И. Жельвис // Жанры речи. 2012. № 8. – С. 99–109.
162. Жельвис, В.И. Категория грубости как антитеза вежливости / В.И. Жельвис // Юрислингвистика. 2014. № 3. – С. 42–51.
163. Заботкина, В.И. Трансфер знаний: ментальные модели и дискурс / В.И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 549-554.
164. Заврумов, З.А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты / З. А. Заврумов: автореф. дис. ... д-ра филол. – Махачкала, 2017. – 56 с.
165. Заика, В.И. Понятие остраннения и компоненты художественной модели / В.И. Заика // Вестник Новгородского государственного университета №29, 2004. – С. 97–103.
166. Зайцев, А.В. Диалог: конфликт или кооперация? (Обзор точек зрения и инновационная парадигма управления диалогом) / А.В. Зайцев // Конфликтология / Nota bene. 2016а. - № 4. – С.257–266.
167. Зайцев, А.В. Кластерная дифференциация диалогических интеракций государства и гражданского общества в сфере публичной политики: теория и практика / А.В. Зайцев // Социодинамика. 2016б. № 12. - С.68-75.
168. Зарецкая, Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая. – М.: Дело, 1999. – 480 с.
169. Зарецкая, Е.Н. Логико-психологическая структура дискуссии / Е.Н. Зарецкая // Труды международной научной конференции «Диалог-2006. –

URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog_2006/materials/html/Zaretskaya.htm

170. Захватова, Е.С. Феномен доктора Хауса. Правда и вымысел в сериале о гениальном диагносте / Е.С. Захватова, А.А. Кокотюха. – Киев: Агга Литагент «Краина Мрий», 2010. – 50 с.
171. Зенкин, С.Н. Послесловие к трансгрессии С.Н. Зенкин // Логос. 2019. Т. 29. № 2 (129). – С. 51–63.
172. Иванова, Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов / Ю.М. Иванова: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003 – 137 с.
173. Иванцова, Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). – С. 24-32.
174. Ивин, А.А. Основы теории аргументации / А.А. Ивин. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
175. Ивин, А.А. Логика учебник для гуманитарных факультетов / А.А. Ивин – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 239 с.
176. Ивин, А.А. Современная философия науки / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2005. – 592 с.
177. Ивин, А.А. Современная логика / А.А. Ивин. Фрязино: «Век 2», 2009. 384 с.
178. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
179. Ирисханова, О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – М.: Языки славянской культуры, 2014а. – 320 с.
180. Ирисханова, О.К. Интерсубъектность конструирования событий в полимодальном дискурсе / О.К. Ирисханова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014б. № 17. – С. 31.
181. Ирисханова, О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания / О.К. Ирисханова // Вопросы когнитивной лингвистики, № 4. 2014в. – С. 5–17.
182. Ирисханова, О.К. "Жестовый поворот" как проявление антропоцентризма в когнитивной лингвистике / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. – С. 50-61.
183. Карасёв, Л.В. Философия смеха / Л.В. Карасёв.– М.: Российский гуманитарный университет, 1996. – 224 с.

184. Карасик, В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. – 495 с.
185. Карасик, В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. Краснодар, 1994. – С. 2-7.
186. Карасик, В.И. Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ред. В. И. Карасик. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – 259 с.
187. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград, 2007. – 520 с.
188. Карасик, В.И. Коммуникативная тональность / В.И. Карасик // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2008. № 4. – С. 20-29.
189. Карасик, В.И. Концептуализация насмешки в языковом сознании/ В.И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. – С. 119-129.
190. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. Изд. 6-е.– М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
191. Карелин, В.М. Диссенсус – фактор эффективной коммуникации / В.М. Карелин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 1. – С. 46–53.
192. Каримов, А.Р. Глубокое разногласие и аргументативные добродетели / А.Р. Каримов // Общество: Философия, История, Культура. №1, 2018. – С. 21–24.
193. Карлик, Н.А. Теоретические основы выявления суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов / Н. А. Карлик: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2013. – 28 с.
194. Каштанова, С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие / С. М. Каштанова: дисс. ... канд. филос. наук. – СПб, 2016. – 203 с.
195. Кессиди, Ф.Х. Сократ / Ф.Х. Кессиди. – СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.
196. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе / А. А. Кибрик: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2003. – 90 с.
197. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов /А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. № 2. 2009. – С. 3–21.
198. Кибрик, А.А. Русский мультимедийный дискурс. Ч. 1. Постановка проблемы /А.А. Кибрик // Психологический журнал. 2018а. Т. 39. № 1. С. 70-80.

199. Кибрик, А.А. О структуре мультимедийного дискурса / А.А. Кибрик, О.В. Федорова // *Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова.* – М.: Культурная революция, 2018б. – С.180-191.
200. Киклевич, А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом / А.К. Киклевич. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2014. – 444 с.
201. Киклевич, А.К. Постмодернизм и современная филология / А.К. Киклевич // *Образы языка и зигзаги дискурса. Сб. науч. статей к 70-летию В.З. Демьянкова.* – М.: Культурная революция, 2018. – С. 135–142.
202. Киклевич, А. К. *Смысл – текст – интеракция: языковые репрезентации.* – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 336 с.
203. Киосе, М.И. Когнитивно-функциональные особенности перефокусирования в непрямой номинации: аспекты семантики / М.И. Киосе // *Вопросы когнитивной лингвистики.* № 3 (36). 2013. – С. 25–33.
204. Китаев, Д.Г. Шопенгауэр и Ницше: имплицитная духовность / Д.Г. Китаев // *Вестник Бурятского государственного университета.* № 14, 2010. – С. 58–63.
205. Клепикова, Т.А. Лингвистические метареферентации / Т.А. Клепикова. – С-ПБ: Астерион, 2008. – 249 с.
206. Кобозева, И.М. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации / И.М. Кобозева, Н. И. Лауфер // *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста.* – М. : Наука, 1990. – С. 125–138.
207. Ковальчук, Н.В. Теория риторических структур как прагматическая концепция анализа текста / Н.В. Ковальчук, М.С. Володина // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки.* № 3, 2016.– С. 107–113.
208. Козинцев, А.Г. *Культура, природа, язык, смех* / А.Г. Козинцев // *Когнитивные Исследования* /Ред. В. Д. Соловьев. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – С. 225–238.
209. Козинцев, А.Г. Юмор: до и после иронии / А.Г. Козинцев // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма.* – М.: Индрик, 2007а. – С.238-253.
210. Козинцев, А.Г. *Человек и смех* / А.Г. Козинцев. – СПб.: Алетейя, 2007б. – 235 с.
211. Козинцев, А.Г. Об антиреферентивной функции языка /А.Г. Козинцев // *Логический анализ языка: Между ложью и фантазией.* – Москва: Изд-во «Индрик», 2008. – С. 55–66.
212. Козинцев, А.Г. Феномен «смех-плач»: о различии сходного / А.Г. Козинцев// *Антропологический форум.* 2010. № 13. – С. 117–124

213. Козинцев, А.Г. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора / А.Г. Козинцев // Антропологический форум. 2013. № 18. – С. 143–162.
214. Кондаков, И.В. Эристика в культуре 20 в. / И.В. Кондаков // Культурология. XX век. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. Т.2. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – С. 394–399.
215. Кондаков, И.В. "Смута": эпохи "безвременья" в истории России / И.В. Кондаков // Общественные науки и современность. 2002. № 4. – С. 55–67.
216. Кондаков, И.В. К современной философии истории / И.В. Кондаков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4-2. – С. 221–230.
217. Копнина, Г.А. Эристика / Г.А. Копнина // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Ред. А.П. Сквородников. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 762.
218. Копнина, Г.А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения. В: Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). – С. 7–19.
219. Косиков, Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) / Г.К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 3–48.
220. Котельников, Е.В. Автоматический анализ тональности текстов на основе методов машинного обучения / Е.В. Котельников, М.В. Клековкина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции Диалог. том 2, 2012. – С. 27–36.
221. Кравченко, А.В. Когнитивный горизонт языкознания / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд. БГУЭП, 2008. – 320 с.
222. Кравченко, А.В. Что такое “когнитивная структура”, или об одном распространенном заблуждении // Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – М: ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р.Державина, 2011. – С. 96–104.
223. Красильникова, М.Ю. Леонардо да Винчи и его эпоха в культур философской рефлексии Серебряного века / М. Ю. Красильникова: дисс. ... канд. культурологии. – Киров, 2008. – 166 с.
224. Краснопольская, А.П. Эпистемологический анализ софистики / А.П. Краснопольская: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2005. – 26 с.
225. Крейдлин, Г.Е. Семантические типы жестов / Г.Е. Крейдлин // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А.Земской. М.: Наследие, 1998. С. 174–185.

226. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – М.: Corpus, 2013. – 380с.
227. Крысин, Л.П. Языковая норма и речевая практика / Л.П. Крысин // Отечественные записки. – М., 2005. № 2 (23). – С. 89–99.
228. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
229. Кулабухов, Н.В. Интенсивность речевого воздействия в социально-политических дебатах / Н. В. Кулабухов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2018. – 20 с.
230. Куркина, А.С., Стернин И.А. Коммуникативное поведение и коммуникативная личность носителя языка / А.С. Куркина, И.А. Стернин // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. Вып. 3 (39). – С. 112-127,
231. Кустова, Е.Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракциональные функции / Е.Ю. Кустова: дис. ... докт. филол. наук. – Пятигорск, 2010. – 300 с.
232. Кьеркегор, С. Страх и трепет. Диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио [Электронный ресурс] / С. Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – Режим доступа: <http://www.psylib.org.ua/books/kerks01/index.htm>
233. Кэрролл, Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. – М.: Наука, 1990. –359 с.
234. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Metaphors We Live By / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 256 с.
235. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
236. Ларина Т.В. О грубости и коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы / Т.В. Ларина, М.М. Козырева, А.А. Горностаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012а. № 2. – С. 126–133.
237. Ларина, Т.В. Сквернословие в речи носителей английского языка: функционально-прагматический аспект / Т.В. Ларина, В.И. Озюменко, А.А. Горностаева // Вопросы психолингвистики. 2012б. №16. – С. 30–39.
238. Ларина, Т.В., Харлова М.Л. Невежливость и грубость в межличностном общении американцев / Т.В. Ларина, М.Л. Харлова // Вестн. Новосиб. гос. ун-

- та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 3. – С. 34–42.
239. Лебедева, Т.В. Культура спора / Т.В. Лебедева. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2011. – 75 с.
240. Леммерман, Х. Уроки риторики и дебатов / Х. Леммерман. – М.: Уникум Пресс, 2002. – 330с.
241. Леонтьев, В.В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории/ В.В. Леонтьев // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. – С. 70–83.
242. Леонтьев, В.В. Грубость грубости рознь: к 20-летию исследований речевой невежливости в лингвистике / В.В. Леонтьев // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. – С. 26–39.
243. Леонтьев, В.В. Речевое подтрунивание в русской и английской лингвокультурах / В.В. Леонтьев // Жанры речи. 2018. № 2 (18). – С. 119–126.
244. Леонтьева, К.И. Доминантный принцип перевода и механизмы его реализации в дискурсе / К.И. Леонтьева // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 37–46.
245. Леонтьева, К.И. Когнитивные доминанты и социокультурная перспектива в художественном переводе / К.И. Леонтьева // Вестник ТвГУ. Серия "Филология". 2019. № 4 (63). – С. 199–210.
246. Леонтьева, К.И. Перспектива в художественном переводе: когнитивно-эстетический аспект/ К.И. Леонтьева // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2020. № 2 (65). – С. 197–206.
247. Липатов, А.Т. От рабулистики к черному пиару, или рождается ли в споре истина / А.Т. Липатов // Вестник Марийского государственного университета. 2013. № 12. С. 72-74.
248. Лисанюк, Е.Н. Софистика – это не аргументация / Е.Н. Лисанюк // СХОАН. Философское атиковедение и классическая традиция. 2014. Vol. 8. 2. – С. 268–284.
249. Лисанюк, Е.Н. Аргументация, разногласие равных и рождение истины в споре / Е.Н. Лисанюк, М.Р. Мазурова // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 1. С. 81–100.
250. Лисенкова, Н.Н. Эксплетивные элементы в языковой системе (на материале современного английского языка) / Н.Н. Лисенкова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: лингвистика. №1 (177). 2010. – С. 40–42.
251. Литвиненко, А.Л. Описание структуры дискурса в рамках Теории Риторической Структуры: применение на русском материале [Электронный

- ресурс] / А.Л. Литвиненко. // Диалог 2001. Сб. науч. трудов. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/litvinenko/>
252. Лозинская, Е.В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор / Е.В. Лозинская. – М.: РАН, ИНИОН, 2007. – 160 с.
253. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: Издательство АСТ; Харьков: Фолио, 2000. – 846 с.
254. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Акад. проект, 2009. – 300 с.
255. Лотман, Ю.М. Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. – С. 159–165.
256. Лохэр, М.А., Ларина Т.В. Введение в исследование вежливости и невежливости в глобальном контексте / М.А. Лохэр, Т.В. Ларина // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 4. – С. 873–903.
257. Лукасевич, Я.О. принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование / Я.О. Лукасевич. – М.-СПб. ЦГИ, 2012. – 256 с.
258. Лутовинова, О.В. Фатическая тональность в виртуальном дискурсе / О.В. Лутовинова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2009. № 1 (9). – С. 150–155.
259. Лучинская, Е.Н. Постмодернистский дискурс: Семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: дисс. ... д-ра филол.наук. – Краснодар, 2002. – 329 с.
260. Любутин, К.Н. К 200-летию со дня рождения Людвиг Фейербаха (1804-1872). Фейербах: антропологическая диалектика [Электронный ресурс] // Дискурс Пи, 2004. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-200-letiyu-sodnya-rozhdeniya> (дата обращения: 1.07.2018).
261. Ляпон, М.В. Модальность / М.В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С. 303–304.
262. Майерс, И. Определение типов. У каждого свой дар / И. Майерс, П. Майерс. – М: Изд-во: «Бизнес Психологи», 2010. – 320 с.
263. Малкова, Т. Ю. Полигенетичность демонических образов романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита"/ Т. Ю. Малкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кострома, 2012. – 19 с.
264. Матвеева, Т.В. Тональность / Т.В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2011. – С. 549–551.

265. Маякова, Е.С., Раннева, Н.А. Роль речевых девиаций в создании комических образов персонажей сказки Л. Филатова "Про Федота-стрельца, удалого молодца" / Е.С. Маякова, Н.А. Раннева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 138–140.
266. Маяцкий, М.А. Ad hominem и обратно / М.А. Маяцкий. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 264 с.
267. Михалев, А.Б. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя: монография. – Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. – 518 с.
268. Мокиенко, В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В.М. Мокиенко // Мир русского слова. №3. 2010. – С. 6–20.
269. Молчанова, Г.Г. Когнитивная коммуникация и транзакционные подходы к устойчивым вербальным символам / Г.Г. Молчанова // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. трудов. М., 2018. С. 6-14.
270. Морозова, А.М. Предпосылки появления юмористической тональности в дискурсах разного типа / А.М. Морозова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 4 (79). 2013. – С. 38–40.
271. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
272. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: Изд-во Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
273. Мостовая, Л.А. Семантические особенности и иллокутивные функции конструкций с вопросительными словами "зачем" и "почему" / Л. А. Мостовая: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2010. – 20 с.
274. Мочалова, И.Н. Диалектика в античной философской традиции: от софистов до неоплатоников / И.Н. Мочалова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2008. № 3 (14). – С. 7–19.
275. Неретина, С.С. Концепты политической культуры / С.С. Неретина, А. Огурцов. – М.: ИФ РАН, 2011. – 276 с.
276. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С. 112-116.
277. Нефедова, Л.А. Девиации в языке и коммуникации / Л.А. Нефедова. – М.: Прометей, 2000. – 105 с.
278. Нефедова, Л.А. Явление девиации в лексике современного немецкого языка / Л.А. Нефедова. – М.: Прометей, 2002. – 260 с.

279. Николаева, Ю.В. Структура устного дискурса: взгляд со стороны мультимодальной лингвистики / Ю.В. Николаева, А.А. Кибрик, О.В. Федорова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог - 2015. Материалы межд. конференции. – М., 2015. – С. 487–489.
280. Ницше, Ф. Шопенгауэр как воспитатель / Ф.Ницше. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1993. – 347 с.
281. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф.Ницше. – М.: Академический Проект, 2007. – 328 с.
282. Новиков, Л.А. Структура эстетического знака и остраннение / Л.А. Новиков // Избранные труды. Эстетические аспекты языка Т.2. – М.: УРСС, 2001. С.56–77.
283. Новикова, М.Л. Креативный потенциал остраннения. Функционально-грамматический принцип изучения структуры остранненного знака / М.Л. Новикова // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2010, № 2 – С. 19–27.
284. Огнева, Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: Монография / Е.А. Огнева. – 2-е изд. дополн. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
285. Одинцова, И.В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике / И. В. Одинцова // Мир русского слова. 2012. № 1. – С. 73–80.
286. Островская, Т.А. Дискурс элиты: когнитивный, прагматический и семиотический аспекты: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Майкоп, 2016. – 49 с.
287. Ощепкова, Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения: На материале политических дебатов / Н.А. Ощепкова: дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – 199 с.
288. Павлова, Л.Г. Спор, дискуссия, полемика / Л.Г. Павлова. – М.: Просвещение, 1991. – 124 с.
289. Павлова, Ю.В. Проблемы поэтики сказок Л.С. Петрушевской / Ю.В. Павлова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 22 с
290. Панкратов, В.Н. Уловки в спорах и их нейтрализация. Методическое пособие / В.Н. Панкратов. – М.: Дельта, 1996. – 52 с.
291. Панкратова, А.А. Условия формирования логико-психологических компонентов дискуссии и критерии их диагностики / А.А. Панкратова: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – 214 с.
292. Панкратова, А.А. Эмоциональный интеллект: примеры программы формирования [Электронный ресурс] / А.А. Панкратова // Психологические

- исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 1(9). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.04.2020).
293. Панкратова, А.А. Особенности ведения спора в зависимости от мотивации участников [Электронный ресурс] / А.А. Панкратова // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). – С. 11. –URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.04.2020).
294. Пантелеева, И.А. Становление античной риторики: хронология риторических методов и стилей (Платон, Аристотель) / И.А. Пантелеева // Антропологічні виміри філософських досліджень, 2013, вип. 3. – С. 110–117.
295. Паремузашвили, Э.Э. Речевая агрессия в непрямой коммуникации: на материале русской классической и современной литературы / Э.Э. Паремузашвили: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 170 с.
296. Пири, М. Железные аргументы. Победа, даже если ты не прав / М. Пири. – Москва: Питер, 2013. – 191 с.
297. Пирс, Ч.С. Логические основания теории знаков / Ч.С. Пирс. – СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 2000.– 350 с.
298. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. – М.: Мысль, 1990.
299. Поварнин, С.И. Спор: О теории и практике спора (1918) / С.И. Поварнин. – СПб.: Лань, 1996. – 149 с.
300. Подобрий, А.В. Еврейский мир и маркеры еврейской культуры в «Конармии» И.Бабея/ А.В. Подобрий // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - С.-Петербург, 2008а. - № 11 (71). – С. 122-130.
301. Попова, Г.Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. – Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2019. – 368 с.
302. Попова, Г.Е., Кустова, Е.Ю. Объективное и субъективное в переводе: переводчик в поисках семиотической релевантности / Г.Е. Попова, Е.Ю. Кустова // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2019. – С. 109–116.
303. Правикова, Л.В. Релевантность как когнитивная и лингвистическая категория / Л.В. Правикова // Текст и дискурс: Традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань, 2002. – С. 40-49.
304. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. – СПб. : Алетейя, 1997. – 287 с.
305. Проценко, Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике / Е.А. Проценко // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”, 2004, № 1. – С. 123–127.

306. Радбиль, Т.Б. Природа комического sub specie языковой аномальности / Т.Б. Радбиль // Арутюнова Н.Д. (ред.), 2007. – С. 686–698.
307. Радбиль, Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта, 2012. – 322с.
308. Разинов, Ю.А. С улыбкой авгура или трансгрессия под маской / Ю.А. Разинов // *Mixtura verborum-2002: По следам человека*. Сб. ст. – Самара, 2002. – С. 3–23.
309. Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия / Ж. Рансьер. – СПб.: Machina, 2013. – 192 с.
310. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – СПб.: Азбука, 2001. – 960 с.
311. Рассоха, И.Н. Апология софистов. Релятивизм как онтологическая система [Электронный ресурс] / И.Н. Рассоха. – «Электронная Библиотека Хронос», 2007. – URL: <http://www.hrono.ru/libris/lib> (дата обращения 22.09.2018).
312. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье – Нижний Новгород: «Деком», 2001.-368 с.
313. Ратмайр, Р. Прагматика извинения / Р. Ратмайр. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
314. Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации / О.Г. Ревзина // *Критика и семиотика*. Вып. 8. Новосибирск, 2005. – С. 66-78.
315. Рекош, К.Х. Искусства эристики, диалектики и софистики как предпосылки развития правового дискурса / К.Х. Рекош // *Вестник МГИМО*. №3 (30). 2013. – С. 212–220.
316. Рикер, П. Время и рассказ / П. Рикер. – Т.1. Интрига и исторический рассказ. – Москва–Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – 313 с.
317. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер // *Horizon 2* (2). 2013: 2. Archive / Translated by F. Stanzevskiy, ed. by G. Vdovina. – P. 106–150.
318. Робертс, Р.Д. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике / Р.Д. Робертс, Дж. Мэттьюс, М. Зайднер, Д.В. Люсин // *Психология*. 2004. Том 1. № 4. – С. 3–26.
319. Роговская, Е.Е. Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент текста перевода / Е.Е. Роговская: дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 165 с.
320. Рождественский, Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997.– 597с.
321. Розин, В.М. Понятие и типы антропопрактик / В.М. Розин // *ЧЕЛОВЕК.RU*. 2017. №12. С. 13–33.

322. Романов, А.А., Романова, Л.А. Речежанровая специфика эмоциогенного фактора вербальной агрессии / А.А. Романов, Л.А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. №33. 2014. – С. 12-23.
323. Рузавин, Г.И. Логика и аргументация / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ, 1997 – 348 с.
324. Рузавин, Г.И. Абдукция как метод поиска и обоснования объяснительных гипотез/ Г.И. Рузавин // Теория и практика аргументации. Сб. науч. трудов / Ред. И.А. Герасимова. – М.: ИФ РАН, 2001. – С.28–49.
325. Рясков, А. Ницше и лабиринты Батая [электронный ресурс] / А. Рясков // Новый Мир, № 9, 2011. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2011/9/niczsche-i-labirinty-bataya.html (дата обращения 4.08.2020).
326. Сальмон, Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова / Л. Сальмон. – М.: ИМЛИ РАН им. А.М.Горького, 2008. – 256 с.
327. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Языки славянских культур, 2002. – 552с.
328. Светлов, Р.В., Шевцов, К.П. Скепсис и парадокс: Проблема предпосылок скептицизма у Платона и античная традиция парадоксов / Р.В. Светлов, К.П. Шевцов // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. Vol. 13. 2. 2019. – С. 683–894.
329. Седов, К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Юрислингвистика. №6. 2005. – С. 87–103.
330. Седов, К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета / К.Ф. Седов // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 250–277.
331. Седов, К.Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии / К.Ф. Седов // Вопросы психоллингвистики. №7, 2008. – С. 12–23.
332. Седов, К.Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2011. –332 с.
333. Сейранян, М.Ю. Конфликтная личность как участник конфликтного дискурса / М.Ю. Сейранян // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2014. № 2 (21). – С.125–129.
334. Сейранян, М.Ю. Конфликтный политический дискурс и его просодическая реализация (на материале политических дебатов в парламенте Великобритании) / М.Ю. Сейранян: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2016. – 468 с.

335. Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.18 – М.: Прогресс, 1986. – С.242–263.
336. Сёрль, Дж. Рациональность в действии / Дж. Серль. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.
337. Сидорова, Е.Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление / Е.Ю. Сидорова // Вестник Томского Государственного Университета. № 319. 2009. – С. 28–31.
338. Сквородников, А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А.П. Сквородников // Риторика↔Лингвистика: сб. ст. Вып. 5. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–11.
339. Сквородников, А.П. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / А.П. Сквородников. – Красноярск, 2014. – 852 с.
340. Сквородников, А.П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антиподе / А.П. Сквородников // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). – С. 12-21.
341. Слово и жест. Материалы конференции. / Отв. ред. С.О. Савчук. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. – 26 с.
342. Слотердаик, П. Критика цинического разума / П. Слотердаик. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001. – 584 с.
343. Смирнов, В.П. Одесский язык / В.П. Смирнов. – Одесса: Полиграф, 2008. – 95 с.
344. Смирнов, И.К. Формально-логическое и диалектическое противоречия / И.К. Смирнов // Проблемы современной экономики, № 4 (44), 2012. – С. 29–33.
345. Смирнов, П.Ю. Языковые средства выражения речевой агрессии в интернет-коммуникации / П.Ю. Смирнов // Научные Ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 14 (263). Вып. 34. – С. 34–42.
346. События в коммуникации и когниции. Материалы Международной научной конференции (Events in Communication and Cognition: Book of Abstracts). Москва, 19–20 мая 2016 г. – М.: МГЛУ, 2016. – 175 с.
347. Соловьева, А.К. О некоторых общих вопросах теории диалога / А.К. Соловьева // Вопросы языкознания. 1965. № 6. С. 103-110.
348. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – М.: Тривола, Либерея, 2002.

349. Соснин, А.В. Текстема как языковая единица и сверхтекстовый конструкт / А.В. Соснин // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. № 30. 2016. – С. 170–180.
350. Степанов, В.Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации / В.Н. Степанов. – СПб.: Роза мира, 2003. – 214 с.
351. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 27 с.
352. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58-65.
353. Стернин, И.А. Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003. – 183 с.
354. Стешов, А.В. Как победить в споре: о культуре полемики / А.В. Стешов. – Ленинград : Лениздат, 1991. – 187 с.
355. Суслов, И.В. Инакомыслие как социокультурный феномен / И. В. Суслов: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2011. – 20 с.
356. Сусов, А.А. Каузальные риторические отношения / А.А. Сусов // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 6. Тверь, 2006. – С. 55–81.
357. Тамразова, И.Г. Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса (на материале французского и русского языков) / И.Г. Тамразова: дисс. ... к. филол. наук. – Пятигорск, 2009. – 216 с.
358. Тамразова, И.Г. Когнитивное пространство эристики / И.Г. Тамразова // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85–87.
359. Тамразова, И.Г. Стереотипность делокутивов. Фразеорефлексы / И.Г. Тамразова // Общественные науки. 2017. № 1. С. 278–285.
360. Тамразова, И.Г. Полиmodalность французского эристического дискурса: опыт интеракционного исследования / И.Г. Тамразова // Политическая лингвистика. 2018. №4 (70). – С. 96–103.
361. Тамразова, И.Г. Культурологическая эристика и её отражение в художественном тексте / И.Г. Тамразова // Культура и текст, 2019. №1 (36). – С. 146–158.
362. Тамразова, И.Г. Речевая персонология: эристическая тональность и имидж политика / И.Г. Тамразова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / Отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020а. Т. 16. Вып. 2 (48). С. 48-54.
363. Тамразова, И.Г. Эристическая языковая личность: проблема имиджа / И.Г. Тамразова // Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu / Red. Aleksander Kiklewicz. – Wydawca: Centrum

- Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2020б. Р. 357-368.
364. Тамразова, И.Г. Эристема как внутренняя форма: мемы в интернете и далее – везде / И.Г. Тамразова // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Т. 2. М.: РУДН, 2020в. С. 290-298.
365. Тамразова, И.Г., Алферов, А.В., Барсуков, Г.Р. Эристическая тональность в переводе: семиотика вызова / И.Г. Тамразова, А.В. Алферов, Г.Р. Барсуков // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2019. – С. 132–137.
366. Тангир, К.М. Русские антиномичные афоризмы: рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности / К.М. Тангир: дис. д-ра филол. наук. – Краснодар, 2007. – 415 с.
367. Тарасова, А.Н. Этос как когнитивно-дискурсивная категория (на материале французского языка) / А.Н. Тарасова // Вестник МГЛУ. 2013. № 10. – С. 201–209.
368. Телия, В.Н. Русская фразеология / В.Н. Телия. – М.: Школа "Языки рус. культуры", 1996. – 284 с.
369. Тихомирова, Е.Е. Речевые практики как тип антропопрактик / Е.Е. Тихомирова // Идеи и идеалы. – 2014 – №"4, часть 2. – С. 14–21.
370. Томаселло, М. Истоки человеческого общения / М. Томаселло. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 328 с.
371. Томэ, Д. Был ли Хайдеггер антисемитом? О «Черных тетрадах» и нынешнем положении критики Хайдеггера / Д. Томэ // ЛОГОС. Философско-литературный журнал. Т. 28. №3. 2018. – С. 121–148.
372. Третьякова, В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения / В.С. Третьякова: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 36 с.
373. Тупикова, С.Е. Категории, концепты, тональность / С.Е. Тупикова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (83). – С. 264–269.
374. Тупикова, С.Е. Когнитивные модели некоторых видов тональности англо- и франкоязычного медиадискурса / С.Е. Тупикова // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. – С. 404–407.
375. Тюпа, В.И. Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки / В.И. Тюпа. // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии. – СПб.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2007. – С. 9–74.

376. Тюпа, В.И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике / В.И. Тюпа. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
377. Уилсон, Л. Загадка доктора Хауса – человека и сериала / Л. Уилсон. – СПб: Питер, 2010. – 283 с.
378. Уолтон, Д. Аргументы *ad hominem*: характер, рассуждение и практическое обоснование / Д. Уолтон // Социологический журнал. 2000. № 3/4. – С. 157–184.
379. Уолтон, Д. Аргументы *ad hominem* / Д. Уолтон. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – 350 с.
380. Урсул, А.Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы / А.Д. Урсул. – М.: Наука, 1981. – 367 с.
381. Флакер, А. Эстетический вызов и эстетическая провокация / А. Флакер // Живописная литература и литературная живопись. — М., 2008. — С. 88-99.
382. Фаритов, В.Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса / В. Т. Фаритов: дисс. ... д-ра филос. наук. – Ульяновск, 2015. – 318 с.
383. Федулов, С.С. Философия П. Слотердайка: неокинизм или постмодернизм? / С.С. Федулов // Общество: философия, история, культура. 2016 (12). – С. 18–21.
384. Фененко, Н.А. Комическое в тексте оригинала и перевода / Н.А. Фененко // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. 2005. № 2. – С. 97–104.
385. Фененко, Н.А. Две стратегии перевода реалий / Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. – С. 121–128.
386. Фененко, Н.А. Лингвистическая теория реалии / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. – С. 121–128.
387. Фененко, Н.А., Абабий, В.Н. *Merkozy, Sarkoland, Hollandie* и другие неологизмы французского политического медиапространства / Н.А. Фененко, В.Н. Абабий // Имя собственное в медиа пространстве. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 27-67.
388. Фефилов, А.И. Текстема [Электронный ресурс] / А.И. Фефилов // Мир лингвистики и коммуникации. 2011. № 2 (23). Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/023/2_23.pdf. (дата обращения 22.2019).
389. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – Москва: «Университетская книга», 1997. – 319 с.

390. Фрейдина, Е.Л. Тональность речевого общения и ее просодические маркеры / Е.Л. Фрейдина // Преподаватель XXI век. № 1-2. 2015. – С. 282–289.
391. Фролова, А.В. Специфика исследования феномена антиципации в речевой деятельности / А.В. Фролова // Вестник ТГГПУ. 2010. №2(20). – С. 325-331.
392. Фролова, В.В. Уловка как речевой приём достижения цели в бытовом и публичном общении / В. В. Фролова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 24 с.
393. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм – М.: Республика, 1994. – 447 с.
394. Фуко, М. О трансгрессии / М. Фуко // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 111-131.
395. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 382 с.
396. Хазагеров, Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
397. Хазагеров, Г.Г. Риторика vs. стилистика: семиотический и институциональный аспекты / Г.Г. Хазагеров // Социологический журнал. 2008. № 3. – С. 30-44.
398. Хазагеров, Г.Г. Контрпродуктивные компетенции / Г.Г. Хазагеров // Экономика образования. 2013. № 3. – С. 87–91.
399. Хазагеров, Г.Г. Две возможности дискурсивной стилистики / Г.Г. Хазагеров // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / Ред. Г.Я. Солганик, Н.И. Клушина, Н.В. Смирнова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 116–127.
400. Хазагеров, Г.Г. Риторика, Грамматика, Дискурс, Гомеостаз / Г.Г. Хазагеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. – С. 357–372.
401. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм // Ницше и пустота / М. Хайдеггер. – М., 2006. – 304 с.
402. Хайдеггер, М. Время и бытие: ст. и выступления: пер. с нем. / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007а. – 621 с.
403. Хайдеггер, М. Ницше / М. Хайдеггер. В 2 т. Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2007б.– 464 с.
404. Хейзинга, Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга. –М.: Прогресс Традиция, 1997. – 414 с.

405. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
406. Хоменко, И.В. Дискурс эристического спора / И.В. Хоменко // Рацио.ru. 2011. № 6. – С. 147–161.
407. Хоменко, И.В. Логика. Теория и практика аргументации: учебник и практикум для бакалавров / И.В. Хоменко. – М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2016. – 327 с.
408. Черенков, А.С. Интеракционально-прагматические характеристики категории речевого противодействия во французском дискурсе/ А.С. Черенков: автореф. дисс. ...к. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 24с.
409. Черкасова, М.Н. Амбивалентность как свойство речевой агрессии / М.Н. Черкасова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. №18 (113). 2011. – С. 232–241.
410. Чигирина, Т. Ю. Заголовки в советских и постсоветских газетах в аспекте интертекстуальности и лингвокультурологии / Т.Ю. Чигирина: авторефер. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 19 с.
411. Чудинов, А.П. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров /А.П. Чудинов, Е.А. Нахимова, М.В. Никифорова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. – С. 14-31.
412. Шаронов, И.А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония / И.А. Шаронов // Агрессия в языке и речи. Сборник научных статей / Под ред. И. А. Шаронова. М. РГГУ, 2004. – С. 38–53.
413. Шаховский, В.И. Мейотические формы отклонения от истины / В.И. Шаховский, С.С. Тахтарова // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией.– Москва: Изд-во «Индрик», 2008. – С. 334–343.
414. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал: дисс. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, гос. пед. ун-т. –Волгоград, 2000. – 431 с.
415. Шейгал, Е.И. Агональность в коммуникации: структура понятия / Е.И. Шейгал, В.В. Дешевова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. – С. 145–148.
416. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. – М.: КомКнига, 2006. – 360 с.
417. Шилихина, К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты / К.М. Шилихина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2014. – 50 с.

418. Шкловский, В. Тетива: О несходстве сходного / В. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1970. – 376 с.
419. Шкуратова, И.П. Когнитивный стиль и общение / И.П. Шкуратова. – Ростов н/Д.: Издательство Ростовского педагогического университета, 1994. – 156 с.
420. Шляхова, С.С. «Другой» язык. Опыт маргинальной лингвистики / С.С. Шляхова / Пермь: ПГТУ, 2005. – 348 с.
421. Шмелева, Е.Я., Шмелев, А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
422. Шопенгауэр, А. Эристика или искусство побеждать в спорах [Электронный ресурс] / А.Шопенгауэр. - Переводъ съ немецкаго Н. Л. д'Андре.-С.-Петербургъ, 1900. – URL: <http://www.home.arcor.de/rushbone/eristik.htm> (дата обращения 22.06.2018).
423. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
424. Шюц, А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129 - 137.
425. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
426. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах / У.Эко. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2002. – 285 с.
427. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко / Перев. с итал. А. Н. Коваля. Санкт-Петербург: «Symposium», 2006. 574 с.
428. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – СПб: Симпозиум, 2007. – 502 с.
429. Якобсон, Р.О. Доминанта // Язык и бессознательное / Р.О. Якобсон. – М.: Гнозис, 1996. – С. 119–125.
430. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм "за" и "против". - М.: Прогресс, 1975. – С. 193– 230.
431. Якушева, А.В. К семантике политического текста: антропонимы в функциональной среде сетевых средств массовой информации / А.В. Якушева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6-2. – С. 237-242.
432. Aberdein, A. Virtue in argument / A. Aberdein // Argumentation, 24(2). 2010. – P. 165–179.
433. Aberdein, A. In defence of virtue: The legitimacy of agent-based argument appraisal/ A. Aberdein // Informal Logic, 34(1). 2014. – P. 77–93.

434. Aberdein, A. The vices of argument // *Topoi*. 2016. Vol. 35, no. 2. P. 413–422.
435. Alba-Juez, L. Irony as inferred contradiction // *Вестник РУДН, серия Лингвистика. Russian Journal of Linguistics*. 2014, № 4. – С. 140–153.
436. Alduy, C. Ce qu'ils disent vraiment. Les politiques pris au mots / C. Alduy. – Paris: Editions du Seuil, 2017. – 392 p.
437. Amossy, R. L'éthos au carrefour des disciplines : rhétorique, pragmatique, sociologie des champs // *Images de soi dans le discours. La construction de l'éthos.* / R. Amossy (dir.). – Lausanne: Delachaux et Niestlé, 1999. – P. 129–156.
438. Amossy, R. L'argumentation dans le discours / R. Amossy. – Paris: Nathan Université, 2000. – 247 p.
439. Amossy, R. L'argument *ad hominem* dans l'échange polémique / R. Amossy // *La parole polémique* / G. Declercq, M. Murat, J. Dangel. – Paris: Honoré Champion, 2003. – P. 409–423.
440. Amossy, R. L'argumentation dans le discours / R. Amossy. – P.: Armand Colin, 2010a. – 256 p.
441. Amossy, R. La présentation de soi. Ethos et identité verbale / R. Amossy. – Paris : PUF, 2010b. – 235 p,
442. Amossy, R. Apologie de la polémique / R. Amossy. – Paris: Presses Universitaires de France, 2013. – 240 p.
443. André-Larochebouvy, D. La conversation quotidienne / D. André-Larochebouvy. – Paris: Didier-Crédif, 1984. – 196 p.
444. Angenot, M. Dialogues de sourds. Traité de rhétorique antilogique / M. Angenot. – Paris : Mille et Une Nuits, 2008. – 462 p.
445. Anquetil, S. Quand questionner, c'est réfuter / S. Anquetil // *La linguistique de la contradiction* / J. François, P. Larrivée, D. Legallois, F. Neveu (Ed.). – Bruxelles: Peter Lang, 2013. – P. 215–231.
446. Anscombe, J.C. Voulez-vous derivez avec moi? / J.C. Anscombe // *Communications*, 32. 1980.– P.61-124.
447. Anscombe, J.C. De l'énonciation au lexique: mention, citativité, délocutivité / J.C. Anscombe // *Langages*, 1985, № 80. – P.9–35.
448. Anscombe, J.C. L'argumentation dans la langue / Anscombe J.C., Ducrot O. – Bruxelles: P. Mardaga Éditeur, 1983. –184 p.
449. Aristotle. *On Rhetoric: A Theory of Civic Discourse*/ trans. George Alexander Kennedy. – New York: Oxford University Press, 1991. – 210 p.
450. Armijo, J.C. A comparative and Cross-cultural Study of Irony, Sarcasm, and Stereotypes in North American, English, and Chilean stand-up comedies / J.C. Armijo, L. L. Castañeda, A. M. Rubio et al. Seminario de Grado de Licenciado en

- Lengua y Literatura Inglesas. – Santiago de Chile: Universidad de Chile, 2011. – 173 p. – URL: <http://repositorio.uchile.cl/bitstream/handle/2250/110903>
451. Arnett, P. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment, and Ongoing Difference / P. Arnett, C. Grayson, C. McDowell // *AQ Quarterly Review Of Communication Research*. 2008. Vol. 27, № 3. – P. 3–25.
452. Attardo, S. Irony as relevant inappropriateness / S. Attardo // *Journal of Pragmatics* 32. 2000. – P. 793–826.
453. Austin, J.L. *Quand dire, c'est faire* / J.L. Austin. – Paris: Seuil, 1970. – 187 p.
454. Azar, M. Argumentative Text as Rhetorical Structure: An Application of Rhetorical Structure Theory / M. Azar // *Argumentation* 13 (1), 1999. – P. 97–114.
455. Barlow, M. Usage-based models of language /M. Barlow, S. Kemmer (Eds.). –Stanford: CSLI. 2000. – 432 p.
456. Barthes, R. *Mythologies* / R. Barthes. – Paris: Seuil, 1970. – 288 p.
457. Barthes, R. *Le Bruissement de la langue Essais critiques IV* / R. Barthes. – P. : Seuil, 2015. – 448 p.
458. Benjamin, J. Eristic, dialectic, and rhetoric / J. Benjamin // *Communication Quarterly*. Vol. 31, 1983. – P. 21–26.
459. Benveniste, E. *L'appareil formel de l'énonciation* / E. Benveniste // *Langages*, № 217, 1970. – P.12–18.
460. Blackmore, S. The power of memes // *Scientific American*, 283, 2000. –P. 52–61.
461. Borel, M.-J. *Essai de logique naturelle* / M.-J. Borel, J.-B. Grize, D. Miéville. – Bern, Berlin, Frankfurt/M., New York, Paris, Wien, 1992. – x, 241 p.
462. Bourdieu, P. Doxa and common life / P. Bourdieu, T. Eagleton // *New Left Review*, № 191, 1992. – P. 111–121.
463. Boyarin, D. The Scandal of Sophism: On the Epistemological Seriousness of Relativism / D. Boyarin // *Common Knowledge*. Volume 13, Issue 2-3. Spring-Fall: Duke University Press, 2007. – P. 315–336.
464. Brackett, M.A. Emotional intelligence and its relation to everyday behavior / Brackett M.A., Mayer J.D., Warner R.M. // *Personality and Individual Differences*, 36, 2004. P. 1387–1402.
465. Braet, A.C. Ethos, pathos and logos in Aristotle's Rhetoric: A re-examination / A.C. Braet // *Argumentation*. Vol. 6, № 3. 1992. – P. 307–320.
466. Breton, Ph. Le « plaider en dehors de la cause » d'Aristote: un critère technique pour séparer argumentation et manipulation ? / Ph. Breton // *Argumentation et discours politique* / S. Bonnafous, P. Chiron, D. Ducard, C. Levy (dir.) Rennes: Presses Universitaires de Rennes 2003. – P. 153–163.

467. Brinton, A. The ad hominem / A. Brinton // H.V. Hansen & R.C. Pinto (Eds.), *Fallacies: Classical and Contemporary Readings* (pp. 213-222, Ch. 14). University Park, PA: Pennsylvania State University Press 1995
468. Brodie, R. *Virus of the Mind. The New Science of the Meme* / Brodie R. – UK: HayHouse, 2009. – 249 p.
469. Brown, P., Levinson S. *Universals in language usage: politeness phenomena* / P. Brown, S. Levinson // Goody E.N. (ed.) *Questions and Politeness. Strategies in Social Interaction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P.56–310.
470. Bybee, J.L. *Usage-Based Theory* / J.L. Bybee, C. Beckner // *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis* / B. Heine , H. Narrog (eds). Oxford: Oxford University Press Inc., 2010. – P. 827–855.
471. Carston, R. *Metaphor: Ad Hoc Concepts, Literal Meaning and Mental Images* / R. Carston // *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series, Vol. 110*. 2010. – P. 295–321.
472. Castro, F. *Do Intelligent Leaders Make a Difference? The Effect of a Leader's Emotional Intelligence on Followers' Creativity* / F. Castro, J. Gomes, F. Sousa // *Creativity and Innovation Management, Vol. 21, Issue 2*. 2012. – P. 171–182.
473. Charaudeau, P., Maingueneau D. *Dictionnaire d'Analyse du Discours* / P. Charaudeau, D. Maingueneau. – Paris: Seuil, 2002. – 661 p.
474. Charaudeau, P. *Le discours politique. Les masques du pouvoir* / P. Charaudeau. – Paris : Vuibert, 2005. – 256 p.
475. Charaudeau, P. *Les médias et l'information : l'impossible transparence du discours* / P. Charaudeau. – Bruxelles, De Boeck Supérieur, 2005. – 255 p.
476. Charaudeau, P. *Le débat présidentiel. un combat de mots. une victoire aux points* / P. Charaudeau // *Langage et société*. 2015. N 1(151). – P. 109–129.
477. Charaudeau P. *Humour et engagement politique/* P. Charaudeau. – P.: Lambert, 2015. – 221 p.
478. Charaudeau, P. *Le Débat public. Entre controverse et polémique. Enjeu de vérité, enjeu de pouvoir* / P. Charaudeau. – Limoges: Lambert-Lucas, 2017. – 242 p.
479. Charaudeau, P. *Charisme quand tu nous tiens. Les paradoxes du charisme en politique* / P. Charaudeau // *Notes de Campagne (un regard sémiologique)*. 2012. – URL: [http:// www.patrick -charaudeau.com/Charisme-quand-tu-nous-tiens-Les.html/](http://www.patrick-charaudeau.com/Charisme-quand-tu-nous-tiens-Les.html/)
480. Chetviorkin, I. *Evaluating sentiment analysis systems in Russian* / I. Chetviorkin, N. Loukachevitch // *Proceedings of BSNLP workshop, ACL, Prague*. 2013. – P. 12–17.

481. Chomsky, N. *New horizons in the study of language and mind* / N. Chomsky. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 230 p.
482. Chomsky, N. *Language and Mind* / N. Chomsky. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2006. – 190 p.
483. Cohen, D. *Arguments that backfire* / D. Cohen // *The uses of argument* / ed. by D. Hitchcock, D. Farr. Hamilton, 2005. – P. 58–65.
484. Conti, de M. *Fallacy Selection Criteria for Effective Debate Training* / M. de Conti // Sellami, A.L. (Ed.), *Argumentation, Rhetoric, Debate and Pedagogy: Proceedings of the 2013 4th International Conference on Argumentation, Rhetoric, Debate, and Pedagogy*. – Doha, January 11–13, 2013. – P. 199–214.
485. Cosnier, J., Kerbrat-Orecchioni C. *Décrire la conversation* / J. Cosnier., C. Kerbrat-Orecchioni // Lyon: PUL, 1987. – 392 p.
486. Cosnier, J., Vaysse J. *Sémiotique des gestes communicatifs* / J. Cosnier, J. Vaysse // *Nouveaux actes sémiotiques*, 52, 1997. – P. 7–28.
487. Culpeper, J. *Towards an anatomy of impoliteness* / J. Culpeper // *Journal of Pragmatics*, 25, 1996. – P. 349–367.
488. Culpeper, J. *The Metalanguage of IMPOLITENESS: Using Sketch Engine to Explore the Oxford English Corpus* Jonathan Culpeper / J. Culpeper // *Contemporary Corpus Linguistics* / Paul Baker (ed.). – London-New York: Continuum, 2009. – P. 64–86.
489. Culpeper, J. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence* / J. Culpeper. – Cambridge: CUP, 2011. – 292 p.
490. Culpeper, J. *Palgrave Handbook of (Im)politeness* / J. Culpeper, M. Haugh, D. Kadar (eds.). – London: Basingstoke: Palgrave, 2017a. – 824 p.
491. Culpeper, J. *Impoliteness* / J. Culpeper, C. Hardaker // *Handbook of (Im)politeness* / J. Culpeper, M. Haugh, D. Kadar (eds.). – London: Basingstoke: Palgrave, 2017b. – P. 199–225.
492. Culpeper, J. *Taboo language and impoliteness* / J. Culpeper // *Oxford Handbook of Taboo Words and Language* / Keith Allan (ed.). – New York: Oxford University Press, 2019. – P. 28–40.
493. Curcó, C. 2000. *Irony: Negation, echo and metarepresentation* / C. Curcó // *Lingua* 110: 257–80. (Reprinted in Gibbs and Colston (eds.) 2007, – P. 269–93.
494. Declercq, G. *Avatars de l'argument ad hominem: éristique, sophistique, dialectique* // *La parole polémique* / G. Declercq, M. Murat, J. Dangel (dir.). – Paris: Champion, 2003. – P. 327–376.
495. Diessel, H. *The Grammar Network: How Linguistic Structure Is Shaped by Language Use* / H. Diessel. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 308 p.

496. Dijk, van T. A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach* / T.A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – xiii, 267 p.
497. Dijk, van T. A. *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk* / T.A. van Dijk. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 287 p.
498. Dijk, T.A. van. *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach* / T.A. van Dijk. – Cambridge University Press, 2014. – 409 p.
499. Dominicy, M. *Prolégomènes à une théorie générale de l'évocation* / M. Dominicy // *Sémantique textuelle et évocation*. – Louvain, Peeters, Louvain, 1990. – P. 9–37.
500. Dominicy, M. *L'évocation discursive: Fondements et procédés d'une stratégie 'opportuniste'* / M. Dominicy // *Semen* 24, 2007. – P. 145–165.
501. Dominicy, M. *Roman Jakobson entre les deux paradigmes* / M. Dominicy // *Poétique de l'évocation*. – P.: Classiques Garnier, 2011a. – P. 33–78.
502. Dominicy, M. *Poétique de l'évocation* / M. Dominicy. – P.: Classiques Garnier, 2011b. – 404 p.
503. Ducrot, O. *Les lois de discours* / O. Ducrot // *Langue française*. N° 42, 1979. – P. 21–33.
504. Ducrot, O. *Opérateurs argumentatifs et visée argumentative* / O. Ducrot // *Cahiers de linguistique française*. № 5. – Genève: Université de Genève, 1983. – P.7–36.
505. Ducrot, O. *Le dire et le dit* / O. Ducrot // – P.: Minit, 1984. – 239 p.
506. Ducrot, O. *Argumentation rhétorique et argumentation linguistique* / O. Ducrot // *Rhetoric and argumentation in the beginning of the XXI-st century: proceedings of the XXI-st century*. – Coimbra: Imprensa da Universidade de Coimbra, 2009. – P. 143–152.
507. Dufour, M. *Dialectic And Eristic* / M. Dufour // *International Research Conference ISSA Proceedings, 2014*. – URL: <http://rozenbergquarterly.com/issa-proceedings-2014-dialectic-and-eristic/>
508. Dynel, M. *Linguistic approaches to (non)humorous irony* / M. Dynel // *Humor*. 2014a. № 27(4). – P. 537 – 550.
509. Dynel, M. *Isn't it ironic? Defining the scope of humorous irony* / M. Dynel // *Humor*. 2014b. № 27(4). – P. 619 – 639.
510. Eco, U. *Ur-Fascism* / U. Eco // *The New York Review of Books*. 1995. – URL: <https://www.nybooks.com/articles/1995/06/22/ur-fascism/>
511. Eemeren, van F.H. *Relevance Reviewed: The case of argumentum ad hominem* / F.H. van Eemeren // *Argumentation*. 1992. № 6. – P. 141–159.

512. Eemeren, van F.H. A Systematic Theory of Argumentation. The pragma-dialectical approach / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst. – New York: Cambridge University Press, 2004. – 216 p.
513. Eemeren, van F. Fallacies and Judgments of Reasonableness Empirical Research Concerning the Pragma-Dialectical Discussion Rules / F. van Eemeren, B. Garssen, B. Meuffels. – London-New York: Springer, 2009. – 231 p.
514. Eemeren, Handbook of Argumentation Theory / F.H. van Eemeren, B. Garssen, E.C.W. Krabbe, A.F.S. Henkemans, B. Verheij, J.H.M. Wagemans. – New York, London: Springer Netherlands, 2014. – 988 p.
515. Eggs, E. Ethos aristotélien, conviction et pragmatique moderne / E. Eggs // R. Amossy (éd.), Images de soi dans le discours. La construction de l'ethos. – Paris: Delachaux & Niestlé, 1999. – P. 31–59.
516. Ennis, R.H. Critical thinking dispositions: Their nature and assessability / R.H. Ennis // *Informal Logic* 18(2 & 3), 1996. – P. 165–182.
517. Facione, P. The disposition toward critical thinking: Its character, measurement, and relationship to critical thinking skill / P. Facione // *Informal Logic* 20(10). 2000. – P. 61– 84.
518. Fairclough, N. Language and power / N. Fairclough. – N.-Y.: Longman, 1996. – 135 p.
519. Fairclough, N. Political discourse in the media: An analytic framework / N. Fairclough // *Approaches to Media Discourse* /A. Bell & P. Garret (Eds.). – Oxford: Blackwell, 1998. – P. 142–162.
520. Fauconnier, G.,Turner M. Conceptual blending, form and meaning / G. Fauconnier, M. Turner // *Recherches en communication*, n° 19, 2003. P. 57–86.
521. Flahault, F. La parole intermédiaire / F. Flahault. – Paris : Seuil, 1979. – 237 p.
522. Fodor, J.A. La modularité de l'esprit / J.A. Fodor. – P. : Minuit, 1986. – 234 p.
523. Fonagy, I. He is only Joking: Joke, Metaphor and Language Development / I. Fonagy // *Hungarian Linguistics* / ed. by F.Kiefer. – Amsterdam, 1982. – P. 31–108.
524. Forceville, C. The affordances and constraints of situation and genre: visual and multimodal rhetoric in unusual traffic signs / C. Forceville, E.K. Jens // *International Review of Pragmatics* 10(2). 2018. – P. 158–178.
525. Foster, B. Platonic Agonism: A Dialogical Addendum to Plato's Sophist / B. Foster // *Sophia and Philosophia: Vol. 1: Iss. 3, Article 4*. 2018. – URL: <https://repository.belmont.edu/sph/vol1/iss3/4/>

526. François, J. L'analyse de la contradiction / J. François, P. Larrivée, D. Legallois, F. Neveu // *La linguistique de la contradiction*. – Bruxelles: Peter Lang, 2013. – P. 9–16.
527. Gascón, J.Á. Brothers in Arms: Virtue and Pragma-Dialectics / J.Á. Gascón // *Argumentation* 31, 2017. – P. 705–724.
528. Gascón, J.Á. A virtue Theory of Argumentation/ J.Á. Gascón // A thesis of Doctor of Philosophy. – UNED, 2017. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper>
529. Gauthier, G. Le cadre éristique du débat argumentatif / G. Gauthier // *Communication*. Vol. 30/2, 2012. – URL: <http://journals.openedition.org/communication/3570>
530. Geeraerts, D. Introducing cognitive linguistics / D. Geeraerts and H. Cuyckens // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* // Eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens. – New York: Oxford University Press, 2007. – P. 3–21.
531. Gellner, E. Relativism and Universals / E. Gellner // *Rationality and Relativism* / M. Hollis, S. Lukes (eds.). – Oxford: Blackwell, 1982. – P. 181–200.
532. Goffman, E. *Façons de parler* / E. Goffman. – P.: Minuit, 1987. – 278 p.
533. Goffman, E. *La Mise en scène de la vie quotidienne. La Présentation de soi* / E. Goffman. – P.: Le sens commun, 1973. – 256 p.
534. Goossens, L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Gossens // *Metonymy in Comparison and Contrast*. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyer, 2002. – P. 349–377.
535. Gordon, D., Lakoff G. Postulats de conversation / D. Gordon, G. Lakoff // *Langages*. N 30. – P., Didier-Larousse, 1973. – P. 32–55.
536. Gouldner, A. *The Greek Contest System* / A. Gouldner // *Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory*. – New York: Basic Books, Inc., 1965. – P. 41–77.
537. Grady, J. Blending and metaphor / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // *Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, 1997*. – P. 101–124.
538. Grice, H.P. *Studies in the way of words* / H.P. Grice. – Harvard: Harvard University Press, 1989. – 400 p.
539. Grice, H.P. *Aspects of Reason* / H.P. Grice. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – XXVIII, 136 p.
540. Gumperz, J., Hymes D. *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / J. Gumperz, D. Hymes. – Wiley-Blackwell, 1991. – 608 p.
541. Gutt, E.-A. *Translation and Relevance* / E.-A. Gutt. – New York: Routledge, 2010. – 284 p.

542. Habermas, J. *Théorie de l'agir communicationnel: Theory of communication action* / J. Habermas. – Paris: Fayard, 1987. – 448 p. (1 tome), – 480 p. (2 tome).
543. Halliday, M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning* / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
544. Halliday, M.A.K. *An introduction to functional grammar* / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold. 1985. – 700 p.
545. Hamblin, Ch. L. *Fallacies* / Ch. L. Hamblin. – London: Methuen 1970. – 326 p.
546. Hamby, B. *Libri ad nauseam: The critical thinking textbook glut* / B. Hamby. – *Paideusis* 21(1). 2013. – P. 39–48.
547. Hamby, B. *The Virtues Of Critical Thinkers* [Электронный ресурс]/ Benjamin Hamby. A Thesis ... of Doctor of Philosophy. – McMaster University, 2014. – Режим доступа: <https://macsphere.mcmaster.ca/bitstream/11375/15847/>
548. Haselton, M.G. *The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases* / M.G. Haselton, D. Nettle // *Personality and Social Psychology Review*. 10(1). 2006. – P. 47–66.
549. Hatcher, D.L. *Assessing critical thinking skills: A fifteen-year perspective* / D.L. Hatcher // In: J. Sobocan and L. Groarke (Eds.) *Critical thinking, education, and assessment: Can higher order critical thinking be tested?* Althouse Press, University of Western Ontario, London, Ontario. 2009. – P. 229–246.
550. Healy, C.C. *Interpreting the Myers-Briggs Type Indicator to Help Clients in Understanding Their Strong Interest Inventory* / C.C. Healy // *Journal of Career Development*. 2000, Volume 26, Issue 4. – P. 295–308.
551. Hennel-Brzozowska, A. *La communication non-verbale et paraverbale – perspective d'un psychologue* / A. Hennel-Brzozowska // *Synergies Pologne n°5* – 2008. – P. 21–30.
552. Herman, T. *L'argument ad hominem en question: De Gaulle et la désignation de l'ennemi (1940-1942)* / T. Herman // *Polémique et rhétorique. De l'Antiquité à nos jours* / L. Albert, L. Nicolas. – Bruxelles: De Boeck-Duculot, 2010. – P. 363–377.
553. Heusden, van B. *Estrangement and the Representation of Life in Art* / B. van Heusden // *Ostrannenie: On "Strangeness" and the Moving Image. The History, Reception, and Relevance of a Concept* / A.M.A. van den Oever (Ed.). – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – P. 157–164.
554. Hollande, F. *Changer de destin* / F. Hollande. – P.: Robert Laffont, 2012. – 180 p.

555. Hymes, D.H. Models of the Interaction of Language and Social Life / D.H. Hymes // Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. – P. 35–71.
556. Jacoby, H. House and Philosophy: Everybody Lies / H. Jacoby, W. Irwin (Ed). – New Jersey: Hoboken John Wiley & Sons, Inc., 2009. – 272 p.
557. Jacques, F. Dialogiques: recherches logiques sur le dialogue / F. Jacques. – Paris: Presse Universitaire de France, 1979. – 422 p.
558. Keller, R. On Language Change: The invisible hand in language / R. Keller. – New York: Routledge, 1995. – 196 p.
559. Kerbrat-Orecchioni, C. Problèmes de l'ironie / C. Kerbrat-Orecchioni // Linguistique et sémiologie, 28, 1976. – P. 1–47.
560. Kerbrat-Orecchioni, C. L'ironie comme trope / C. Kerbrat-Orecchioni // Poétique, 41, 1980. – P. 108–127.
561. Kerbrat-Orecchioni, C. Les interactions verbales T1 / C. Kerbrat-Orecchioni. – P.: A. Collin, 1990. – 318 p.
562. Kerbrat-Orecchioni, C. Les interactions verbales T2 / C. Kerbrat-Orecchioni. – P.: A. Collin, 1992. – 368 p.
563. Kerbrat-Orecchioni, C. Les interactions verbales T3 / C. Kerbrat-Orecchioni. – P.: A. Collin, 1994. – 347 p.
564. Kerbrat-Orecchioni, C. Les actes de langage dans le discours / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris.: A. Collin, 2008. – 200 p.
565. Kerbrat-Orecchioni, C. L'impolitesse en interaction [En ligne] / C. Kerbrat-Orecchioni // Lexis , HS 2. 2010, mis en ligne le 06 septembre 2010, consulté le 31 octobre 2018. – URL : <http://journals.openedition.org/lexis/796>
566. Kerbrat-Orecchioni, C. Analyser du discours : le cas des débats politiques télévisés / C. Kerbrat-Orecchioni // SHS Web of Conferences. 2012. 1. – P. 25–42.
567. Kerbrat-Orecchioni, C. Politeness, impoliteness, non-politeness, “polirudeness: the case of political TV debates / C. Kerbrat-Orecchioni // Aspects of Linguistic Impoliteness / Ed. D. Jamet, M. Jobert. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 16–45.
568. Kerbrat-Orecchioni, C. (Im)politesse et gestion des faces dans deux types de situations communicatives: petits commerces et débats électoraux / C. Kerbrat-Orecchioni // SOPRAG. 2014. 2(2). – P. 293–326.
569. Kerbrat-Orecchioni, C. Les débats de l'entre-deux tours des élections présidentielles françaises. Constantes et évolutions d'un genre / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris: L'Harmattan, 2017. – 372 p.

570. Kibrik, A. A. Cognitive discourse analysis: local discourse structure // *Slavic linguistics in a cognitive framework* / A.A. Kibrik. – Frankfurt am Main : Lang, 2011. – P. 273–304.
571. Knauer, D. National Varieties between Humour in Australia, Humour in England and Humour in the United States of America / D. Knauer. – Beckum, 2001. – 29 p.
572. Krieg-Planque, A. Formules et lieux discursifs: propositions pour l'analyse du discours politique / A. Krieg-Planque // *Semen.Revue de sémio-linguistique des textes et discours*, Besançon, Presses Universitaires de Franche-Comté, avril 2006. № 21. – P. 19–47.
573. Krieg-Planque, A., Ollivier-Yaniv C. Les "petites phrases" en politique / A. Krieg-Planque, C. Ollivier-Yaniv // *Communication et Langages*. 2011. № 168. – P. 57–68.
574. Krieg-Planque, A. Les noms d'organisations politiques imaginaires: analyse d'un générateur automatique de noms de groupuscules / A. Krieg-Planque // *Mots. Les langages du politique*. 2019. № 120. – P. 15–37.
575. Kumon-Nakamura, S. How about another piece of pie: The allusional pretense theory of discourse irony / S. Kumon-Nakamura, S. Glucksberg, M. Brown // *Journal of Experimental Psychology: General*. № 124. 2007. – P. 3–21;
576. Laar, van J. A. Argumentative Bluff in Eristic Discussion: An Analysis and Evaluation / J.A. van Laar // *Argumentation*. 2010. №24. – P. 383–398.
577. Lachance, G. Was Plato an Eristic according to Isocrates? / G. Lachance // *Apeiron*. Online: 2019-02-08. – URL : <https://doi.org/10.1515/apeiron-2018-0090>
578. Ladmiraal, J.-R. Traduire : théorèmes pour la traduction / J.-R. Ladmiraal. – P.: Gallimard, 1994. – 280 p.
579. Lakoff, G. Language in context / G. Lakoff // *Language* 48, 4, 1972. – P.907–927.
580. Lakoff, R. The Limits of Politeness: Therapeutic and Courtroom Discourse / R. Lakoff. – *Multilingua* 8.2-3. 1989. – P.101–129.
581. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar, Vol. I. Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p.
582. Langacker, R.W. A usage-based model // *Cognitive Linguistics* / R.W. Langacker. – Amsterdam: Benjamins. 1988. – P. 127–161.
583. Langacker, R.W. Interactive cognition: toward a unified account of structure, processing and discourse / R.W. Langacker // *International Journal of Cognitive Linguistics*, 2013. Vol. 3. N 2. – P. 95–125.

584. Lee, M.K. Antecedents in early Greek philosophy / M.K. Lee // *The Cambridge Companion to Ancient Scepticism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 13–35.
585. Leech, G.N. *Principles of Pragmatics* / G.N. Leech. – London-New York: Longman, 1983. – 250 p.
586. Leech, G., Larina T. Politeness: West and East / G. Leech, T. Larina // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 4. – P. 9–34.
587. Luginbühl, M. Conversational violence in political TV debates: Forms and functions / M. Luginbühl // *Journal of Pragmatics*, 39(8), 2007. – P. 1371–1387.
588. Maingueneau, D. L'ethos, de la rhétorique à l'analyse du discours / D. Maingueneau // *Problèmes d'ethos. Pratiques*, n° 113-114, 2002. – P. 55–68.
589. Maingueneau, D. Auteur et image d'auteur en analyse du discours [En ligne] / D. Maingueneau // *Ethos discursif et image d'auteur / Argumentation et Analyse du Discours*. №3. 2009. – URL : <http://journals.openedition.org/aad/660>
590. Maingueneau, D. Retour critique sur l'ethos / D. Maingueneau // *Langage et société*. 2014/3, n° 149. – P. 31–48.
591. Mann, W.C. *Antithesis: A Study in Clause Combining and Discourse Structure* / W.C. Mann, S.A. Thompson // *Language Topics: Essays in Honour of Michael Halliday* / R. Steele, T. Threadgold (eds.). Vol. II. – Amsterdam: John Benjamins, 1987. – P. 359–381.
592. Mann, W.C. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization / W.C. Mann, S.A. Thompson // *Text. Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1988. T. 8. №. 3. – P. 243–281.
593. Mann, W.C. Functions of Language in Two Frameworks / W.C. Mann, C. M.I.M. Matthiessen // *Word*. 42(3): 24. 1990. – P. 1–21.
594. Matthews, G. *Emotional intelligence: Science and myth* / G. Matthews, M. Zeidner, R. Roberts. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – 687 p.
595. McDonald, S. Neuropsychological studies of sarcasm / S. McDonald // *Metaphor and Symbol* 15, 2000. – P. 85-98.
596. Mehrabian, A. Theoretical foundation for emotion-based strategies in political campaigns / A. Mehrabian // *The social psychology of nonverbal communication* A. Kostic & D. Chadee (Eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 198–219.
597. Mercier, H., Sperber D. *Intuitive and Reflective Inferences* / H. Mercier, D. Sperber // *Two minds: dual processes and beyond/ Jonathan Evans and Keith Frankish, eds., Oxford University Press, April 2009. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1862670*

598. Methias, N.W. Impoliteness or underpoliteness: An analysis of a Christmas dinner scene from Dickens's *Great Expectations* / N.W. Methias // *Journal of King Saud University: Languages and Translation*. Vol. 23, Issue 1, 2011. – P. 11–18.
599. Moeschler, J. *Argumentation et Conversation. Éléments pour une analyse pragmatique du discours* / J. Moeschler. – P.: Hatier, 1985. – 203p.
600. Moeschler, J. Modalisation du dialogue. Représentation de l'inférence argumentative / J. Moeschler. – P., Hermes, 1989. – 266 p.
601. Morris, Ch. *Signs, Language and Behavior* / Ch. Signs, Morris. – New-York: Braziller, 1946. – 365 p.
602. Mölders, M. Irritation expertise: Recipient design as instrument for strategic reasoning / M. Mölders // *European Journal of Futures Research* 2 (1), 32. 2013. – URL: <http://link.springer.com/content/pdf/>
603. Mölders, M. Irritation expertise. Recipient design as instrument for strategic reasoning / M. Mölders // *European Journal of Futures Research*. 2014. N2: 32. – URL : <https://doi.org/10.1007/s40309-013-0032-3>.
604. Mustajoki, A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication /A. Mustajoki // *Language and Dialogue*/ – № 2:2. – 2012. – P. 216–243.
605. Nehamas, A. Eristic, Antilogic, Sophistic, Dialectic: Plato's Demarcation of Philosophy from Sophistry / A. Nehamas // *Virtues of Authenticity*. – Princeton, N.J., 1999. – P. 108–122.
606. Norick, N.R. *Humour in interaction* / N.R. Norick, D. Chiaro (Ed). – Amsterdam // Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. – 238 p.
607. Ortega, y Gasset J. *La révolte des masses* / J. Ortega y Gasset // Traduit de l'espagnol par L. Parrot. – P. : Librairie Stock, 1937. – 207 p.
608. Ostrannenien: On "Strangeness" and the Moving Image. The History, Reception, and Relevance of a Concept / A.M.A. van den Oever (Ed.). – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – 279 p.
609. Palmer, J. *Taking Humour Seriously* / J. Palmer. – Canada: Routledge, 1994. – 203 p.
610. Pang, B., Lee L. Opinion mining and sentiment analysis / B. Pang, L. Lee // *Foundations and Trends in Information Retrieval*. Vol. 2, No 1-2. 2008. – P. 1–135.
611. Parvaresh, V. The 12-th International Conference on (Im)Politeness (Cambridge, Anglia Ruskin University 17–19 July, 2019): A Report / V. Parvaresh // *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 2019. – P. 1122–1127.
612. Peirce, Ch.S. *Ecrits sur le signe* / Ch.S. Peirce. – P.: Seuil, 1978. – 266 p.

613. Peirce, Ch.S. Collected papers. 1931–1958 1–8 vol. / Ch.S. Peirce. – Harvard: Harvard University Press, 2000. – 445 p.
614. Perelman, Ch. Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Bruxelles: Ed. De l'Université de Bruxelles, 1983. – 734 p.
615. Picoche, J. Néologismes. Vocabulaire médiatique / J. Picoche // La Banque des mots. № 92, 2016. – Paris: CILF. – P. 110–122.
616. Pillière, L. «Dr. House» and the Language of Offence / L. Pillière // Aspects of Linguistic Impoliteness. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 60–74.
617. Pirie, M. How to Win Every Argument: The Use and Abuse of Logic / M. Pirie. – London-New York: Continuum, 2006. – 197 p.
618. Quemada, B. A propos de la néologie / B. Quemada // La banque des mots. 1971. №2. – Paris: CILF. – P. 137–156.
619. Quemada, B. A propos de la néologie / B. Quemada // La banque des mots (№2), 1971. – Paris: CILF. – P. 137–156.
620. Recanati, F. Literal Meaning / F. Recanati. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
621. Recanati, F. Indexicality, context and pretence / F. Recanati // Burton-Roberts (ed.), 2007. – P. 213–229.
622. Recanati, F. Philosophie du langage (et de l'esprit) / F. Recanati. – P.: Gallimard, 2008. – 272 p.
623. Rinzler, S. Impoliteness, *agôn*, *dissensus* in “The Two Philosophers”: Irvine Welsh and a political philosophy of language / S. Rinzler // Aspects of Linguistic Impoliteness. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 172–187.
624. Robrieux, J-J. Eléments de rhétorique et d'argumentation / J-J. Robrieux. – Paris: Dunod, 1993. – 225 p.
625. Rosch, E. (Principles of Categorisation / E. Rosch // Cognition and Categorisation. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.
626. Schopenhauer, A. L'art d'avoir toujours raison ou Dialectique éristique (1864) / A. Schopenhauer. – Strasbourg: Circé. 1999. – 221 p.
627. Schopenhauer, A. The World as Will and Representation / A. Schopenhauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 696 p.
628. Schiffrin, D. Jewish argument as sociability / D. Schiffrin // Language in Society, 13(3). 1984. – P. 311–335.
629. Sloterdijk, P. Critique of Cynical Reason / P. Sloterdijk // trans. M. Eldred. – Minneapolis: U of Minnesota P, 1988. – 598 p.

630. Social and Cognitive Approaches to Interpersonal Communication/ Susan R. Fussell and Roger J. Kreuz (Eds.). Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. – ix, 298 p.
631. Sperber, D. Le symbolisme en général / D. Sperber. – Paris, Hermann, 1974.
632. Sperber, D. La pensée symbolique est-elle pré-rationnelle ? / D. Sperber // M. Izard & P. Smith (éds). La fonction symbolique. – Paris: Gallimard, 1979. – P. 17–42.
633. Sperber, D. Rudiments of Cognitive Rhetoric / D. Sperber // Rhetoric Society Quarterly, 37:4, 2007. – P. 361–400.
634. Sperber, D. Epistemic Vigilance / D. Sperber, F. Clément, C. Heintz, O. Mascaro, H. Mercier, G. Origgi, D. Wilson // Mind & Language, Vol. 25, No. 4 September 2010. – P. 359–393.
635. Sperber, D. Reasoning as a social competence / D. Sperber, H. Mercier // Collective wisdom: Principles and mechanisms, 2012. – P. 368–392.
636. Sperber, D. Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian / D. Sperber // Episteme, 10, (1), 2013. – P. 61–71.
637. Sperber, D. La communication et le sens / Sperber D., Jacob O. // Y. Michaud (ed.). Qu'est-ce que l'humain? Université de tous les savoirs, volume 2., 2000. – P. 119–128.
638. Sperber, D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 265p. / 2nd Ed. – Oxford; Cambridge: MA, 1995. – 338 p.
639. Sperber, D., Wilson, D. Pragmatics, modularity and mind-reading / D. Sperber, D. Wilson // Mind & Language, 17, 2002. – P. 3–23.
640. Sternberg, R. The Triarchic Theory of Successful Intelligence / R. Sternberg // Contemporary Intellectual Assessment: Theory, Tests, and Issues / Ed. by D. Flanagan, P. Harrison. N.Y.: Guilford Press, 2005. – P. 103–118.
641. Stoneman, E. Everyone Is at Liberty to Be a Fool: Schopenhauer's Philosophical Critique of the Art of Persuasion / E. Stoneman // Epoché: A Journal for the History of Philosophy 24 (1), 2019. – P. 133–154.
642. Tamrazova, I.G. Eristic as a component of rhetoric / I.G. Tamrazova // Modern Science. 2016. № 9. – P. 57–59.
643. Tannen, D. The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue / D. Tannen. – Maryland. USA, 1998. – 348 p.
644. Taylor, Ch. Beyond sarcasm: The metalanguage and structures of mock politeness / Ch. Taylor // Journal of Pragmatics, 87(1), 2015. – P. 127–141.

645. Tendal, M. *A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics* / M. Tendal. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 282 p.
646. Thelwall, M. Sentiment strength detection in short informal text / M. Thelwall, K. Buckley, G. Paltoglou, D. Cai, A. Kappas // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. – P. 2544–2558.
647. Thielemann, N. *Understanding Conversational Joking. A cognitive-pragmatic study based on Russian interactions* / N. Thielemann. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020. – 298 p.
648. Tindale, Ch. W. *Fallacies and Argument Appraisal* / Ch. W. Tindale. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 236 p.
649. Tomasello, M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition* / M. Tomasello. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. – 388 p.
650. Tomasello, M. *Why We Cooperate* / M. Tomasello, C. Dweck, J. Silk, B. Skryms, E. Spelke. – Cambridge, MA: MIT Press, 2009. – 208 p.
651. Toulmin, S.E. *Return to Reason* / S.E. Toulmin. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2001. – 243 p.
652. Toulmin, S. *The Use of Argument (1st edn. 1958)* / S.E. Toulmin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 247 p.
653. Turbide, O. *La médiatisation conflictuelle des acteurs politiques. Présentation [En ligne]* / O. Turbide, G. Martel // *Information médias théories pratiques. Communication Vol. 36/2*. 2019. – URL: <http://journals.openedition.org/communication/10846>
654. Turner, M. *Reading minds: The study of English in the Age of Cognitive science* / M. Turner. – Princeton: Princeton univ. press, 1991. – 298 p.
655. Walton, D. *Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies* / D. Walton // *Argumentation Illuminated*. F. H. van Eemeren et al. (eds.). Amsterdam. SICSAT. 1992. – P. 133–147.
656. Walton, D. *Commitment, types of dialogue, and fallacies* / D. Walton // *Informal Logic*. 1993. Vol. XIV. № 2-3. – P. 93–104.
657. Walton, D. *A Pragmatic Theory of Fallacy* / D. Walton. – The University of Alabama Press, Tuscaloosa, 1995. – 324 p.
658. Walton, D. *Relevance in Argumentation* / D. Walton. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2004. – 328 p.
659. Walton, D. *A Classification System for Argumentation Schemes* / D. Walton, M. Fabrizio // *Argument & Computation*, 2016 – P.1–29.
660. Watts, R.J. *Politeness* / R. J. Watts. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 318 p.

661. Wilkinson, L. Socratic Charis: Philosophy without the Agon / L. Wilkinson. – Lanham: Lexington Books, 2013. – 190 p.
662. Wilson, D. Irony and metarepresentation / D. Wilson // Working Papers in Linguistics 21, 2009. – P. 183–226.
663. Wilson, D. Explaining irony // D. Wilson, D. Sperber Meaning and Relevance. – Cambridge: Cambridge UP, 2012. – P. 123–145.
664. Wilson, D. Irony comprehension: A developmental perspective / D. Wilson // Journal of Pragmatics. № 59. 2013. – P. 40–56.
665. Wright, S., Street J. Democracy, Deliberation and Design: The Case of Online Discussion Forums / S. Wright, J. Street // New Media Society. 2007 . Vol. 9. № 5. – P. 849—870.
666. Yankelovich, D. The magic of dialogue: Transforming conflict into cooperation / D. Yankelovich . New York: Simon and Schuster. 1999. – 240 p.
667. Yus, F. Humour and Relevance / F. Yus. – Amsterdam: John Benjamins, 2016. – 367 p
668. Zagzebski, L.T. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge / L.T. Zagzebski. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 384.
669. Zima, E. G. Cognitive Linguistics and interactional discourse: time to enter into dialogue/ E. Zima, G. Brône // Language and Cognition, 2015, 7. – P. 485–498.
670. Zlatev, J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality and language / J. Zlatev // The Social Origins of Language / D. Dor, C. Knight, & D. Lewis (Eds.). Lund: Lund University, 2014. – P. 249–266.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

671. Горский, Д.П. Краткий словарь по логике / Д.П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров; Под ред. Д. П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 207 с.
672. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
673. МАС– Словарь русского языка (Малый академический словарь). В 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkogo-jazyka-v-4-tomah-malyj-akademicheskij-slovar/>
674. НФРС: Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: «Русский язык», 1993. – 1194 с.
675. Русский язык. Энциклопедия. Москва: БРЭ, 1997.

676. Сквородников, А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А.П. Сквородников. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 480 с.
677. Сквородников, А.П. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / А.П. Сквородников. – Красноярск, 2014. – 852 с.
678. Современная западная философия: Словарь. – М.: ТОН–Остожье, 1998. – 544 с.
679. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
680. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь / Г.Г. Хазагеров. – М.: Флинта, 2009. – 432 с.
681. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 480с.
682. Cassell's French-English / English – French Dictionary. London- NY : Cassell LTD, 1977. – 655 p.
683. Cellard, J., Rey, A. Dictionnaire du français non conventionnel / J. Cellard., A. Rey. – P. : Masson Hachette, 1991. – 1015 p.
684. Dictionnaire des citations de langue française.- P.:Editions de la Seine, 1990. – 459 p.
685. Dictionnaire du français contemporain. Réd. J. Dubois. - P.: Librairie Larousse, 1987. – 1664 p.
686. The Concise Oxford Dictionary. - Oxford Clarendon Press, 1984. – 1260 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, СЛОВАРИ СПРАВОЧНИКИ

687. Etymological Dictionary of the Proto-Indo-European Language Indo-European Language Association – <http://dnghu.org/>
688. Toupictionnaire: le dictionnaire de politique: Néologismes en politique. Available at:: http://www.toupie.org/Dictionnaire/a_neologismes.htm (accessed: 22.10.2020).
689. Words In a Sentence.com (онлайн-словари). – URL: [https:// words in asentence.com](https://wordsinasentence.com)
690. WordReference.com (онлайн-словари). – URL: [https://www.word reference.com/](https://www.wordreference.com/)

СПИСОК АНАЛИЗИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

691. Вишневский, В. Владимир Вишневский в супере и без: Вишневский сад: Первоисточники, Недлинка, Стихи для чтения в

- оригинале, В наше нелегкое время когда / В. Вишневский. – М. : Подкова, 2001. – 302 с.
692. Высоцкий, В. Стихотворения / В. Высоцкий. – СПб: Амфора, 2012. – 128 с.
693. Дар, Ф. Сан-Антонио. Смертельная игра; Сан-Антонио в гостях у маков / Ф. Дар // Пер. с фр. В. Бережного. М.: Сантакс-пресс, 1995. – 334 с.
694. Дар, Ф. Клянусь / Ф. Дар // Пер. с фр. Г. Барсукова. М.: Цитадель-Трейд, 2004. – 235 с.
695. Дар, Ф. Сан-Антонио Берю и некие дамы» / Ф. Дар // Пер. с фр. Г. Барсукова. М.: Цитадель-Трейд, 2004. – 245 с.
696. Ильф, И. Двенадцать стульев: роман / И. Ильф, Е. Петров. – М.: ОНИКС 21 век, 2001. – 350 с.
697. Кено, Р. Зази в метро / Р. Кено // Пер. с фр. Л. Цывьяна. – СПб., 2002. – 160 с.
698. Кэрролл, Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл. – М.: Наука, 1990. – 359с.
699. Остер, Г.Б. Вредные советы / Г.Б. Остер. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 64 с.
700. «Сан-Антонио в России». Персональный сайт Г.Р. Барсукова. – URL: <http://san-a.ru/> (дата обращения 1.12.2020)
701. Хармс, Д. Новая Анатомия / Д. Хармс // Собрание сочинений в 3-х т. Т.2. – СПб: Азбука, 2000.
702. Хлебников, В.В. Короткие стихи. Жарбог / В.В. Хлебников // [Электронный ресурс]. – URL: <http://stih.su/zharbog-zharbog/>(Дата обращения 18.10. 2018).
703. Черномырдинки – Черномырдинки. Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
704. Черномырдин – Виктор Черномырдин дал разъяснение по поводу своего последнего афоризма. – URL: <https://www.newsru.com/russia/08jun2002/aforizm.html>
705. Шинкарев, В. Митьки, описанные Владимиром Шинкаревым и нарисованные Александром Флоренским / В. Шинкарев. – Л.: СП «Смарт», 1990. – 31с.
706. Babel, I. Contes d'Odessa. Одесские рассказы / I. Babel // Traduction par A. Bloch, S. Sentz-Michel. – P. : Gallimard, 2013. – 140 p.
707. Comment Macron critique les Français quand il est à l'étranger. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=3_6hDHIYSNg&
708. Corpus Presse Nationale Française (CPNF).

709. Dard, F. Bêru et ses dames / F. Dard. – P. : Fleuve noir, 1976. – 245 p.
710. Dard, F. Berù e quelle signore / F. Dard // Trad. B. J. Lazzari. – Rosa & Nero, 1985. – 336 p.
711. Dard, F. Meurs pas, on a du monde / F. Dard. – Paris: Éditions Fleuve Noir, 1985. – 220 p.
712. De Flanby à Pingouin ... tous les surnoms de F. Hollande. – URL : <http://yvonne92110.centerblog.net/12275/hollande> (дата обращения 09.09.18).
713. Duras, M. Hiroshima mon amour / M. Duras. – New-York: Grove Press, 1961. – 112 p.
714. House Transcripts. – URL: <https://clinic-duty.livejournal.com/12225.html>
715. House MD – LiveJournal: House Transcripts. – URL: <https://clinic-duty.livejournal.com/17180.html>
716. Ilf, I. Les Douze Chaises. Roman. / I. Ilf, E. Petrov. / Traduit du russe par Alain Préchac. – P. : Scarabée & Compagnie, 1984. – 547 p.
717. La transcription exhaustive du débat Nicolas Sarkozy vs Ségolène Royal. – URL: http://www.liberation.fr/france/2007/05/02/la-transcription-exhaustive-du-debat_9771
718. L'Express, 08/09/2017. – URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/emma-nuel-macron_1941719.html
719. Le Figaro, 28/05/2016. – URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2016/05/le-meilleur-moyen-de-se-payer-un-costard-c-est-de-travailler.php>
720. Le Monde, 29 août 2018 – URL: <http://magazineagain.com/le-monde-29-08-2018/>
721. Nègre, H. Dictionnaire des histoires drôles / H. Nègre. – T.I, II. P. : Fayard, 1973. – T.I – 517 p.; T.II. – 506 p.
722. Queneau, R. Zazie dans le métro / R. Queneau. – P.: Gallimard, 1967. – 181 p.
723. Sherlock Holmes never said “Elementary, my dear Watson” – URL: <https://www.todayifoundout.com/index.php/2013/08/sherlock-holmes-never-said-elementary-dear-watson/>
724. The NOW Corpus (News on the Web). Available at: <https://www.english-corpora.org/now/> (accessed: 22.10.2020).
725. Wattier, P., Picard O. Parlez-vous le politique: Le politique en version sous-titrée / P. Wattier, O. Picard. – P.: Editions Chiflet & Cie, 2011. – 239 p.
- ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ**
726. Debats.Netoo.Net – URL: <http://debats.netoo.net/debat/85/-humoristes-influent-jeu-politique>.

727. FH-NS-2012 – Débat Hollande-Sarkozy (2 mai 2012). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fhv1VVCRrJY>
728. FM-JCh -1988 – Débat présidentiel François Mitterrand / Jacques Chirac / Archive INA/ – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OPpBavtgCas>
729. JCh-LJ-1995 – Debat presidentiel Lionel Jospin / Jacques Chirac | Archive INA – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DkOhoVJTY0Q>
730. MLP-EM-2017 –Débat de l'entre-deux-tours Marine Le Pen / Emmanuel Macron/ – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iOAbBdlWgz0>
731. Pressclub.fr. – URL: <http://www.pressclub.fr>.
732. Pressclub.fr. – URL: <http://www.pressclub.fr/premiere-selection-2018/>
733. SR-NS-2007 – Debat Sarkozy / Royal 2 mai 2007 part 2_/16 – URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL1EFFF3A6DC0EC66E>
734. VGE-FM-1974 – Debat presidentiel Valery Giscard D'Estaing / Francois Mitterrand/ Archive INA– <https://www.youtube.com/watch?v=OiiL-3ceMek>
735. VGE-FM-1981 – Debat presidentiel Valery Giscard D'Estaing / Francois Mitterrand/ Archive INA– URL: <https://www.youtube.com/watch?v=35q6X7War0k>